

В. САБЛИН, З. ФАЗИН

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ КОМИССАР

ДЕЛАТЬ
ЖИЗНЬ
С КОГО

В САБЛИН, З. ФАЗИН

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ КОМИССАР

ПОВЕСТЬ

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Новосибирск 1973

Повесть В. Саблина и З. Фазина «Чрезвычайный комиссар» рассказывает о героических событиях гражданской войны на Северном Кавказе в 1918—1919 годах.

В центре повести — образ чрезвычайного комиссара Юга России Серго Орджоникидзе, вместе с другими большевиками возглавлявшего борьбу народов Терека против белогвардейщины и иностранной интервенции.

С Издательство
«Детская литература», Москва, 1968

„Делать жизнь с ного“

В. В. Саблин и З. И. Фазин

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ КОМИССАР

Для детей среднего и старшего школьного возраста

Редактор Л. В. Белявская. Художник Ю. В. Иванова. Художественный редактор А. Н. Тобух. Технический редактор Е. М. Гостищева. Корректоры О. М. Кухно, И. Н. Морякова, А. П. Шалаурова. Сдано в набор 19 марта 1973 г. Подписано к печати 4 июня 1973 г. Бумага тип. № 2. Формат 84×108/32. 16,8 печ. л., 17,7 изд. л. Тираж 100 000. Заказ № 32. Цена 66 коп. Западно-Сибирское книжное издательство, Новосибирск, Красный проспект, 32. Полиграфкомбинат, Новосибирск, Красный проспект, 22.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

По лесистому ущелью катил бронепоезд. Неуклюжий и серый, он походил на утюг. Рядом с полотном железной дороги, как бы наперегонки с бронепоездом, мчались пенистые потоки неширокой горной реки.

Это был Терек.

Таял утренний туман, и на светлеющем горизонте за ущельем все яснее выступала бесконечная гряда вершин, низких, как голуби. Дальние горы, подернутые дымкой, сливались с небом, и вставшая над ними снеговая шапка Казбека казалась облаком, а облака, плывшие ниже остроконечной вершины, можно было приять за горы.

Ущелье распахнулось, и открылась широкая долина. Слева мелькнула станица — совсем украинская деревушка с деревянной церковкой, чистенькими мазанками и вишневыми садами. И через десять минут — снова селение, но уже другое: голые каменные сакли с плоскими крышами, стадо овец бродит по склонам холма, тащатся двухколесные арбы, запряженные буйволами. По узкой тропинке скачут куда-то горцы. На них серые черкески. Первые лучи солнца золотят стволы винтовок, висящих у горцев за плечами.

Вот один из всадников остановил коня и со вниманием разглядывает бегущий мимо бронепоезд. Заметив людей у пушек, он снимает лохматую баранью шапку и приветливо машет ею.

— Эге! — удивился кто-то на бронепоезде. — Это Бетал!

— Привет военному Терской республики! — крикнул всадник. — Здравствуйте, товарищ Бутырин!..

Бронепоезд замедлил ход. Всадники подъехали к нему, и тот, кто махал шапкой, с удивительной ловкостью прыгнул прямо с седла на оружейную площадку. Через мгновение он уже стоял перед Бутыриным, приветливым человеком лет тридцати, в очках, со светлой вьющейся бородкой, в военной одежде. Горец был моложе, выше ростом и шире в плечах.

— Куда едешь, Бетал?

— В Нальчик. Дело есть.

— Какие новости?

— Вы должны знать больше меня, товарищ военком, вы власть.

— Ты член Терского народного совета, Бетал. Это не меньшая власть.

— Вы революцию делаете. Сверху.

— А ты?

— Я? Снизу, — ответил, смеясь, Бетал.

— Эх, ты! — дружески хлопнул его по плечу военком. — Я вижу, ты совсем неплохо научился говорить по-русски. Ну, присядь рядом, поговорим. Кстати, у меня есть для тебя кое-какие поручения...

Это происходило в июньское утро 1918 года, на восьмой месяц Октябрьской революции и на четвертый месяц установления советской власти на Тереке. Вот почему с бронепоезда грозно смотрели жерла орудий, а у башни, сидя на снарядном ящике, Бутырин и Бетал вели разговор о войне, о вражеских происках контрреволюции и не замечали ни удивительной красоты горизонта, ни тающего утреннего тумана, ни игры первых золотистых лучей солнца в вековых струях Терека.

Бутырин стал военкомом республики недавно. И даже по его внешности можно было увидеть, что советская власть на Тереке еще очень молода. Армейская одежда военкома не успела обноситься. Английского покроя новый зеленый френч неуклюже висел на его худощавой сутулой фигуре, новенькие сапоги скрипели при каждом его шаге, от португези шел острый запах дубленой кожи. И лишь одна вещь сидела на нем домовито, выглядела давно обжитой и привычной — это были очки в простой железной оправе. Сразу бросалось в глаза, что они старые, служат уже не первый год, левое стеклышко чуть надтреснуто, и все знавшие Бутырина так привыкли к

этим очкам, что замени он их другими, его, может быть, просто не узнали бы.

— А народ волнуется,— рассказывал горец.— Порядка хотят и земли.

— Порядка и земли,— задумчиво повторил Бутырин.— Еще бы!.. Ругают нас?

— Правду сказать, ругают.

— Тяжелое у нас положение,— вздохнул Бутырин.— Есть такое изречение: страсти правительства свидетельствуют о его слабости, страсти народа — о его силе. К нам это в известном смысле тоже подходит. Народ требует земли и порядка, а мы... а мы ведем горячие споры в Народном совете, но сделать пока ничего не можем.

— Почему не можем? — воскликнул горец.— Декрет о земле приняли — надо его выполнять.

Бетал сунул руку за пазуху черкески, вытащил оттуда сложенную вчетверо вырезку из газеты и осторожно развернул ее:

— Тут что сказано?

И Бетал прочел:

— «Всякая собственность на землю, недра, леса и прочие природные дары Терской области отменяется согласно постановлению Терского народного съезда. Все земли безотлагательно переходят в пользование трудового земледельческого народа Терской области без различия пола и национальности. В первую очередь...»

— Зачем ты мне это читаешь? — с улыбкой перебил горца Бутырин.— Я голосовал за этот декрет на съезде.

— Знаю, но тут есть золотые слова,— упрямо твердил свое Бетал.— Сказано так: «В первую очередь удовлетворяются землей безземельные горцы и иногородние». Дальше мы читаем...

— Хватит, дорогой Бетал. Я наизусть знаю все, что там сказано дальше...

Бутырин взял у горца газетную вырезку и хотел сложить ее по старым сгибам, но тут случилось нечто неожиданное: от резкого порыва ветра бумажка выскользнула из рук военкома и закружилась в воздухе. Горец ахнул, вскочил, но уже было поздно — словно ласточка, взвилась она в восходящих потоках воздуха и скрылась за склоном ближней горы. Бетал сокрушался — такая хорошая, нужная бумажка пропала! Но ничего нельзя было сделать, и

он снова присел рядом с Бутыриным. Тот не стал смеяться. Активный участник революционного движения на Кавказе, Бутырин слишком хорошо знал, что значит земля для горца. Он пообещал Беталу подарить ему взамен пропавшей газетной вырезки свою газету с тем же текстом декрета.

— Кто ту бумажку найдет — будет счастлив, — сказал Бетал, уже успокоившись. — Она стоит больше, чем николаевский миллион!

Тут уж Бутырин не утерпел и от души расхохотался.

— Хороший ты человек, Бетал! Жаль, нет времени, а то бы поговорили как следует. Декрет-то хороший, да как его выполнить? Ведь мы тут сейчас как на вулкане!..

Улыбались, глядя на военкома и горца, сидящие поодаль артиллеристы. Весело переглядывались, подмигивали: дескать, гляди, как простой горец и военком республики разговаривают друг с другом — нешто это бывало прежде.

— Ну, теперь придвинься ближе, Бетал, и слушай, — сказал Бутырин, принимая озабоченный вид. — Я тебе кое-что должен сказать по секрету.

Свои поручения он передал Беталу шепотом, чтобы не услышали сидящие неподалеку бойцы. Потом оба встали.

— Все будет исполнено, — пообещал горец. — Можете быть уверены.

— Мы тебя хорошо знаем, Бетал...

Горец соскочил с бронепоезда, подбежал к своей лошади и одним махом очутился в седле. На бронепоезде все ахнули. Артиллеристы в восторге захлопали в ладоши: вот это паездник!

— Он ведь кабардинец, — сказал Бутырин, провожая всадника ласковым взглядом. — Сызмальства на лошади.

— Да и мы на лошади умеем с малолетства, а так не прыгнешь, как он. По воздуху летает.

— Ну, он человек особенный, — улыбался Бутырин. — О нем чуть ли не легенды ходят.

— А какие?

— Слыхали о Бетале Калмыкове? Это он и есть... Бронепоезд ускорил ход и зычно прогудел, влетая в новое ущелье, где дорога круто поворачивала влево.

А всадники все махали и махали шапками.

Все выше вставало солнце. Ревел и весь искрился в его лучах буйный Терек.

...По той же дороге часом позже проехал другой отряд горцев. Впереди него скакали два молодых осетина, одетых в серые черкески. У выхода из ущелья им повстречался богатый фаэтон; в пожилом седоке всадники узнали члена Терского народного совета Ахмета Цаликова. Важный, осанистый, с иронически-ехидным прищуром глаз, он не очень дружелюбно поздоровался с молодыми осетинами и спросил:

— Селям, господа! Куда путь держите?

— На север, как видите.

— Послушайте, Цаголов,— обратился Цаликов к одному из молодых всадников,— вы слывете умным, образованным человеком. Учились в университете. Ваш отец — уважаемый человек в Осетии, адвокат. Словом, ни по рождению, ни по воспитанию вы не принадлежите к тем босякам, которые сейчас все захватили в свои руки. Зачем вы путаетесь с ними?

Безусое, худощавое лицо Цагорова побагровело от гнева.

— Полегче, господин Цаликов! — произнес он, предупреждая поглядывая на своего товарища, горячего парня, который уже схватился было за кинжал. — Не обижайте людей моего отряда. Кроме меня, никто из них не учился в университетах, и они могут принять на свой счет ваши слова о босяках.

— Мы керменисты, а не босяки! — крикнул второй осетин. — Или Кермен тоже, по-вашему, был босяком?

— Не оскорбляйте и вы святого имени! — возмутился Цаликов и даже привстал в фаэтоне. — Кермен — легендарный герой, воплощение народных надежд, и вы не имели права присваивать своей босяцкой партии это имя! Нам, горским народам, не по пути с большевиками!

— А мы думаем наоборот, — возразил, уже взявший себя в руки Цаголов. — И знаете что, господин Цаликов? Это ущелье не совсем подходящее место для политических споров. И, кроме того, нам сейчас некогда. Но при первом же подходящем случае мы охотно продолжим начатый с вами спор. Прощайте!..

И, вежливо раскланившись, Цаголов тронул поводья. За ним двинулись вперед и остальные всадники. А Цаликов, зло выругавшись, грузно опустился на сиденье фаэто-

на и поехал своей дорогой. Раза два он еще привставал и оглядывался на удаляющиеся конские хвосты.

— Ох, босяки! Ох, босяки! — негодовал он. — Ну и времена настали! Сопляки — и уже лезут в политику! Ох, не узнать Осетии, не узнать моего народа!..

...А еще немного времени спустя по той же дороге проследовала на грузовых машинах рота пехотинцев, состоявшая из рабочих Владикавказа. И по одежде солдат видно было: этот — столяр, тот — железнодорожный смазчик, этот — маляр, тот — пекарь. Ехал отряд с песней, и гулко отдавались в ущелье слова, рвавшиеся из глоток:

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой...

Верхней дорогой по ущелью ехал на ослике старый ингуш Ибрагим. Он видел, как проезжал бронепоезд, как ехали керменисты, как они встретились с фаэтоном, как проследовала на грузовиках пехота. Видел Ибрагим, как вырвало из рук Бетала бумажку. Она упала недалеко, и старик подобрал ее. Прочесть не смог и спрятал — внук дома прочтет.

«Куда едут люди? — старался понять старый горец. — Что за времена настали?»

Он тоже держал путь на север. Направлялся Ибрагим к родичам в горный аул, чтобы одолжить какой-нибудь приличный бешмет. Свой у него обветшал и порвался, а ему нужно было на днях поехать во Владикавказ на базар.

— О алла! — вздыхал Ибрагим и подгонял ослика ударами мягких горских сапог. — Трудно стало жить! Не поймешь что к чему, зачем. В мое время все было просто: что мулла скажет, то и истина. А сейчас все перевернулось. Какая-то чепуха творится на свете!...

3

Терскому народному совету нужны были деньги для вооружения отрядов защиты республики, и Бетал вызвался поехать в Нальчик и произвести у местной буржуазии реквизицию ценностей. Но главный комиссар в терском правительстве Ной Буачидзе не спешил благословить Бетала на поездку в Нальчик. Он все надеялся, что на владикавказском вокзале вот-вот появится высланный

Кировым из Москвы эшелон с оружием и снаряжением.

Бетал присутствовал при проводах Кирова. Он тоже пришел на вокзал в тот теплый чудесный апрельский вечер. Кирову предстоял далекий и опасный путь через фронты Кубани и Дона, уже перегородившие дорогу к Москве.

На Тереке Киров работал много лет. Недоужинный ум и большое сердце сделали его имя популярным среди рабочих, горцев и казаков. Уважали его даже небольшие вики. На вокзал пришли и те, с кем он не раз яростно спорил. И всем было жаль, что он уезжает. Нехорошие предчувствия томили в тот вечер душу Бетала.

А Киров смеялся и говорил:

— Да что вы, други милые, будто на похороны пришли!

В станционном буфете пили вино из оловянных кружек и закусывали кукурузным чуреком. До самого отхода поезда Киров все шутил, смеялся. А когда ударил звонок и загудел паровоз, он крикнул из окна вагона:

— Ждите меня со щитом иль на щите, но обязательно вернусь!

После отъезда Кирова самым сильным работником во Владикавказе остался Буачидзе. Это был очень образованный и деликатный по натуре человек. Старый революционер, он еще до революции не раз встречался с Лениным в эмиграции. Выступать умел с блеском, его знали и любили на Тереке.

Шли дни. По мере того как в стране нарастала контрреволюция, поддержанная интервентами, все выше поднимала голову всякая нечисть и на Тереке, где только что возникшая советская республика еще не успела укрепиться. Учащались стычки между казаками и горцами, усиливались кровавые столкновения и между самими горцами. Горели станицы, аулы. Бесчинства, грабежи, убийства не прекращались и во Владикавказе.

Трижды являлся Бетал к Буачидзе:

— Зачем не пускаешь в Нальчик? Я гарантирую миллион. Хочешь — два миллиона. Клянусь именем члена Народного совета!

— Ладно, езжай, — сдался наконец Буачидзе.

Он прочел в этот день в газете, что эшелоны из Москвы на Терек никак уже не могут пройти — белые перерезали все дороги.

— Только, пожалуйста, без эксцессов,— предупредил Буачидзе.

— Без чего? — удивился Бетал.

В Нальчике в те дни хоронилось от революции в богатых особняках немало бывших властителей кабарды, князей-коннозаводчиков, сбежавших из центра России помещиков, фабрикантов и семейств родовитой знати. Бетала они боялись, как сатаны. И сам он и его отец Эдык Калмыков издавна славились в Кабарде как непокорные бунтовщики, отчаянные, на все готовые крамольники. Еще предки Бетала, крепостные рабы кабардинских князей, убили одного из них, не стерпев его издевательств. Ненависть к поработителям переходила в семье крестьян Калмыковых из поколения в поколение. И Бетал с малых лет тоже воспитан в себе. Как только свергли царя, он организовал отряд и пошел служить революции.

«Без эксцессов — так без эксцессов,— решил про себя Бетал.— Но не церемониться же с буржуями!»

Встреча с Бутыриным по пути в Нальчик, куда направлялся Бетал, заставила его поторопиться — такими важными показались ему поручения военкома. В Нальчике Бетал при помощи местных властей быстро обшарил богатые особняки, реквизировал и набил ценностями целый грузовик и под надежной охраной отправил все добытое во Владикавказ, а сам поехал с поручением Бутырина в станицу Марьинскую, где его отец много лет служил табунщиком у богатых казаков.

Перед тем как пуститься в Марьинскую, он побрился, почистил сапоги — пусть увидят там, кем стал сын бедного пастуха. У Бетала было теперь чем похвастать: прекрасный конь, красивая сбруя, добротная черкеска и бьющая без промаха винтовка.

В Марьинской и Беталу пришлось в детстве батрачить. Чтобы поддержать жизнь семьи, он брался за любую, самую грязную работу. Чистил у богачей свинарники, курятники. За грошовую оплату дни и ночи не разгибал спины. Горячий, порывистый, он обид не терпел и ненависти своей к поработителям не прятал. Не раз Бетала пытались проучить за крамольные речи, но отвага и огромная физическая сила молодого горца каждый раз выручали его из беды.

Однажды — это случилось за год до революции — царскому приставу Атаужкину было велено арестовать

непокорного горца за его очередную «хулиганскую» выходку. Зная исключительную смелость и силу Бетала, пристав взял с собой пятьдесят всадников. Дом Калмыкова в селении Куба, расположенном по соседству с Марьинской, был оцеплен, и начался обыск. Взрослых мужчин дома не оказалось, и пристав послал старшину Кубы князя Пшукова с полониной своего отряда в Марьинскую для поимки Бетала.

Подъехав к узкому пешеходному мосту через реку Малку, князь увидел беззаботно стоящего на другом берегу Бетала.

— Ни с места! — крикнул ему издали Пшуков. — Ты арестован и не смей трогаться, пока я не перейду мост!

— Зачем стоять? — отозвался Бетал. — Если хочешь меня скорее арестовать, я не должен стоять. Русские говорят — на ловца и зверь бежит.

— Ах, подлый карахалка!¹ — заорал князь. — Скажано тебе — стой!

Бетал не послушался князя, пустился ему навстречу. Тот шел по мосту в сопровождении слуги-охранника. На середине моста они встретились. И тут, на виду у всей толпы казаков, горцев и полицейских, Бетал схватил Пшукова поперек туловища и, как щенка, бросил в реку. За князем полетел вниз головой в реку и охранник. С револьвером в руке горец спокойно прошел мимо перепуганных полицейских, вскочил на коня и скрылся. Впрочем, нет, не скрылся, а по случаю дня рождения двоюродного брата поехал к нему в гости.

Взбешенный пристав Атаужкин застиг его там, окружил своими всадниками дом, где шло веселье. В доме пели песни, играла музыка. Пристава предупредили: сейчас Бетал исполняет свой любимый танец «Кафа», лучше его в такую минуту не трогать. Больше десяти минут продолжался танец, и никто не посмел помешать Беталу. А кончив танец, он вышел на крыльцо, вскочил на свою любимую вороную лошадь и в окружении полицейских поехал в Нальчик, где ему грозила казнь. Но добрые друзья помогли ему в тот же день бежать из тюрьмы...

Горец вспомнил это, подъезжая к бурной Малке. Мост через речку был разрушен. Старая вражда между казаками и горцами разъединила станицу и селение. Ред-

¹ Карахалка (кабард.) — бедняк.

кие дни проходили без драк и даже убийств. Бетала это не остановило, и он на коне переплыл через реку. У него было дело к знакомому казаку — председателю станичного совета Дьякову. Оба знали друг друга с детских лет. На съезде народов Терека два месяца назад казак и горец встретились, разговорились как земляки и подружись.

Дьяков недавно вернулся с австрийского фронта, где провоевал с 1914 года, и теперь жил в доме матери, одной из самых бедных казачек в Марьинской. Рано оставшись вдовой, она после ухода сына на фронт не смогла справиться с хозяйством — женской силушки на это не хватило, — и к тому времени, когда сын вернулся в станицу, дом сильно обветшал.

Стоял дом над яром, у реки, — скромная мазанка под соломенной крышей, резко отличавшаяся от многих других, куда более приглядных хат станицы. Но в хате было чистенько, опрятно. Дьяков, молодой, красивый казак с темными усиками и живыми, умными глазами, усадил Бетала за стол в горнице и попросил мать поставить ради гостя самовар.

Хату и примыкавший к ней фруктовый садок отделял от улицы невысокий плетень с новенькими заплатами из высушенного дикого терновника. Покончив с чаем, хозяин и гость уединились в саду, и тут Бетал перешел к делу.

— В Терский народный совет поступили сведения, что у вас в станице завелось много контрреволюционной офицерии, — сообщил Бетал. — Надо тебе быть настороже.

— Знаю, — помрачнел казак. — Их тут чертова дюжина собралась. Полковник Гажиев, хорунжий Лаврентьев, прапорщик Даниленко... — Дьяков с озлоблением перечислил еще несколько фамилий казачьих офицеров. — Гажиев и Даниленко совсем даже не здешние — они из Горячеводской станицы и, уж наверно, не зря тут торчат!..

— Это поганые люди. Так велено тебе передать. Остерегайся их, казак, а если можешь, поступи с ними так, как я с князем Пшуковым. Это тебе предупреждение от самого Бутырина.

— Угрозу я и сам вижу, — тяжело вздохнул Дьяков. — Да как с ними справиться? Наши казаки — народ пока еще темный, не лучше вашего. Фронтвики — те за нас, но сейчас все в поле, урожай добрый и требует забот. Завтра и я подамся в поле хозяйничать. А контра

тут вся в станице остается. Может беду натворить в самый раз.

— Вот об этом и говорил военком...

Хозяйство Дьякова, как и многих других казаков-фронтовиков, требовало рук да рук. За три с лишним года войны в станичном житье многое переменялось. Пришли с фронта люди и увидели, что их хозяйство разорилось. Зато иные ловкие станичники шибко разбогатели, и теперь некоторые фронтовики из нужды шли к ним в батраки. А разбогатели именно те станичники, которые и не нюхали пороха, оставались дома все годы войны.

Неволью фронтовики задумывались. Вот оно как, оказывается: правы, значит, большевики, которые говорят, что кое-кому война принесла не нужду, а выгоду. А с другой стороны, пугали слухи, будто большевики хотят отобрать у казаков землю.

Стеной стояли вокруг Марьянской тучные хлеба. Кукурузные поля и посадки подсолнуха походили на дремучие заросли, и в них мог бы скрыться всадник. Для фронтовиков это был первый урожай, который они видели за долгое время тоски по родной земле и привычной работе. И они жадно накинулись на нее — совсем ушли в поле, на свои делянки, часто удаленные от станицы на десятки верст.

— А Киров-то был прав, — рассказывал Беталу Дьяков. — Был у меня разговор с ним еще весной. На Александровском проспекте во Владикавказе встретились, посидели. Он говорил — смотри, как бы у вас офицеры власть не отняли. Оторветесь на полевые работы, а враг дремать не будет.

— Да, да, да, — кивал головой Бетал. — У нас тоже так. Везде враг зубы точит...

— А главный козырь у них в том, что комиссары якобы хотят согнать казачество с земли и отдать ее горцам. Ссорят нас с тобой, Бетал, — добавил, смеясь, Дьяков. — А и вправду, с какой стати мы должны свою землю и майно¹ терять. Еще деды наши эту землю завоевали... Да, вот так и кричат у нас на кругу провокаторы.

— Разве в декрете написано, что землю будут отбирать у таких, как ты? — возмутился Бетал. — Нет, дорогой друг, нас с тобой не рассорят!

— Не все же такие, как мы с тобой, Бетал.

¹ Майно — добро.

Бетал собирался еще заехать в Моздок — у него было поручение к работникам местного совдепа. Он скоро собрался в путь. Казак проводил его до речки. На берегу сидели пожилые станичники и хмуро смотрели, как Дьяков и гореп приятельски жмут друг другу руки.

— Счастливого пути!

— Прощай...

Бетал сел на своего коня и въехал в воду. Ему крикнул с берега какой-то бородатый станичник:

— Бери выше! Брод наискось. Быстрина снесет к камням — рыбам будет праздник, кости воронам не достанутся!..

Но Бетал, не слушая советов, вздернул ноги выше потника, надел ружье на шею и, махнув рукой, поплыл напрямик. Вода бурлила, набегала волнами, брызгалась пеной. На середине реки лошадь забарахталась, ее стала увлекать быстрина. Бетал хлестнул коня плетью по голове; тот взвился и в три прыжка вынес наездника на противоположный берег. Там Бетал спрыгнул с седла, отжал ладонью воду из шерсти лошади, заботливо вытер ей глаза и лоб.

— Гляди, бусурман какой лихой, — говорили между собою наблюдавшие за ним казаки. — Нашему брату не уступит.

В Моздоке Бетал не думал долго задерживаться, по нужных людей на месте не оказалось, пришлось заночевать в этом городе.

Богатые станицы вокруг Моздока кишели кулачем, белогвардейским офицером и всяким сбродом, недовольным новой властью. Недавно тут прошли выборы, и председателем отдельского совета оказался меньшевик Георгий Бичерахов — очень юркий человек, известный под кличкой «косоротая лиса». Инженер по специальности, он в годы войны отсиживался в авиационно-авторемонтных мастерских Юго-Западного фронта. А потом объявился на Тереке уже как «казацкий социал-демократ» — так он сам себя именовал на митингах. Говорить умел длинно, пышно, и злые языки называли его порою «Керенский в терском масштабе».

Бетал познакомился с ним на съезде народов Терека в Пятигорске. Бичерахов выступал там, ничего плохого не сказал, наоборот — голосовал вместе с другими за

признание советской власти на Тереке, и у Бетала не было оснований подозревать Бичерахова в чем-либо, когда тот пригласил его к себе ночевать.

— Знаю, продал ты душу большевикам,— панибратски хлопал горца по плечу Бичерахов,— но от гостеприимства не отказываются, даже если его предлагает меньшевик, не правда ли?

И он раскатисто хохотал, держась за нагрудные карманы английского френча.

Вместе ужинали. К счастью, ничего лишнего горец за столом не сказал. Зато Бичерахов себя показал. Ругал на все корки владикавказских большевиков и уверял Бетала, что выход из смуты, царящей на Тереке,— в создании сильной казачье-крестьянской власти без коммунистов.

Во время войны Бичерахов побывал в Англии и теперь очень хвалил Беталу тамошние порядки.

— Вот пример для России! — восклицал хозяин, показывая гостю всякие заморские безделушки.

Бетал, по правде сказать, еще не очень разбирался в тонкостях политических систем и партийных программ, но одно знал твердо: в Англии стоят у власти капиталисты, а в России совершена великая революция, и уж если кому-нибудь надо брать пример, то скорее Англии — с Советской России, а не наоборот. Такое мнение отстаивал горец, и никакие доводы Бичерахова его не могли переубедить.

— Ах, Бетал, Бетал,— с иронической усмешкой разводил руками Бичерахов,— как вы наивны! Неужели не видите, что революция уже идет на убыль и начинается новый этап?

— Какой?

— А такой, когда ваши господа большевики лицом к лицу предстанут перед мощными объединенными силами Антанты и Тройственного союза¹, а проще говоря — перед иностранными армиями, которые помогут... — тут Бичерахов замялся,— которые помогут, то есть попытаются поддержать осколки разбитой монархической России. В этом одинаково заинтересованы и англо-франко-американский блск, и австрогерманский, хотя они между собой сейчас воюют. Конечно, как социалист я против всякой

¹ Антанта и Тройственный союз — так назывались два блока империалистических государств, воевавших друг против друга в первой мировой войне 1914—1918 годов.

интервенции, но факт остается фактом: германские солдаты Вильгельма Второго всю уже хозяйничают на Украине и Дону. А под их крылышком и при их поддержке зреет и все больше крепнет... — Бичерахов опять сбился и стал осторожно подыскивать слова: — То есть я хочу сказать, все больше дает себя чувствовать контр... Впрочем, не будем углубляться в эти темные дебри, — остановил себя Бичерахов. — Я только одно скажу: во всем виноваты ваши большевики. Не захвати они власть в октябре прошлого года, мы бы сейчас мирно заседали с вами в Учредительном собрании. Но что теперь говорить... Давайте ложиться спать!..

Бетал с удивлением смотрел на Бичерахова и силился понять: как может социалист так равнодушно рассуждать о белогвардейцах и о поддерживающих их интервентах? Порою Беталу казалось, что на лице «косоротой лисы» сквозит выражение скрываемого злорадства.

Наутро Бетал нашел в совдепе нужных людей и поговорил с ними. Сообщил товарищам, что неделю назад в Минеральных Водах арестован некий Бочаров, казачий полковник. Терскому народному совету в связи с этим дано знать, что Бочаров имел с кем-то тайные встречи тут, в Моздоке. С кем и как — вот это пусть и выяснит в горсовете, так просил Бутырин. Пахнет каким-то заговором.

«Это не иначе как Бичерахов мутит, — сказали работники совдепа. — Ох, лиса!..»

Бетал пожалел, что оставил утром лошадь во дворе дома, где ночевал. Но делать нечего, пришлось опять сидеть за одним столом с Бичераховым, но теперь уже Бетал ничего не ел, не пил и был нем как рыба. А хозяин все уговаривал его:

— Оставайся у меня жить, Бетал. Ну хоть еще ночку переночуй. Куда спешить? Пошли ты их всех там, во Владикавказе, к чертям!

...Бетал вскочил в седло и хлестнул лошадь с такой силой, что она взвилась как бешеная и понеслась вскачь по улице...

5

— Гикало!

Молодой рослый человек в армейской одежде и темных очках обернулся на зов и увидел Бутырина. Тот шел

по платформе в сопровождении стройной девушки в длинной черной юбке и синей кофточке. Поздоровавшись с Гикало, военком представил ему свою спутницу:

— Нина Бодрова. Прибыла со мной из Владикавказа. — И, помолчав, добавил: — Знаешь новость?

— А что?

— Убит Буачидзе.

— Не может быть! — ахнул Гикало.

— Зайдем в помещение станции...

Станция, к которой только что подошел бронепоезд Бутырина, называлась «Прохладная». Невысокое каменное здание вокзала утопало в зелени тополей, кленов, акаций. Густые ветви деревьев нависали почти над самым полотном дороги. Станция была узловым. Отсюда вели дороги и на Москву, и на Баку, и на Владикавказ. Со станцией соседствовала казачья станица, тоже называвшаяся «Прохладная». Бутырин прибыл сюда, чтобы разобраться в запутанном скандале. В районе одного терского городка, верстах в тридцати за Прохладной, начала пошаливать контрреволюционная банда. Против нее из Владикавказа был выслан эшелоном батальон красноармейцев с орудиями и пулеметами. До станции Прохладной эшелон прошел благополучно, а здесь его вдруг задержали казаки расположенной рядом станицы.

Оказалось, кто-то пустил среди них слух, будто красноармейцы едут разоружать станицы и сгонять казаков с земли. Как ни горячились командиры батальона, доказывая, что этот слух — вражеская провокация, казаки станицы Прохладной не сдавались. Перегородили путь бревнами и решительно заявили: не пустим. Командиры хотели было силой прорываться, но узнав по телефону об этом случае, Народный совет приказал не спешить с крайними мерами и выслал для переговоров с казаками двух своих представителей — Гикало и Маркуса. Гикало был председателем Грозненского совдепа и слыл человеком решительных действий. Маркус занимал в Терском Совнаркоме пост комиссара просвещения и одновременно был секретарем Владикавказского горкома партии. По характеру более мягкий и осторожный, чем Гикало, Маркус держался на переговорах в тени и старался не раздражать казаков угрозами. А энергичный грознец не стеснялся — стучал кулаком по столу и употреблял все крепкие слова, каким только может научиться солдат на фронте, а Гикало провел в окопах больше трех лет. Но

не помогли ни осторожность Маркуса, ни крепкие слова Гикало — казаки упорствовали, и вот сейчас из Владикавказа сюда примчался сам военком республики.

Вокзал внутри был битком набит красноармейцами, гул и духота стояли здесь. Но в комнатухе дежурного по станции было тихо. На скамье в углу дремал Маркус, положив под голову свою шляпу. Это место и выбрал Бутырин для уединенного разговора.

— Нина, ты расскажи ему все, — сказал он Бодровой. — А я пойду поговорю с казаками, время не ждет.

Бодрова работала в Народном совете. Это была еще очень молодая женщина, с миловидным пухлым личиком, с тяжелой копной вьющихся светлых волос. Несмотря на всю серьезность обстановки, Гикало не смог удержаться от того, чтобы не потрогать маленькие усики, топорщившиеся над губой — знак того, что Бодрова была ему симпатична.

Нина начала с того, что передала Гикало свежую газету, вышедшую утром во Владикавказе:

— Прочтите это, пожалуйста...

— Читай вслух, Николай, — раздался со скамьи голос Маркуса. — Что там еще случилось?

На первой странице газета крупным шрифтом сообщала о кровавой стычке, которая вспыхнула между ингушами и казаками станицы Тарской, расположенной недалеко от Владикавказа.

«В четыре часа утра, — прочел Гикало, — комиссар Осетинской слободки Владикавказа получил донесение, что станица Тарская горит. В шесть утра во Владикавказ прискакал комиссар станицы, который пробрался лесными тропинками через горы. Он сообщил, что положение станицы критическое.

Около девяти часов утра в городе появился отряд казаков с хутора Тарского. Они примчались в город сообщить о положении в станице. Народная власть, осведомленная о событии, принимает со своей стороны все необходимые меры».

— Земля этой станицы, кажется, принадлежала когда-то горцам, а? — обратился Гикало к Маркусу. — Но отчего же погиб Буачидзе? — Он схватил Нину за руку. — К черту газету! Рассказывайте, как было дело.

— Буачидзе погиб? — воскликнул в ужасе Маркус и, прижав обе руки к сердцу, присел на скамье. — Ах, черт возьми!

То, что рассказала Бодрова, казалось в ту минуту и Маркусу, и Гикало, и молодой женщине трагическим случаем — подлым, ужасным, но именно случаем; не верилось, что кто-нибудь может умышленно поднять руку на такого кристально чистого человека, как Буачидзе.

Все началось со стычки под Тарской. Весть о ней всколыхнула весь Владикавказ. В Народном совете с утра шли переговоры. В город прибыли две конные сотни казаков из расположенных недалеко от города станиц Ардона и Архонки. Казачьи делегаты пришли в Совет и потребовали выдать им оружие. Они спешили на помощь станице Тарской. Разумеется, оружия им не дали — это означало бы разжечь в крае всеобщую войну между горцами и казаками.

Пока в Народном совете старались уладить дело миром, пришла весть, что в Апшеронских казармах на окраине города большая толпа казаков пытается силой взять из складов оружие. Буачидзе и Бутырин тотчас же сели в автомобиль и помчались к казармам, расположенным на левом берегу Терека. Во дворе казарм стояла густая толпа. Тут можно было увидеть и казаков, и красноармейцев, и собравшихся на шум горожан. Пожилой казачий есаул горячо убеждал красноармейцев вместе идти защищать Тарскую.

— Присоединяйтесь к нам! Русские вы чи турки? Кровь льется братская!

С приездом начальства сам собой начался митинг. Автомобиль обступила возбужденная толпа.

Буачидзе взобрался на кожаное сиденье автомобиля и поднял руку.

— Товарищи красноармейцы и казаки! — Он был взволнован и говорил с большими перерывами. — В этот грозный час надвигающейся на нас опасности... я призываю вас сохранить мужество... твердость... и не поддаваться никакой провокации!..

Напрягая голос, чтобы его могли слышать все, Буачидзе продолжал:

— Мне сообщили сейчас по телефону... что казачьи сотни Архонской станицы, Ардона и других станиц... самовольно, без разрешения Народного совета и Совнаркома... без ведома властей берут оружие, чтобы идти против горцев. Народный совет не может этого позволить!.. Товарищи! Сейчас... когда установилась возможность мирного трудового сожительства терских народов.

вожди контрреволюции... снова пустили в ход свое испытанное средство. Они стремятся вызвать войну казачества против горцев... И, как видите, война эта уже началась... Ингуши аула Бартабос и других безземельных горных аулов напали на станицу Тарскую... не по своей воле. Не в их интересах льется там сейчас кровь. И не в интересах трудового казачества. Как вам известно, съезд, который недавно закончился в Грозном, разбирал вопрос о земле. Вам известно также, что это самый важный, самый трудный вопрос в нашей области. Трудовое казачество и безземельные горские массы... поддержали нас, и этот вопрос мы решили в их пользу, в пользу...

— ...азиатов! — крикнул кто-то из толпы.

— Не азиатов, — возмущенно возразил Буачидзе, — а трудящихся и обездоленных людей. Проклятое царское прошлое говорит сейчас устами того гражданина, который называет трудящегося горца азиатом. От старого, гнилого строя... у многих остался еще страшный яд, который отравляет наше сознание. Поэтому-то мы так легко поддаемся провокации. А черные вороны контрреволюции это знают и широко этим пользуются. Все вы хотите мира. Правда? — обратился вдруг Буачидзе к стоявшим вокруг него казакам. — Хотите мира?

Толпа загудела. Послышались возгласы:

— Ясно, хотим! Как же!

— Об этом и вся дума!

— Довольно крови!

— Товарищи казаки! — продолжал Буачидзе. — Народный совет и Совнарком прилагают сейчас все усилия, чтобы уладить конфликт. Советская власть сама принимает все меры к защите Тарской станицы. Все меры!..

Буачидзе вытащил из кармана платок и приложил его к губам.

— Товарищи! — возобновил он свою речь. — Я обращаюсь к вам: не давайте начавшейся войне разгореться по всей области. Не делайте самочинных выступлений и лучше возвратитесь в свои станицы!..

Речь Буачидзе, однако, не успокоила казаков, и во дворе казармы снова поднялся невообразимый шум. Бутырин, видя, что речами конфликт не уладить, решил было отдать красноармейцам приказ обезоружить казаков, но Буачидзе посоветовал не делать этого — как бы не вышло еще худшей беды. Он не терпел крайностей. Тогда Бутырин предложил казакам очистить двор казармы.

Выйдя из автомобиля, Буачидзе тем временем прислонился к стволу дерева: он чувствовал себя в этот день плохо — ныло сердце, болела голова. Вдруг раздались какие-то свистки, и тотчас же грянули выстрелы. Весь двор заметался в суматохе, один Буачидзе остался на месте. Пронзенный тремя пулями, он лежал у дерева в луже крови и еще дышал, но уже не видел ни зелени ветвей, ни синего июньского неба...

Бутырин припал к нему:

— Ной! Дорогой друг! Ведь говорил же я... Отвечай! Ты слышишь меня? Ной!..

Буачидзе умер в больнице, не приходя в сознание.

Яркое, знойное солнце стояло над Владикавказом. На улицах было тихо, и только на проспекте царило оживление. В тени деревьев на скамьях сидели горожане и вели между собой горячие споры о виновниках случившегося несчастья. Найти стрелявших не удалось.

Такова была, по рассказу Бодровой, история гибели Буачидзе. Она потрясла Гикало и Маркуса. Долго они не могли произнести ни слова. Какой нелепый случай — поехать на митинг и там пасть от чьей-то подлой руки!

— Это одна рука действует! — воскликнул Гикало и рывком встал. — Я пойду к бойцам. Хватит церемониться со здешними гадами!.. Зуб за зуб!..

— Не делай глупостей, Николай! — крикнул ему вслед Маркус и стал искать завалившуюся куда-то шляпу.

Бодрова подняла ее с полу и подала комиссару. Он поблагодарил и хотел было тоже выйти из дежурки, но тут в дверях появился Бутырин.

— Казачьи представители, оказывается, сели на коней и уехали! — сказал он, усмехаясь, и присел к столу. — Ну что ж, не хотят разговаривать, и не надо. Присаживайся, Яков Львович, обсудим, как быть. Где Гикало?

— Пошел к бойцам. Пожалуй, позову его, а?

— А ты все уже знаешь?

— Все, — горестно махнул рукой Маркус и побрел к двери.

Бутырин заметно осунулся и похудел за последние дни. Бодрова молчала, стараясь не отвлекать его от мыслей, тихо стояла у окна. Он тяжело вздохнул и посмотрел на нее:

— Ты что пригорюнилась?

— Ой, а чему радоваться-то! — оживилась она. — Все так нескладно!..

— Ничего, Нина, наладится...

— Да, я тоже всегда верю в хорошее.

Помолчали. Нину что-то тревожило, она нервно кусала губы, но вот решилась, набрала в грудь воздуха и тихо спросила:

— А как он приедет?

— Кто?

— Вы знаете, о ком я говорю.

— А-а... Если дело уладится, то все просто будет.

— А если нет?

Бутырин пожал плечами.

— Посмотрим, как сложится. По воздуху он не полетит, у него крыльев нету, но, насколько я его знаю, на все пойдет, чтобы прорваться сюда. Это такой человек... Сам черт его не остановит. Мы с ним когда-то в одной тюрьме сидели.

— Вы бы сказали казакам, чтоб они не дурили,— сказала Нина таким тоном, что Бутырин не смог удержаться от улыбки.— Просто обидно, что они так некстати завели эту волюнку!

Бутырин только махнул рукой в ответ и стал звонить по телефону в Моздок. Нина пристроилась у подоконника, прижалась к оконному стеклу щекой, задумалась.

Она направлялась на Кубань по особому заданию Народного совета. Ожидался приезд на Терек чрезвычайного комиссара Юга России Серго Орджоникидзе. Нина знала, что он видный большевик с большим революционным прошлым. Таких людей она очень почитала: это действительно герои. Ничего не боялись — ни тюрем, ни каторги, ни ссылки, на все шли ради идеи. И теперь, когда совершилась революция, они отдают весь свой опыт, ум и талант ее защите от врагов и организации сил народа. Когда Нине сказали, что в связи с предстоящим приездом Серго ее пошлют на Кубань, ее охватил буйный восторг. Ей предстояло дело, о котором никто не должен был знать: передать Серго сведения о положении в Терской республике и в Закавказье. Находясь на Кубани, где сейчас шла отчаянная борьба с Красновым и Деникиным — царскими генералами, поднявшими оружие против советской власти, — Серго пристально следил за всем, что происходило на Тереке, в Дагестане и в Закавказье. Не раз он переговаривался по прямому проводу с Владикавказом, интересуясь жизнью Терской республики.

Нина везла ему секретный пакет, надежно спрятан-

ный. Но сейчас роль ее так осложнилась, что она даже не представляла себе, чем кончится дело. Казаки не пропускали эшелона, с которым она надеялась добраться до Пятигорска, чтобы оттуда попутными поездами пробираться дальше, на Кубань.

Бутырин яростно теребил трубку телефона и без конца повторял:

— Моздок! Моздок!

Этот город уже несколько дней приковывал к себе внимание терских властей. Председатель Моздокского отдельского совета Бичерахов конфликтовал с местным городским советом, вел себя нагло и вызывающе. Со вчерашнего вечера нельзя было связаться с Моздоком — линия почему-то бездействовала. Уезжая в Прохладную, Бутырин видел, как обеспокоены этим в Народном совете, и, чуя какую-то новую беду, которая вот-вот разразится, все кричал в трубку:

— Моздок! Моздок! Моздок, чтоб ты пропал!

— Ах, как нескладно все,— тихо вздыхала Бодрова.

Действительно, в последнее время все складывалось очень неудачно для молодой Терской республики — неприятность за неприятностью, удар за ударом.

Стычка под Тарской, обострившая отношения между горцами и казаками. Убийство Буачидзе. История с эшелонам. Моздокская угроза...

Но где же Гикало и Маркус, черт возьми! Один пошел звать другого, и оба запропастились. Уже вечерело, и длинные тени пролегли по платформе. По ней слонялись без дела командиры взводов и бойцы. Прямо среди путей горели костры, варился ужин солдатам. Вдоль платформы тянулись коробки теплушек, и сквозь раскрытые двери видны были орудия, пулеметы.

Вдруг среди тишины душного июньского вечера издадека грянул оружейный выстрел. Послышался нарастающий вой снаряда, и за теплушками тяжело грохнул разрыв. И тотчас донеслись раскаты второго и третьего выстрелов. Пошатнулась водокачка и рухнула, тучи пыли встали над путями. Заметались командиры и бойцы по платформе. Раздались крики раненых. Бутырин выпрыгнул на перрон прямо через окно дежурки и помчался к стоявшему в полукилометре от станции бронепоезду. Но прежде чем он туда добежал, с бронепоезда ударили орудия...

Завязался бой.

Произошло худшее из того, что можно было ожидать: казачьи верхи добились своего и втянули прохладненских станичников в стычку с красноармейским отрядом. Попад под предательский обстрел, бойцы отряда выкатили пушки и пулеметы из теплушек и открыли ответный огонь по станции.

Остановить столкновение было уже невозможно, и к орудийной стрельбе скоро прибавилась пулеметная и ружейная перепалка.

Это продолжалось около часу. Зачинщики стычки, надеясь заставить отряд врасплох, видимо не ожидали, что на станции окажется бронепоезд, и просчитались: бой кончился разгромом нападающих, и они бежали из станции, оставив после себя пожарища и жертвы...

Когда все стихло, бойцы снова погрузились в вагоны, и эшелон пошел на север. Бутырин, Маркус и Гикало остались одни на платформе. Бодрова уехала с эшеленом.

— Грустное происшествие, — сказал Маркус, разглядывая свою продырявленную пулей шляпу. — Гикало прав: тут явно действует одна и та же вражеская рука.

У Бутырина от порохового дыма потемнели очки, и он старательно протирал платком стекла.

— Кулачье да всякая сволочь, вышвырнутая революцией за борт, — отозвался военком на слова Маркуса, — вот чья рука. Вся беда в том, что за ними идет обманутая масса. Тут надо учитывать исторически сложившиеся обстоятельства казачьего воспитания и образа жизни. Конечно, со временем они разберутся, но пока худо...

Гикало, до сих пор молча заряжавший свой револьвер, иронически усмехнулся.

— Исторически я, по семейной традиции, тоже верный слуга царю и всему старому режиму, — сказал он, — а, как видите, нахожусь в одном с вами лагере, а не с теми.

— Ты же не казак!

— Ну и что? Я сын потомственного военного служаки, мой отец на военной службе отбарабанил тридцать пять лет и, хотя дальше фельдфебеля не пошел, служакой был ретивым. Он и нас воспитывал строго. В семье было нас четырнадцать человек, и вот он, случалось, выстроит всех нас в хате по ранжиру, а сам сбоку ходит и смотрит: кто чуть шевельнется или пузо вперед выставит, сейчас же тому как даст затрепину!

— Представляю себе эту картину! — рассмеялся Мар-

кус.— Но как же так случилось, Николай Федорович, что отцовская муштра не пошла тебе на пользу?

— Не знаю,— рассмеялся Гикало,— но солдафона из меня не получилось.

— Ничего,— произнес Бутырин,— зато военная жилка у тебя есть. Из тебя вышел бы хороший командир.

— Ладно,— махнул рукой Гикало.— Я на фронте достаточно хлебнул...

— Однако надо же дозвониться до Моздока! — вспомнил Бутырин.— Попробую еще разок позвонить из дежурки. А вы идите к бронепоезду, я сейчас...

Гикало и Маркус побрели по станционным путям к бронепоезду, а Бутырин скрылся за дверью вокзала. Уже совсем свечерело, а духота усиливалась. Минут через тридцать Бутырин, злой и мрачный, подошел к бронепоезду. Связи с Моздоком он так и не добился.

— Тогда я позвонил во Владикавказ,— сообщил он Гикало и Маркусу,— оттуда потребовали, чтобы мы к утру вернулись. На завтра созывается срочное заседание Народного совета. Как бы эта стычка у Прохладной не оказалась началом больших событий у нас на Тереке...

Бронепоезд ушел.

А наутро весь Терек всколыхнуло известие о новом мятеже. Восставшие захватили Моздок, разгромили совет и вместо него утвердили самозванное правительство во главе с Георгием Бичераховым. «Косоротая лиса» наконец выпустила когти.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Страсти бушевали на всем Тереке.

В станицах били в набат, по полям скакали коняые с флажками, звали казаков на круг. Гудели на площади людские сборища. Потрясали кулаками бывшие полковники, есаулы, хорунжие. Заходились в крике: большевики хотят отдать горцам землю нашу! С кем же вы — за казачество или с босьяками за Советы? Казаков звали идти воевать за единую и неделимую Россию, за исконные права, добытые дедами и прадедами, звали шагать в общем марше с кубанцами и додцами.

Не с очень большой охотой бросали казаки жен, детишек, урожай и шли бить неведомых врагов казачества, но что было делать.

Воевать — худо, а не пойдешь — тоже худо: сживут со света свои же господа офицеры. Спешно формировались сотни и уходили под Прохладную, в Моздок — на поддержку Бичерахова.

Тех, кто смел хоть слово против сказать, бросали за решетку и подвергали жестокой каре.

Так был схвачен и брошен в станичную тюрьму и Дьяков. Он был схвачен в момент, когда призывал станичников не поддаваться обману, не поднимать оружия против своих же братьев рабочих и крестьян. Расправились с красным казаком жестоко: избили до полусмерти, затем устроили над ним суд и приговорили «предать земле». Не решились, однако, казнить казака в его родной станице и постаяновили отправить его на фронт и передать в руки бичераховского полковника Агоева — не захотел

постоять за вольное казачество, так силой заставят его воевать, а нет, так «предадут земле».

Ненависть бурлила в речах, туманом заплывали хмельные головы, наружу выходило все темное, дикое... Бряцали пашки. Плакали жены, дети... Горе-горюшко немеряное разливалось все шире по Тереку и затапливало станицу за станицей, аул за аулом, город за городом.

Налетал на Кисловодск казачий офицер Шкуро. Не разглядели лютого волка, когда он в первые месяцы революции появился на Терек под видом табачного торговца. Не заметили вовремя, как он тайно вербовал к себе в отряд всякую шваль. Теперь только за голову схватились — как проморгали, выпустили из рук такого бандита! Он грабил, жег, расстреливал, вешал.

Бичерахов еще похлеще Шкуро орудовал против Советов — бросал казачьи сотни под Георгиевск, где мятежники надеялись захватить тамошний арсенал, подбирался к терскому городу нефти Грозному, замахивался на Владикавказ и Пятигорск и стремился вбить клин между этими двумя городами, все больше усиливая натиск на Прохладную, расположенную между Владикавказом и Пятигорском.

Бичераховское восстание ширилось, и на поддержку ему Деникин слал с Кубани оружие, деньги, советников и обещания в скором времени прийти на Терек, как только, даст бог, он справится у себя с красными.

Опустела Марьинская. Опять не стало видно многих хозяев — в поле попадались теперь на глаза одни только бабы платки да бабарки¹ стариков казаков.

А уже шел июль... Часто гремели грозы. От сильного таяния в горах реки разбухли и бешено рвали берега.

В душный полдень бывший вахмистр конвоя его императорского величества Кузовлев, рослый детина с пышными усами и густыми вихрами, вел допрос связанного по рукам и ногам Дьякова. Расспрашивал об отце, матери, годе рождения, имущественном положении и о прохождении службы.

В сущности, все это было вахмистру ни к чему, он хорошо знал Дьякова, почти сызмальства, но для порядка требовалось представить в штаб Бичерахова вместе с арестованным и по форме заполненную бумагу.

— Значит, ты есть Дьяков Александр Зиновьевич,—

¹ Ба бар ка — белая войлочная шляпа.

бормотал про себя вахмистр, старательно скребя пером по бумаге.— Так... Рождения 1892 года, в станице Марьинской, в семье, стало быть, терского казака Зиновия Моисеевича и матери Марии Петровны. Теперь: отец, значит, помер... Когда помер?

— В 1904 году...

— Так... Хорошо, что помер, а то бы за такого дурного сына, как ты, пришлось бы и ему перед кругом отвечать... Образование какое? Ты что окончил? Что? Погромче не можешь? А вот по морде дам — сразу сможешь!

— Окончил два класса церковноприходского училища.

— То-то... Училище окончил, а дураком все равно остался,— издевался Кузовлев над пленником.— Недаром в наймитах ходил с малых лет да бил молотом по наковальне у кузнеца — это я сам помню... Ходил чумазый, как цыган... Ну, дальше. На фронте был?.. Был, да жаль, что голову тебе там не оторвало! С какого был?.. Не спеши. С 1914 года. А по какое? По декабрь 1917 года. Ранения имеешь? Постой, запишу!..

Вахмистр писал медленно, допрос он растягивал намеренно, чтобы помучить казака, которого еще вчера он сам боялся. Кузовлев сидел в тени, а Дьякова держал умышленно на солнцепеке. Дьяков стоял перед ним бледный, в измазанном, изорванном бешмете.

— Значит, на австрийском ты воевал... В боях под Черновицами был ранен. Ну, и сдох бы себе в госпитале! Какого черта ты сюда вернулся? Гол как сокол, хозяйство у твоей матери грошовое. Устроился бы где-нибудь в большом городе дворником или водовозом... На что ты пришел сюда народ мутить?... Скажи ты — революционером заделался! Да где ты видел, чтоб казак с революционерами заодно был, где?..

Ответа на последний вопрос Кузовлев не добился и со зла нечаянно даже кляксу поставил на бумажке. Арестанта бросили обратно в тюремный сарай — тут же, во дворе станичного управления, а разъяренный вахмистр сел заново переписывать злосчастный протокол допроса.

Сарай, служивший тюрьмой, был сложен из толстых бревен. На земляном полу валялась прелая солома — она и была постелью арестанта. Он лежал и старался держать руки и ноги в таком положении, чтобы как-нибудь облегчить боль от туго затянутых веревок. Заснуть бы, да не спалось. Всколыхнул вахмистр своим допросом душу

Александр Зиновьевичу. Заставил вспомнить прошлое. Врешь, вахмистр, не всем же служить цепными псами императорских величеств! Может и казак стать революционером, если сама жизнь его к этому привела!

Вспомнился недавний приезд Бетала, разговор о необходимости остерегаться полковника Гажиева, хорунжего Лаврентьева, прапорщика Даниленко и других офицеров, отсиживавшихся в станице. Да, все подтвердилось... Сейчас они на первых ролях у Бичерахова. Гажиев вчера вечером приехал из Моздока, и Дьяков слышал, прижавшись к стене сарая, как полковник говорил офицерам во дворе:

— Восстание надо было начинать раньше. Сейчас на Терек прибыл какой-то чрезвычайный комиссар из Москвы. Говорят, это опытный и ловкий политик. Если горцы пойдут за ним — нас раздавят. Надо срочно завязать связь с правым флангом Добровольческой армии и действовать энергичнее...

У Александра Зиновьевича эти слова подняли дух, хотя надеяться ему было не на что: из штаба фронта его погонят в атаку против своих. Он не пойдет, и его прикончат сзади, ударом шашки.

И, лежа сейчас в сарае, он думал: «Ну, господа, не дюже, значит, хороши ваши дела, раз боитесь какого-то комиссара да жалеете, что не начали разбойничать раньше!..»

Был жаркий полдень, когда Дьякова под конвоем повели со связанными сзади руками в штаб фронта. Предстояло пройти верст двадцать пешком. Конвойных было двое: пожилой казак с перешибленным носом, инвалид Кошик и старый-престарый бобыль Хохряков, которого в Марьинской звали в насмешку куркулем. Шли они чуть позади арестанта и от скуки рассказывали друг другу всякие истории. Знойное марево стояло над степью, одевадо голубой дымкой горы. Показались хаты станции Старо-Марьинской. Густые сады зеленели по обеим сторонам пыльного шляха. Разморенные от жары конвойные приказали Дьякову остановиться и присели передохнуть в тени старой яблони.

— Сидай тоже, — добродушно сказал Кошик арестанту.

Тот растянулся в холодке у канавы.

— Ну и ладно! — Старый казак махнул рукой и продолжал свой рассказ о каком-то турецком паше, который

однажды вздумал похитить невесту некоего Кунчука: — И вот утречком, когда батьки этой красавицы не было дома, входит к ней черкес и говорит, будто Кунчук требует скорого соединения в браке и будто батько ее скряга и будет рад, если она убежит к жениху и дело обойдется без свадьбы. Видишь ли, у этих собак обычай воровать жен; от непохищенного мяса у волка делается оскомина. Ну вот... А жених-то был молодец, и красotka только и ждала словечка, чтобы броситься к нему. Вот ночью за ней приехали, и она дала себя увезти. Сердце у нее билось от радости, что скоро увидит милого. И ты думаешь, увидела? Нет, братец, если думаешь, то ты глуп — не жениховы то были посланцы...

Дальнейшего Дьяков не слышал. Незаметно для конвойных он скатился в канаву и пополз в густоту ближнего сада. Там развязал себе ослабевшие веревки на руках и пустился садами в обход станицы.

Когда Кошик закончил свой рассказ о похищенной невесте, беглец уже был далеко в степи.

На закате дня он сидел в кустах, вблизи полотна железной дороги, и отдыхал, набирался сил для дальнейшего пути. К северу, где-то вон у той гряды гор, лежал Пятигорск. От Марьянской до него было близко. На юге, гораздо дальше отсюда, лежал Владикавказ. Не добраться туда казаку пешком, сил не хватит, а поезда, как он замечал, не шли.

Прежде, до бичераховского мятежа, составы свободно шли туда и обратно. Теперь дорога казалась безжизненной. Несколько часов просидел казак в кустах, и за это время не прошел ни один поезд.

Ночью, обходя сторожевые казачьи посты, он пересек тайком линию бичераховского фронта и подался к Пятигорску.

2

В пятигорском парке — «цветнике» шел митинг. Серго стоял у трибуны. Напряженные, тревожные дни и бессонные ночи избородили преждевременными морщинами его широкий, открытый лоб. По мужественному, энергичному обветренному лицу сразу чувствовалось, что это человек не кабинетного склада — всегда в движении, среди людей, в борьбе.

Порой, не прерывая речи, он отворачивал край гимна-

стерки и поглядывал на свои карманные часы. Солнце уже скрылось за горой Бештау. Темнело. Исчезали тени. Пора было зажечь фонари, но старый сторож «цветника» так увлекся речью приезжего чрезвычайного комиссара, что забыл обо всем на свете. Да если бы он и вспомнил о своих обязанностях и захотел выбраться из толпы, сгрудившейся у трибуны, это все равно ему не удалось бы. Весь Пятигорск пришел послушать чрезвычайного комиссара.

Знали, что он прибыл сюда с Кубани, из тех мест, где сейчас разыгрывалось одно из решающих сражений гражданской войны, и жадно ловили ухом каждое слово Серго.

Перешептывались, переглядывались, узнав новое. Подумать только, что на свете делается! В Москве эсерами убит германский посол граф Мирбах. Как бы Брестский мир не полетел к черту! Германцы и так отхватили почти всю Украину, зачем их провоцировать? На Дону и Кубани орудуют Деникин, Краснов и другие царские генералы. На фронте их не слышно было, а сейчас гляди как разошлись! В Грузии меньшевики распоясались вовсю и образовали свою республику — небось под защитой немецких штыков. Ну и времена!.. Мира нет и не будет!..

— Мятаж Бичерахова не мог бы разгореться, — говорил Серго, — если бы за его спиной не стояли Деникин и другие белогвардейские генералы. Это они снабжают его оружием и деньгами. А за Деникиным стоит вся империалистическая Европа!...

Не раз уже слышанное слово «интервенция» принимало в речи Серго видимые очертания мерзкой многоголовой гидры, протянувшей свои кровавые щупальца к Украине, Сибири, Дальнему Востоку, к Средней Азии, Кавказу. Вся мировая реакция ополчилась против молодой республики Советов, стараясь смести ее с лица земли. В борьбе против нее объединились даже враждующие сейчас между собой государства: Америка, Англия, Франция, Германия, Япония.

В Сибири и на Волге объявились какие-то белочехи. Месяц назад они подняли мятеж и захватили часть Поволжья, Урал и Сибирь. В Мурманске бесчинствуют англичане. На Дальнем Востоке высадились непрощенные японцы. Ну и времена!..

Сгущалась синева июльских сумерек, все теряло свои очертания, и люди, стоявшие поодаль от трибуны, уже не могли следить за выражением лица Серго. Виден был

лишь силуэт его невысокой, крепко сложенной фигуры. И только дети, расположившиеся у самой трибуны, еще хорошо видели ленинского посланца. Они с любопытством разглядывали маузер в увесистой деревянной кобуре, висевший на боку у Серго, широкий ремень, опоясывавший его гимнастерку, его черные густые волосы.

На Кубани и Ставрополье сражалась с врагом пятидесятитысячная Красная Армия, и Серго говорил о ней с гордостью, с надеждой, с твердой верой в то, что она раздавит белые полчища.

— Что он сказал? Раздавит? О, если бы так! Да, задача величайшей важности — помочь ей, в этом нет сомнения. Загораживая белой армии путь на Юг, к Кавказскому хребту, Северо-Кавказская армия не дает белогвардейцам Дона и Кубани возможности соединиться с контрреволюцией на Тереке и в Закавказье.

— Чем же помочь армии? Она — там, мы — здесь...

— Тише, товарищи! Дайте слушать!

— А что он сказал?

— Не давать объединить казачий Юг в борьбе против революционной России...

— Правильно! Вот-вот!.. Надо все использовать, что может дать Терек для поддержки революции. А Терек, говорит, богат. Надо только покрепче организовать...

— Чего, чего?

— Ну, объединить силы...

— Вот-вот — объединить силы! Браво!..

И грохот аплодисментов прервал оратора.

Но были тут и те, кто не со всем соглашался. Армия-то, может, борется и героически, но все же вы, большевики, — узурпаторы. Учредительное собрание разогнали, с кайзеровскими войсками пошли на мировую, а гражданскую войну расширяете.

И, споря с этими несогласными, Серго говорил и о мире с кайзеровскими войсками, и о том, как сильно вредят революции те, кто сеет несогласие и раздор в рядах революционного народа.

В то время как в «цветнике» шел митинг, на вокзале у платформы готовили к отправке поезд. Низенький, толстый начальник станции озабоченно переговаривался с седым машинистом паровоза.

— Смотри, — хриловатым голосом предупреждал на-

чальник, — везешь лицо чрезвычайное. Так у него и в мандате написано. Не дай бог, в случае чего... Ты слышишь, Иван Ильич?

Машинист в ответ только раздраженно вздыхал и вытирал рукавом телогрейки вспотевший лоб. Много лет он водил поезда из Пятигорска во Владикавказ, но никогда прежде не испытывал такого беспокойства, как сейчас. Предстояла поездка, которую можно было сравнить только с прыжком в неизвестность. Из любого перелеска поезд могли обстрелять мятежники, а то и просто пустить его под откос. С того времени, как Бичерахов поднял мятеж на Тереке, водить поезда во Владикавказ стало просто мукой. Беда грозила на каждом перегоне.

— Вы не мне, а тому, чрезвычайному, скажите, чтоб не ездил, — проворчал машинист, — и было бы лучше всего. Факт говорю.

— С ума сошел! — воскликнул начальник станции. — Еще чего!

— Факт говорю...

— Как я могу такое сказать? Шутить, что ли? Я кто? Станционный служащий. Разве наш брат им указ? Это вы, рабочий класс, — теперь господа. Вот ты сам и скажи ему, чтоб не ездил!

— Можем и сказать. Что нам, малярам...

— Будет тебе! — махнул рукой начальник и примирительно сказал: — Всё-таки учти, Иван Ильич, дело не шутейное. Ты, главное, под Прохладной поберегись. Там самое проклятое место. Чтоб этому Бичерахову добра не было! Столько он мне за эти дни беды причинил, сколько даже ты не испытал за весь николаевский режим!..

Выругавшись, начальник почувствовал, что хоть немного облегчил душу, и побрел вдоль перрона. В открытом окне продолговатого пульмановского вагона, стоявшего вторым от паровоза, он увидел улыбчивое лицо молодой женщины и на всякий случай кивнул ей в знак приветствия. Кто эта женщина, он не знал, но живет она в вагоне Орджоникидзе и, стало быть, тоже лицо ответственное.

«И не боится разъезжать в такое время! — думал начальник станции. — Сидела бы себе дома, у печки...»

Приезд чрезвычайного комиссара в Пятигорск прошел без приветственных речей, музыки и шумихи, но запо-

мнился. Это было два дня назад. Подкатил с Кубани состав, странный вид которого сразу бросился в глаза. Тут были и пассажирские вагоны, и теплушки, и нефтяные цистерны, и какие-то открытые дачные платформы с брезентовым верхом. Был в составе и этот продолговатый пульмановский вагон, при одном взгляде на который люди невольно восклицали:

— Эге! И видал же виды этот вагон, как боевой конь!

Вагон в самом деле имел вид заслуженного ветерана, не раз побывавшего в бою. Наружная обшивка была во многих местах исцарапана пулями, темнела вмятинами, а кое-где и дырами. Стенки его почти до крыши были забрызганы грязью. По всему чувствовалось, что вагон исколесил не одну сотню верст.

Из вагона вышли на перрон двое. Один — в гимнастерке и кожаной фуражке со звездой — с первой же минуты повел себя на перроне как дома. Это был Серго. С живостью оглядывался он по сторонам, всему приветливо улыбался — и густым тополем за станцией, и ярко-синему июльскому небу над Пятигорском, и лысой макушке залитого солнцем Машука, и даже воробьям, прыгавшим по платформе.

Обернувшись к тамбуру, он весело крикнул:

— Ну, Зина, вот мы и на Кавказе!

Рослая молодая женщина, которой он помог сойти со ступенек вагона и которую назвал Зиной, повела себя иначе — со смущением и робостью смотрела на все, что ее окружало, и вид у нее был такой, будто она попала в загадочный заморский край. Он подал ей руку и помог переступить через груды мешков, загромождавших платформу.

— Смотри, сколько муки, — сказал он, приглядевшись к мешкам, — а Питер и Москва без хлеба...

Оба этих человека — Серго и его жена Зина — оставили позади себя огромный путь, прежде чем очутились здесь. Вероятно, в тех местах, где до сих пор протекала жизнь этих людей, они не раз между собой говорили: вот придет время — и авось как-нибудь попадем на Кавказ. Время пришло неожиданно — бурное течение революционных событий занесло их июльским утром в Пятигорск, и оба были радостно возбуждены и полны предчувствием новых событий, ждущих их впереди.

— Правда, это еще не настоящий Кавказ, а его преддверие, — говорил он, — но уже по Машуку и Бештау мо-

жешь себе представить, что ждет тебя там, где царствует Казбек.

— А мы доберемся туда, Серго? — тихо, с тревогой спрашивала она.

— Доберемся! — уверенно отвечал он.

Слух о приезде чрезвычайного комиссара быстро распространился по Пятигорску, и в первые же часы после прибытия Серго уже выступал на общегородском собрании партийного актива в обширном здании Народного дома. После собрания он сидел в совдепе с местными работниками, рассказывал новости, и по той горячности, с какой он рассказывал, по живому блеску глаз, по энергичному тону голоса чувствовалось, что это человек порывистый и страстный, твердый в своих убеждениях и в то же время добрый и сердечный. Он заразительно смеялся, весело шутил. И тут все замечали, что он ведь, в сущности, еще очень молод для крупного политического деятеля. Ему нет и тридцати двух лет.

Ночью, вернувшись из города в вагон, он просматривал при свете настольной лампы принесенные с собою газеты, книги, пачки каких-то бумаг, и лицо у него часто становилось хмурым, сердитым, на лбу собирались глубокие морщины, и тогда он казался старше своих лет.

За то короткое время, которое прошло с момента его приезда в Пятигорск, положение под Прохладной ухудшилось.

Тревожные вести шли оттуда. Бичерахову удалось собрать кулак в пять тысяч штыков и сабель и ввести в бой значительное число орудий и пулеметов, а Владикавказ и Пятигорск располагали куда меньшими силами. Бичераховцам удалось потеснить красноармейские отряды, начавшие было двигаться под руководством Бутырина к Моздоку, и выйти в район Прохладной. Теперь каждый поезд, шедший из Пятигорска во Владикавказ, подвергался обстрелу. Уже полетели под откос два состава.

А сегодня с утра поезда уже не ходили на Владикавказ. В мертвенной тишине жарились на солнце застывшие составы. На крышах вагонов и на рельсах прыгали воробьи. Вдруг на станцию пришло распоряжение — спешно подготовить состав к отправлению во Владикавказ и прицепить к поезду вагон Орджоникидзе. Начальник станции только за голову схватился, но спорить с властями не стал. И вот состав теперь был готов в дорогу. В нем было всего четыре вагона,

В десятом часу вечера Серго приехал с митинга на станцию. Сегодня он весь день пробыл в городе. Совещался с работниками горкома партии, вел переговоры по прямому проводу со штабом Северо-Кавказских войск, рылся больше часу на справочных полках в городской библиотеке. Потом поехал в «цветник» на митинг, а оттуда — на вокзал.

Под мышкой он держал папку, набитую привезенными из города бумагами, и связочку книг. Через окно вагона он передал все это Зине, а сам стал прохаживаться вдоль платформы. Лишь кое-где в окнах остальных вагонов мелькали головы пассажиров — охотников на такую поездку нашлось немного, зато это были верные люди, готовые ко всяким неожиданностям. Некоторых Серго знал в лицо и на ходу приветливо здоровался с ними.

Нервное возбуждение, вызванное выступлением на митинге, еще не улеглось. Он жадно, всей грудью вдыхал прохладу южного вечера.

Кучкой стояли на платформе под пальмами военные. Это были командиры стрелков, охраняющих поезд. Серго подошел к ним, и вскоре тут же появились прибывшие из города проводить Серго работники совдепа и горкома партии.

Шумно стало на станции. Гул оживленных голосов перекачивался по платформе.

— Вот побудете во Владикавказе, тогда вам совсем станет ясна картина, — говорил один из военных, обращаясь к Серго. — Вы увидите, какая у нас дьявольски запутанная и сложная обстановка.

— Всюду сейчас сложно, друг мой, — возражал Серго.

— Да, но у нас на Тереке особенно. В Питере — пролетариат, а у нас его почти нет. Не на что опереться. На казачество, скажете? Или на горцев? Ого! И те и другие смотрят на советскую власть только с одной точки зрения: как бы ее использовать в борьбе друг против друга. Остаются так называемые иногородние. Ну, эти-то, конечно, за нас, но они тут не играют первой скрипки. Видите, какая ситуация?

У сторонника этого взгляда нашлись последователи, и они поддерживали его, стали доказывать, что на Тереке внутренних сил для удержания власти недостаточно, и поэтому как во Владикавказе, так и здесь, в Пятигорске, все до последнего времени надеялись, что вот-вот вернется

Киров с войсками и оружием, а его все нет и нет, и, видно, теперь уж ему сюда не добраться.

Серго уже многое слышал о Кирове, знал о его поездке в Москву.

— Да, к сожалению, теперь уж ему не пробраться, — со вздохом проговорил он. — Но вот о базе нашей власти вы неправильно рассуждаете, товарищ военный. Везде, где живет и трудится народ, есть база для поддержки революции. И тот же Киров немало успел тут для этого сделать. Нет, вы не правы!

— Вот-вот! — прогудели в толпе голоса. — Всыпьте им, товарищ Серго! Долой малOVERов!..

Все засмеялись.

— Но все-таки мы должны вас предупредить, — опять заговорил военный, — если железная дорога на Владикавказ окажется окончательно перерезанной, то центром тяжести событий останется наш Пятигорск.

— В чем вы хотите меня убедить? — улыбался в ответ Серго. — Остаться здесь?

— А хотя бы и так.

— Друг мой, не кажется ли вам, что центр земли находится именно в том месте, где вы сейчас стоите?

Снова раздался смех. Задетый за живое, спорщик настаивал на своем:

— Уж очень там все сложно. Какая-то пестрая мешанина рас и наречий. Кабардинцы, осетины, чеченцы, ингуши, казаки.

— Это другое дело, — согласился Серго. — Но теперь везде сложно. А в такой бывшей окраине покойной царской империи, как Терек, особенно не легко вести борьбу. Но что же из этого следует? Искать, где полегче?

Серго задал этот вопрос с такой запальчивостью и в то же время с такой шутливой миной приподнял в недоумении плечи, что все невольно расхохотались. А он продолжал стоять в той же позе, с поднятыми плечами, как бы говоря всем своим видом: а где же еще находится большевику, как не в самом пекле идущей на Тереке схватки?..

В темноте, за станцией, тусклые огоньки то загорались, то гасли. Черная, душная ночь окутывала окрестности, и только верхушка горы Машук, у подножия которой раскинулся Пятигорск, была озарена восходившей где-то, но еще невидимой луной.

Скромно держалась поодаль у своего вагона Нина Бодрова. Она выполнила свою миссию и теперь возвра-

щалась обратно. Нелегко ей было разыскать Серго на Кубани. В последние дни он много разъезжал по фронту. Все же она нашла его и передала бумагу. Он пообещал скоро приехать на Терек и посоветовал Нине подождать его в Пятигорске. Теперь она ехала домой все в том же состоянии праздничного подъема. Боже, как интересно совершается революция, как все вокруг кипит, бурлит! И каждый день приносит все новое и новое, все сказочно меняется, как в калейдоскопе.

Усталая, измученная поездкой, Нина не входила в вагон до последней минуты — ей хотелось все видеть...

Ударил колокол. Начальник станции перекрестился и подошел прощаться с Серго. Вокруг слышалось:

— Счастливого пути!

— Дай бог... — проговорил начальник станции и снова перекрестился.

Подобострастно пожав руку Серго, он вынул из кармана свисток, и пронзительная трель огласила перрон. Тут только Нина вскочила в свой вагон. Машинист паровоза откликнулся коротким, сердитым гудком, и поезд тронулся.

3

Из тамбура слышна заунывная песня проводника:

Що диятся тепер в свити,
И чии мы диты?..

Тихо, душно в вагоне. От быстрой езды его мотает из стороны в сторону и отчаянно дребезжат окна. Серго лежит на диване в просторном купе и, закинув руки за голову, перебирает в уме события последнего времени. Перемен столько, что не успеваешь их осмыслить.

Казалось, еще так недавно он томился в далекой Якутии, куда его загнали в ссылку царские сатрапы за подпольную революционную деятельность. Это была уже его вторая ссылка в Сибирь. Из первой он бежал, из второй его освободила февральская революция прошлого года...

Серго даже поежился, вспомнив трескучие якутские морозы.

— Тебе холодно? — удивилась Зина, стоявшая у окна вагона. — Что это ты?

— Ничего, ничего...

Он делает рукой жест, давно знакомый и понятный

Зине,— не хочет, чтобы его отвлекали. Пожалуйста. У нее свои думы. Бежит перед глазами насыпь, за ней — холмистая степь и что-то синее там, за облаками на горизонте. Может, Казбек?

Молодая учительница глухого якутского села Покровское, где Серго отбывал последнюю ссылку, она и не предполагала, что увидит эти места. Так все необычно сложилось в ее жизни! Она стала женой ссыльного революционера и с тех пор не расстается с ним, куда бы ни забросила его судьба.

Нет, мешать ему она не станет, пусть себе лежит и думает о своем. Еще в Питере, где по возвращении из ссылки Серго сразу с головой окунулся в горячую революционную работу, они условились не разлучаться, быть вместе. Где бы он ни очутился, там будет с ним и она, и что бы с ним ни случилось, то случится и с ней. Но, идя на это, пусть Зина будет готова ко всему — вот о чем они еще условились — и пусть никогда ни в чем не будет помехой его деятельности. Пусть не претендует ни на его время, ни даже на его жизнь, весь он без остатка принадлежит революции. И как ни был жесток такой уговор для молодой женщины, она безропотно приняла его, и как бы трудно ни бывало ей в иные минуты — а переживаний было много и в Питере и после Питера,— она старалась даже не выдавать свои чувства.

Только изредка, лишь в особенно трудные минуты, её глаза выдавали то, что таилось у нее на душе.

Вот такую трудную минуту она и переживала сейчас. Стоя у вагонного окна, она старалась отвлечься от тревожных мыслей и настраивала себя так, будто самое важное для нее сейчас — это узнать, не Казбек ли виден вон за теми облаками. А душу грызло нарастающее беспокойство, и оно светилось в ее голубых глазах вопреки ее воле.

Ее тревожило все то, что предстояло впереди. Тревожило не потому, что там война,— перед тем как приехать на Терек, она уже насмотрелась всякого на Украине, на Дону и Кубани, где провела вместе с Серго последние месяцы,— а потому, что хорошо знала горячую натуру мужа, и еще потому, что почему-то побаивалась Кавказа. Там в самом деле очень все сложно — командир, уверявший в этом Серго перед отправкой поезда из Пятигорска, был прав, она слышала его слова. Из газет и материалов, которые Серго приносил с собой и которые она тоже с

жадностью прочитывала, у нее создалось представление, что на Тереке царит хаос. И как бы этот хаос не поглотил Серго, как бы он там не сгорел весь именно потому, что это Кавказ, его родина.

Страх за Серго невольно заставил ее вздрогнуть. Серго заметил это и приподнялся с дивана.

— А ты чего? — спросил он, задумчиво усмехаясь. — Тебе, надеюсь, не холодно?

— Нет, нет...

— Еще бы — июль на дворе, жара, — проговорил он, берясь за связку книжек, лежавшую около него в кресле. — Когда-то это был самый разгар курортного сезона. Сюда ездили со всей России лечиться, отдыхать. А сейчас...

Она прятала глаза, неотрывно смотрела в окно. Да, это, наверно, Казбек.

— А знаешь, Зина, я только что вспомнил Якутию и все, что мы с тобой пережили с тех пор, как началась революция. Ведь мы с тобой успели исколесить чуть ли не полсвета. И все едем и едем, и опять нас ждут новые места. Ты довольна?

— О, конечно!

— Я тебе еще в Якутии говорил: свяжешься со мной — покоя знать не будешь. Это еще только цветочки.

— Где цветочки, там и ягодки.

— Ты у меня молодец, Зина!

Все так же глядя в окно, она шутливо поклонилась:

— Благодарю за комплимент.

Он рассмеялся и только было взялся за книжку, как снаружи прозвучали выстрелы. Стреляли из густого кустарника по ту сторону дороги, куда смотрела Зина.

Серго оттеснил ее от окна и, выхватив свой маузер, успел на полном ходу поезда выпустить целую обойму по засевшим там, где-то в чащобе, бандитам. С паровоза и из окон остальных вагонов тоже гремели выстрелы.

— Отойди, Зина! — крикнул Серго, увидев, что она встала рядом, у другого окна. — Не торчи на виду!

Она не шелохнулась, и ни один мускул не дрогнул на ее круглом лице. Он покачал головой, но больше не настаивал, зная ее характер.

Поезд бешено мчался вперед сквозь пули, и вагон качало так, что Серго с трудом удалось перезарядить маузер. Вправо от Зины брызнули стекла. Несколько пуль

уже попало в вагон. Из тамбура допёсся негромкий крик:
— Амба! Черт подери!

Зина стрелой бросилась туда и через минуту втащила в коридор раненного в руку коменданта вагона Захара. Это был дюжий матрос, очень преданный Серге и старавшийся во всем походить на него — жестами, походкой, даже усы отрастил себе такие, как у Серге, но у матроса они были не жгуче черные, а цвета спелой пшеницы. Зина перевязала ему бинтом руку так быстро, как только могла, но матрос все торопил ее:

— Скорее же, Зинаида Гавриловна! Ну, что за церемония такая долгая!

— А ты не спеши, — урезонивала его Зина. — Все равно стрелять уже не сможешь этой рукой!

— А я левой. Ну сделайте милость, скорее!

— Ладно, ладно, не горячись...

Но стрельба уже утихла. Нападающие остались позади, и поезд стал сбавлять ход...

Это была уже не первая перестрелка со времени выхода состава из Пятигорска. А впереди еще предстояла Прохладная. Всех тревожила эта станция, хотя опасен был каждый километр пути. Дорога шла мимо казачьих станиц, настроенных враждебно к советской власти, и если бы бандитам удалось задержать поезд, то едущим в составе грозила бы жестокая расправа. Все они были вооружены, но при серьезном нападении не смогли бы долго сопротивляться. А между тем, чем ближе подходил поезд к Прохладной, тем чаще возникали перестрелки. Поезд шел медленно, осторожно ощупывая фонарями каждый метр пути, часто останавливался. Когда проезжали станицу Солдатскую, за перелеском было видно яркое зарево пожара. Чувствовалась близость фронта. Порой издали накатывалась волна глухого оружейного гула. Воздух сотрясали мощные удары, и снова наступала тишина.

На станции Солдатская к приходу поезда собралась толпа взбудораженных людей, которых никто сюда не звал. Тут были местные жители, бабы-солдатки, старые казаки, какие-то беженцы.

Серге вышел к толпе из поезда и оказалось: о нем уже тут слышали, — вот что его самого удивило, — знают, что он чрезвычайный комиссар, а приехал на Терек затем, чтобы выкачать побольше хлеба для голодающего центра.

— А сами что будем жрать? — причитала какая-то казачка в старой турецкой шали. — У нас чего останется? Мы-то кто, не люди?

Вокруг Серго сгрудилось на платформе больше сотни орущих мужчин и женщин. Напрягая голос, чтобы все слышали, он старался объяснить этим людям, что никакого хлеба отсюда вывозить не собирается, да и нет такой возможности — путь к центрам страны отрезан белыми генералами. Нет, зря тут на Тереке поддаются темным слухам. Не лучше ли вместо того разобраться как следует в происходящих событиях?

А ему кричали в ответ:

— Нечего разбираться, мы тут насмотрелись комиссаров — дай боже!

Выскочил из толпы к Серго пожилой рыжебородый дядька и стал хрипучим голосом митинговать:

— А кто такие большевики? Это те голодранцы, которые ничего не мают, а цо зароблят, то прогуляют, ао на папирсы растратят! У них никакого хозяйства немае, вот они и подались теперь на грабеж, а комиссары им спустительствуют! Не дадим хлеба, и все!..

Такие сценки Серго приходилось наблюдать не впервые. За последние месяцы, разъезжая по Украине, Дону и Кубани, он всего насмотрелся и натерпелся. И поэтому не горячился, отвечая рыжебородому, оказавшемуся местным зажиточным крестьянином. На митингах, где приходилось иметь дело с политически просвещенным противником, Серго порой срывался, кипел, бурлил, приходил в ярость. Но там, где перед ним была толпа простых людей, он становился удивительно терпимым и сдержанным.

Он не обрушился на рыжебородого с гневной речью за его тупые, нелепые рассуждения о большевиках, повторяющие доводы контрреволюционных агитаторов. Он стал спокойно рассказывать о том, что происходило в Питере в первые дни революции, о рабочих, солдатах и матросах, шедших на штурм Зимнего дворца, как бесстрашные герои, — не их ли имел в виду рыжебородый, крича о «голодранцах»? Не о тех ли рабочих и крестьянах идет речь, которые сейчас дерутся в Сибири, в Поволжье и здесь, на Юге, против интервентов и белогвардейских банд, несущих народу еще более худшее рабство, чем было при недавно свергнутом царизме? Не папиросками и вышивками забавляются бойцы Северо-Кавказской армии, загораживаю-

шие белым путь на Терек к богатствам Кавказа. Они проливают кровь за вас, товарищи герцы!..

Поддержали Серго высыпавшие из поезда пассажиры. Нина стала рядом с Серго, готовая его защищать. Но никому не пришлось выказать свое геройство — толпа покричала, пошумела и разошлась...

4

За Солдатской поезд сделал короткую остановку, и тут в вагон к Серго зашел грузный краснолицый мужчина с орлиным носом, в дорогой нарядной черкеске и папахе.

Это был известный на Тереке человек, звали его Шакро. Всюду, где требовалось выполнить какое-нибудь трудное поручение, появлялся Шакро. Он отличался одновременно отчаянной отвагой и дьявольски расчетливой хитростью. В партии он слыл человеком, с охотой берущимся за любое опасное дело. Это он устроил переезд только что избранного Терского Совнаркома во Владикавказ, где тогда еще бесчинствовали офицерские банды. Это он один поехал в горы Чечни и привел оттуда на съезд народов Терека делегацию горцев во главе с Асланбеком Шериповым и помог тем самым предотвратить уже вспыхнувшую было войну между казаками и горцами.

Неудивительно, что именно ему и поручили сейчас сопровождать поезд, в котором ехали чрезвычайный комиссар и его спутники.

В Пятигорск Шакро прибыл несколько дней назад с поручением Терского народного совета и, когда ему предложили обеспечить благополучный проезд во Владикавказ состава, в котором едет Серго Орджоникидзе, охотно согласился. И не успел еще поезд отойти от пятигорского перрона, как Шакро уже знал решительно все о каждом из едущих. Из честолюбия он называл себя «ответственным комендантом поезда» и часто являлся к Серго с докладами о происшествиях в пути.

— Убитых нет, раненых семеро, — сообщил он, с достоинством усаживаясь в кресло. — И могу доложить, что чести своей никто не опозорил. Все равно прорвемся!

— А что в Прохладной?

— Имеем сведения, что положение там напряженное. Станция в наших руках, а в станице — бичераховцы.

Серго уже давно заметил, что в вагоне нет Зины, и

спросил у Шакро, не видел ли тот ее в соседнем вагоне.

— Видел, как же, — ответил Шакро. — Помощника машиниста ранило в голову, она ему оказывает помощь.

Он все знал, этот удивительный человек, и побеседовать с ним было интересно. А наблюдательность Шакро просто даже поразила Серго.

Как раз перед приходом Шакро Серго перебирал свои старые бумаги и приводил их в порядок. Мандаты, телеграммы, записки, письма... Сколько их накопилось за одни только последние месяцы! Наиболее важные Серго отбирал для хранения, остальные уничтожал. Среди бумаг, которые он бережно разгладил рукой и отложил в сторону, зоркий глаз Шакро заметил письмо, подписанное Лениным.

— Хо! — воскликнул Шакро. — Дайте прочесть!

Серго охотно разрешил и рассказал, что это письмо он получил от Ильича полгода назад, когда был чрезвычайным комиссаром района Украины.

Письмо, очень коротенькое, гласило:

«Ради бога, принимайте *самые* энергичные и *революционные* меры для посылки *хлеба, хлеба и хлеба!!!* Иначе Питер может околеть. Особые поезда и отряды. Сбор и ссыпка. Провожать поезда. Извещать ежедневно.

Ради бога!»

Стоявшую в конце подпись Ленина Шакро долго и внимательно разглядывал.

— А знаете, мне тоже раз посчастливилось, — сказал он с гордостью. — Вы знали Буачидзе?

Серго потемнел. Ной Буачидзе был его лучшим другом детства, товарищем по подпольной работе. Гибель друга, о которой Серго узнал из газет, потрясла его, и каждое упоминание имени Ноя вызывало у него глубокую печаль.

— Когда Буачидзе стал председателем Терского Совнаркома, мы с ним раз вели разговор по телефону с Лениным, — начал рассказывать Шакро. — Это было во Владикавказе, на почте. Разговаривали по прямому проводу — у нас такой есть, — как бы между прочим заметил рассказчик, — и радиостанция есть, — добавил он и шумно вздохнул. — Но прямой провод с Москвой теперь уже не действует...

О беседе Буачидзе с Лениным Серго не знал и заставил Шакро подробно рассказать о ней. И чем больше рассказывал Шакро, тем глубже становился интерес Серго к каждому слову беседы.

Буачидзе, как и Серго, лично знал Ленина по заграничным встречам до революции, и, когда несколько месяцев назад съезд народов Терека установил в области советскую власть, Буачидзе тут же поспешил сообщить об этом Ленину.

— Сначала мы говорили, а он слушал, — рассказывал Шакро. — О чем говорили? О политическом положении на Тереке, о трудностях, конечно, о том, как приходится большевикам тут работать, а потом Ленин стал задавать вопросы. О чем? О положении грозненского пролетариата. О разрешении земельного вопроса. Интересовался Ленин взаимоотношениями между горцами и казаками и предлагал немедленно приступить к наделению горцев землей. Спросил о состоянии вооруженных сил на Тереке и предложил создавать больше отрядов из горского крестьянства и казачества.

— А еще о чем говорили, Шакро?

— Ленин еще спросил у Буачидзе, не знает ли он о положении в Закавказье. Буачидзе правильно на все ответил, а потом стал вдруг, понимаешь ли, говорить с Лениным по-французски. Тут я сказал: «Нет, товарищ Буачидзе, это не годится! Говори по-русски, чтобы я понимал ваш разговор!»

Последние слова Шакро заставили Серго весело усмехнуться.

— Разве я был неправ? — озадаченно округлил глаза Шакро. — Я французского не учил, а хочу знать все!..

В Пятигорске Серго немало рассказывали о терских рабочих, многих он лично знал. Но никакие рассказы не дали ему столько, сколько разговор с Шакро. Рядовой коммунист, требующий, чтобы вопросы, затрагивающие государственные дела, обсуждались на понятном ему языке, был очень понятен Серго. Ему казалось, что за этим кроется одна из характерных черт нынешней революции: народ хочет участвовать вместе со своими руководителями в решении ее судеб.

И пока Серго думал об этом, снова и снова проверяя свое поведение за последние месяцы, Шакро продолжал рассказывать о беседе Буачидзе с Лениным. Кончилась она, по словам Шакро, тем, что Ленин попросил председателя Терского Совнаркома передать привет народам Терека. Пусть помнят, что за их спиной стоит революционная Россия, всегда готовая им помочь.

— Как, как? — очнулся от своих раздумий Серго. —

За их спиной стоит революционная Россия? Ильич так и сказал?

— Пускай мне с этого места не сойти, если не так! — поклялся Шакро.

Тут поезд вдруг резко затормозил, и «ответственный комендант», вспомнив о своих обязанностях, в одно мгновение выскочил из вагона.

Серго поспешил за ним.

Оказалось, впереди на перегоне разобран путь. Состав едва не полетел под откос. Пассажиры высыпали из вагонов и стали помогать стрелкам приводить в порядок дорогу.

Серго работал вместе со всеми — таскал шпалы, камни, песок, — а из головы не выходил рассказ Шакро.

В ярком свете паровозных фонарей Серго бросилась в глаза знакомая фигурка. Это была Бодрова. Она разравнивала лопатой кучу щебня. Серго улыбнулся ей издали и помахал рукой:

— Ну, как живем?

Нина радостно вспыхнула, тоже помахала рукой.

— Так интересно все! — отозвалась она, невольно заставив Серго снова улыбнуться. — Просто удивительно!..

...Опять поезд мчался сквозь ночь на юг. И там, впереди, все яснее голубела под луной на горизонте сверкающая снегом горная цепь.

И снова Зина стояла у окна и неотрывно смотрела на эту цепь, а Серго лежал на диване и думал уже не о прошедших событиях, а о том, что предстояло впереди.

5

Поезд шел, как бы спотыкаясь о каждый столб, и каждый раз Шакро являлся с докладом о причинах остановки. Кроме того, у него то и дело возникали идеи, которые он спешил тут же изложить чрезвычайному комиссару.

Не считает ли Серго, что к его приезду во Владикавказе должен быть созван Чрезвычайный съезд народов Терека? Не просто очередной, а именно чрезвычайный. Можно сразу же, с дороги, передать по телеграфу распоряжение о созыве такого съезда.

— Нет, — отвечал Серго. — Подождем.

Шакро начинал бурно доказывать, что съезд нужно созвать немедленно, и брался в два — три дня собрать во Владикавказе делегатов со всего Терека.

— Подождем,— отвечал Серго.— Разберемся, подумаем, тогда решим.

А не считает ли Серго, что должен быть обнародован новый декрет о полном земельном переустройстве на Тереке? Он, Шакро, берется организовать массовое переселение горцев на их прежние земли, а казаков переселить в другие места. На прошлом съезде народов Терека такое решение принималось, но оно так и осталось невыполненным.

— Всех казаков переселить? — удивился Серго.

— Нет, решение съезда было о нескольких станицах.

Серго отрицательно качал головой. Он знал, что земельный вопрос на Тереке один из самых сложных...

— Так что, решаем? — спрашивал Шакро.— Есть согласие?

— Нет,— отвечал Серго.— Тут нельзя спешить. Посмотрим.

Возникали у Шакро и другие проекты. Это был человек кипучей энергии, которую он всю без остатка был готов отдать революции, и Серго скоро проникся к нему искренней симпатией. Самая буйная фантазия как-то совмещалась в Шакро с трезвой осмотрительностью. И, несмотря на увлекающуюся натуру, он очень толково и умело выполнял все, что ему поручали.

Когда Шакро уходил, Серго рассказывал Зине о своих разговорах с ним, и та весело смеялась. А Серго качал головой. Он чувствовал — за всем тем, что говорит и предлагает Шакро, лежит нечто серьезное, и, так или иначе, раньше или позже эти вопросы придется решать.

Все, что он знал о положении на Тереке, говорило ему, что народ делает здесь революцию по-своему, общему процессу строительства новой жизни здесь сопутствуют свои особенности. И он старался разобраться в них, излагаясь на свои старые знания Кавказа и на то, что он сам кавказец.

Из Пятигорска он прихватил с собою кипу газет и книжек и теперь жадно листал их.

Был среди книжек старый справочник «По Кавказу». Он пестрел цифрами. Казаков на Тереке — 150 000, чеченцев около 400 000, кабардинцев — 200 000, осетин — 250 000, ингушей — около 100 000, иногородних крестьян — более 300 000. По мере того как Серго листал справочник, перед глазами вставал удивительный край. Стремительный, ревущий поток несется с гор, увлекая за собой

огромные камни. Сакли с плоскими крышами... Лишь изредка попадаются возделанные клочки земли... Это северные отроги Кавказского хребта, населенные горцами. Вековое невежество и беспросветная нищета царят здесь среди многочисленных народностей и племен, живущих зачастую еще по древним законам адата.

Из горных теснин река вырывается на обширную равнину. Тучные, плодородные поля. Бескрайные степи, среди которых раскинулись казачьи станицы...

Некогда эта равнина принадлежала горцам.

Сколько уже тут пролилось крови с той поры, когда русское самодержавие воцарилось на Кавказе! Оно действовало здесь по принципу «разделяй и властвуй». Все строилось на вражде, на злобе...

«И, разумеется,— думал Серго,— за сто лет такой вражды и злобы накопилось немало взаимных обид. Вот что самое страшное».

Может ли здесь когда-нибудь наступить мир? Буйный Терек — станет ли он тихим краем, где казак и горец, встретившись по дороге, поздороваются, как хорошие соседи, постоит, поговорят об урожае, о красоте восхода?

Мечта...

Да, что ж — мечта революционера. Мечта о том, во имя чего все трудности, выстрелы, кровь, горе народное.

Опять вспомнился Ленин, его забота о далеком Тереке.

Нет, нельзя отдавать край на произвол бичераховцам. Завладев Тереком, они намного умножат силы Деникина и ослабят тыл нашей Северо-Кавказской армии на Кубани.

Понимание всей серьезности обстановки и заставило Серго поторопиться на Терек. И сейчас, после рассказа о беседе Буачидзе с Лениным, он еще больше убедился в том, что он здесь нужен. Издалека, но как прозорливо увидел Ильич важность Терека для страны как опорного пункта революции на Кавказе!

И таким он должен стать.

Серго отложил справочник. Глаза устали. За окном мгла еще больше сгустилась, но чувствовалось, что до расвета уже недалеко. Зина и Захар пили чай в соседнем купе и, полагая, видимо, что Серго спит, переговаривались шепотом, чтобы его не разбудить.

— В море все как на ладони,— утверждал Захар,— а на суше везде такой кавардак, что ни черта не разберешь. В море и красоты больше.

— Здесь тоже красиво,— говорила Зина.— Казбек, например... Ведь это мы его видели, правда?

— Тут этих гор тыщи,— отвечал матрос.— Разве разберешь?

6

Перед самой Прохладной Серго задремал. Сказалась усталость последних дней — непрерывные разъезды по Кубани, остановки в городах и станицах, заседания, митинги, споры с эсерами и меньшевиками, ночевки в окопах... Надо было обладать железным здоровьем Серго, чтобы не свалиться с ног. Он бросался в самые трудные места, где требовались помощь, поддержка, где враг грозил разорвать фронт и ринуться в тыл армии.

Разбудил Серго шум голосов, раздавшихся где-то рядом. Открыв глаза, он увидел за окном вагона неясные фигуры каких-то военных и штатских людей. Поезд стоял у приземистого вокзального здания, на котором отчетливо проступало: «Прохладная». Наспех приведя себя в порядок перед зеркалом, Серго выскочил на перрон. Тут к нему подошел один из штатских и, приподняв шляпу, представился:

— Маркус, секретарь Владикавказского горкома.

За ним представились и остальные. Это были терские комиссары, прибывшие сюда для встречи Серго, и командиры прохладненского участка фронта. Стояли тут и Бетал, и Цаголов, и рослый плечистый ингуш Керим-Султан. Серго радостно пожал всем руки, а тех, кого давно знал, крепко обнял и расцеловал. Цаголова, которого Серго по ошибке тоже обнял, приняв его за старого знакомого, даже удивило такое бурное проявление чувств со стороны столь высокопоставленного лица.

Те же, кто был и раньше знаком с Серго, несколько не поразились этому: они знали добросердечие и страстную натуру Серго и тоже были искренне рады встрече с ним.

— А тот, которого вы обняли,— это Георгий Цаголов, секретарь ЦК партии «Кермен»,— смеясь, представил Маркус горца.— Знать вы его не могли. Это уже, так сказать, молодые кадры.

— «Кермен»? — переспросил Серго.— А-а, знаю...

Он вспомнил, что в Осетии в прошлом году образовалась революционная крестьянская партия, принявшая имя

почитаемого там легендарного народного героя Кермена. Она шла за большевиками, а недавно совсем влилась в их ряды, и Серго был рад познакомиться с ее руководителем. Это был один из немногих горцев, учившихся в университете. Его большие черные глаза сверкали по-юношески чисто и задорно. Было в нем что-то похожее на одного человека, с которым Серго вместе учился в детские годы в школе и который недавно погиб.

Буачидзе...

Вспомнив о нем, Серго сразу помрачнел.

— Как Ноя жалко! — проговорил он. — Я надеялся еще увидеться с ним.

— Он достойно принял смерть, — твердо произнес стоявший сзади Бетал. — Так умереть не жалко.

Серго не сводил глаз с Бетала. Вот, по-видимому, еще один из тех молодых горцев, новых кадров, о которых сказал Маркус. Горячие, смелые ребята, с ясным взглядом, готовые ради революции на все.

— Дай руку, и будем кунаками, — сказал Серго, шагнув навстречу Беталу. — Ты хорошо сказал.

Пожимая руку Серго, Бетал подумал: «О, этот человек сможет быстро найти дорогу к сердцам людей!»

Маркус поздравил Серго с благополучным приездом.

— Как? — удивился Серго. — Ведь мы еще не во Владикавказе?

— Можете уже считать себя почти дома. Самое страшное осталось позади.

— Особенно страшного я что-то не заметил, — пожал плечами Серго.

— Это потому, что Бутырин расположил в некоторых, наиболее опасных местах дороги отряды — вот этих товарищей, — сказал Маркус, показывая на Бетала, Цаголова, Керим-Султана и других военных, стоявших вокруг Серго. — Это они дали вам возможность прорваться сюда.

— Вот как? — удивился Серго и тут же нахмурил брови: — Ну зачем же было отрывать их от дела? Ради моей особы этого не стоило делать.

— Разве, делая ради вас, мы не делаем для революции? — спросил Цаголов. — Для нас революция — это те, которые ведут нас к новой жизни.

— Нет, друзья, — возразил Серго, — революция — это мы с вами...

Серго не знал Маркуса и за разговором внимательно

разглядывал комиссара. Интеллигент с головы до ног, еще молодой, с тонкими чертами лица, он понравился Серго. Несмотря на молодые годы, он немало поработал в революционном движении на Тереке.

— Тут очень помогли наши бронепоезда, — сказал Маркус. — Как видно, вас хотели захватить живьем...

— А зачем я им нужен живой?

— Им? Не знаю... Нам вы нужнее.

Все стоявшие вокруг Серго рассмеялись.

— А где Бутырин? — поинтересовался Серго.

— Он курсирует на бронепоезде по дороге...

С этой минуты и до самого приезда во Владикавказ уже не затихал шум голосов в вагоне Серго. Люди сидели во всех купе, и Зина не успевала поить их чаем, а Захар — высыпать за окна окурки из пепельниц. На остановках одни уходили, вместо них появлялись новые лица, и все время Серго окружали люди. И он был доволен, что тихие часы кончились. Они прошли, конечно, не без пользы, но одиноким раздумьям Серго все же больше предпочитал общество людей. К людям он был жаден и среди кипения страстей, среди разноречивых людских интересов чувствовал себя как в родной стихии.

На Тереке с первых дней февральской революции произошло много событий. Серго интересовался всем, заставил рассказать о предыдущих съездах народов Терека, расспрашивал о том, какие люди входят в партийную организацию Владикавказа, каковы сейчас вооруженные силы республики. Историю отъезда Кирова в Москву Серго знал, но заставил снова рассказать о нем; ему хотелось знать, как выступал Киров на съездах, о чем писал в газетах. Разложив перед собой карту, он требовал показать, какие станицы идут за Бичераховым, а какие его не поддерживают.

— Есть тут среди вас казаки? — спросил он.

Среди людей, собравшихся в вагоне, таких не оказалось, и, когда Серго явно огорчился этим, Шакро заявил, что если бы он знал об интересе Серго к казакам, то прихватил бы из Пятигорска одного дельного казака, который только вчера еле живой прибрел туда из плена. Он член Народного совета, председатель станичного совета в Марьинской, и фамилия его — Дьяков.

И Шакро рассказал затем услышанную от казака историю его ареста и побега.

— Так вы скажите: он нужен вам? — спрашивал Шак-

ро.— Если очень, то пожалуйста — он будет вам доставлен. Он остался в Пятигорске, чтобы с отрядом вернуться в свою станицу.

— Значит, он в Пятигорске! — раздался голос Бетала.— Ох, как хорошо! Это мой друг...

К Владикавказу поезд подошел в глухой предрассветный час. В вагоне Серго и на платформе около вагона не затихал говор. Серго был так занят в эти первые минуты, что Зине удалось только на очень короткое время уединиться с ним у окна. Небо светлело, и на юге за городом вставала какая-то сверкающая снежная вершина.

— Это Казбек? — спросила Зина.

— Ош... А что?

— Ничего... Извини, что оторвала от дела...

А в девятом часу утра Серго уже выступал на привокзальной площади перед эскадроном молодых осетин-корменистов, выстроенных для встречи чрезвычайного комиссара, и первыми его словами были слова приветствия горцам Северного Кавказа от имени Центрального Комитета партии, от имени Ленина. Пусть помнят, что за их спиной стоит революционная Россия, весь народ великой страны!..

Стоял тут, на площади, в толпе и старый паровозный машинист Иван Ильич, приведший сюда состав из Пятигорска. Человек по характеру ворчливый, сердитый и желчный, он хмуро выслушал речь Серго и сказал стоявшему рядом рабочему железнодорожных мастерских — высокому, худощавому парню в черной шляпе:

— Мое дело, конечно, маленькое. Состав я доставил, а что на нем ехало чрезвычайное лицо или самое нечрезвычайное — это мне все равно. Но ежели бы у меня это лицо спросило: «Иван Ильич, скажи, стоит ли ехать в этот чертов Владикавказ?» — я бы отсоветовал. Ни за что! Ничего тут не переменишь, и никогда тут мира не будет — народ такой! Все разбойники, почище Зелим-хана!..

— Что за ересь ты несешь, Иван Ильич! — с горячностью возразил парень в черной шляпе.— Мы с тобой в рабочем классе состоим и должны рассуждать по-пролетарски!

— «По-пролетарски!» Скажи пожалуйста! — продолжал ворчать Иван Ильич.— Наш начальник тоже чуть что — кричит: «Вы теперь — господа, вы — рабочий класс!»

А я так рассуждаю: ежели я господин и власть моя, то я должен все иметь, а у меня в Пятигорске семья голодная сидит да у самого кишки марш играют.

— Ох, Иван Ильич! А сознательность твоя где? Слышал, что говорил сейчас чрезвычайный комиссар? Партия призывает...

— Постой, Дмитриев, не трещи!..

К Ивану Ильичу протискивался сквозь толпу его помощник — черномазый парнишка с перевязанной головой.

— Ты что, цуцик этакий, паровоз бросил? — встретил его грозным окриком Иван Ильич. — Без тебя митинг тут не прошел бы?

— Паровоз велели в депо поставить, — сообщил, волнуясь, помощник. — Обратно уже не проедем.

— Как не проедем?

— А так. Сейчас на станцию обгорелый броневик пришел. Много раненых привезли из-под Прохладной. Там бой был, и наших отбросили...

Иван Ильич, не дослушав, но уже представив себе весь ужас случившегося, в сердцах сорвал с себя шапку и с силой швырнул ее оземь.

— Я же говорил — не будет тут ни мира, ни порядка, пускай сюда хоть тысячу чрезвычайных пришлют! Это же чертов Терек!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Георгий Николаевич Ильин, редактор владикавказской газеты «Народная власть», знал так много о событиях дня, большая, черная, коротко остриженная голова этого еще совсем молодого человека с мальчишески лукавой ухмылкой на худощавом лице вмещала столько сведений, что его называли ходячей энциклопедией. К нему охотно обращались за справками из разных учреждений города. Но когда к нему в кабинет вдруг явились трое рабочих из железнодорожных мастерских и спросили, с какой целью прибыл сюда чрезвычайный комиссар Серго Орджоникидзе, Ильин только развел руками.

— Не знаю, что и ответить вам, дорогие товарищи, — сказал он, жестом приглашая рабочих сесть в кресла. — Это видный деятель нашей революции, и приезд такого человека можно только приветствовать. Думаю, он придет помочь нам...

В кабинете Ильина сидел заведующий городским клубом, партийный активист Серобабов. Это был мужчина лет тридцати, с подвижным, живым лицом. Он прежде работал кузнецом в железнодорожных мастерских и хорошо знал тех, кто сейчас пришел спрашивать об Орджоникидзе.

— И чего вы пришли сюда с такими глупыми вопросами? — накинулся он на рабочих. — Ежели хотите узнать, кто да зачем, то действуйте по-большевистски, а не так, как вроде в буржуазном парламенте.

— Ты, Федор Иванович, не в курсе и лучше молчи, — возразил старший из рабочих, теребя в руках шапку-

керенку. — А нам известно, что в день приезда на вокзалё он обещался дать золотые горы, а теперь, понимаете, крутит. Слух идет...

— Что значит «крутит?» — поморщился Ильин.

— А то и значит. На митинге говорил красиво, дескать, за вами революционная Россия, а как до дела дошло, он с нас же, с голых, давай требовать!

— Чего требовать?

— Как — чего? Видишь, ужас какой в крае творится? А что мы сами можем? Мы же Кирова затем и посылали, чтобы нам была помощь...

— Правильно, — тряхнул головой Ильин, — но видите, как сложилось. Нас отрезали от центра. Впереди — белые, позади — горный хребет. Вот в чем дело, товарищи. Орджоникидзе оказался внутри кольца, и то, смотрите, с каким трудом прорвался к нам!

— Ну и что? Прорвался, а сам с голыми руками...

— Да еще мало того, — вставил другой рабочий, — с нас и требует. Выступал он, говорят, сегодня на Алагирском заводе, и всё: «Вы должны!», «Вы обязаны!» и так далее.

— Эх, Петя, Петя! — с укором покачал головой Серобабов. — Извини, пожалуйста, что вмешиваюсь, но, вот, ей-богу, не узнаю товарища — а мы же с тобой за одним верстаком стояли.

— Ты теперь начальник — ручки вымыл.

— Знаешь, Петя, лучше помолчи. Хороший ты человек, да горячий. С кого же ему требовать, Орджоникидзе-то, как не с нас? Господа, что ли, революцию делают? Мы!..

Ильин, слушая эти разговоры, то хмурился, то улыбался.

— Товарищи! — потребовал он тишины. — Пропу спокойнее, по-пролетарски давайте. Среди рабочих, как я понимаю, пущен слух, будто... будто Орджоникидзе при-был сюда не помогать, а требовать...

— Тогда зачем он приехал? — крикнул третий рабочий, рыжебородый человек в кузнечном фартуке. — Сами бьемся из последних сил!..

— Допустим, так, — спокойно продолжал Ильин. — Но...

Какая-то мысль вдруг пришла редактору в голову, и он со свойственной ему журналистской живостью тут же за

нее уцепился, схватил с соседнего стола подшивку газет за последние дни:

— Вот посмотрим, что говорил товарищ Орджоникидзе на митинге. Сейчас... Минутку... Ага! Вот эта фраза: «Помните, товарищи, за вашей спиной стоит вся революционная Россия...» Но что из этого следует, друзья? Тут вовсе не сказано, что на Тереке скоро потекут молочные реки в кисельных берегах.

— Да причем тут молочные реки! — хмуро отозвался пожилой рабочий. — Нам бы войск да оружия, пушек, винтовочек.

— А где их взять столько? — спросил Ильин.

— Значит, это он так, на ветер сказал, — проворчал тот, кого Серобабов называл Петей, хотя это был дюжий, уже расплывшийся мужчина пожилых лет. — Слова можно всякие произнести...

— Нет, друзья, это не простые слова, — горячо запротестовал Ильин. — Я цену словам знаю и уверяю вас: тут мы имеем дело не с простым красноречием. Без поддержки центральной власти и всего пролетариата России нам не одолеть врага, но нельзя это понимать так просто, как некоторые... Вот он приехал, выступил, и, знаете, всем нам как-то веселее стало. Уже одно то, что мы от него услышали и узнали, прибодрило нас. Понимаете, есть вещи, которые непосредственно не помогают, но воодушевляют. А что касается помощи, то и она придет, вот увидите. Только надо больше терпения и выдержки...

— Сознательности нету, — подал голос Серобабов. — А еще партийцы!

Рабочих это замечание взорвало и обидело, и в течение нескольких минут в кабинете Ильина не затихали ярые крики. А Ильин сидел, слушал и вспоминал Кирова. Как тонко умел тот разговаривать с рабочими! При нем они никогда не поднимали шума. Он сам никогда не кричал, и никакой грубиян не позволял себе в его присутствии поднимать голос.

Как-то, еще в первые недели после свержения царя, в железнодорожных мастерских произошел такой случай. Готовилась манифестация, и Киров, вместе с бывшей тогда секретарем горкома партии Поляковой приехав в мастерские, с удивлением обнаружил среди портретов, с которыми рабочие собирались выйти на манифестацию, большой портрет Родзянко — архибуржуазного министра Временного правительства. Полякова возмущалась, рас-

кричалась, а Киров превратил все в шутку, весело посмеялся, и, когда рабочим стала ясна их ошибка, они сами хохотали над тем, что так опростоволосились.

Ильин всегда помнил об этом случае и тоже старался держать себя с рабочими так, чтобы при нем они не кричали. Но, как видно, тут нужен особый дар, и у него это не всегда получалось.

А Серго, будь он здесь, наверно, бурно поспорил бы с рабочими — характер у этого человека другой. Уже в первый день после приезда он дал всем почувствовать свой темперамент. Особенно погорячился он на собрании партийного актива.

Во Владикавказе находился сейчас Кавказский крайком партии, перекочевавший сюда из Тифлиса, где ему угрожал разгром от меньшевистского правительства Жордания. Днем на станции, в вагоне Орджоникидзе, собрались члены крайкома и терские комиссары-большевики. Послушали сообщение приехавшего о положении в стране, рассказали ему о положении в городе и крае. Ильин и некоторые другие коммунисты в начале совещания были несколько обеспокоены. Горячий, бурный в проявлениях своих чувств Серго невольно заставлял подумать: о, с таким нелегко будет ладить! На совещании он сразу же заспорил с некоторыми местными работниками.

От него потребовали, чтобы он связался с Москвой по радио и добился срочной помощи Тереку. Высказывались энергичные пожелания, чтобы Серго, пользующийся влиянием в Северо-Кавказской армии, потребовал от командования немедленной помощи войсками для разгрома Бичерахова. Серго назвал тех, кто этого требовал, «удельными князьками» и заявил, что не Тереку надо помогать, а Москве, армиям, сражающимся на востоке и юге страны против нашествия интервентов и белогвардейской контрреволюции.

Серго возразили: а на митинге он говорил, что за нами стоит вся революционная Россия. И тут произошло нечто, заставившее Ильина и других по-новому взглянуть на Серго.

Он от души расхохотался, дружески обнял за плечи того, с кем спорил, и сказал:

— А революцию делать — это не помощь? Разве штурм Зимнего и выстрел «Авроры» не отдались здесь, на Тереке? — И уже серьезно добавил: — Нам всем еще надо

учиться понимать взаимодействие сил в революции. Ну и давайте учиться вместе!..

«У него живой ум», — думал Ильин, шурясь от яркого солнца, заливавшего кабинет. Под незатихающую перебранку рабочих с Серобабовым он думал еще о том, что в лежащую у него на столе статью надо обязательно внести и те слова, которые Серго произнес в вагоне, — насчет взаимодействия сил в революции...

Ильина вдруг словно озарило. Статья, над которой он до прихода Серобабова и рабочих долго бился, стала ясной, пришли нужные мысли, и, схватив карандаш, он тут же, при людях, стал ее дописывать.

— Выйдемте отсюда, — попросил Серобабов рабочих. — Не будем мешать человеку...

Все четверо потихоньку вышли в соседнюю комнату и там сразу же снова сцепились в горячем споре.

В углу комнаты за столом работала молодая черноволосая журналистка Тамара Резакова.

— Товарищи! — остановила она спорящих и шутливо добавила, обращаясь к Серобабову, которого хорошо знала по совместной партийной работе: — У нас не клуб, а редакция! Вы с чем пришли?

— Я?.. — растерянно отозвался Серобабов. — Признаться, из-за спора уже и забыл... А-а! Я вот зачем: у нас в клубе скоро пойдут «Волки и овцы». Хочется дать объявление.

— «Волки и овцы»? — обрадованно воскликнула Резакова. — Обязательно пойду посмотрю! Очень люблю театр!.. Ну, присаживайся, вместе продумаем текст объявления... А вы зачем пришли, товарищи? — обратилась она к рабочим.

Те, не отвечая, направились к выходу, но тут из дверей кабинета выглянул Ильин.

— Эй, стойте, стойте! — крикнул он рабочим.

Держа в руках дописанную статью, он вышел на середину комнаты и сказал:

— Товарищи, послушайте!..

И он прочел вслух свою статью всем, кто тут находился: рабочим, Серобабову, Резаковой, появившейся в дверях редакционной курьерше... Статья была полна таких выражений, как «сыны ущелий и гор», «могучий пламень революции», «мы идем все вперед и выше». Несмотря на эти пышные и яркие слова, статья понравилась. Рабочие даже расчувствовались и стали жать руку Ильину. Конеч-

но, сознательность нужна, кто спорит, но жизнь такая, что иной раз и срываешься, скажешь не то, что надо, а вообще-то — кто может быть против приезда хороших людей на Терек? Только бы помогли малость! Ведь с тех пор как началась революция, тут, на Тереке, нет никому покоя. Дня не проходит без стрельбы и разных стычек!

— Везде же так, — заметил Сербобабов.

— Мира бы нам хоть немножко, — говорил Петр. — Мира да порядка...

— А кто же тебе это на тарелочке подаст? — опять не стерпел Сербобабов. — Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и не герой.

— Тема! — воскликнул Ильин, переглядываясь с Резаковой. — Написать бы, а? Весь этот спор...

Когда Сербобабов и рабочие ушли, Ильин сказал Резаковой:

— Черт знает что! Город замусорен слухами, как рыбная лавка чешуей. Подумайте только: не успел человек приехать — а о нем уже всякие слухи ходят! А насчет нашествия горцев слышали?

— Нашествия? Это еще что за новости?

— Вы думаете, провокаторы дремлют? В городе поговаривают, что на Владикавказ сегодня ночью обрушатся горы.

— Нет, серьезно...

— Слух такой, что горцы будто бы собираются разрушить и разграбить город.

— Откуда это взяли?

— За что купил — за то и продаю, — шутливо отозвался Ильин. — Вот что, Тамара дорогая: вам не мешало бы зайти в железнодорожные мастерские, благо они рядышком, и провести с рабочими беседу на текущие темы...

— А не лучше ли организовать широкое собрание рабочих с выступлением Серго?

— Серго? Это резонно, — тут же согласился редактор и позвонил в горком партии.

Говорил с Маркусом минут пять, потом, положив трубку, посмотрел на Резакову:

— Представьте, он сидел в горкоме сейчас, когда я звонил, и через Маркуса передал, что обязательно заедет в мастерские. Как видите, ваше предложение кстати пришлось.

Резакова молча сунула блокнот в карман жакетки и вышла из редакции.

Огни в городе рано погасли, и притихли, притаились в ночи каменные клубки улиц по обоим берегам Терека. Как цепной пес, залег город у самых ворот Кавказа, и мрачно чернели вокруг него ущелья и склоны предгорий хребта.

Некогда это была казачья крепость. При Екатерине II ее называли Владикавказом («Владей Кавказом»). Больше ста тридцати лет, до самой революции, разросшийся город верно служил своей цели: держал в узде горцев, загнанных в бесплодные теснины гор.

Но в эту июльскую ночь 1918 года дни его, казалось, были сочтены. Северные склоны хребта будто сдвинулись с места и грозили оставить на месте города одни руины.

Ночью во Владикавказе не спали. Дурной слух — страшнее чумы. Вот такой слух и пополз еще со вчерашнего вечера сначала по Александровскому проспекту, где целый день отсиживается всякая празднующаяся публика, потом слух перекинулся из двух- и трехэтажного центра города на одноэтажные окраины-слободки и разлился мутными ручейками по ближним селениям и станицам.

Слух был такой. Тысячные орды вооруженных горцев будто бы идут на город. Идут чеченцы, осетины, кабардинцы, ингуши, балкарцы — идут, чтобы не оставить камня на камне от Владикавказа и тем предотвратить захват города моздокскими казаками. Пусть лучше город погибнет, но не достанется бичераховцам, но только бы не дать казачьим атаманам вновь воцариться здесь.

Не все верили в этот слух, иные даже возмущались — чепуха, ложь, провокация, не поддавайтесь, граждане, это враги революции распространяют, — но слух не притихал, и даже в правительственных учреждениях города на всякий случай приняли меры. На некоторых перекрестках ставили пулеметы.

В темноте у ворот переговаривались:

— Просто ужас, что это будет! Чего только не пережил наш край!

— Это будет второй Помпеей.

— Я что говорю? Я говорю — нечего бояться. Не власть, так сами дадим отпор!

— Ой, на наш народ разве можно положиться? Коли па то пошло, я вам скажу: кто дышит, тот должен стра-

дать, а кто мыслит, тот должен плакать. Еще хлебом горя, увидите!..

Испуганно всплескивали женщины руками: что ж это будет, что будет?! С февраля прошлого года, как скинули царя, чего только не пережил Терек! И впрямь же буйный, будь он неладен! Да есть ли где на земле подобное проклятое место, где бы такое творилось!..

Проезжала по улицам охрана. В ночи цокали копыта. Да что в ней, в этой охране, толку? На весь город три — четыре роты войск да сотни две конных керменистов.

— Это все-таки безобразия! Считается — Терская республика, даже свой совнарком создали, полно разных комиссаров в городе, а порядка нет!

— Да где он сейчас есть, порядок-то? Революция. Все по-новому перевернулось в России.

— Ерунда, дорогой. Ново лишь то, что хорошо забыто. Революции и беспорядки всегда бывали и будут...

Представьте себе такую ночь, если сами не переживали подобного в бурном 1918 году, войдите в положение людей, взбудораженных тревожными слухами, и вы поймете, что испытала жена военкома Бутырина, когда в ворота небольшого домика, где она жила, слышался сильный стук.

В окне второго этажа мелькнуло колеблющееся пятнышко вспыхнувшей свечи. У ворот стоял всадник.

— Эгей! — крикнул он зычным голосом. — Отворите! Это я — Керим-Султан!

Окно раскрылось, и оттуда слышался молодой женский голос:

— Что вам нужно?

— Спросить надо...

— Ну, спрашивайте.

— Зайти надо. Потом спросить.

— Вы назвались Керим-Султаном. Я знаю Керим-Султана из Ингушетии.

— Это я и есть, госпожа.

— Я не госпожа.

— О, прошу извинить, — усмехнулся всадник. — Дурная привычка!..

Всаднику открыли ворота. Въехав во двор, он спрыгнул с седла, закинул поводья за луку, засучил рукава, вытер платком спину и грудь запотевшего коня. На крытой галерее второго этажа горца встретила молодая миловидная женщина в халате и ввела его в освещенные ком-

наты. Из детской с испугом выглянули три сонные детские головки.

— Здравствуйте, Керим-Султан, что так поздно? — спросила Полина, подбирая полы халата и усаживаясь на тахту. — Садитесь рядом и рассказывайте.

Дети во все глаза глядели на дюжего горца в черкеске, вооруженного с головы до ног. За плечами — винтовка, у пояса — кинжал, на боку — револьвер в громадной кобуре. А выражение лица у горца было совсем не грозное, скорее даже добродушное. Он сел на тахту так осторожно, словно это была хрупкая детская игрушка.

— Я к товарищу Бутырину. Он здесь?

— Мужа называете товарищем, а меня госпожой? — с шутливой укоризной сказала горцу Полина. Заметив, что дети вылезли из постелей, она погрозила им издали: — Спать! Спать!..

Якова Петровича дома не оказалось, и Керим очень огорчился, узнав об этом.

— Я привел отряд в его распоряжение, — сказал горец. — Сто всадников. А самооборона не пускает их сюда. В Народный совет заехал — закрыто. Где власть? Почему спит?

— Это вы привели своих людей, чтобы защитить город от...

— Да. Очень спешили...

— Мой Яков Петрович не поверил в этот слух, но на всякий случай самообороне было велено никого не пускать в город. Вы одни, думаете? С вечера сюда на квартиру без конца звонят. Я еще глаз не сомкнула. Все предлагают свою помощь. Из Грозного уже было направилась к нам два батальона, но Яков Петрович приказал вернуть их...

Ингуш неодобрительно мотал головой. Не следовало бы Народному совету так беспечно отказываться от помощи. Время такое, что все возможно. Опасность все равно грозит городу — если не со стороны несознательной части горцев и не от моздокских мятежников, то от провокаторов, засевших в самом городе. Он, Керим, это хорошо знает. Положение таково, что завтра может с новой силой вспыхнуть всеобщая межнациональная война в крае, еще более ужасная, чем до сих пор.

— Да что вы говорите! — воскликнула Полина и инстинктивно оглянулась на дверь, за которой находились ее дети. — Из-за чего же это может вспыхнуть?

— Из-за обоза...

— Обоза? Какого обоза? Что вы говорите?

— Да. Из-за обоза, — подтвердил Керим-Султан. — Я человек верошный, знаю, что говорю.

— Но при чем тут обоз, ради бога!

Полина долго не могла понять, в чем дело, а горец, не очень хорошо изъяснявшийся по-русски, все твердил «обоз», «обоз». Постепенно она все же разобралась, о чем речь.

Ингуши из аула Базоркино намеревались с разрешения властей провести завтра через город обоз с кукурузой для голодающих земляков, живущих на Военно-Грузинской дороге.

Врезаясь клином в глубь Ингушетии, казачьи станицы запирали выход многим аулам и не давали им возможности сообщаться между собой. Мятеж Бичерахова обострил вражду между казаками и горцами, и последним теперь оставался единственный путь для сообщения — через город.

— Так вот в чем дело! — воскликнула Полина. — А слух пошел, будто вы... то есть будто какие-то горцы идут разрушить город. Боже, чего только не выдумают вздорные люди!..

Она даже развеселилась: — значит, напрасны были ее страхи. А она, признаться, так боялась — одна, с детьми, в такую ночь, а муж у нее не такой, чтобы прежде всего позаботиться о своей семье.

Но когда Керим стал объяснять, отчего из-за обоза может возникнуть война, она снова встревожилась. По словам Керима выходило, что слух о нашествии горцев на город пущен со злым умыслом — натравить горожан и власть на горцев, а горцев озлобить и вызвать новое побоище на Тереке.

— Вы говорите такие вещи, что просто страшно слушать! — сказала Полина. — Сейчас я подумаю, как найти Якова Петровича, раз он так срочно нужен, а вы пока отдохните. Хотите вина? Или чаю согреть?

Керим вежливо отказался от угощения — ингуши не пьют вина.

— А знаете что? — хлопотала Полина. — Винтовку свою поставьте в угол и пойдите умойтесь, а я пока позвоню...

Вода преобразила Керима. Из кухни он вошел с посвежевшим лицом, которое стало куда белее, чем было.

— Пыли много на дороге,— сказал он, отдавая Полине полотенце, с которым произошла обратная метаморфоза: из белого оно стало темно-серым.— Ну, где наш Бутырин?

— На радиостанции,— ответила уже успевшая позвонить Полина.— Он там вместе с Орджоникидзе.

Радиостанция помещалась на Шалдоне. До нее было довольно далеко, но Керим выразил желание немедленно отправиться туда.

— Вы бы лучше переждали у нас до утра.

— О нет, госпожа, надо спешить...

И тут горец снова озадачил Полину, сообщив ей, что в Базоркине перед вечером был митинг и на этом митинге старики решили направить на радиостанцию старого Саида и еще других стариков, чтобы они пожаловались Москве на свои обиды и выложили Ленину все, что у горцев накопело на душе.

— Да что вы говорите! — воскликнула Полина.— Зачем же туда посылать стариков? Что они могут сделать?

— Старики у нас самые уважаемые люди,— обидчиво сказал горец.— Кого же еще посылать, как не их?

— Вы даже не хотите понять, почему я беспокоюсь. На радиостанцию их не пустят, может произойти перестрелка или еще что-нибудь... И кто выдумал там у вас эту затею?

— Народ предложил. Я не мог говорить против. Старики больше знают...

Полина с удивлением смотрела на горца. Она знала, что он коммунист. Сколько еще, однако, темноты даже в этом более передовом горце!

— Тогда поторопитесь,— сказала она.— И, пожалуйста, передайте моему Якову, чтобы он хоть на минутку заехал к нам. Дети уже три дня его не видели...

— О, пожалуйста,— ответил Керим таким тоном, будто именно для этого и мчался сюда сломя голову подночи.

3

Глухо и пустынно ночью на Шалдоне — окраина, за ней сразу поле. небольшой домик тут стоит за колючей проволокой. Это и есть радиостанция. У дверей — красноармейцы охраны. В окнах — притененный занавесками свет...

Гудит на ветру антенна.

А в домике тишина. И не только потому, что ночь. Тут все гасит посторонние звуки: толстый ковер на полу, мягкая обивка на стенах и на потолке. Это ради того, чтобы лучше слышны были звуки, исходящие из причудливого аппарата, стоящего посередине комнаты, на столе. Сейчас аппарат молчит, и только изредка в нем что-то потрескивает, и тогда дремлющие около него Серго, Бутырин и радист настораживаются и вытягивают шеи.

Давно уже сидят они и ждут, чтобы аппарат ожил, заговорил.

Больше часа назад в Москву и в Тихорецкую ушли две радиограммы. В первой Серго сообщал в ЦК о своём местопребывании и о положении на Тереке. Во второй радиограмме Серго ставил перед штабом Северо-Кавказских войск вопрос о возможности оказать Тереку помощь против Бичерахова.

За то короткое время, которое прошло со дня приезда Серго во Владикавказ, он только и слышал отовсюду: потребуйте помощи от штаба. Приезд Серго многие восприняли как признак того, что вслед за ним сюда хлынут и свежие войска, и оружие, и деньги. Раз он — чрезвычайный комиссар, то все в его власти. Раз он сказал, что за спиной народов Терека стоит революционная Россия, то где же ее помощь?

Серго хмурился, слушая эти разговоры, и только из сообщений такта, чтобы с самого начала не испортить отношений с местными работниками, согласился попросить по радио помощь у штаба Северо-Кавказской армии. Он-то знал, как нелегко приходится ей сейчас на Кубани.

Отрезанная Деникиным от железных дорог, связывавших ее с центром, она сама нуждалась в помощи.

Серго уже не раз сталкивался с местничеством. Каждый край, каждый город считал, что его нужды важнее всего, и убеждать людей считаться с общими интересами революции было нелегко. Горячностью тут не возьмешь. Только адское терпение выручало Серго, хотя натура у него была отнюдь не из терпеливых.

Очевидно, революция требует и подавления в себе некоторых черт характера — тоже ради общих интересов революции.

Сегодня днем на митинге в железнодорожных мастерских от Серго потребовали вызвать дивизию с Кубани, чтобы покончить с бичераховцами. Терек стоит того! Серго не спорил с рабочими. Да, стоит. Пообещал поговорить

с центром, со штабом армии, но в то же время потребовал от рабочих внести и свой вклад в оборону республики, а сделать они могут многое. Пусть строят бронепоезда — ведь они до зарезу нужны фронту.

Рабочие показали Серго два строящихся у них бронепоезда.

— Мало, нужен третий, — настаивал Серго.

...Теперь надо было сидеть и ждать ответа. А ночь шла.

Бутырин только сегодня вечером примчался с фронта и сразу бросился к Серго. Старые знакомые, они даже не успели при встрече как следует поговорить. Зато теперь, в томительном ожидании ответа на посланные радиогаммы, они могли бы вдосталь поговорить. И странно: ни у Серго, ни у Бутырина не было сейчас охоты вспоминать бывшее.

Неудача под Прохладной не давала покоя Якову Петровичу, и он несколько раз принимался рассказывать:

— Их атаки начались с рассвета. Одна за другой... Наши не только отбились, но и сами перешли в наступление. Все шло хорошо, и вдруг с нашим бронепоездом случилось несчастье: разлился бензин и начался пожар. А в поезде шрапнельные снаряды... Можешь себе представить, какая каша заварилась в наших частях, когда в тылу у нас стали бухать эти снаряды. Ну, а враг, ясное дело, этим воспользовался. Его конница ворвалась на станцию, наши откатились назад... Теперь мы отрезаны от всего мира.

Серго был не в духе и угрюмо молчал.

— Для нас Прохладная — это все, — продолжал Бутырин. — И так жаль, так жаль! Ужасная неудача!..

— А Сибири тебе не жалко? — с еле сдерживаемым раздражением проговорил Серго. — Там белочехи и другие банды... А Ростова не жалко? Там немцы. А Тифлиса? Там меньшевики. А Кубани, Дона, Ставрополя? А Мурманска? Там англичане.

Бутырин умолк. Широкий масштаб мышления — это хорошо, но надо понимать и особенности Терека...

Опять сидели понурившись и ждали...

Вот зашумело что-то... Нет, это не в аппарате... Донеслись гортанные голоса, храп коней. Лязгнули затворы винтовок... Все трое вскочили и тоже схватились за оружие.

— Мы окружены! — кричал за окном один из бойцов охраны.

Раздался стук в дверь, да такой, что весь домик задрожал.

— Кто там? — не своим голосом крикнул побледневший радист.

Но вопрос этот уже был явно излишним. Дверь с треском отлетела, и стали видны бородатые лица, одно свирепее другого, рваные черкески, кинжалы, бараньи папахи и грозно сверкающие глаза. На пороге появился высокий, худощавый горец с длинной белой бородой, с надетым на шею черным шнурком от часов, спрятанных в нагрудный кармашек бешмета. Он степенно откашлялся, оглядел помещение и вежливо сказал:

— Я Саид, самый старший старик в Ингушетии, да умножится семья ваши и да наполнится этот дом всяким добром. Могу ли я войти?

Вид сорванной с петель двери как-то не вязался с учтивыми словами и манерами старика. Никто ему не ответил. Старикау пришлось без приглашения переступить порог.

— Ничего... На мою скромность можете положиться, — сказал он гордо. — И очень сожалею, что не могу положить на ваше гостеприимство.

Старик неплохо говорил по-русски, но книжно, слова произносил немного нараспев, напоминая чем-то муллу. Держал себя с подчеркнутым достоинством и невольно вызывал уважение.

— Кто у вас умеет работать на этой машинке? — спросил он, показывая на радиоаппарат. — Говорят, она может разговаривать с человеком за глаза? Нам рассказывал об этом известный Шакро. Он сам присутствовал при том, как покойный Буачидзе разговаривал с самим Лениным при помощи вот такой машинки. Кому же она принадлежит, кто тут хозяин?

— Я хозяин! — после небольшой паузы отозвался из-за спины Бутырина радист Костя. Заметив, что Серго и Бутырин, молча переглянувшись, прячут револьверы, Костя вдруг хихикнул: — Ха! Бред азиата!..

Понимавшие по-русски горцы, а за ними и остальные в негодовании схватились за кинжалы. Серго и Бутырин поспешили оттеснить наглого радиста в угол и стали успокаивать горцев — никто не хотел их обидеть, тут просто недоразумение.

— Пусть говорит старший из вас, — крикнул старик со шнурком на груди. — Может быть, Шакро все выдумал?

Серго выступил вперед, его лицо осветила улыбка.

— Шакро ничего не выдумал, товарищи горцы. Ной Буачидзе действительно незадолго до своей гибели имел беседу с Лениным. Но дело в том, что разговор состоялся не по радио, а по прямому проводу. Это не одно и то же. Сейчас, к сожалению, провод перерезан белыми. Вот это и имел в виду радист, только выразился он неудачно, за что ему придется перед вами извиниться...— И Серго потребовал от перетрусившего Кости: — Извинитесь перед товарищами горцами сейчас же!

Радист забормотал из угла:

— Я, конечно, с удовольствием... сорвалось с языка... Ясно, недоразумение...

Горцы неприязненно косились на радиста. Словно не замечая его, старик со шнурком на шее обратился к Серго:

— А как тебя звать, добрый человек?

— Орджоникидзе.

— Эрджикинез... Эрджикинез... По-нашему — черный князь. Скажи же, пожалуйста, если ты в самом деле князь бедноты, чем же хуже эта ваша машинка того провода? Нам говорили, что даже если человек живет на том конце света и захочет поговорить с кем-нибудь на Тереке, то эта машинка в точности донесет его слова.

— Это правда, — подтвердил Серго.

Из черных наушников, лежавших на столе у аппарата, донеслось тонкое завывание, какое бывает при выюге. А в аппарате что-то щелкнуло, захрипело. Раздались долгожданные позывные.

— Живо, Костя! — крикнул Бутырин. — К аппарату!..

4

Тихорецкая вызывала Владикавказ.

Человек, стоявший у аппарата штаба Северо-Кавказской армии, назвал себя. Он оказался знакомым Серго и Бутырину штабистом. Сначала он передал для Серго короткий ответ командарма и Реввоенсовета армии: никакой помощи Тереку армия сейчас оказать не в состоянии. Белые жмут повсюду, и ни одного солдата отдать нельзя. Обходитесь своими силами!..

И тут же Тихорецкая стала передавать вторую радиogramму в адрес Бутырина:

— Что за волюнка у вас там, в Моздоке? Почему не

прикончите ее железной пролетарской рукой? Доколе будете любезничать с врагами революции? Шкуро был в ваших руках? Был! Зачем отпустили? Бичерахова на свои съезды приглашали? Приглашали! А теперь он вам нож всадил в спину!..

— Штабисты всегда орут, а нет того, чтобы разобраться, что и как! — ворчал Бутырин, разбирая радиogramму. — Если бы они знали хоть сотую долю того, что терским работникам пришлось пережить за последнее время, тогда бы они так не кричали!

Штаб требовал немедленно подавить мятеж. Деникин напирал, его Добровольческая армия распространяется по Кубани и Ставрополю, рвется на Дон. Неудача за неудачей, а хуже всего то, что железнодорожная линия Тихорецкая — Царицын закрыта. Вот положение какое, понятно? А вы что делаете? Перед лицом таких событий армия вправе требовать. Нужен обеспеченный тыл, понятно? Почему же терские руководители не примут самых решительных мер к очищению своего края от белых банд Бичерахова и Шкуро, черт бы вас побрал! Все ссылаются на местные условия, а надо идти направо, как это делают в центре. Железной рукой надо, по-пролетарски!..

Бутырин едва смог дочитать радиogramму: ему мешало присутствие посторонних людей — при них он не мог ругаться. А горцы упорно не уходили, с немим удивлением присматривались к работе радиоаппарата. В конце концов Яков Петрович не сдержался и все, что накопилось у него на душе, обрушил на Серго. Уже не считаясь с тем, что горцы все слышат, он кричал в бешенстве:

— Где же брать средства и вооружение? За все время центр прислал нам лишь несколько агитаторов из Питера, и это все! Шкуро мы выпустили зря, это верно, но и центральная власть тоже отпустила под честное слово некоторых генералов, которые сейчас ведут против нас войну. Ошибки возможны, тем более на местах, где еще не научились по-настоящему работать. Но надо все-таки понимать обстановку на Тереке. Край многонациональный, у каждой народности свои законы, обычаи, и вот поди, поладь с ними... Зачастую приходится иметь дело с людьми, которые больше верят своему мулле, чем нашему агитатору. Легко требовать, другое дело — практически работать, сталкиваясь на каждом шагу с отчаянными трудностями!..

Не успел Бутырин умолкнуть, как старик с быстротой,

неожиданной для человека его возраста, подскочил к аппарату и схватил со стола наушники. Радист хотел было остановить горца, но Серго крикнул:

— Не мешай ему! Отойди в сторону!..

Старик что-то сказал по-ингушски одному из своих спутников, и тот стал рядом с ним.

— Теперь слушайте меня, достопочтенные начальники,— заговорил Саид.— Да будут успешны ваши дела, и да сбудется все то, чего вы добиваетесь. Мы, горцы,— с вами, но глубокая обида привела нас сейчас сюда: зачем клеветают на бедных сынов гор и ущелий, будто они собираются разграбить и разрушить город? Это ложь! Мы не бандиты. Мы честные горцы и хотим свободы и мира, как все остальные. И если Ленин сможет услышать нас, то пусть знает, что его имя светит нам, как звезда. У него много забот, но пусть он вникнет немного и в наши нужды. Пусть послушает, что думает сегодня наш самый бедный горец. Ибрагим, говори!

Тут Саид передал наушники стоявшему рядом горцу. Этот низенький, коренастый старик уже встречался нам в момент, когда он ехал на ослике к родственникам, чтобы одолжить бешмет для поездки в город. Сейчас на нем красовался новенький бешмет, а на голове сидела громадная шапка из серого барашка.

— Говори же, Ибрагим,— поторопил его Саид.

Ибрагим повертел в руках наушники, приложил их к губам, понатужился, распрямил спину и рявкнул так, что задребезжали стекла:

— Земля давай! Зачем казак земля есть, Ибрагим земля нет? Ибрагим семья пятнадцать душа, все бедный. Где земля?..

В ушах гудело от крика горца. У него вздулись жилы на шишковатом лбу и глянцевиной черной шее. Одной рукой он сжимал наушники, а другой после каждого слова взмахивал так, словно бил по наковальне.

— Власть есть... Зачем не делай мир? Не хочешь, Ибрагим мир сам будет делать! Давай пушка! Надо город ехать — казак не пускай. Абоз... Нельзя абоз! Почему нельзя?..

Слова вылетали изо рта Ибрагима, точно ядра — то в одиночку, то залпом. Надолго их не хватило, и он стал повторяться:

— Земля! Мир! Абоз! Власть! Давай!..

Саид отнял у него наушники.

— Хорошо, Ибрагим, теперь помолчи...

Он пригнулся к аппарату, приложил ухо к наушникам, будто надеясь услышать ответ на речь Ибрагима.

Бутырин не раз порывался сказать горцам, что аппарат так не работает, но Серго каждый раз останавливал его жестом руки. Не услышав ничего в аппарате, старик посмотрел в угол, куда забился радист.

— Почему не отвечает?..

Тут Серго шагнул на середину комнаты.

— Товарищи старейшие! — сказал он. — Насколько я понял, у вас есть свои серьезные претензии к власти, и мы постараемся в них разобраться. Вы хотите земли и мира. В этом власть вас целиком поддержит, но путь, который вы избрали для того, чтобы заявить о своих требованиях, нельзя одобрить. Ворвавшись сюда ночью, вы нарушили порядок. Поэтому прошу вас удалиться и не делать ничего такого, что может оказаться на руку лишь врагу. Идите с миром, товарищи, и знайте, что вас услышали!..

Морщинистое лицо старого Саида осветилось выражением какой-то детской радости. Он схватил Серго за руку и крепко прижал ее к своей груди.

— Спасибо тебе, Эрджикинез. Мы запомним твое имя. Ты назвал нас товарищами. Мы уходим с надеждой в сердце, что нас услышал Ленин. И будем ждать ответа...

Когда горцы выходили из аппаратной, в дверях появился Керим-Султан, весь потный и красный, как рак. Увидев уходящих стариков, он отступил назад, за порог, чтобы пропустить их. Никто из стариков не сказал ему ни слова. Он тоже молчал и только тяжело дышал. Когда старики прошли, он шагнул в комнату и стал сердито бранить городскую самооборону, которая его задерживала на каждом перекрестке, и с горестным сожалением извиняться за опоздание, хотя его здесь никто и не ждал.

— Я очень рад, что все хорошо прошло у вас тут, — сказал он, оглядывая комнату. — Я боялся за вас!..

— Что ты? У нас был очень хороший разговор, — отозвался с улыбкой Серго. — Мы тут очень мирно и хорошо поговорили...

Предраассветная мгла еще окутывала город, когда Керим снова подъехал к воротам дома Бутырина. Снова он был один. На этот раз ему тут же открыли ворота.

— Все хорошо, — сообщил он встретившей его Поли-

не.— Теперь обоз пройдет. Товарищ Бутырин сказал, что примет меры...

— А где он, мой Яков Петрович?

— Уехал с Серго в железнодорожные мастерские. Он просил передать вам, чтобы вы не беспокоились... Могу я у вас переночевать?

— О, пожалуйста!..

Полина, как видно, даже еще не ложилась. Она быстро собрала чай, устроила гостю постель на тахте, но горца тахта в качестве постели не устроила. Прилег он во дворе, на траве.

— Вам же неудобно,— беспокоилась Полина.

— Все хорошо. Очень удобно! — уверял Керим.

Никакие уговоры не помогли, и пришлось оставить его в покое.

Далекие звезды смотрели Кериму в глаза и навевали такие думы о людских судьбах, о жизни, каких никто и не предполагал бы у простого горца.

Свой долг он исполнил,— теперь даже чрезвычайный комиссар и сам военком республики знают об обозе. И стычки не будет...

Пролежал он ровно час. Когда звезды стали бледнеть, он поднялся, взнуздal коня и тихо выехал за ворота.

5

Город просыпался. Улицы оживали. Люди выходили на середину мостовой и осматривались. Как будто все цело. И дома на месте, и соседи живы. Та же царственная макушка Казбека белеет над хребтом, и то же солнце, как и вчера, заливают город потоками света и тепла.

— И Терек на месте, а? — уже осмелев, подшучивали сами над собой люди и прислушивались.— Шумит!..

Шел на работу трудовой люд. Рабочих легко было узнать по латаной кошелочке в руке и торчащему за спиной стволу карабина или берданки. Служащих можно было узнать по пухлым, затасканным портфелям и пачкам бумаг, завернутым вместо папок в старые газеты, по желчным лицам и чистеньким чесучовым пиджачкам. Спешили на базар домохозяйки. Слышалась то русская, то осетинская, то грузинская, то армянская речь.

Многоликий и разноязычный город...

Газеты вышли поздно, и их брали нарасхват. У газетных киосков стояли очереди за «Народной властью». На

ее страницах сообщалось о бесчинствах мятежников в захваченных ими районах Терека. Сообщалось о новых наглых требованиях Бичерахова. Главарь мятежников предъявил народной власти ультиматум, в котором требовал прекратить подтягивание красных войск к Моздоку, выгнать из терского правительства большевистских комиссаров. Прочитав это, люди восклицали:

— Ну, теперь жди такой заварушки, что ой-ё-ёй!

Керим в этот утренний час ехал своей дорогой, держа путь на Курскую слободку, где заночевал его отряд.

...Автомобиль зарычал, дернулся и наполнил улицу таким оглушительным треском, что Серго и Бутырину стало трудно разговаривать. Они немного вздремнули после возвращения из железнодорожных мастерских и теперь ехали на заседание Народного совета.

Некоторое время ехали молча. Серго поглядывал по сторонам, внимательно присматриваясь к прохожим, как бы ища среди них знакомых.

Давно уже не был он в этом городе. Внешне как будто ничто не изменилось: те же тихие, тенистые улицы, расползшиеся по обеим сторонам Терека, небольшие уютные домики с черепичными крышами и крытыми галереями. В прохладной тени аллей центрального проспекта прогуливается разношерстная публика. Встречаются горцы, казаки, крестьяне, военные.

На главной улице — большие магазины и винные погребки. А вон и торговые ряды, лавки со старинным кавказским серебром, чулками и всякой снедью. Продавцы, бронзовые от загара, сидят у порога, поджав под себя ноги, и с важностью покуривают трубки. Базарный гул сливается со скрипом неуклюжих арб и шумом Терека, который слышен везде, в любом месте города. Река яростно ревет и пенится у огромных валунов, принесенных из глубоких ущелий. На каменистом берегу видны голые тела: одни купаются, другие чинят одежду...

Все это напоминало старый Владикавказ, и для полноты картины не хватало, казалось, только военных старичков — отставных полковников и пенсионеров, которых прежде тут было множество.

Но вместе с тем чувствовалось нечто новое. Горцы прежде ходили по городу с опаской. Здесь жил наказной атаман Терского казачьего войска. Любой офицерик мог

обругать и даже избить горца только за то, что тот осмелился встретиться ему на пути.

Теперь, хотя среди городского населения сохранялось еще опасливое отношение к горцам, замечалось уже и другое. Вот идут рядом горец ингуш и русский красноармеец и о чем-то дружелюбно беседуют. Старый, черный от загара кабардинец выходит из кооперативной лавки с пайком хлеба, и лицо его сияет. Хлеб желтый, перемешанный с кукурузой, тяжелый, как камень, но горец доволен: он заработал этот хлеб — ему выдали на пайковую карточку ровно столько же, сколько и русскому, стоявшему рядом с ним в очереди.

«Да, этого не было, — думал Серго, морщась от грота старенького автомобиля. — Новым ветром веет на моем Кавказе».

Над городом стыли величественные вершины гор. Казбек сейчас уже не был виден, но зато при дневном солнце отчетливее выпирали угрюмые скалы Столовой горы. Ниже вершины в синем ущелье плыли облака.

По широкому проспекту навстречу автомобилю двигался небольшой отряд кавалеристов, наполняя улицу цоканьем лошадиных копыт. Впереди на высоком кабардинском жеребце ехал молодцеватый всадник в изящной белой черкеске.

— Это Гегечкори, не узнал? — обратился Бутырин к Серго. — Недавно пришел к нам на подмогу из Грузии и привел с собой отряд отчаянных ребят... Но это капля в море...

Серго знал Гегечкори и приветливо помахал всаднику издали рукой. Тот радостно заулыбался, по-военному отдал честь, проезжая мимо.

Среди работников революционного движения в Закавказье Саша Гегечкори был одной из популярных и своеобразных фигур. Самоотверженный храбрец, горячий и пылкий коммунист, готовый выполнить любое задание партии, он прославился еще в дореволюционные годы как способный организатор и боевик. Немало хлопот причинил он царским жандармам, не раз сидел в тюрьме.

Еще больше хлопот причинил он недавно меньшевистскому правительству Грузии. Повстанческое движение против предательского правительства Ноя Жордания нашло в лице Саши Гегечкори одного из талантливых вожаков. Во главе отряда повстанцев он нанес несколько сильных ударов по войскам Жордания, а затем, совер-

шив труднейший переход через Мамиссонский перевал, прибыл сюда, на Терек, с отрядом в триста бойцов, влившихся в вооруженные силы Терской республики.

— Вообще закавказские товарищи нам крепко помогают, — рассказывал Бутырин по дороге. — С переходом из Тифлиса к нам ряда членов Кавказского крайкома партии мы сразу почувствовали, что нашего полку пришло. Положение аховое, власть на волоске, а тут вдруг такое подкрепление! Ну, а твой приезд еще больше приободрил людей.

— А я кто — бог? — пожал плечами Серго. — Надо массу подымать, тогда и не будет висения на волоске... — И, рассмеявшись, спросил: — Кажется, «висения» — такого слова нет?

— Есть оно или нет, а сам факт «висения» на волоске, увь, очевиден, — улыбнулся сквозь очки Бутырин. — Конечно, массы подымать надо, это тоже факт...

Они подъехали к небольшому особняку и вышли из машины. У двери стоял китаец в красноармейской форме, с косой, упрятанной под шапку. Бутырина он хорошо знал и впустил его в вестибюль, но перед Серго загородил вход винтовкой и потребовал пропуск.

— Пропусти! — приказал ему Бутырин.

— Не пущу! — решительно заявил китаец, держа винтовку горизонтально перед собой. — Ты — хади, а он — не хади!..

— Говорят тебе,пусти его!

— Нет! — твердил свое китаец.

— Ты знаешь, кто перед тобой? Чрезвычайный комиссар Юга России...

На китайца и этот довод не произвел впечатления. Пришлось Бутырину подняться наверх и вынести Серго пропуск.

— Так — холосо, — сказал китаец. — Он — чрезвычайный комиссар, моя тоже чрезвычайный солдат!..

Серго от души хохотал над словами китайца и, поднимаясь по лестнице, допытывался у Бутырина:

— А много у тебя таких ребят?

— К сожалению, мало. Их около сотни. Командует ими очень хороший парень, которого у нас все зовут Пау Ти-сян. Попали они к нам вместе с одной частью, которая отошла сюда с Украины, когда ее заняли немцы...

В зале, где собрались комиссары, было тесно и душно. Знойное солнце пробивалось сквозь занавески и сле-

пило глаза. Тут уже знали об эпизоде с китайцем, и, когда Серго вошел в зал, раздались возгласы:

— Владикавказ встретил вас по-китайски!..

— Ничего,— отозвался весело Серго.— Как бы меня ни встретили, а дисциплина есть дисциплина.

— Вам остается, в таком случае, вынести китайцу благодарность!..

— А я так и сделаю...

— Прошу занимать места! — звал Пашковский, председатель Терского Совнаркома.— Начнем, коллеги. Нам предстоит обсудить очень серьезные дела и прежде всего — ультиматум Бичерахова!

Пока комиссары совещались, караульный красноармеец в холщовом помятом шлеме переговаривался в комнате для приема посетителей с молоденькой секретаршей, которой после суточного дежурства больше всего на свете хотелось спать.

— А шо так «чрезвычайный»? — допытывался у нее караульный.— Можешь ты мне это расшифровать?

У девушки были синие лучистые глаза. Она широко открывала их и с лукавым недоумением отвечала красноармейцу:

— А разве сам не знаешь? Спроси еще, кто был Наполеон и царица Тамара!..

Караульный обиделся на такой ответ и сказал, что он провел три года на турецком фронте и знает не только про Наполеона и царицу Тамару, но и про то, где раки зимуют. Но поскольку с началом революции появилось много разных комиссаров и немало их тут, на самом Тереке, то не всякая голова может сразу сообразить, который из них чрезвычайный, а который не чрезвычайный. И нет ничего зазорного, ежели человек еще не преодолел свою серость в таком вопросе. Стыдиться собственной серости вообще нечего — на то и революция совершена, чтобы сделать всех еще почище грамотнее, чем были Наполеон и царица Тамара вместе взятые.

— Вы ненормальный,— проговорила секретарша и уронила голову на стол.

А за дверью, где шло совещание, плавал густой табачный дым, едко чадили непогашенные окурки в пепельницах и часто позвякивала большая стеклянная пробка от графина с водой, к которому то и дело тянулись комиссары. Пили не столько от жажды, сколько для того, чтобы освежиться и перебороть то особое состо-

яние нервного возбуждения, которое испытывает человек, когда долго заседает в духоте.

Никто из присутствовавших тут мужчин — их было больше двадцати — не горячился, но, прислушавшись к их речам, можно было подумать, что эти люди крайне раздражены и обозлены друг на друга.

Каждый доказывал свое, и из его слов получалось, что он-то все сделал, решительно все, что мог, и если тем не менее положение не исправляется, то эта вина особых обстоятельств, с которыми не хочет считаться другой.

Еще очень моложавый, похожий на студента комиссар внутренних дел Юрий Фигатнер утверждал, что не одни казаки виноваты в бичераховском мятеже. Горское население края, со своей стороны, к сожалению, тоже дает немало поводов для усиления смуты. Конечно, ни казаков, ни горцев нельзя в этом винить, ибо все направляется черной рукой верхов. Терек есть Терек, и нельзя не считаться с особенностями реальной обстановки...

Взял слово спокойный и уравновешенный Пашковский. Он снова попросил комиссаров не отвлекаться в сторону от существа вопроса. Совещание созвано ради решения важных вещей. Из разговора чрезвычайного комиссара со штабом по радио и из доклада Бутырина видно, что нападки на терских работников продолжают-ся, и это, в конце концов, становится нетерпимым. Может быть, в самом деле неверно утверждать, что Кавказ — это не Россия и что отсталость местных народностей и вековая рознь требуют некоторых компромиссов. Если приезд чрезвычайного комиссара поможет решить этот вопрос, тем лучше!..

Серго сидел и думал:

«Нужен съезд. Очередной съезд народов Терека. Терек должен найти силы у себя. Они есть. Только не подняты, не разбужены еще полностью. А съезд поможет...»

— Придется показать, — горячо доказывал один из комиссаров, стуча кулаком по столу, — что во Владикавказе тоже сидят коммунисты!

— Среди нас тут не одни коммунисты, — раздался голоса в зале. — В данный момент это не имеет значения, но нельзя забывать и о других представителях революционной демократии!

— Бичерахов тоже причисляет себя к таковой, — иронически усмехнулся усатый комиссар финансов Махарадзе,

Его тут же поддержали комиссар труда Назаретян и комиссар просвещения Маркус — все трое принадлежали к большевикам.

И загорелась одна из тех перепалок, которые нередко возникали среди терских работников в те дни. По партийной принадлежности тут далеко не все были коммунисты. Даже в составе терского правительства их было всего трое. Некоторые примыкали к левым эсерам, числились меньшевиками-интернационалистами. Остальные не состояли ни в какой партии, но причисляли себя к революционной демократии. И когда Махарадзе напомнил о том, что и Бичерахов называет себя революционным демократом, сразу посыпались протесты.

— Бичерахов предатель, а не демократ!..

— Товарищи! Коллеги! — снова призвал к порядку Пашковский. — Скоро полдень. Прошу этого не забывать. Из нашего обмена мнениями не видно согласия в решающем вопросе: как ответить на ультиматум Бичерахова и какие меры следует принять в связи с такой чрезвычайной обстановкой... Позвольте, что там за шум?

Открылась дверь, и секретарша, потирая заспанные глаза, сообщила: звонил Шахро, у него срочное донесение для товарища Орджоникидзе. Казак Дьяков жив и здоров и в скором времени прибудет во Владикавказ.

Несмотря на всю серьезность положения, Серго расхохотался во весь голос:

— Ай, молодцы! Ай, brave ребята!

Девушка подождала, не последует ли какое-нибудь приказание от комиссара, но тот продолжал смеяться. Она пожала плечами, закрыла дверь и снова уселась в скучающей позе за свой столик.

Скучал, недовольный ее неразговорчивостью, и карачульский красноармеец.

— Какой-то этот комиссар чудной, хотя и чрезвычайный! — ворчал он. — Раз чрезвычайный, так ты к себе уважения потребуй: бронепоезд свой, охрана своя и все прочее. А тут его китаец задержал, он и отступил. А я б того китайца на гаубвахту посадил. Вот у Сорокина — командарма нашего — на сорока белых лошадях оркестр, а он же не чрезвычайный и даже не уважаемый, нехай ему бис!

Не любил красноармеец Сорокина, у которого служил при штабе. Еще ноги оттуда унес,

Все, о чем говорилось за дверью, находило у красноармейца немедленный отклик.

— Так ясно же, само собой, чего делать? Тут я с чрезвычайным согласен — дело говорит. Съезд собрать на Тереке, народ послушать. Тут и спорить нечего, созывать чи не созывать, землю давать беднякам чи не давать, белую контру в Моздоке бить чи не бить. Ясно — созывать, давать, бить!..

...Около полудня, после долгих споров, комиссары наконец закончили совещание, и редактор «Народной власти» Ильин передал по телефону Резаковой для набора короткое сообщение о том, что ввиду чрезвычайного положения в области решено в ближайшие дни созвать во Владикавказе съезд народов Терека. Ответа на ультиматум Бичерахова до съезда не будет.

6

Когда Серго возвращался с заседания, по главному городскому проспекту проходил большой ингушский обоз.

Толпы горожан, стоя у обочин тротуаров, с любопытством разглядывали нагруженные кукурузой арбы, на которых лежали горцы. Рядом с обозом шагали охранявшие его красноармейцы и дружинники городской самообороны.

Серго шел пешком. Он отказался от машины, от провожатых. Хотелось запросто побродить по городу, приглядеться к людям, послушать, о чем они говорят.

— Азиаты, а все-таки жалко их, — говорила в толпе маленькая сердобольная старушка. — Загнаны в горы, раздеты, разуты... А которые даже без хлеба сидят... Люди ведь!

— Они все разбойники! Ты чего их жалеешь? — возражал усатый дворник, по выправке которого чувствовалось, что он из отставных солдат. — Не стали сю ночь грабить, так завтрашнюю появятся. Добра от них не жди!

Серго шел и думал:

«Нет, долго так продолжаться не может. Чтобы доставить хлеб голодающим землякам на Военно-Грузинской дороге, эти горцы должны чуть ли не с боем пробивать себе дорогу. Вот одна из многих еще не решенных

здесь задач, и от нее никуда не уйти. Выход горцам надо дать!»

Он вспомнил, как ночью на радиостанции старый горец кричал: «Земля давай! Мир давай!»

А как? Переселить в казачьи станицы? А тех куда?

Замыкая обоз, ехал, покачиваясь в седле, Керим-Султан, а за ним на малорослых горских лошадках двигался его отряд. Керим не заметил Серго в толпе горожан. Зато Серго мог внимательно присмотреться к тому, как одеты всадники Керима, чем вооружены, в каком состоянии кони.

«Надо создать побольше таких отрядов,— думал Серго.— Есть тут, есть силы...»

Как ни странно, утренние споры комиссаров при всей их разногласии не только не произвели на Серго удручающего впечатления, но, наоборот, даже приподняли его дух. Есть, есть силы на Тереке. Есть коммунисты, пусть не в меру горячие головы, есть верные люди. И немало среди них сильных — и здесь, во Владикавказе, и в Грозном, и в Пятигорске, есть они и в станицах и аулах.

Многих терских комиссаров и активных работников Владикавказа Серго знал еще по дореволюционному подполью. Сумели же эти люди одолеть бешеное сопротивление врагов революции на Тереке и добиться того, что и казачество и горцы приняли советскую власть. Надо, чтобы они сумели теперь отстоять ее. И в этом — главное!..

Конечно, можно было бы, на худой конец, бросить против Бичерахова часть войск с Кубани, но это значило бы ослабить куда более грозный фронт против Деникина. Нет, Терек должен справиться сам!

И съезд должен этому помочь.

На улицах все привлекало внимание Серго. Вот он заметил, что кучка людей сгрудилась около какого-то плаката на заборе. Серго подошел ближе. Это было обращение комиссара народного просвещения к населению Терека:

«Комиссариат народного просвещения, ознакомившись со стоящими перед ним сложными задачами, считает необходимым обратиться к гг. учителям и гражданам Терской республики со следующим заявлением. Страна, в которой царят безграмотность и невежество, не может быть надежной опорой власти трудового народа.

Дореволюционный государственный порядок преступно оставлял горские народы даже без той элементарной школы, которая была у русского и казачьего населения.

Необходимо в кратчайший срок добиться всеобщей грамотности путем расширения сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, а затем введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения.

Школа для взрослых должна занять почетное место в общем плане постановки образования в области. Повсюду поднялась могучая волна культурно-просветительного движения, множатся организации трудовых масс этого рода — идти им навстречу, всемерно поддерживать их и расчищать перед ними путь будет обязанностью для революционного народного правительства».

Мысленно Серго одобрил это обращение. Хорошо, что республика, несмотря ни на что, занимается мирным строительством.

Близко шумел Терек. Показался узкий мост, по которому тянулись извозчики, пешеходы. Река размывала берега, и тщетно их старались оградить запрудами из камней. Потоки бешено били поверх камней, подмывали стоящие близ воды постройки. Сколько тут работы! Взять берега в бетон, построить плотины, заставить всю эту бешеную силу воды служить человеку...

Попалась на глаза круглая рекламная будка, залепленная афишами. И вдруг около будки Серго увидел Зину. Она была поглощена разглядыванием какой-то яркой афиши.

Серго окликнул жену, с радостной улыбкой направился к ней. А она не двинулась с места — стояла с таким видом, будто вовсе не намерена отвлекать Серго от его прогулки.

Он взял ее под руку, она коротко вздохнула и просяла:

— Ты сейчас разве ничем не занят?

— Нет...

— Решительно ничем?

— Нет же!..

— Просто прогуливаешься?

— Да, просто...

— И я тебе не помешаю?

— Конечно, нет.

— Я сейчас осматривала город, и знаешь, Серго, мне все кажется, что это сон. Что вдруг я проснусь и увижу свою Якутию... Вокруг снега, снега, снега...

Они завернули в городской сад, посидели там на скамье под каким-то старым деревом. Зина приглядыва-

лась к листьям, стараясь угадать породу дерева, но так и не смогла разобраться.

— Хочешь в Грузию? — вдруг спросил он.

— С тобой?

— Как ты можешь сейчас задавать такой вопрос?

— Значит, одна?

— К сожалению, одна... Дам тебе адреса к товарищам, свяжешься с ними, передашь кое-какие поручения. Погостишь в моей родной Гореше и заодно сделаешь полезное дело. Самому очень хочется там побывать... Тянет... Но я не смогу сейчас, поэтому поезжай хоть ты...

Зина вся напряглась, сжала губы. А он продолжал:

— Нет, не смогу... не смогу поехать, а ты... ты будешь там моими глазами, моим сердцем. Поезжай!..

По тенистым аллеям сада прогуливались какие-то чужеземцы. Серго прислушался — они разговаривали между собой по-английски. На скамье напротив сидели два толстых господина.

Один из них неожиданно поднялся, подошел к Серго и церемонно представился:

— Ахмет Цаликов, председатель горской фракции Народного совета. Извините, что отвлекаю вас... Я видел вас сегодня в Народном совете и просто хочу познакомиться...

На пухлом животе Ахмета поблескивал серебряный набор брелоков, навешанных на массивную часовую цепочку, которая выглядывала из белого жилета. Зина с неприязнью уставилась на эти брелоки. А Ахмет льстиво жал руку Серго и поздравлял с приездом.

Через несколько минут они уже спорили на политические темы, а Зина, чувствуя себя забытой, скучающе смотрела на небо, на низко нависшие густые ветви, на прохожих. «Что же это все-таки за дерево?» — старалась догадаться она. Листья странные. Это не клен... и не каштан, который она видела в Ростове.

Серго спорил нехотя и был бы рад, если бы Зина вмешалась и отвлекла его, — так ей казалось. Но решиться на такой шаг она не могла.

Ахмет доказывал, что возникшая в Осетии партия керменистов не имеет никакой почвы в народе и что вообще большевистские идеи нельзя проводить в жизнь среди горских народов, так как они пребывают еще в первобытном состоянии, стоят на слишком низком уровне культурного развития. И поэтому те, кто говорит, что коммунизм возможен и среди горцев, — или политические обманщики,

или рехнувшиеся люди, которых надо посадить в сумасшедший дом.

Тут Зина не вытерпела и громко спросила:

— Серго, скажи, пожалуйста, что это за дерево? Посмотри на ветки над нами.

— Это?...— Серго, поняв маневр жены, привстал, сорвал с ветки лист и пожал плечами: — Неужели не знаешь? Чинара! — И, поклонившись Ахмету, сказал: — Извините, я занят... Всего хорошего!..

Вечером в редакции «Народной власти» Резакова, захлебываясь от восторга, рассказывала о том, как прошел митинг в железнодорожных мастерских. Серго выступал дважды и очень горячо говорил.

— И всех покори! — знаешь, чем? Простотой! — говорила Резакова. — Рабочие о нем мало знали, а как услышали, что он больше семи лет провел в царских тюрьмах и сибирской ссылке, так сразу переменили к нему отношение. А когда он рассказывал, что делается в России, на Украине, на Кубани, была такая тишина!.. Он ничего не обещал. Он только снова призвал помнить о революционной России, стоящей за нами.

— Ну, и чем все кончилось? — нетерпеливо перебил Ильин.

— Сейчас сяду писать отчет, — успокоила редактора Резакова. — Только скажу еще несколько слов. Кончилось все тем, что рабочие обещали построить еще два бронепоезда.

— Это дельно! — одобрил Ильин. — Сто строк вам хватит?

— Что вы!

— Ну, двести. И пишите скорее, чтобы пошло в завтрашний номер.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Стояли жаркие дни с сильными ветрами и частыми грозами. В городе порою нечем было дышать.

У Шакро целый день пот лился градом с головы. Решение Народного совета о созыве съезда он воспринял как торжество его точки зрения.

— Ну, правильно, я же предлагал!..

Разумеется, он с охотой взялся помочь в хлопотливом деле подготовки съезда и работал дни и ночи не за страх, а за совесть. Этот человек не знал усталости.

Собрать силы... Объединить их... Задача предстояла нелегкая. Все понимали, что съезд будет бурным, и во Владикавказе готовились к предстоящей борьбе. Впрочем, не только во Владикавказе. Почти все коммунисты города разъехались по аулам и станицам, где шли горячие митинги, выборы делегатов.

Пока готовился съезд, Серго не терял времени. Он съездил на фронт, под Моздок, оттуда перекочевал вместе с Бутыриным в Грозный, побывал в Чечне, в Ингушетии и особенно долго задержался в Осетии.

С первых же дней после приезда на Терек Серго обратил внимание на Осетию. Эта небольшая горная страна, глубоко врезающаяся в северные и отчасти южные склоны Кавказского хребта, веками жила очень своеобразным бытом, и Серго пристально изучал ее обычаи и нравы.

Как-то однажды он попросил Цаголова раздобыть коней и вместе с ним побывал в ряде селений, прилегающих к западу к Военно-Грузинской дороге. Суровую жизнь ве-

ли здесь люди. Ютятся в скалистых, бесплодных ущельях они едва добывали средства к жизни. Пашен было мало, хорошие пастбища держали в своих руках богатеи. Революция помогла беднякам получить пастбища, а кое-где и землю. Революционное движение крестьян и породило минувшей осенью партию «Кермен», которая работала рука об руку с большевиками и имела теперь своих сторонников почти во всех уголках Осетии.

Селения горцев лепились вокруг старых крепостных башен. Когда-то под прикрытием этих башен-крепостей они защищались от врагов. На северных склонах Кавказского хребта и теперь еще часто встречались такие башни. Жилища носили своеобразный отпечаток давнего образа жизни горцев: построенные из камней без глины и извести, они имели два этажа, из которых нижний служил помещением для скота, а верхний — жильем. Войдешь в такой дом — и сразу бросится в глаза очаг, висящий над ним на железной цепи котел, вместо кроватей — длинные нары, низенькие треногие столики и простые широкие скамьи.

Серго часами просиживал с хозяевами у их очагов и с помощью Цаголова как переводчика вел дружеские беседы с горцами.

По крутым тропкам они спустились к одному из крупнейших в Осетии селений — Христиановскому. В отличие от горных аулов, это селение, расположенное в широкой долине, имело вид большой станицы. Просторные дома, густые сады, каменная церковь...

Серго залюбовался живописной улицей, по которой его повел Цаголов. И на самой улице и за оградами домов буйно цвела зелень, и порой казалось — едешь не по улице, а по аллее старинного парка.

— Как это красиво! — воскликнул Серго, показывая вдаль рукой. Он любил природу и тонко разбирался в красках пейзажа. — Посмотрите, Георгий, как четко впечатано то дерево в синеву неба!..

Цаголов горделиво улыбался. Он родился и вырос здесь, на этой улице, и был доволен, что Серго хвалит его родные места.

— По обычаю гостеприимства, я должен был бы подарить вам эту улицу после такой похвалы, — шутливо сказал он, — но, увы, она принадлежит не мне одному...

Серго заметил, что за оградами домов много сирени. Пора ее расцвета уже прошла, но то тут, то там через

забор перевешивались еще не отцветшие тяжелые гроздьи сирени.

— О, этого добра у нас много! — сказал Цаголов. — Нередко вы могли бы увидеть такую картину: бредет по дороге корова, а сзади девушка-пастушка подгоняет ее увесистой веткой сирени!

Серго от души смеялся:

— Веткой сирени подгонять скот? О, это замечательно!

В доме Цаголова Серго провел не больше часа, но навсегда запомнил удивительное радушие, с каким его здесь принимала семья Георгия. Это была культурная, интеллигентная семья. Отец Цаголова был священником здесь же, в Христиановском, но за вольнолюбивые взгляды, за открытые высказывания против самодержавия был еще в 1905 году сослан в Кизлярский монастырь. Вскоре он вышел «за штат» и поступил учиться в Московский университет, по окончании которого снял с себя рясу и стал адвокатом.

Юный Георгий воспринял от отца его свободолюбие. Еще будучи гимназистом, стал зачитываться революционной литературой. В комнате его висели портреты Маркса, Лассалья, Горького и Хетагурова.

В 1916 году пылкий девятнадцатилетний юноша приехал в Москву и поступил на юридический факультет Московского университета. Здесь он участвовал в студенческих выступлениях против царизма, а после февральской революции вернулся на Терек убежденным большевиком.

Портреты Маркса, Лассалья, Горького и Хетагурова и сейчас висели в его комнате, но к ним прибавился еще портрет Ленина. Рядом с портретами на стене висела винтовка, история которой заставила Серго увидеть в новом свете молодого горца. Оказывается, в декабре прошлого, 1917 года он был делегатом от владикавказской большевистской организации на краевом кавказском партийном съезде в Тифлисе. Руководил съездом чрезвычайный комиссар Кавказа Степан Шаумян.

Молодой Цаголов обратил на себя внимание Шаумяна. За время пребывания в Закавказье Георгий показал себя так, что Шаумян подарил ему на прощание свою винтовку.

— Как же именно вы себя там вели? — лукаво щурил глаза Серго. — Хорошо или плохо?

Георгий был, пожалуй, даже чересчур скромнен и краснел, как девушка. Серго все же заставил его побольше рассказать о себе.

Винтовку ему подарили за боевой подвиг при подавлении восстания на Гандже. Это было антинародное восстание. Вместе с другими Шаумян направил против мятежников и Георгия. Ему дали отряд...

— Но, видите ли,— нехотя говорил Цаголов,— получилось так, что мы, едучи эшелоном к Гандже, в пути напоролись на засаду. Нас обстреляли. Среди бойцов началась паника. Ну, тут я выскочил из вагона с револьвером и повел свой отряд в контратаку.

— И враг бежал?

— Бежал. И восстание мы подавили...

— Вот видишь,— сказал Серго, укоризненно качая головой.— Это же важно знать, а вы разыгрываете из себя стыдливых барышень и из ложной скромности помалкиваете. А я думал: если бы такой Цаголов очутился в боевой обстановке — как бы он себя повел? Опыта нет, с виду тихоня... А оказывается, за плечами у тебя настоящий боевой опыт. Это же важно не только с личной точки зрения! Надо знать, на кого рассчитывать, кто на что годится, кто на что способен!..

— Когда придет решительный час, мы все окажемся в строю,— серьезно произнес Цаголов,— и опытные и неопытные...

В Христиановском Серго заночевал. Весь вечер Цаголов водил его в дома керменистов, и с каждым из них Серго подолгу беседовал. От многих селений Христиановское отличалось и тем, что революционные настроения здесь распространились особенно широко и керменисты располагали в селении довольно многочисленной и прочной опорой. «Ну что за молодцы тут работают!» — восхитился Серго. Руководили керменистскими движениями действительно молодцы. Он в этом убедился, когда Цаголов познакомил его с ними.

— Кесаев Колка, или Николай,— представлял он их по очереди.— Обратите внимание, товарищ Серго, на эту буйную чубатую голову. «Искатель истины» — такова его кличка. В поисках правды этот отчаянный мужчина без гроша в кармане странствовал несколько лет по городам Германии, Франции, Швейцарии и вернулся в Христиановское незадолго до революции законченным социалистом...

Перед Серго стоял и улыбался молодой, полный сил и энергии горец с густой черной шевелюрой и красивой короткой бородкой. Он крепко тряс руку Серго и говорил:

— Вы не слушайте этого Цаголова — он вам наговорит о нас семь бочек!..

А Цаголов уже представлял второго из руководителей керменистов — рослого худощавого парня с черными умными глазами.

— А этого, товарищ Серго, зовут Андрей Гостиев. В прошлом — круглый сирота и нищий студент, сейчас — идейный вождь партии «Кермен». Знаменит тем, что после взятия Зимнего дворца приветствовал Ленина от имени своей партии и в телеграмме написал, что трудовые массы Осетии «живут великими чаяниями Октября». Как видите, перед вами чуть ли не Цицерон! Во всяком случае, человек, который уже вошел в историю революционных событий на Тереке!..

Третьим Цаголов познакомил с Серго Дебола Гибизова, высокого горца с серьезным узким лицом. Усы и шляпа делали его немного похожим на молодого Горького.

— В отличие от нас, — говорил Цаголов, — этот мужчина женат и, следовательно, может считаться вполне взрослым человеком. Кроме того, он умеет хорошо ездить верхом и, несмотря на свой глубоко штатский вид, в душе настоящий джигит!..

За шутками и смехом последовал серьезный разговор. Серго находил, что горцы Терека мало участвуют в военной защите республики от бичераховщины. Лишь небольшое число осетин и кабардинцев служит в регулярных боевых частях Терского совета. А на фронте, среди войск, ведущих бои с мятежниками, горцев пока единицы.

— Боятся ссориться с казачеством, вот в чем дело, — объяснил Гибизов. — А впрочем, тут виновата и наша нерешительность.

— Вот это, пожалуй, главная причина, — поддержал Серго. — Ссориться с казачеством не надо, но речь-то идет совсем о другом. Сейчас наша главная задача — объединить силы горцев и казаков. И бороться они должны вместе за общие интересы. У вас уже действует отряд, но этого мало. Страна заново создает сейчас свои вооруженные силы, и стыдно было бы Тереку отстать в этом деле.

— Придется подумать, — пообещал Кесаев. — Постараемся создать еще несколько отрядов, но для этого нужны лошади, оружие... Где взять?

— Достанем! — заверил Серго. — Так по рукам, а?

Все рассмеялись и с охотой протянули Серго руки.

— Эх, друзья! — воскликнул он, с какой-то отеческой лаской и гордостью глядя на четырех молодых горцев. — Вся сила революции вот в таких, как вы! Только не зазнавайтесь, иначе даже здороваться с вами не стану!..

Возвращался Серго в город в приподнятом настроении. Шутил, смеялся. «Веткой сирени коров подгоняют», — вспоминал он слова Цаголова. Приехав в город, он вечером сразу же рассказал об этом Зине и опять закатывался от смеха.

— Ну что за прелесть! Подумай только, Зина, — веткой сирени!..

2

Шумит, бурлит Терек. Стремительно несутся его потоки с хребта. К вечеру Терек от таяния льдов на вершинах вздувается, ревет громче, к утру притихает...

В мрачном Дарьяльском ущелье через Терек повис мост. Здесь — граница. За мостом — Грузия. Вьется дорога над пропастью. Знаменитая дорога через Крестовый перевал в Закавказье, древняя дорога сообщения между народами. Сейчас она, как нередко и в прошлом, была дорогой войны.

Грузинское правительство Жордания не признавало Москвы, советской власти и враждовало с Терской республикой, зато полностью мирилось с хозяйничаньем немецких войск, оккупировавших Закавказье.

По особому разрешению меньшевистского правительства кое-кому дозволялся проезд с Терека в Тифлис, только при условии полной непричастности к большевикам. Зине предстояло пересечь хребет под вымышленной фамилией грузинки, едущей к своей тетушке.

Выехала она с утра на линейке, и Серго проводил ее только до шоссе, начинающегося сразу за городом. Здесь тихо, безлюдно, домики редки... Слева, за длинной железной оградой, тянутся укрытые среди густой зелени красные кирпичные строения бывших кадетских корпусов. Еще недавно пустовавшие и лишь кое-где занятые отрядами красноармейской пехоты и керженистской конницей (бичераховский фронт отвлек к себе все и без того скудные вооруженные силы республики) корпуса сейчас ожили. Из окон слышался говор, под деревьями на скамьях и на траве сидели люди. Это были делегаты съезда, который должен был открыться завтра. Когда линейка

проезжала мимо корпусов, Серго показывал Зине, где разместились казаки, где осетины, где чеченцы...

Последние дни он был поглощен подготовкой съезда и почти не бывал дома.

А когда появлялся в вагоне, где они продолжали жить, обычно лишь ночью, то немедленно откуда-то набегали люди, у которых были неотложные дела к Серго или к которым у него были дела.

Казаки, горцы, городские работники, комиссары, рабочие, приходили даже представители городской думы, избранные еще в февральские дни, после свержения царя...

В такие часы в вагоне не затихал шум, разгорались споры, а Серго среди этой борьбы страстей чувствовал себя как нельзя лучше. Казалось, ему даже нравится жить среди постоянного шума, на людях, окружавших его с утра до ночи.

«Знаешь, Зина, народ творит революцию удивительно интересно!» — говорил Серго жене и начинал восторгаться то каким-нибудь рабочим, то казаком или горцем, с которым ему пришлось встретиться... Рассказывал о Бетале, о Шакро, о Бутырине, об Ильине, Маркусе такие подробности, будто многие годы жил и работал с ними. Он ценил их, но умел видеть в каждом и смешные стороны и недостатки и нередко заставлял Зину от души смеяться.

Вчера в заводском клубе на митинге он познакомился с Асланбеком Шериповым, прибывшим на съезд из Чечни, и вечером уверял Зину, что просто влюблен в этого чудесного молодого горца. Какая благородная натура! По летам мальчишка — едва за двадцать, — а уже ведет за собою большой отряд революционных горцев Чечни. Это он на одном из прошлых съездов предложил себя в залог ради прекращения кровавой стычки между казаками и горцами. О, это было великолепно! Сколько замечательных натур в штурмовых колоннах революции, каких мужественных солдат черпает она себе из глубин народа!

— И быстро изнашивает, к сожалению, — заметила Зина со вздохом.

Серго развел руками. Да, конечно. Революционная эпоха страшно быстро изнашивает свои кадры, и на смену одним, отдавшим ей жизнь или сошедшим со сцены, приходят новые кадры, но что поделаешь — разве не прав был герой Лермонтова, когда восклицал:

Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.

Ночью он не спал. Что-то искал в толстом томе Шекспира, который принес с собою из города. Все перелистывал и перелистывал страницы. Наконец нашел и прочел Зине:

Чтобы любовь была нам дорога,
Пусть океаном будет час разлуки.

Эти стихи она мысленно повторяла сейчас про себя, сидя в линейке, и они волновали ее так, что было трудно дышать...

За кадетскими корпусами ясно и близко вставали громады хребта.

— Вот здесь, — сказал Серго вознице:

Тот остановил линейку. У Зины на щеках выступил яркий румянец.

Серго ободряюще улыбнулся ей и сошел с линейки.

Кучер дал им попрощаться и хлестнул лошадей. Серго крикнул:

— Счастливый путь, Зинушка!

— Береги себя!

— О, не беспокойся! Я родился под счастливой звездой.

— Пиши!..

3

Он шел обратно энергичным шагом, засунув обе руки в карманы пиджака. Штатский костюм неузнаваемо преобразил Серго, и, когда он завернул в ворота кадетских корпусов, его не узнали люди, ожидавшие здесь чрезвычайного комиссара.

— Здравствуйте, друзья, — поздоровался он с сидевшими на скамье военными штатскими.

Те вскочили, с удивлением разглядывали Серго, а он, пожимая им руки, говорил извиняющимся тоном:

— Я, кажется, немного опоздал?

— О, это вы, товарищ Серго!..

Глаза у Серго светились каким-то странным блеском, и в их выражении трудно было разобраться. Никто тут не знал, что он только что проводил жену в дальний путь, и поэтому на странный блеск глаз не обратили внимания. Зато всех поразила его память. Было просто удивительно, как мог он за немногие дни пребывания на Тереке успеть

Перезнакомиться с таким множеством людей и всех запомнить.

— А где Ильин, Элердов, Фигатнер? Где Назаретян, Махарадзе, Будагов?..— спрашивал Серго.— А, здравствуйте, товарищ Камалов! Мы с вами вчера в горсовете виделись... А, товарищ Никитин, добрый день... Здравствуете, товарищ Серобабов!..

На подготовку съезда был мобилизован весь актив города. И все — от председателя Совнаркома Пашковского до рядового коммуниста из железнодорожных мастерских слесаря Дмитриева — помогали размещать делегатов, обеспечивать их питанием, транспортом, ночлегом. Это было нелегко. Делегатов ожидалось около шестисот, и Серго считал очень важным, чтобы каждому было оказано внимание и чтобы каждый почувствовал заботу власти.

Шакро, правда, брался один все устроить, но Серго посоветовал ему поберечь свои силы. Шакро огорчился, но беречь силы не стал — работал за десятерых, носился как одержимый то по городским учреждениям, то здесь по корпусам.

Требовалось устроить и обеспечить не только прибывающих делегатов, но и их лошадей, разобраться в привезенных ими поручениях, жалобах, просьбах. То и дело слышалось:

— Где Шакро?.. Эй, Шакро!..

Последние дни город снова наполнился тревожными слухами. Толком никто ничего не знал, но передавали, будто Шкуро собрал десять тысяч казаков и движется на Владикавказ. Будто Чечня и Ингушетия готовятся объявить себя турецкой территорией. Будто белочехи уже подходят к Москве, а немцы, поправ Брестский мир, намерены снова начать военные действия против России.

Эти слухи беспокоили делегатов. Открыв тут же, на аллее, у скамьи, короткое совещание, Серго предложил всем разойтись по делегациям и рассеять опасения людей, поговорить с ними, проведать, каковы их настроения, с чем люди приехали на съезд.

— Очень правильно! — поддержала Серго присутствовавшая тут Резакова. — Вот я была у делегатов осетин. Среди них не только керженисты, и мы это чувствуем...

— А кто был у казаков? — поинтересовался Серго.

— Я! — отозвался Ильин. — Их пока мало, прибыли делегаты только от некоторых станиц. Держатся осторож-

но, помалкивают... Самое неприятное то, что ими верховодят казачьи офицеры, враждебно настроенные против нас.

— Кто?

— Ну, Фальчиков, Звягин...

Услышав эти фамилии, многие поморщились, а Серго от досады даже крикнул — оба офицера уже были известны ему как ярые демагоги, прикрывавшие свое антисоветское нутро эсеровскими фразами. Оба кричали в Народном совете, что стоят за успокоение края, за прекращение братоубийственной войны, звали к примирению с Бичераховым. Заранее можно было сказать, что на съезде они прибыли не без подлого замысла...

— Я бы их всех переарестовал! — подал голос смуглый, невысокого роста человек в рабочем кепи.

Это был Камалов, председатель городского совета.

Гикало тотчас подхватил:

— Правильно!

— Нет...

— Посадить, и крышка!

Все раскричались, и долго Серго не удавалось водворить порядок.

— С арестами подождем, — твердо сказал он.

Не успело кончиться это импровизированное совещание, как на аллее показался еще один человек, ожидавший Серго. Это был Дьяков. Революционные отряды Пятигорска и Георгиевска помогли казаку освободить Марьинскую от офицерни и кулачья, и теперь, перебравшись с большим трудом через охваченные мятежом районы, он прибыл делегатом на съезд от своей станицы.

Вчера вечером он ненадолго появился в вагоне Серго. Они обнялись, поцеловались, будто старые друзья, хотя впервые видели друг друга. С полчаса посидели, поговорили, потом у Серго пачалось партийное заседание, и они условились встретиться утром в кадетских корпусах, где остановился Дьяков для продолжения разговора.

— Идите сюда, Александр Зиновьевич!

Дьяков топтался на аллее, не решаясь подойти.

Несколько минут спустя он и Серго ходили взад и вперед по аллее и оживленно разговаривали.

...А Зина подъезжала в это время к развалинам старого укрепления Редант, где Терек прорезывает Пастбищ-

ный хребет. Здесь уже чувствуется суровое царство гор. У Реданта видна была беспорядочная груда скал, сорвавшихся когда-то с хребта. Терек, стесненный гранитными стенами, яростно ревел и брызгал пеной. Зина никогда ничего подобного не видела. Так вот она, дорога, воспетая Пушкиным и Лермонтовым!..

А возница, нагоняя на Зину еще больший трепет, рассказывал ей историю о том, как ехала здесь однажды, еще при старом режиме, генеральша с целой семьей. Обронила та генеральша подушку да послала за ней девушку-служанку, и когда девушка вернулась, то не застала ни лошадей, ни генеральши, ни семьи ее — всех снесло и заваляло камнями...

Как ни странно, а именно рассказ возницы помог Зине быстрее взять себя в руки. Позади остался охваченный войною Терек, остался Серго, ринувшийся в самую гущу схватки, и что значит в сравнении с этим ее личные страхи!..

4

Шакро, в сущности, палец о палец не ударил для устройства приезда Дьякова во Владикавказ. Это совершилось без его участия. Но Шакро все же был первым, кто сообщил Серго о приезде казака. И если Шакро при этом имел хвастливый вид, будто он все устроил, то это целиком лежит на его совести.

У людей бывают слабости, и Серго отлично понимал, что с этим надо считаться: они свойственны даже великим людям. А слабости Шакро были тысячу раз простительны. Этот человек, с его кипучей энергией, стремился как можно больше сделать для революции. И даже если он кое в чем перехлестывал, то из благородных побуждений.

Была, впрочем, минута, когда Серго не на шутку рассердился на Шакро. Это произошло как раз в момент беседы с Дьяковым. Шакро вылетел из-за поворота аллеи, как бомба, и чуть не сшиб с ног Серго и казака, увлеченных разговором. Те посмеялись, и все кончилось бы мирно, если бы Шакро не увязался за ними. Ему хотелось послушать, о чем речь. Уловив, что разговор идет о казачестве, он стал вставлять свои замечания. А Серго придавал слишком большое значение своей беседе с Дьяковым, который его очень интересовал, чтобы терпеть необязательное вмешательство в нее третьего лица.

— Послушай, не можешь ли ты погромче? — потребо-

вал Шакро у казака.— Ты хрипишь так, будто пропил голос!..

Тут Серго вспыхнул, наговорил дерзостей Шакро и посоветовал ему никогда не следовать развязным манерам.

— Не можешь ли ты вообще оставить нас в покое?

Шакро, конечно, обиделся:

— Я все могу...

Через минуту Серго уже пожалел о том, что погорячился, но Шакро был уже в конце аллеи.

— Ай да Шакро! — смеялся казак. — Орел!

— Так о чем мы говорили? — старался вспомнить Серго.

Мысль была важная, а она ускользнула из памяти.

— Я рассказывал вам о моем аресте, — напомнил Дьяков, — и мы говорили про то, как мало еще среди нашего брата, казаков, сознательных...

— Мало ли?

— А вот взгляните, сколько их будет на съезде

— Ну, по одному этому признаку я бы не стал судить. Обстановка такая, что даже те казаки, которые захотели бы быть на съезде, не смогут пробраться через фронт.

— Я-то сумел... Нет, товарищ Серго, вы сказали — ругаться не надо. А как я могу спокойным быть? Они мою мать убили... После моего бегства расстреляли ее. И еще замордовали тогда же Степана Ходина, Данилу Дарагана. Как я могу простить?

Серго хотел кончить разговор, чтобы не бередить душу казака — человек слишком много пережил, но Дьяков сам заговорил. Заговорил о том, как обидно ему, что казаки прут к Бичерахову. Ну, офицерье да кулачье — это еще понятно, а ведь против идут не одни только офицеры и кулаки. Свой же брат, трудовой казак, обманутый. Обещает им Бичерахов мир и хлеб. А главный козырь у него — что, мол, красные хотят отнять у казаков землю и отдать ее горцам. Вот они к нему и прут: кажется им, что землю свою защищают.

— Да, — задумчиво проговорил Серго, — многие из ваших просто не понимают, что делается. Открыть бы им глаза...

— А как?

Серго промолчал. Начиная разговор, он именно об этом и собирался поговорить с казаком. Такой, как Дьяков, мог бы тут многим помочь. Перебросить его через фронт — в тыл Бичерахова, — чтобы он открыл глаза об-

манутым, повел их за собой... Но чутье подсказало Серго, что поднимать сейчас такой разговор несвоевременно. А казак, не получив ответа, горестно усмехнулся:

— Вот то-то и оно, товарищ комиссар. Ежели бы отколоть трудовое казачество от Бичерахова, совсем другое бы дело было. Думаете, нет среди казаков настоящих пролетариев?

И Дьяков стал доказывать, что не только одиночкам, а, пожалуй, большинству казачества ненавистен старый строй, когда атаманы гнули их в бараний рог. Казак, правда, имел льготы — на землю, налоги, — но зато сколько нес тягот! До 45-летнего возраста считался военнo-обязанным и по первому зову начальства обязан был явиться на сборное место в полном боевом снаряжении. А оно стоит больших денег. Всю воинскую «справу» казак должен был «справлять» на свои трудовые средства. До старости он должен был вытягиваться в струнку перед господами офицерами, чтобы не получить зуботычину. Казак в походах — хозяйство расстраивается и падает. Землю не каждый казак мог сам обработать. Иные не имели плуга, хорошей бороны и отдавали свой надел за бесценок зажиточным станичникам. Разорение и бедность проникли в казачество. Он, Дьяков, это хорошо знает по себе. Немало казаков разорилось, особенно за годы войны. Одни стали батрачить, другие ушли в города.

— А я по кузнечной части работал еще до войны, — говорил Дьяков. — Так пришлось... Именно из-за нужды.

И снова в его голосе звучала горечь. Поди ж ты, открой глаза казаку, когда он веками привыкал к послушанию, а правит им хорошо организованная офицерская каста.

Серго поинтересовался, знает ли Дьяков, что в декабре прошлого года советское правительство обнародовало особое обращение к казачеству.

— Знаю, — кивнул головой Дьяков.

— Там учтено все то, о чем мы сейчас говорили. Объявлена отмена обязательной воинской повинности для казаков, их снаряжение и обмундирование приняты на счет государства, и еще там есть разные привилегии для вас.

— Для нас? — улыбнулся Дьяков. — Но мы, казаки, — люди разные! Одни понимают правду, другие о ней и не подозревают, вот в чем все горе. Ты им что хочешь обещаешь, а они за старое.

Вдруг Дьяков умолк. С шоссе к воротам заворачивал конный отряд, а сзади за ним, брэнча, катил большой крытый фургон. Усталые лошади, чуя близкий отдых, галопом влетели в ворота и тут сбились в кучу.

Всадники спешились и стали вытаскивать кого-то на носилках из фургона.

— Это, кажется, Бетал! — крикнул Дьяков и побежал к воротам.

Серго тоже поспешил за ним.

Да, это был Бетал. В бою с бандой Серебрякова, давно орудовавшей в Кабарде против революционных горцев, он был ранен, но все же приехал на съезд.

Б

На бульваре сидел человек в низко нахлобученной белой войлочной шляпе и читал газету.

Солнце уже не жгло, от деревьев по земле тянулись длинные тени. Надвигались сумерки. Снеговые вершины окутывались синей дымкой, и только острая макушка Казбека еще розовела.

За оградой бульвара слышался многоголосый гул толпы. У кинотеатра «Гигант» было особенно многолюдно и шумно. Здесь скоро должен был открыться съезд. Ветер трепал огромное полотнище: «Привет делегатам Четвертого съезда трудовых народов Терека!»

У входа толпились делегаты. Многие прибывали сюда верхом на лошадях. Спешившись, отводили коней к бульвару, привязывали к решетчатой ограде. Почти все были вооружены.

В кучке казаков стоял Фальчиков, средних лет мужчина в черкеске и барашковой папахе. Он о чем-то рассказывал казакам и заразительно громко смеялся.

Удивительное зрелище представляла собою гудевшая у кинотеатра толпа. Вряд ли в каком-либо другом месте страны можно было бы встретить такую смесь нищеты и богатства в одежде, услышать такое множество разнообразных языков и наречий, как здесь. Тут можно было увидеть и пастуха-горца в громадной шапке из козьего меха, и пышнобородого седого муллу в чалме. Барашковые папахи казаков перемешивались с зелеными суконными шапками бывших фронтовиков. Мелькали крестьянские поддевки, студенческие мундиры, френчи и кожанки комиссаров, лихо заломленные фуражки-керенки горожан.

В этом калейдоскопе разных одежд и лиц — бородатых и бритых, черных и белых, свирепых и добродушных, старых и молодых — вставал весь разноплеменный Терек, и столь же разнообразными, сколь одежда и лица людей, были и их взгляды, воззрения, вкусы, понимание событий, происходящих в стране.

Казалось немыслимым совладать с этой толпой, убедить ее, заставить прийти к чему-то единому.

Еще съезд не начался, а делегаты, разбившись на кучки, уже вели между собой жаркие споры. И когда в какой-нибудь кучке вдруг слышались крики: «Стой!», это значило, что там кто-то сгоряча схватился за револьвер или кинжал.

Фальчиков, обервав разговор с казаками, отделился от них и пошел к бульвару. Войдя в тень деревьев, он оглянулся, ускорил шаги и подошел к скамье, на которой одиноко сидел человек в белой войлочной шляпе. Сложив газету, тот вопросительно посмотрел на Фальчикова:

— Не узнаете? Я полковник Беликов.

— Узнаю, но, пожалуйста, потише, — ответил Фальчиков.

— Бойтесь со мной разговаривать? О, конечно! Я контрреволюционер, золотопогонник, старорежимная собака и прочее.

— Ничего я не боюсь...

Фальчиков присел рядом, снова оглянулся, с силой хлопнул себя по коленям, будто для храбрости. От его суконных галифе при ударе, словно дымок, потянулись струйки пыли. Беликов поморщился и покачал головой. Он не любил неопрятных людей. И вообще ему был не по нутру Фальчиков; казак, занимающийся политикой, — таких полковник презирал.

— Мне передали о вашем желании поговорить со мной, и я готов вас выслушать, — сказал Фальчиков подчеркнуто деловым тоном. — С какой целью вы явились сюда?

— Бросить бомбу в ваш съезд...

— Неуместные шутки, господин полковник.

— Бойтесь? — усмехнулся Беликов. — А я серьезно. У меня при себе бомба. Все полетите на воздух к чертям!

— Вы с ума сошли!

Полковник шутил в явно обидном для собеседника тоне. Тот принял высокомерный вид человека, которого не могут задеть какие-то глупые шутки.

— Ну хорошо, перейдем к делу,— сказал Беликов. Он вытащил из кармана конверт и передал Фальчикову.— Почитайте и тут же верните.

В конверте лежало личное письмо Бичерахова.

«Война затянулась, и энергия наших казаков начинает падать,— писал глава моздокского правительства.— Под Прохладной большевики разгромлены, но в войну не втянуты многие станицы, и как бы казаки после такого топтания на месте не отправились по домам белье метить. Нужно что-то эффектное, чтобы воодушевить на дальнейшую борьбу казаков. Нужно достать и средства для этой борьбы. Во Владикавказе голова Красной Армии — совдеп и совнарком, там же государственный банк и монетный двор, там и армейская сила. Ясно, что удар по Владикавказу — удар по голове большевиков, удар и в тыл им.

Выступление должно состояться в ночь на 22 июля по старому стилю, или 5 августа по новому. Будьте готовы к этому времени образовать во Владикавказе некое подобие правительства с участием представителей любой партии, хотя бы даже они были сторонники алжирского бея. Важно только, чтобы большевистским духом не пахло,— это самое главное».

Пока Фальчиков читал письмо, Беликов, сложив руки, похрустывал пальцами и иронически говорил:

— Подумать только! В столице Терского войска воцарилась диктатура черни, и вот я, полковник, должен прятаться, как лазутчик, от посторонних глаз, будучи у себя дома. Нет, господа, если бы я попал на съезд, вы услышали бы такую речь... Впрочем, могу и сейчас.

И, явно бравируя своей смелостью, Беликов стал импровизировать речь, будто он и в самом деле находился сейчас на трибуне съезда. Он говорил не очень, правда, громко, но не стесняясь в выражениях:

— Да, господа, никогда белое не станет черным, а черное — белым. Раб есть раб, хоть возведи его в министры. Возвеличивая раба, вы даете простор самым низменным инстинктам черни и возводите анархию в принцип жизни. Но она же, анархия, и сожрет вас вместе с вашими идеями. А вы, черномазые дикари, теперь уж не надейтесь на пощаду. Вам угодно земли? По три аршина...

— Не играйте на первах, полковник,— остановил его Фальчиков, возвращая письмо.— Речи — это ведь, кажется, совсем не по вашей части?

— А? — дурашливо свесил набок голову Беликов. — Что вы сказали? О нет, отнимать ваш хлеб не собираюсь. Я служу царю саблей, а не языком. Будьте здоровы!..

У некоторых людей от негодования темнеет в глазах. Фальчикова слова полковника разъярили так, что он от злости совсем перестал видеть. Как слепой, он пошел по бульвару, нащупывая дорогу ногами.

— Ах, сволочь! — повторял он без конца.

А когда зрение вернулось к нему, он увидел, что тротуар у кинотеатра безлюден. Съезд уже начался...

Переполенный зал весь колыхался, дрожал от многоголосого шума, гудел от криков. Избирали президиум.

Разместились делегаты в зале по фракциям. С одной стороны — горцы, с другой — казаки, посередине — иногородние. Винтовки многие держали между коленей или положив на колени. Это был своеобразный военный лагерь, в котором на время сошлись под одной крышей противники. Сошлись, но, и сидя рядом, продолжали вести ожесточенное сражение не на жизнь, а на смерть. По малейшему поводу возникали перепалки, и если горцы поднимали руку «за», то сбитые офицерами с толку казаки голосовали против. За кандидатуру Серго проголосовали почти все, но, едва только оглашалась фамилия казака или горца, начинался бой.

— Шерипова! Калмыкова! Цаголова! — кричали одни голоса, а другие требовали: — Фальчикова! Мамулова! Ахмета Цаликова! Семенова!..

Не все знали, кто Мамулов, кто Семенов, и смотрели на главарей своих делегаций. Когда Бетал поднимал за кого-нибудь руку, то и все остальные делегаты из Кабарды тоже голосовали за этого человека. И точно так же поступали казаки, осетины, ингуши, чеченцы.

Больше часа утрясали состав президиума.

Потом ненадолго притихли, чтобы выслушать приветственную речь Серго. Как представителя центральной власти, его встретили с настороженным вниманием. Он не стал злоупотреблять этим вниманием, очень коротко охарактеризовал положение в стране и на Тереке и призвал к борьбе за мир и порядок в крае. В зале временами воцарялась такая тишина, что становилось слышно, как в саду за окнами какие-то мальчишки спорили:

— Орел!

— Нет, врешь, решка!

Протяжное «ш-ш-ш!», передаваемое из уст в уста, пробежало по рядам и затихало в далеких проходах зала.

Противников Серго было в зале достаточно, но говорить ему не мешали. Сдерживались даже такие почти открытые враги, как Фальчиков, — ссориться с чрезвычайным комиссаром с самого же начала не хотелось. Это значило восстановить против себя всех, кто верил в силу центральной власти и в союз Советской России и Терека. Серго во время речи не самообольщался этой тишиной. Он понимал, что у его противников зубы ноют от злости, но молчать сейчас они вынуждены.

И, пользуясь моментом, он сказал все, что думал о вчерашовцах, назвал их главными виновниками вражды в крае и в душе во время речи испытывал сладчайшее удовлетворение бойца, попавшего в цель. Так вам, голубчики!

После долгих споров повестку дня утвердили, и оказалось, что съезд заседает уже два часа и все устали. А главное, для верующих мусульман наступил час вечернего намаза, а по такому случаю на терских съездах даже самые горячие споры на время прерывались.

— Граждане делегаты! — надрывался председательствующий Шерипов, не переставая звонить колокольчиком. — Прошу успокоиться! К порядку, уважаемые делегаты! По просьбе делегатов мусульман объявляется перерыв. Чтобы не мешать верующим совершить их молитву, прошу остальных товарищей выйти в фойе. Кто хочет — может идти в читальню или в буфет.

Тесной толпой двигались делегаты к выходу, опрокидывая по дороге стулья. На сцене, хотя стол президиума опустел, тоже была толчея. Некоторые делегаты взбирались на сцену и присоединялись то к одной, то к другой кучке людей, окружавших терских комиссаров и других видных людей съезда. Как обычно, шел оживленный обмен впечатлениями по поводу эпизодов, сопровождавших начало съезда.

Серго тоже стоял здесь. Вдруг на сцену, кряхтя, взобрался старый горец, и в нем Серго, к величайшему удивлению, узнал Ибрагима, с которым встретился памятной ночью на радиостанции. Он довольно бесцеремонно расталкивал делегатов, торопя их поскорее убраться со сцены.

— Намаз! Намаз! Богу молиться нада! — твердил он. — Давай! Давай!..

Очутившись возле Серго и заметив на себе его взгляд, Ибрагим přátельски улыбнулся, подмигнул: дескать, узнал меня, да? Это я, Ибрагим!

«Он делегат съезда! Правильно!» — подумал Серго.

За Ибрагимом на сцену повалили и другие мусульмане. Они отодвинули в сторону стол президиума, разостлали на полу свои черкески, сняли сапоги, стали на колени лицом к востоку и, раскачиваясь, начали шептать молитву. Керим-Султан, стоя за сценой, около Серго, говорил:

— Наш народ, Серго, еще очень темный. Много веков в темноте жил. А сколько еще надо, Серго, таких речей, как твоя, чтобы наши люди умней стали!..

— Не речей,— смеясь, поправил его Серго,— а школ побольше. Ведь у вас до революции не было ни одной школы.

После недолгого перерыва возобновилось заседание съезда. И снова разгорелись споры — на этот раз о том, слушать ли сейчас доклад о текущем моменте, значившийся в повестке дня первым, или слушать после того, когда на съезд будут приглашены делегаты из районов, захваченных бичераховцами.

Снова зал взбурлил, взвился криками, свистом. По рядам прокатывались то смех, то гул негодования, то аплодисменты.

По левую сторону сцены темнела ниша с изображением освобожденного Прометея, борющегося с орлом. Каменная скала, и у ног героя — разбитые цепи. Мощной рукой великан сдвинул шею хищника, который терзает когтями его грудь. Этот уголок Фальчиков избрал своей позицией и то и дело подавал оттуда реплики. Справа, в нише, виднелся голубой ангел в облаке под златоглавым Московским Кремлем. Тут стояли Шерипов, Бетал, Керим-Султан и Ибрагим. И что бы Фальчиков ни говорил, они принимались с места ему возражать.

Положение с первым вопросом повестки дня запутывалось. Один за другим сменялись на трибуне ораторы, и, в то время как одни призывали сейчас же заслушать доклад о текущем моменте, другие с пеной у рта доказывали, что этот вопрос нельзя разобрать без представителей Моздока и во имя воцарения мира в крае их надо позвать сюда.

— Правильно! — кричал Фальчиков,

И ему аплодировали.

— Долой, не звать! — не уступали Фальчикову Бетал, Керим-Султан, Шерипов.

Им тоже аплодировали.

В президиум летели записки, и Серго, сидевший у края стола, подбирал их, прочитывал. Наволновавшись за последние дни, он чувствовал себя сейчас усталым и берег силы: борьба на съезде только начиналась, все еще было впереди.

Спор о текущем моменте не вызывал у него волнения. Тут все казалось ему ясным. Состав съезда таков, что только осторожностью и величайшим тактом можно добиться цели, ради которой он созван. Тут возможны и необходимы любые тактические ходы.

И опять притих зал, когда Серго взял слово: он не подошел к трибуне, а начал говорить, стоя у стола:

— Будь проклят тот, кто пожелает, чтобы война продолжалась, ибо вытаптывается хлеб, который народ должен есть и поля поливаются кровью. Все мы хотим мира. Тут некоторые делегаты предлагают послать к бичераховцам мирную делегацию и пригласить их на наш съезд, чтобы сообща обсудить положение на Тереке. Я думаю, это надо сделать!..

В настороженной тишине вдруг раздался удивленный возглас Ибрагима:

— Вай! А я кричал против!

А затем зал взорвался таким бурным плеском рук, что дрожали окна.

— Правильно!

— Мир!

— Якши, якши! Якши!

— Вурро¹, Эрджикинез!..

6

Потом долго выбирали мирную делегацию. Все в конце охрипли. Вечером съезд не заседал — шли совещания фракций. Ночью в окно гостиницы «Париж», как раз в тот номер, где остановился Асланбек Шерипов, была брошена граната. Шерипова, к счастью, в номере не оказалось.

Он в это время сидел вместе с Гикало в вагоне у Серго и рассказывал об опасном положении в Грозном. Расположенная рядом с городом казачья станица того же

¹ Вурро — ура.

названия бунтует. В ней появилось много пьяных офицеров. По-видимому, бичераховцы готовят и здесь какую-то провокацию.

На промыслах вспыхивают пожары, в городе по ночам шалят банды.

В вагоне было тихо — с отъездом Зины он словно опустел. Захар поил гостей чаем, относя к числу гостей и Серго, которого теперь редко видел.

Молодой Асланбек все больше нравился Серго. Рослый, смуглый, быстрый в движениях горец напоминал ему Георгия Цаголова, который формировал сейчас конные сотни в Осетии.

В судьбах этих молодых горцев было много общего: их подняла революция и оба служили ей со всем пылом молодости.

Асланбеку шел двадцать первый год. Образование он получил в стенах реального училища и хорошо знал языки, историю, литературу, писал стихи.

Возник вопрос, кому выехать в Грозный: ему или Гикало. Ни тому, ни другому не хотелось покинуть съезд. Наступила неловкая пауза. Молчал Гикало, молчал Асланбек. Как уехать в Грозный, когда здесь предстоят интересные события! Асланбек считал съезд школой для себя и жадно следил за всем, что происходило на нем. Присматривался к поведению Серго и других комиссаров-большевиков, изучал их тактику. Гикало тоже считал важным для себя остаться на съезде: он любил борьбу, стычки, перепалки и, хоть считал себя в этой борьбе простым солдатом, живо всем интересовался и жадно ждал дальнейших событий.

— Кто же поедет? — спросил Серго.

Асланбек заерзал на диване, покраснел, как девица. Маленькие черные усики над его верхней губой, по-юношески пухлой, дрогнули.

— Хорошо. Поеду я...

— Ты верен себе, Асланбек, — рассмеялся Серго, — всегда готов принести себя в жертву ради других.

Гикало порывисто приподнялся и поцеловал горца:

— Добрый ты хлопец! Ладно, еду я...

На другой день чуть свет Гикало выехал в Грозный. Серго и Асланбек проводили его, а затем, вернувшись на станцию, долго ходили по платформе — она была обычным местом прогулок Серго по утрам.

Потом они поехали на съезд.

Бои под Прохладной в последние дни шли очень вяло: было жарко, знойно, и даже в окопах нельзя было укрыться от палящего солнца. Ночью, когда спадала духота, с обеих сторон начиналась перестрелка, через час, другой умолкавшая.

Противников разделял Терек. Окопы бичераховцев подходили почти к самому берегу.

Железнодорожный мост через реку темнел обугленными балками. Пожар уничтожил деревянный настил, и только кое-где торчали обгорелые доски.

Бичераховцы пытались было взять мост, но были отбиты. Они отступили и опять залегли в своих окопах.

Рано утром недалеко от моста показался паровоз с торчавшим выше трубы белым флажком. Паровоз тащил за собою один вагон. Первым из вагона выскочил Шакро, за ним показались Ахмет Цаликов, Камалов и еще многие. В состав делегации съезда вошли представители всех течений. Она оказалась большой.

У командного блиндажа прибывших встретил Бутырин. Последние дни он не покидал фронта. По его приказанию саперы уже проделали проход в колючей проволоке около моста, и Шакро с белым платком на налке отправился устанавливать связь с бичераховцами. Остальным Бутырин посоветовал укрыться пока в блиндаже.

Шакро показал себя не только отчаянным смельчаком, но и бесстрашным акробатом. С замиранием сердца следили даже лежавшие в окопах по ту сторону моста вражеские солдаты за тем, как он перебирается к ним по обгоревшему мосту.

— Не трожь! — крикнул есаул рыжему бичераховцу, вскинувшему было к плечу винтовку. — Ты что, не видишь — человек с миром идет!

Бичераховец ухмыльнулся и опустил винтовку:

— То я его постращать хотел...

— Бабу свою страдай, — заметил кто-то из лежавших поодаль солдат. — Эх, дурень!

Послышался негромкий смех.

Слухи о близком мире уже давно волновали окопников. Был конец июля — горячая пора уборки урожая. Тянуло домой, в родную станицу, а войне не было видно конца. Громко говорить об этом не полагалось, но между собой, вполголоса, солдаты часто толковали о мире. Иные, наслушавшись рассказов о том, что творится в родной станице, были готовы бежать из окопов.

— Стой!

Шакро, уже перебравшийся на вражескую сторону, остановился. Навстречу ему из густых зарослей кукурузы вышел вооруженный бичераховец.

— Ты кто, откуда?

— Я мирная делегация, — ответил Шакро. — Веди к пачальству.

Солдат улыбнулся.

— А-а! — протянул он. — Мирная? Ну, идем.

Они спустились в окопы. Там Шакро обступила густая голпа солдат.

— А как там в городе? — весело спросил молодой солдат. — Тиятр действует?

На него зашикали.

Парламентеру завязали глаза и повели в станицу, лежащую позади передовой. Когда была снята повязка, Шакро увидел себя в просторной комнате станичного управления. В окна заглядывали какие-то бородачи в потрепанных меховых шапках.

Шакро принял сидевший за столом офицер — высокий, худой, в погонах. Он молча выслушал объяснения парламентера.

— Так... Значит, вы прибыли для мирных переговоров, — в глазах офицера блеснула усмешка, — но сами вы не уполномочены вести эти переговоры. Так ли я вас понял? А-а!.. Значит, ваша цель — сообщить о прибытии делегации? И о готовности ее начать переговоры? Превосходно! Теперь ясно! Еще, впрочем, разрешите узнать, где находится остальная часть делегации вашей? У моста? Отлично. Теперь все в порядке. Сейчас я позвоню.

Он вышел в соседнюю комнату и стал вызывать по телефону Моздок:

— У аппарата!.. Моздок! Моздок!

Немного спустя он вернулся к Шакро и сообщил:

— Господин Бичерахов просит вас передать, что возглавляемый им казачье-крестьянский совет согласен начать мирные переговоры. Сообщите об этом своей делегации. Господин Бичерахов сейчас выезжает сюда!

— Не думаете ли вы, что наша делегация может перебраться к вам по воздуху? — бесцеремонно спросил Шакро. — Прикажете сейчас же настлать на мосту доски.

— А почему мы должны настлать? Это скорее вам надлежит сделать.

— Стрелять не будете? Хорошо, сделаем мы.

Шакро снова завязали глаза, повели назад, к окопам, и там, сняв повязку, отпустили. Обратный путь по остаткам моста Шакро преодолел с прежней ловкостью.

Скоро на мосту уже работал отряд саперов. Стучали топоры, и звуки хозяйственной строительной работы вызывали веселое оживление и по эту и по ту сторону моста...

7

Бичерахов принял делегацию в избе станичного атамана.

Вид у «косоротой лисы» был наглый, с мирной делегацией он разговаривал насмешливым тоном.

— Мириться приехали? Ну что ж, давайте мириться, только сначала выполните наш ультиматум.

— Видите ли,— вежливо объяснял ему Ахмет Цаликов,— разумнее всего было бы сначала заключить перемирие, а потом договариваться об остальном. Пусть ваши приедут на съезд...

— Э, нет! — качал головой Бичерахов. — Мы от своего не отступим и обмануть себя не дадим.

— Кто же обманщик? — не утерпел Камалов. — Скорее вы!

— Не надо, не надо споров и резкостей! — разволновался Цаликов. — Довольно! Мир должен быть заключен на любых условиях. В конце концов, если мы получим от господина Бичерахова авторитетные заверения, что он готов прекратить войну, то можно пойти ему на уступки...

Единства не оказалось в самой мирной делегации. Между Цаликовым и остальными тут же, в избе, разгорелся спор со взаимными попреками, и это еще больше придало наглости Бичерахову. Он настаивал на своем ультиматуме:

— Снять замки с орудий и арестовать комиссаров — вот мои условия!

На дворе темнело. Густая синева растекалась по комнате. Бичерахов задумчиво дымил папироской и как-то странно — половиной рта — улыбался. Губы у него были свернуты набок и глубоко врезывались в правую щеку.

Шакро стоял у окна и думал:

«Убить его, а? Одна пуля — и все!»

Переговоры затянулись, на дворе совсем стемнело. Вооруженные казаки, окружив дом со всех сторон, прислушивались к разговорам, доносившимся через раскрытые окна. Слышались раздраженные голоса:

— Да чего тут разговор вести?

Кое-кто стал пощелкивать затвором.

Под предлогом, что уже поздно, Бичерахов покинул дом атамана, и делегация вернулась в свой вагон. Следом шли саперы и разбирали настил моста. Вскоре он стал таким же, каким был прежде...

Вместе с мирной делегацией во Владикавказ вернулся и Бутырин. Он заметно изменился за последние дни: приобрел решительный вид настоящего вояки. Армейская одежда обносилась, и выглядел он в ней так, будто носил ее годы. Навестив Полину и детей, Бутырин хотел было тотчас же отправиться на съезд, но оказалось, что заседания с утра не будет. Полина предложила Якову Петровичу пригласить Серго на обед:

— Зинаида Гавриловна в отъезде, ухаживать за ним некому, пусть отдохнет немного в семейной обстановке.

Через полчаса Серго появился у Бутыриных, но не один, а с Гегечкори и Цаголовым, только что прибывшим из Осетии.

Сели за стол и за обедом поговорили о событиях последних дней. Даже заспорили. Гегечкори считал, что посылка мирной делегации была ошибкой — теперь Бичерахов лишь задерет нос: как же, ведь у него чуть ли не запросили прощенья!

— Ну нет, — возразил Серго. — Ты, Саша, не политик. Имея дело с такой рыхлой массой, как наш съезд, нельзя было поступить иначе.

Гегечкори был членом Кавказского краевого комитета партии. Серго давно знал его, но сильным политиком не считал. В военном деле Гегечкори смыслил больше и не раз показывал это в стычках с войсками меньшевистской Грузии. Гораздо более в политических вопросах Серго считался с Цаголовым. Тот, как и Шерипов, все больше очаровывал Серго, но, в отличие от чеченца, этот осетин с лицом застенчивого юноши уже мог считаться зрелым и опытным политиком. Он безоговорочно поддержал Серго: да, Терек имеет свои законы.

Незаметно для себя Цаголов увлекся и произнес целую

речь. Гегечкори и Бутырин ерзали на стульях, хотели остановить молодого горца, но Серго не дал им это сделать.

— Северный Кавказ имеет свои законы,— говорил Цаголов.— Среди горцев и казаков особенно очень многие еще верят, что с Бичераховым можно поладить мирными средствами. Эти люди, конечно, ошибаются, они не видят контрреволюционной сущности бичераховщины. А теперь, когда делегация вернулась, что называется, с пустыми руками, каждому будет ясно, кто истинный виновник войны. И мы должны воспользоваться этим и разъяснить массам, где собака зарыта. Не в том дело, что казаки обижены на советскую власть, которая якобы мстит им за то, что они были опорой царизма, третировает их интересы, а защищает горцев. Дело в том, что бичераховщина есть мятеж контрреволюционных верхушек казачества против революции. Руками обманутых казаков контрреволюция стремится сломить народную власть и вернуть власть помещиков. Эту же роль, только в еще большем масштабе, на Кубани и Дону выполняет Деникин. Вот в чем сущность вопроса, товарищи. Вот почему я считаю правильной посылку делегации, и незачем говорить, что это ошибка, что Бичерахов может усмотреть в этом нашу слабость.

— Ну как? — спросил Серго у Бутырина и Гегечкори, когда горец умолк.— Здорово? — и закатился радостным смехом.

После обеда все четверо уехали на митинг в железнодорожные мастерские, где Бутырин рассказал рабочим о положении на бичераховском фронте. Серго не выступал, он стоял в углу цеха, смотрел на усталые, потные лица людей, окруживших военкома, и с наслаждением вдыхал запах разогретого машинного масла — он любил этот запах. Гегечкори и Цаголов тоже выступили с коротким словом.

И снова Серго любовался горцем, его логикой, строем речи, умением ориентироваться в сложных вещах.

У станков стояли винтовки. Когда митинг кончился, рабочие разобрали винтовки, вскинули их за плечи и разошлись по домам.

— Славный у нас рабочий класс,— говорил Бутырин, осматривая с Серго цеха.— Немногочисленный, но боевой.

Пора было ехать на съезд, но, когда Серго поцадал на завод или в мастерские, его уже трудно было вытащить оттуда. Он попросил завкомовцев показать строящийся

бронепоезд. Ему показали. Весь двор мастерских был загроможден паровозами, вагонами.

— А есть в запасе железа? — допытывался Серго. — Почему бы вам не построить еще хотя бы пару бронепоездов?

— То-то что не хватает железа.

— И достать нельзя?

— Где же? Война...

— А в Грозном?

— Там должно быть.

— Добудем! — заявил Серго. — У Гикало возьмем. Жаль, уехал, а то бы сразу договорились. Бутырин! Проведи это сегодня же через Народный совет.

По дороге на съезд Бутырин говорил Серго:

— Ты, оказывается, с хозяйственной жилкой. Раздобыть, скомбинировать, построить...

Серго улыбнулся:

— А мне это приятнее, чем воевать. Я человек мирной профессии.

— Как — мирной? — возразил Гегечкори. — Профессионал-революционер!.. Чрезвычайный комиссар!

— Ну и что? Революции совершаются во имя мира, а не войны. Строить, созидать — это и должно быть главной работой революционера. Если бы только нам не мешали!..

Опять бурлил и волновался съезд. Нет мира! Вернулись ни с чем! В зале стоял незатихающий говор. Ораторов почти не слушали. Люди расхаживали между рядами стульев и скамеек, курили, спорили, ругались. В дымном полумраке в углу, окруженный кучкой казаков, стоял Фальчиков и хрипло выкрикивал:

— Как Шкуро своими набегами подрывает мир, так совдепы в компании с ним разрушают принцип единой власти!

У трибуны, не обращая внимания на шум в зале, говорил Асланбек Шерипов. То, что он говорил, казалось Серго, сидевшему в президиуме, важнее всяких криков и споров в зале. От имени горских фракций он заявил, что от Моздока нечего ждать мира; нет, мир может установиться лишь после разгрома Бичерахова. Из Асланбека бесспорно выйдет прекрасный оратор. Говорил он горячо и ярко, а некоторые фразы приводили Серго в восторг.

— Мюриды Шамиля не были образованными и не учились на юридическом факультете, — бросал горец огненные слова в зал, — но зато в кровавой борьбе с русским империализмом они доказали свою любовь к свободе. Мы будем мюридами революции и обещаем, что будем бороться за свободу, как боролись шестьдесят лет назад наши предки!

Мюриды революции... Да, они уже есть. Вот они: сам Асланбек, Цаголов, Бетал Калмыков и многие другие.

8

Бетал в этот вечер председательствовал на съезде. Газыри его черкески загорались огненными искорками каждый раз, когда он, прихрамывая на левую ногу, подходил к рампе и объявлял фамилию очередного оратора. Вид у него был воинственный. С пояса свисал кинжал в черных ножнах, на боку темнела кобура револьвера.

К трибуне пробирался Фальчиков. Зал огласился пронзительными свистками:

— Вон учредилловца!

— Провокатор!

Не обращая внимания на крики и шум в зале, Фальчиков стал яростно кричать с трибуны:

— Снова и снова мы слышим здесь призывы к войне. Каждый оратор из этого лагеря, — Фальчиков указал на скамьи, где сидели коммунисты, — считает своей обязанностью лягнуть маленькую группу социалистов-революционеров, которая пришла сюда с пальмой мира...

— Долой! — неслись из зала гневные крики.

Бетал, сиюсь водворить тишину, тщетно звонил в колокольчик. Шум в зале усиливался.

Серго понял, что наступил момент, который упускать нельзя. Он встал и попросил слова.

В зале стало совсем тихо. О, это стоит послушать! Все напрягли слух, вытянули шеи.

Серго начал свою речь с вопроса к Фальчикову:

— Прежде чем высказаться по докладу мирной делегации, я хотел бы вас спросить: почему, предъявляя нам ультиматум с предложением мира, Бичерахов не отдал приказа о приостановлении военных действий?

Фальчиков ответил с места:

— Вы хотите, чтобы мы... то есть, простите, чтобы другая сторона приостановила свои действия первой?

— Да, если она искренне хочет мира! Меня удивляет, почему, предлагая нам мир, бичераховцы в то же время сосредоточивают сейчас большие силы и готовятся нас побить...

— А вы хотите, — перебил Фальчиков, — чтобы казаки были побиты?

— Я не хочу, чтобы били казаков, — ответил Серго, — но я также не хочу, чтобы черносотенные банды били революционные войска. Для нас теперь важно то обстоятельство, что в характеристике бичераховского движения солидарны почти все группы съезда.

— Ничего подобного! — не унимался Фальчиков.

Серго, не обращая на него внимания, продолжал:

— Я с этой трибуны заявляю, что Бичерахов — контрреволюционер, провокатор, а все те, кто его поддерживает, — негодяи!

В зале послышались негодующие выкрики со скамей, где сидели казаки. Один из них поднялся и громко заявил:

— Мы присутствуем при небывалом случае: представитель центральной власти и чрезвычайный комиссар Юга России Орджоникидзе допустил сейчас непристойную брань по адресу казачества, чем оскорбил съезд. Мы требуем от гражданина Орджоникидзе принести свои извинения перед съездом!

Казак выпалил эти слова без единой запинки, словно давно заучил их и только и ждал случая, чтобы швырнуть их в лицо Орджоникидзе.

Когда он сел на свое место, в зале началась настоящая буря. Крики, свист, брань, топот, аплодисменты. Керим-Султан схватился за кинжал, и по его примеру положили руки на рукоятки своих кинжалов и другие горцы. Ибрагим с красными, налитыми кровью глазами яростно переругивался с казаками. Серго понял, что еще минута — и произойдет свалка. Он поднял руку, подошел к переднему краю сцены и, когда в зале стало тихо, сказал с еле сдерживаемым раздражением:

— Я говорю открыто. У меня всегда хватит мужества подтвердить то, что я сказал. Я заявляю, что не оскорблял трудового казачества. Если вы хотите сорвать съезд, то для этого не надо искать причины в Орджоникидзе. Я сказал, что Бичерахов — провокатор, негодяй и все, кто с ним — негодяи, — вот мои слова! А трудовое казачество я не оскорблял и оскорблять не буду... Если трудовое ка-

зачество скажет, чтобы я извинился, ибо они поняли мои слова как оскорбление, нанесенное лично им, то я извинюсь. Если вы требуете, чтобы я извинился перед вашей фракцией, то я ее не оскорблял. Но перед Бичераховым и его приспешниками Орджоникидзе, если бы ему даже пришлось болтаться на веревке, все-таки извиняться не будет!

С этими словами Серго отошел от трибуны.

Глубокое молчание стояло в зале. И вдруг что-то будто треснуло, прорвалось. Оглушительный крик: «Браво!» — вырвался из мощной глотки Бетала, и тотчас весь зал поднялся, зааплодировал, подхватил:

— Bravo! Vurpo! Ura!..

До позднего вечера бурлил съезд. Потом Бетал объявил, что в городе сегодня состоится спектакль «Волки и овцы». Желающие могут получить билеты.

Многие делегаты остались ночевать в корпусах. Остался с ними и Серго.

Но он даже глаз не сомкнул в эту ночь. Более часа просидел Серго с Шериновым на скамейке у казармы, где было устроено общежитие для делегатов.

Из Грозного от Гикало пришли плохие вести. Кулацко-офицерские верховоды соседней станицы требуют разоружения рабочих дружин города. Шеринов рвался в Чечню к своему отряду, чтобы суметь вовремя прийти на помощь грозненцам.

— Ладно, поезжай, — согласился Серго и крепко обнял горца. — Хороший ты парень, Асланбек! Отчего бы тебе не вступить в партию?

— Я вступлю в партию, когда для нее наступит самый трудный момент.

— Он уже наступил, друг мой!

— Вы думаете? Тогда считайте меня коммунистом, — твердо сказал Шеринов.

Ночью, никого не боясь, один на один со своим верным конем, ехал Шеринов по горной тропе... Ехал и тихо пел, покачиваясь в седле:

Когда я вспоминаю о боге,
то восклицаю: «Аллах!»
Когда я вспоминаю о любимой,
то обнимаю свое оружие!..

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

На представлении пьесы «Волки и овцы» в городском клубе в этот вечер можно было увидеть Гегечкори, Ильина, Бетала, Маркуса, Камалова и многих других известных людей города. Во Владикавказе любили театр и умели ценить хорошую игру актеров. Беспокойное время заставило некоторых артистов покинуть город, но спектакли, хоть и реже, все же давались и в драматическом театре и в городском клубе.

Плохо было то, что улицы по ночам не освещались и горожане побаивались из-за этого выходить поздно из дому. Но страсть к искусству преодолевала страх: вооружались чем попало и шли в театр или в клуб. Обратного возвращались большими компаниями. Один нес впереди зажженный фонарь, стучал палкой по мостовой и время от времени говорил в темноту:

— Идут люди со спектакля. Идут люди со спектакля...

Рабочие и партийный актив города охотно посещали клуб. С того дня, как его заведующим стал рабочий железнодорожных мастерских Федор Иванович Серобабов, тут ключом забила жизнь: спектакли, лекции, диспуты устраивались часто, и посетители валили сюда даже в самые беспокойные вечера.

Беспокойным был и нынешний вечер. Какие-то темные элементы постреливали на улицах, около клуба перед вечером ограбили прохожего, и все же зрители пришли и спектакль состоялся. Артисты играли с подъемом, и зал горячо аплодировал им.

В антракте перед последним действием Серобабов по-

дошел к стоящим в фойе Ильину, Маркусу и Резаковой. Те дружески встретили завклубом, похвалили его работу. Худощавый, смуглый Серобабов отмахивался от похвал:

— Дело нехитрое. Надо только иметь любовь к нему.

Ильин уже давно ожидал случая подробнее поговорить с Федором Ивановичем о его прошлом. Сейчас газета была занята съездом, но Ильин имел обыкновение заготавливать темы и материал впрок, заранее.

— А сознайтесь,— сказал он, подмигивая Маркусу: дескать, сейчас увидишь, как мы работаем,— сознайтесь, Федор Иванович, вы, наверно, в прошлом сами играли на сцене?

Серобабов решительно опроверг это предположение. Никакого отношения к сцене он не имел, но искусство любит с малых лет. Еще когда он мальчишкой бегал по новороссийским улицам...

— Вы разве нездешний? — перебил Ильин.

— Нет. Мы попали сюда в 1914 году.

— Кто — мы?

— Рабочие. Мы работали на Новороссийском вагоно-ремонтном заводе. Ну, и нас, человек семьдесят, эвакуировали сюда вместе с оборудованием из-за начавшейся тогда войны.

— Вот как! А что, Федор Иванович, если мы напишем о вас в газете?

— Обо мне нечего писать.

— А если мы вас самих попросим рассказать о себе, о своей работе?

— Это лучше,— одобрил Маркус.

Ильин тут же обратился к Резаковой:

— Можете Федору Ивановичу?

Та охотно согласилась. Когда Серобабов отошел, Ильин сказал:

— Вот тема: «Народ и искусство». Написали бы, Тамара. А?

— У вас на каждом шагу темы,— рассмеялась Резакова.

— Нам нужен был бы свой летописец,— серьезно сказал Маркус.— Удивительные вещи происходят у нас на Тереке, а некому все записать. Взять хотя бы то, что произошло в эти дни на съезде. Тактику Серго, речь Шерипова. Это же блестяще! А кстати, почему Серго не приехал на спектакль?

— Остался там, в корпусах. Я слышал — он собирает-

ся написать письмо Ленину, — ответил Ильин. — Радиостанция на ремонте, связи по прямому проводу нет, придется посылать письмо с нарочным.

Понизив голос, Ильин сказал:

— А нарочный, между прочим, тут, перед вами. Вон ту молодку видите? — он показал глазами на прогуливавшуюся по фойе Нину Бодрову.

Одетая в длинное кружевное платье, Нина выглядела сейчас очень привлекательной. Маркус загляделся на нее.

— Вот это героиня! — проговорила Резакова. — Вот о ком надо писать!..

Спектакль кончился поздно ночью. Шумной толпой выходили из клуба зрители, но тут же притихали, окунаясь в тревожную, непроглядную темноту улицы.

Проводив Тамару домой, Ильин и Маркус отправились в редакцию и, как нередко бывало и прежде у друзей, провели почти всю ночь в разговорах о революции, об искусстве, о людях, творящих новое, об удивительной сложности событий на Тереке.

Заснули, сидя на диване...

Едва только начало светать, когда их разбудила яростная пальба...

Город вмиг проснулся.

— Что случилось?

— Почему стрельба?

— Это прорвались бичераховцы! Слышите? У штаба бой...

На улицах поднялась суматоха. Дружинники из самообороны бежали к местам сбора, красноармейцы — в штаб, партийцы — в горком партии, рабочие — на свои предприятия. Войск в городе было мало, почти все резервы поглотил бичераховский фронт, вот враг, наверно, и решил воспользоваться этим, чтобы захватить город.

Увы, так оно и оказалось. Стрельбу вели у штаба бичераховцы. Конные сотни одна за другой влетали из тьмы в городские улицы и заполняли их выстрелами, цоканьем копыт, гиканьем, ругательствами, свистом. И сразу лачались обыски, аресты. В домах раздались вопли, стоны...

Отряд кермешистов Николай Кесаева успел занять оборону на мосту через Терек как раз за несколько минут до появления мятежников. Рассредоточив бойцов по бе-

регу, Кесаев залег с пулеметом у самого входа на мост. Бичераховцы лезли к мосту тучами, стараясь прорваться к кадетским корпусам, но пулеметный огонь Кесаева заставил врага остановиться и залечь.

В этот страшный предутренний час Серобабов прибежал в клуб. В несгораемом сейфе клуба осталась выручка от вчерашнего спектакля, и Федор Иванович примчался сюда, чтобы спасти общественные деньги от разграбления. Тут, в сейфе, лежал и браунинг Федора Ивановича. Вооружившись им и спрятав в сапогах деньги, Серобабов кинулся из клуба в сторону Курской слободки, населенной преимущественно рабочим людом. На углу он налетел на двух мятежников, одетых в казацкую одежду.

— Куда! А ну стой! Держи!..

Он хотел метнуться в ближайшие ворота, но кто-то их быстро запер. Казаки схватили Серобабова.

Несколько минут спустя, избитого, окровавленного завклубом вели по мостовой, как арестанта, и рядом шли двое с пашками наголо.

2

В кадетских корпусах, где заночевали многие делегаты, при первых же выстрелах все тоже поднялись на ноги и схватились за оружие. Вздурораженной толпой вываливались люди из дверей казарм в темноту двора, суетились у конюшен, седлали лошадей и сзывали земляков.

Стрельба все усиливалась, и, как бы вторя грохоту выстрелов, ревел во тьме Терек. На бледном горизонте, где-то за крышами домов, черной тучей поднимался в небо дым...

Те, у кого были свои лошади, понеслись галопом по пустынным улицам. Впереди в черной бурке, на горячем коне неся Бетал. За ним проскакали Дьяков, Керим-Султан, Цаголов, Гибизов...

— Где Серго? Где Бутырин? — спрашивал у людей Шакро, бегая из казармы в казарму. — Сейчас из города звонили, требуют собрать съезд.

— Кто звонил?

— Городской голова Цирульников.

— Жив курилка? — удивлялись люди. — А что ему надо?

Серго и Бутырина Шакро нашел в дежурной комнате общежития, у телефона. Серго нервничал, старался

связаться с городом, и Шакро предпочел не тревожить его сейчас. Отвел в сторону Бутырина и рассказал о странном звонке из города. Бутырин тотчас сообщил об этом Серго. Тот в недоумении поднял брови:

— Собрать заседание съезда? Для чего?

Шакро молчал. У него еще не прошла обида на Серго, и он не считал для себя обязательным отвечать ему. Когда тот же вопрос повторил Бутырин, Шакро ответил, хотя тоже без охоты:

— Ничего не знаю. Мое дело вам передать.

И он вышел из дежурки.

— Ладно,— махнул рукой Серго.— Потом разберемся с этим Цирульниковым. Сейчас не до заседаний. Надо послать разведку в город и разобраться, что там происходит.

Вероятно, мысль о необходимости разведки одновременно пришла в голову доброй сотне делегатов и красноармейцев из охраны съезда. Когда Серго выбежал во двор, из ворот корпусов то и дело выскакивали на лошадях люди, посланные или сами решившие отправиться в разведку.

На шоссе устанавливали пулеметы. На крышах казарм залегли керменисты и делегаты помоложе. Пожилым отводилась позиция внизу, у каменной ограды.

Распоряжался всем этим какой-то молодой парень в кожаной рабочей куртке. Серго впервые видел его и терялся в догадках: кто же он такой?

— Эй, деду! — командовал парень, обращаясь к престарелому делегату кабардинцу. — Ты на крышу не лезь! Сюда давай, к заборной решетке. А ты, — схватил он под уздцы лошадь какого-то всадника, — куда прешь? Тоже в разведку? Там и без тебя народу хватит! Стой здесь, будешь моим посыльным.

Серго подошел к парню в кожаной куртке:

— Вы кто?

— Я? Огурцов, — отвечал тот таким тоном, будто эта фамилия известна всей России.

— Делегат?

— Нет... А вы кто? А-а! — вскинул брови и расплылся в улыбке парень, узнав, кто перед ним. — Я тут помогаю, товарищ Серго. Видите, дежо какое жаркое!..

Огурцов оказался рабочим с Курской слободки. Он был прислан горкомом партии для несения караульной службы в корпусах на время съезда. У парня — ему

было года двадцать два — явно сказывались задатки командира. И хотя он был рядовым дружинником, его слушались.

— Молодец! — похвалил его Серго. — Действуй!

В это время Бутырин в дежурной комнате пытался связаться с городом. Он прикладывал к уху трубку, прислушивался и снова крутил ручку с такой силой, что, казалось, вот-вот она разлетится на куски.

Не отвечали ни Терский совет, ни горком партии, ни Совнарком, ни штаб. Тогда Бутырин позвонил к себе на квартиру. К телефону подошла Полина. Спросила недоверчиво:

— Это ты, Яша?

Убедившись, что с ней говорит муж, она стала рассказывать о том, что творится в городе:

— Вокруг нас идет сильная стрельба. На улицу не выйти. Казаки заняли центр города, и я в плену... Они ищут тебя и Серго. Уже два раза заходили...

— Все? — оборвал ее Бутырин. — Ну, прощай. Детей не выпускай на улицу. Извини, Поля, я тороплюсь!..

Он бросил трубку и, тяжело вздохнув, провел рукой по волосам. Что делать? Штаб отрезан, центр города уже занят казаками. Кто же эти казаки? Очевидно, бичераховцы?..

Все выяснилось, когда стали возвращаться разведчики.

Изменники из станицы Архонской пропустили к Владикавказу белоказачьи сотни, которыми командовали полковники Беликов и Соколов. Только благодаря этой измене бичераховцам удалось захватить город врасплох. На рысях, с пятью сотнями казаков Беликов ворвался в центр города, сбил патрули и начал осаду штаба. С другого конца города повели атаку конные сотни полковника Соколова — личного приятеля Бичерахова. Одна сотня пыталась прорваться к кадетским корпусам, чтобы захватить в плен делегатов съезда, но была замечена керменистами на мосту и отбита.

Теперь бои шли в разных пунктах города. Сотня керменистов, кавалерийский отряд Гегечкори, небольшой китайский отряд Пау Ти-сяна и две роты красноармейцев с трудом сдерживали натиск превосходящих сил противни-

ка. Требовалась подмога, но где ее взять? Отозвать с фронта? Многие делегаты так и предлагали.

Из донесений разведчиков видно было, что бичераховцам удалось вовлечь в мятеж и бросить на город антисоветски настроенных казаков из ряда расположенных близ Владикавказа станиц: Арховской, Ардонской, Николаевской. Бесчинствовали сейчас в городе и мятежники из станиц Аки-Юртовской, Тарской, Фельдмаршалской, Воронцово-Дашковской. Когда при Серго были названы эти станицы, ему что-то припомнилось, какая-то неясная мысль пришла в голову, но в суматохе тотчас забылась.

Не дать врагу захватить съезд — вот что казалось Серго сейчас самым важным. Можно было предложить делегатам разъехаться и скрыться, но это значило потерять все то, что удалось с таким трудом завоевать в борьбе с бичераховской агентурой на съезде.

Враг, по-видимому, попытается инсценировать свой съезд.

Предоставив Бутырину заниматься организацией военного отпора налетчикам, Серго созвал руководителей делегаций и посоветовался с ними.

— Распускать съезд или держаться всем вместе до конца? — спросил он у делегатов. — Как думаете?

Сразу раздались крики:

— Не распускать! Держаться вместе!

— Распустить! Незачем рисковать!..

Большинство все же высказалось за то, чтобы делегаты съезда действовали как единая сплоченная сила. Разойтись в разные стороны — значит только покориться врагу. Нет! Ему надо объявить войну до решительной победы!..

Серго рассчитывал, что совещание продлится недолго, но кто-то распустил слух среди делегатов, что их всех, а не только руководителей делегаций требуют на совещание, и скоро вокруг Серго уже гудела густая толпа. Зал все больше и больше наполнялся людьми. Вдруг вперед протолкался грузный седой мужчина и поднял руку.

— Я призываю вас к благоразумию! — крикнул он. — Прошу слова.

Он выхватил из кармана широкую ленту с бренчащими регалиями, надел на шею, и тут все узнали бывшего городского голову Цирульникова.

— Граждане! — начал он свою речь. — Настал психологический момент, требующий сегодня от каждого из нас

искреннего стремления к миролюбию, к братскому согласию, к тому, чтобы все разногласия примирались во имя общего порядка. Разрушительная стихия, свойственная всякой революции, стала лицом к лицу с конечным выводом, вытекающим из ее развития, — с анархией, возведенной в принцип жизни, ибо большевистское восстание, отмечающее все государственные тенденции, провозглашающее диктатуру насильников и узурпаторов власти....

— Долой! — завопили в толпе.

— Ближе к делу!

— Я призываю вас прекратить кровопролитие. Город уже в руках полковников Беликова и Соколова. Бесполезно...

— Долой! Предатель! Вон! — загремело множество голосов.

Некоторые кинулись на оратора с кинжалами, но тут раздался крик:

— Нас окружают!.. У ворот белые!

Близко затрещали выстрелы. Все бросились к воротам. Там человеческий поток остановился. По шоссе с гиканьем мчалась казачья конница. Метрах в двухстах от корпусов всадники остановились, спешились. Один из них остался на лошади, подъехал близко к воротам корпусов и крикнул:

— Сдавайте оружие! Город уже наш!..

Из-за ограды корпусов грянули выстрелы. Всадник взмахнул револьвером.

— Огонь по красным бандитам!..

— Огонь по белогатам! — раздалась ответная команда из корпусов, и по нападающим ударили из винтовок и револьверов.

За одним укрытием можно было увидеть русского, осетина, кабардинца, ингуша...

Бутырин устанавливал в глубине двора на автомобиле станковый пулемет. Серго помогал ему. Помадобилась вода, и Серго пополз с ведром по аллее к бочке, стоявшей у двери казармы. Тут он наткнулся на Ибрагима, который, сидя на земле, стаскивал с ноги сапог и тихо стонал. Заметив Серго, он с огорчением, будто извиняясь, проговорил:

— Что такой? Немножко нога болит...

— А ну-ка, давай ногу, — потребовал Серго. — Я ведь в прошлом фельдшер.

Он снял с Ибрагима сапог; повыше икры из ноги сочи-

лась кровь. Вытащив носовой платок, Серго так легко и быстро перевязал рану, что Ибрагим с удивлением забормотал:

— Ты совсем доктор, Серго! Большой деньги можешь получать! Целый дом купить!

Он полез в карман бешмета и вытащил небольшой, сложенный вчетверо газетный листок.

— На тебе, спрячь! — сказал Ибрагим. — Это дорогая бумажка. Тут земельный закон написан. Я ее нашел в горах месяц тому назад... Меня могут убить, нельзя, чтобы эта бумажка пропала!

Серго развернул листок. Это был принятый предыдущим съездом народов Терекa декрет о разрешении земельного вопроса на Терекe.

— Но и меня могут убить, — сказал Серго, пытаюсь вернуть горцу его сокровище. — Береги это сам, Ибрагим...

Он набрал воды из бочки, опять ползком доставил ее к пулемету и вдруг подумал, что поступил неправильно: надо было взять бумажку — горец мог обидеться. И Серго пополз обратно.

— Хорошо, дай ту бумажку, Ибрагим. Я сберегу ее.

— Надо старший слушать, — наставительно сказал старик. — Хочешь, еще послушай — хорошо будет.

— А что? Я тебя слушаю...

— Надо в гора уходить. Ибрагим знает. Ибрагим верошный человек. В гора! Давай! Потом поздно будет!

— Почему в горы, Ибрагим?

— Там верный народ много есть. Оружие есть, патроны, лошади. Город спасет и тебя спасет. Давай!..

Слушая горца, Серго развернул газетную вырезку, взятую у Ибрагима, и задумчиво бросил взгляд на то место, где говорилось о переселении станиц. И словно что-то озагрило Серго. В декрете перечислялись станицы, предназначенные к переселению на другие земли: Сувиженская, Аки-Юртовская, Тарская, Фельдмаршалская... Серго вспомнил, что на предыдущем съезде было решено возвратить горцам земли, некогда принадлежавшие им и занятые теперь этими станицами.

Чего же откладывать? Казаки этих станиц сейчас штурмуют город, помогая бичераховцам. Ударить им в тыл.

Но тут же Серго сказал себе:

«Нет, это надо продумать...»

Светало. Поднималось из-за гор багровое солнце, и с каждым часом положение делегатов съезда становилось все более отчаянным. После неудачной попытки прорваться в город кружными путями вернулись, едва не сложив головы по дороге, Бетал, Дьяков, Шерипов, Цаголов и Керим-Султан. Мятежники держали под обстрелом все выходы из корпусов. А в городе уже подыхали пожары и раскаленное августовское небо все больше завлакивалось дымом.

Весь день шел бой у корпусов. Делегаты превратились в бойцов и показали, что умеют сражаться. Лишь немногие перебежали к мятежникам — нападение бичераховцев на город лучше всякого голосования показало, на чьей стороне симпатии большинства съезда. Исчезли Фальчиков и с ним почти вся казачья фракция. Куда-то пропал Ахмет Цаликов — в боевых порядках его не видели. Зато, несмотря на тяжелое положение обороняющихся, организованности стало больше.

После полудня к корпусам каким-то чудом прорвались из города Маркус и Ильин. От них узнали, что некоторых комиссаров и активных партийцев враг успел захватить в плен. По мере того как они называли имена, Серго все ниже опускал голову.

— Огнева помните? — говорил Ильин, тяжело дыша от волнения. — Это председатель союза металлистов. Тоже попал. А Сербабова знали? Завклубом. Схвачен прямо на улице.

— Боюсь, что и Саша взят, — добавил Маркус. — Он тоже ночевал в городе.

Ильина и Маркуса выручило удивительное везение — не брали их пули, и все. За ними гнались, в них стреляли двадцать раз, а они благополучно уходили от преследователей. Прятались во дворах. Редактор «Народной власти» и комиссар просвещения были слишком известными фигурами во Владикавказе, чтобы остаться неузнанными, но никто не выдал их.

К вечеру мятежникам удалось зажать делегатов в тесное огненное кольцо. Из него оставался только один выход — через Терек в горы. Река была близко, но перебраться через ее кипящий поток казалось невыполнимым делом. За рекой, на той стороне, вставали в синеве сгущающихся сумерек скалистые кручи горной Ингушетии.

Когда солнце село за горизонт и начало темнеть, бой у корпусов притих. Отчаянный Дьяков снова ходил в разведку. Ему удалось завладеть документами убитого бичераховца и с их помощью пробраться в город.

Вести он принес тревожные. Город почти весь в руках врага. Стойко держатся лишь Малооканская и Курская слободки. Очень хорошо дерутся китайцы и бойцы отряда Гегечкори. Сам он действительно попал в плен, но сбежал, нашел свой отряд и с ним отступил к вокзалу, где вместе с рабочими железнодорожных мастерских стойко держит оборону. Но к мятежникам все время прибывают свежие силы с Сунженской линии. По слухам, в город прибыл Бичерахов и сейчас ведет какие-то переговоры с бывшими членами думы и некоторыми делегатами съезда — перебежчиками.

Эти сведения скоро подтвердились. В десятом часу вечера из города в корпуса позвонили и попросили Бутырина. Серго зашел с ним в дежурку. Звонил какой-то тип, назвавшийся представителем казачье-крестьянского совета.

— Вы военком?

— Я. Что вам нужно?

— Полковник Бичерахов предлагает вам прекратить сопротивление и передать делегатам съезда, что он приглашает их принять участие в создании нового органа власти — временного исполкома Терской республики.

— Не слишком ли торопится господин Бичерахов? — усмехнулся Бутырин. — К чему такая поспешность?

— Картина ясная, чего тянуть. Ждем от вас ответа, и в случае отказа пеняйте на себя. Большевистской анархии будет положен конец...

Бутырин повесил трубку и передал Серго весь разговор. Тот яростно сверкнул глазами и, заложив руки за спину, стал ходить взад и вперед по скупо освещенной дежурной комнате.

— Картина действительно ясная. Послушай, Яков, мой план. Прежде всего мы должны переправить основную часть делегатов через Терек в горы.

— Через Терек?

— Да. Иного выхода нет, значит, надо попытаться. Нельзя дать бичераховцам захватить нас всех, как куропаток. И есть у меня еще одна идея. Надо ударить по врагу с тыла. Такая возможность есть, и силы есть.

— Где эти силы?

Серго все шагал и шагал из угла в угол, и каждый раз, когда он проходил мимо стоящей на столе керосиновой лампы, Бутырин загораживал ее рукой, чтобы не погасла от движения воздуха.

— Видишь этот слабый огонек? — показал Яков Петрович на контящий язычок пламени. — Этот огонек тебе ничего не напоминает?

— Ты хочешь сказать, что можем тоже вот-вот погаснуть?

— Не погаснуть, но временно проиграть.

— Нет, — возразил Серго. — Впрочем, все возможно, конечно, — поправился он, уже осторожнее проходя мимо огонька лампы. — Но силы у нас есть. Они только не приведены в движение. В сравнении с нашими силы Бичерахова — вот как твой огонек, это действительно.

Он остановился у занавешенного окна и прислушался. Гул стрельбы в городе притих, и лишь Терек рокотал в ночи.

— Знаешь, в чем я убедился, Яков Петрович? — снова заговорил Серго. — Революция не может совершаться по принципу тришкиного кафтана — оголить одно, чтобы защитить другое. Всегда есть возможность найти резервы в народе.

— Громкие слова!

— Нет, не громкие. Мы с тобой занимаемся революцией, Яков, и для нас это не громкие, а обычные рабочие слова. Подумай, прошлый съезд решил вернуть горцам землю, которую у них когда-то отняли, почему же не выполнить сейчас это законное решение. Тем более что речь идет всего о нескольких станицах, выступающих сейчас против нас? Станицы Аки-Юртовская, Сунженская, Тарская и другие бросили свои отряды на город, а мы движемся против них горцев...

— Серго! Это окончательно рассорит нас с казачеством!

— Нет, не рассорит. Если хочешь знать, это только часть того, что мы должны были бы сделать, не будь мы отрезаны от центра. Нет иного пути, кроме того, каким идет вся страна. Сейчас, конечно, еще не время, но раз уж нас вызвали на бой, то, как говорится, нет хуже дела, чем добрая. Начнем решать земельный вопрос на Тереке хотя бы с Сунженского клина.

Бутырин разволновался, стал доказывать абсурдность плана Серго и, сильно жестикулируя, нечаянно за-

гасил огонек лампы. Вместе с темнотой в дежурке водворилась и тишина. Оба комиссара молча вышли за порог.

Ночь искрилась мириадами звезд. Пахло гарью и порохом. Из окна соседней казармы доносились чьи-то стоны.

— Где Шакро? Пусть достанет патроны,— слышался во мраке голос Бетала.— Утром не миновать атаки.

— Черт знает что! — ругался где-то на аллее Шакро.— Зачем раненым патроны?

Серго окликнул его.

— Шакро! Я, кажется, тебя обидел на днях,— сказал Серго, трогая его руку.— Погорячился, извини. У меня к тебе дело.

— Слушаю.

— Можешь организовать переправу съезда через Терек?

Шакро, не задумываясь, ответил:

— Пожалуйста.

— Яков, пойдешь с первой группой? — спросил Серго у молча стоявшего рядом Бутырина.— Тебе надо скорее добраться до наших войск. Другого пути нет, кроме как через горы.

— Хорошо, пойду.

— Тогда, в добрый путь. Не будем терять время,— пожал ему руку Серго.— Я тут отвечаю за тебя тому бичераховскому типу... Вот, кстати, он, наверно, и звонит...

Серго шагнул обратно в дежурку, а Бутырин и Шакро исчезли в темноте аллеи.

— Я... просто послал этого типа к чертям,— шепотом рассказывал Серго Дьякову, шагая к реке в толпе делегатов.— О, так я давно уже не ругался...

Мрак был влажный от висевшей в воздухе водяной пыли. Реку в том месте, которое Шакро избрал местом перехода, загромождали тяжелые валуны. Терек прорывался под ними, над ними, обтекал их с боков. Чтобы потоки воды не уносили людей, Шакро переправлял их группами по двадцать пять — тридцать человек; все брались крепко за руки и входили в воду. Первым приходилось труднее, чем шедшим сзади, и Шакро ставил сюда самых опытных и сильных горцев. Сейчас уходила последняя группа, и первым вступил в воду сам Шакро.

Вторым двинулся рослый Керим-Султан. Серго оказался в цепи пятым.

Вода бешено рвала цепь, сбивала иных с ног... Лишь один молоденький чеченец, на мгновение выпустивший руку соседа, пал жертвой Терека. Остальные скоро уже были на противоположном берегу. Борьба с водой обессилила многих, но отдыхать не пришлось; мокрые, озябшие, усталые, они тут же двинулись в горы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

В этот день Захар стал неожиданно командиром бронепоезда.

Услышав выстрелы, он запер вагон и бросился в штаб. Курская слободка просыпалась в тревоге. На всех перекрестках стояли испуганные жители.

«А что там,— думал с тревогой Захар,— на Молоканской слободке? Что с Серго и с делегатами съезда?»

В штабе он узнал неутешительные вести. Центр занят белыми.

По ту сторону города остался весь Совнарком, там же Серго и все делегаты съезда.

— Черт знает, что такое! — ругался комиссар. — Все время звоню в кадетские корпуса, а от них ни слуху ни духу!

В штаб то и дело прибегали слобожане, красноармейцы, командиры и требовали оружия и патронов.

Захар кинулся обратно на станцию.

Перестрелка усиливалась. По всем улицам, прилегающим к центру города, шли бои. Остерегаясь шальной пули, шли переулками санитары с посылками. Прохожие, заслышав близкий выстрел, жались к стенам и забегали в первые попавшиеся ворота.

На вокзале было тихо и безлюдно. Поднявшееся из-за гор солнце искрилось в темных окнах железнодорожных мастерских, стоявших в стороне от вокзала. Трубы силовой станции чуть дымились. Добравшись до контрольной будки, Захар узнал от сторожа, что рабочие, услышав стрельбу, прибежали сюда, но, не найдя никого, разо-

пились. Захар поспешил к силовой станции и крикнул машинисту:

— Дай тревожный гудок!

Потом побежал обратно к будке и, вызвав штаб, долго и настойчиво кричал:

— Артиллериста вышлите! Артиллериста!..

Полчаса спустя собравшиеся на гудок рабочие спешно строили бронепоезд. Во дворе мастерских на рельсах стоял американский товарный вагон для перевозки скота. К этому вагону подкатили платформу и на ней установили пушку.

Рабочие стали закреплять пушку деревянными клиньями. Подошел рослый парень в старой солдатской шинели. Он назвался артиллеристом.

Захар обрадованно сказал ему:

— Вот, товарищ, пушку ставим...

Артиллерист усмехнулся:

— Добре, действуйте! Испробуем вашу пушку. Я Жаров. К вам из штаба прислан. Помогу.

Вскоре самодельный бронепоезд вышел из мастерских и дал первый орудийный выстрел. После выстрела все увидели, что клинья, закреплявшие пушку, выскочили.

— Ломы давай сюда! — крикнул Жаров. — Не унывай, ребята, сейчас исправим!

Кто-то сбегал в мастерские и принес два тяжелых лома. Жаров взял один из них и с силой всадил его через отверстие в лафете пушки в деревянный пол платформы. То же он проделал и со вторым ломом.

— Ну, а теперь держи, — сказал он, обращаясь к своим помощникам. — Крепко держи!

Рабочие взялись за ломы и навалились на них всей тяжестью. Жаров зарядил пушку.

— Держи! — еще раз крикнул Жаров. — Мать честная! Раз!

Пушка содрогнулась от выстрела, но осталась на месте. Жаров повеселел. Начали обстрел центральных улиц города. После нескольких выстрелов пушка все же сдвинулась с круга, и ее вновь пришлось закреплять.

Стреляли так до вечера. Белые отвечали. На Курской слободке стоял непрекращающийся грохот. К голосу единственного орудия новорожденного бронепоезда присоединили свои голоса еще две гаубицы, стрелявшие из кладбищенского сада.

— Не бойся, это свои,— шутил Жаров, прислушиваясь к нарастающему вою снарядов.

Пот лил с него градом. Рыжеватые волосы слиплись на лбу, на руках темнела запекавшаяся кровь.

— Давай! — яростно кричал он рабочим, подносящим снаряды. — Живее там, пехота!

Одного рабочего, раненного в голову, унесли, и на его место встал другой.

Ночью бронепоезд вернулся в мастерские. Там пушку наглухо закрепили железными болтами на деревянной раме, которую изготовили плотники. А когда рассвело, бронепоезд снова загудел своим единственным орудием...

Захар показал себя недурным командиром, но, когда в это утро к городу подошел настоящий большой бронепоезд под командованием опытного бывшего офицера казака Автономова, матрос сам попросился в отставку и взял на себя охрану вагона Серго, чтобы никто не растащил хранящихся там бумаг. На помощь себе он выпросил двух китайцев. О них рассказывали чудеса. Их с удовольствием брали к себе в отряды — они дрались как черти.

Под грохот боя к вагону приходили люди, спрашивались о Серго — жив ли?

Захар отвечал:

— Товарищи! Каждый исполняйте свой долг и знайте, что Серго тоже исполняет свой долг, а за ним стоит вся революционная Россия!..

2

Сорокаверстный переход был позади.

Отряд далеко растянулся по дороге.

Лошадь Серго шла легкой, развалистой рысью, покавалерийски одетый маузер болтался у левого бедра всадника. Рядом с Серго ехали Дьяков и Керим-Султан.

Было жаркое утро. Над высокими зарослями дремлющих кукурузников лениво дрожали струйки марева. На минуту взгляд задержался на убитом тушканчике — он лежал на краю пыльной дороги, и длинные задние лапы делали его похожим на маленького кенгуру.

«За ночь проехали почти всю Ингушетию, — мысленно усмехнулся Серго, прислушиваясь к цоканью лошадиных копыт. — Страна невелика!»

Он вспомнил пенящиеся воды реки Армхи, могучие леса

на северных склонах гор и пестрый ковер альпийских трав по отлогим южным склонам. Ущелье то сужалось, то расширялось, и в глубине слышался непрекращающийся гул: это бурная река ворочала огромные камни.

По узким тропкам ехали делегаты, за крупами коней не различая стеги. Над их головами поднимались величественно застывшие горы с большими и малыми гребнями, изрезанными зубцеобразными линиями.

Отдыхали в старинной каменной башне у сутулого старика с шамкающим беззубым ртом и красными веками. Он встретил делегатов у низкого входа и на приветствие тягуче ответил:

— Алейкюм селям!

Башня была высокая, в пять этажей; стены с бойницами были сложены из гладко обтесанного дикого камня.

Старый горец подавал каждому руку и, по обычаю, дотрагивался левым плечом до груди гостя:

— Гость дорогой... иди сюда, иди.

После вареной курицы, сильно приправленной чесноком, подали чегельбиш — плоские лепешки из ячменной муки. В углу комнаты, между поблескивающими на стене двумя медными тазами, стоял старший сын хозяина, гордый тем, что ему довелось прислуживать таким гостям...

Это было вчера. А сейчас, щурясь на ярком солнце, делегаты уже подъезжали к аулу Базоркино, который лежит всего лишь в двенадцати километрах от Владикавказа. И чем ближе становились сады этого большого ингушского селения, тем больше тревожили Серго мысли: как встретят его горцы? Пойдут ли драться? Как поведет себя Национальный совет? Главарем этого совета был Васан-Гирей Джабагиев — явный недруг советской власти. Керим-Султан называл его пройдохой.

— Будь он проклят! — говорил Керим, покачиваясь в седле. — Хитрый пес! Ошиблись мы, Серго, когда его выбирали. Народ наш темный, верит муллам и старикам, а они его поддерживают. Они у нас все решают за народ, как хозяева.

Дьяков молча прислушался к разговору Серго с Керим-Султаном.

«У каждого народа — свои собаки-предатели, — думал он, с горечью вспоминая испытания, пережитые в родной станице, гибель матери. — Ах, если бы народ мог сразу разобрать, кто ему друг, кто враг!»

А Керим все ругался, рассказывая о Джабагиеве. Он

уверял, что Джабагиев больше турок, чем ингуш. Его мечта — создать под покровительством Турции горское государство «от моря до моря». Говорят, он собирается ехать на переговоры по этому поводу в Тифлис. Нечего с ним церемониться. Лучше обратиться прямо к народу...

Впереди все яснее выступали из-за холма сады Базоркина. Показался скачущий навстречу всадник. Серго узнал Шакро.

— Джабагиев против! — еще издали стал выкрикивать новости Шакро. — Курская и Молоканская слободки держатся. Делегаты размещены все, обеспечены ночлегом и питанием. Асланбек скоро прибудет с отрядом!..

Славный, неутомимый Шакро, неизменно заботливый, душа человек!

Серго обнял его, как брата, и крепко поцеловал.

3

Ибрагим сделал свое дело. Прискакав чуть свет в Базоркино, он поднял всех на ноги отчаянными воплями: «К оружию! Народ созывайте!» И теперь на большой площади, около бывшей конторы имения графа Уварова, уже гудела густая толпа всадников, собравшихся по тревоге со всей Ингушетии.

— К оружию! К оружию! — слышались крики в толпе. — Не допустим, чтобы во Владикавказе опять воцарился казачий атаман! Лучше сожжем его дотла!..

Топот коней, лязг оружия, крики с каждой минутой все возрастали. На улицах селения невозможно было протолкнуться: арбы, повозки, фаэтоны стояли как попало на дороге. Кони, буйволы, ослы паслись у каменных оград домов, забредали в чужие дворы, и хозяева гнали их прочь с ужасными проклятиями. Еду люди готовили себе на кострах, дымивших посреди улиц, и в воздухе стоял острый запах баранины и жареного лука.

Любая новость у горцев быстро передается из уст в уста. Все уже знали, что Серго и Бутырин приехали за помощью, и были готовы ринуться в бой с белоказаками. Ждали только, что скажет Национальный совет, заседающий сейчас в бывшем графском доме. Ингуши-коммунисты разъезжали на конях в толне и призывали идти с ору-

жием отбивать город, даже если Национальный совет почему-либо выскажется за нейтралитет. То и дело в толпе передавались новые слухи о ходе переговоров приехавших комиссаров с Национальным советом.

— Джабагиев не согласен!..

— Старики опасаются, как бы мы потом не поплатились за вмешательство!..

— Мулла сказал: мы маленький народ, опасно вступать в войну с Бичераховым и Деникиным!..

Пока Серго и Бутырин вели переговоры с Национальным советом, Керим успел сколотить отряд, который состоял на две трети из его ближних и дальних родственников. А так как родни у него было много, то в отряде через час после его организации уже насчитывалось больше сотни всадников. Их вооружение и одежда оставляли желать много лучшего, зато это были отчаянные джигиты, готовые на все.

Жаркие споры шли всюду. В одной кучке стояли два рослых ингуша — Идрис Зязиков и Бексултан Костоев; оба горячие сторонники красных, они агитировали:

— Все на помощь городу. Разобьем белых!

Идриса Зязикова и Бексултана Костоева горцы уважали, хотя это были еще молодые люди, за их преданность народу и честность.

Но слишком глубоко сидело в горах почитание старших: пока старики не скажут, что делать, тысячная толпа всадников оставалась в нерешительности. Все страстно хотели, чтобы Орджоникидзе уговорил стариков. Горцы еще мало знали о нем, но то, что люди передавали об «Эрджикинезе» (так его все называли), вызывало уважение.

— Говорят, он заступился за наш обоз!

— Большой человек!

— Он чрезвычайный комиссар Юга России!..

— Вот как? — вступил в разговор бородатый, свирепого вида ингуш на вороной лошади. — Тогда надо попросить наших офицеров потребовать у него деньги.

— За что? С ума сошел! — воскликнул стоявший тут плечистый горец с рыжими усами, Юсуп Албогачиев. Бедняк кузнец, он одним из первых в Ингушетии стал коммунистом.

— Те из нас, кто служил в «Дикой дивизии», знают, о чем я говорю. Мы уже больше полугода не получаем жалованья. Нам обязаны заплатить,

— За что? За то, что служили царю и чуть не оказались палачами революции? — горячился Албогачиев. — Если бы вас не остановили под Петроградом, сколько было бы лишних жертв!

— Врешь, собака! Это ты продался неверным и агитируешь за них!..

Тем временем в бывшем графском кабинете тоже шел горячий спор. Серго снова и снова ставил перед Джабагиевым вопрос о помощи вооруженной силой, но тот, с важностью поглаживая длинные седые усы, увиливал от ответа, крутил, заводил разговоры, не имеющие никакого отношения к делу, и, словно нарочно, испытывал терпение Серго и Бутырина.

Вокруг Джабагиева устроились на скамьях старый мулла и несколько стариков. Все они были членами Национального совета.

В прошлом агроном, чиновник царского министерства земледелия, Васан-Гирей Джабагиев после свержения самодержавия ударился в политику и стал верховодить в ингушском Национальном совете. Больше всего этого старающегося всегда быть солидным и важным человека заботили не судьбы революции и собственного народа, а казавшийся ему самым первостепенным вопрос об «ориентации», то есть о том, на кого надо опираться: на турок, немцев или англичан? Как бы не прогадать.

Считая себя революционером, он ухитрялся в то же время дружить и сходиться во взглядах с самыми мракобесными главарями горского мусульманского духовенства — шейхами, которые утверждали, что все спасение горцев — в шариате и что больше всего надо опасаться надвигающейся с севера угрозы в лице «русского мучика».

Это был, несомненно, очень хитрый человек. Серго видел его насквозь и сейчас, ведя с ним переговоры, с трудом сдерживал ярость: в городе льется кровь, а этот «вождек» благодушно разглагольствует о том, что история ингушского народа еще очень мало разработана. Большую роль в этой истории сыграла тайпа — род, но исследованием тайпы никто не занимался.

— Мы очень древний народ, — говорил Джабагиев под одобрительные кивки головой сидевших рядом стариков. — Есть такая легенда. Жил давным-давно в здешних местах человек, по имени Соска Солсак. Люди жили тогда под землей, в подвалах, выложенных камнем. Солсак

родился не от обыкновенной женщины, а прямо от бога. Одно время с ним в горах жили греки. Их наши предки звали «джелты». Это был трудолюбивый народ, пришедший к нам из-за моря. Они были хорошие строители и построили много башен и замков. После греков на нашей земле жили двуротые. Одна женщина родила двух мальчиков — одноротого и двуротого. Однажды братья вышли на охоту. Лесов в то время не было, а рос небольшой кустарник. В кустах братья поймали кабардинца и взяли его в плен. В скором времени на двуротых рассердился бог и послал к ним смерть. Двуротые стали уходить в греческие могильники и там умирали. Кабардинец вернулся в Терскую долину. Он взял с собой женщину из племени двуротых и женился на ней. От этого брака и произошли ингуши...

Пока Джабагиев рассказывал эту наивную сказку, Серго и Бутырин несколько раз переглянулись и отлично поняли друг друга без слов. «Какая собака! Но — терпение, терпение, Яков!» — говорил взгляд Серго. А в глазах Бутырина выражалось: «Какой подлец! К черту его! Тут не на что надеяться».

За окнами кабинета послышался крик:

— Дорогу! Дайте дорогу всадникам!

— Кого посылает нам аллах? — удивился мулла.

Крики усилились. К дому подъезжал конный отряд. Вот цокот копыт стих. На крыльце послышались чьи-то быстрые, легкие шаги, и через минуту на пороге кабинета появился Керим. Он был с головы до ног увешан оружием.

— Здравствуйте, — поклонился он старикам. — Я привел в ваше распоряжение отряд. Он готов к бою хоть сейчас!..

Но мрачным лицам Серго и Бутырина он все понял и тоже помрачнел.

— А кто просил тебя создавать отряд? — вскочил с кресла Джабагиев. — Что за времена настали? Яйца курей учат! Каждый хватается за то, что ему взбредет в голову, и готов совать нос в чужие дела! Я попрошу тебя сейчас же выйти отсюда вон!

Тут Серго не стерпел. Он тоже вскочил и стукнул кулаком по столу.

— Господин Джабагиев, — сказал он, сдерживая закипающую злобу, — уже второй день город осаждают наши враги. Да, враги! Они хотят овладеть Владикавказом,

чтобы, укрепившись в городе, завтра прийти громить нас с вами. Неужели вам не ясно, что казачьи атаманы ненавидят все революционное и ингушскому народу, безземельному и нищему, никогда земли из их рук не получить?..

Серго посмотрел в глаза Джабагиеву. Тот молчал. Напряженно молчали и члены Национального совета.

— Ингушский народ — маленький народ... — проговорил наконец Джабагиев. — Нам не следует вмешиваться. Так ли я говорю? — обратился Джабагиев к старикам.

Те закивали головами в знак согласия.

Мулла добавил:

— Коран запрещает нам насилие.

В кабинете наступило тягостное молчание.

— Мне кажется, мы все сказали, — вежливо поклонился Джабагиев, обращаясь к Серго. — Если вам нужна какая-нибудь личная услуга, то мы в вашем распоряжении. Ингушский народ питает большую симпатию к вам, особенно после того, как вы заступились за него, когда люди из города хотели напасть на наш обоз с кукурузой.

Выйдя из кабинета, Серго и Бутырин только пожалели о потраченном даром времени. Керим, пожалуй, был прав, когда предлагал обратиться прямо к народу.

— Что будем делать? — спросил Керим у Серго.

— То, что ты советовал, — ответил Серго и благодарно пожал руку горцу. — Садись на коня и едем за мной — будешь переводить мою речь.

— Вот это говорит мужчина! Конах-ва! — в восхищении воскликнул Керим. — Я готов к бою, Серго!..

Они вскочили на коней и помчались к кургану, где чернела большая толпа всадников. Ингуши-коммунисты устроили там митинг. В момент, когда Серго, Бутырин и Керим подъехали к кургану, загрели выстрелы. Это палили в воздух разгоряченные речью кузнеца Албогачиева молодые ингуши. Палили, вскинув винтовки к небу, в знак одобрения и еще потому, что хотелось пострелять.

— Вуррро! — кричали те, кто не стрелял, и неистово размахивали в воздухе белыми войлочными шляпами.

Серго с трудом пробил себе дорогу к верхушке кургана. Там, не сходя с лошади, он обратился к толпе:

— Товарищи горцы, слушайте меня!

Он поднял руку и не опускал ее до тех пор, пока на

кургане не воцарилась тишина. Море голов колыхалось вокруг. С кургана хорошо видны были громады хребта и уходящие к городу поля с разбросанными кое-где домишками.

— Товарищи! — начал Серго. — Сто лет ваши деды воевали с русским царизмом. Лучшие люди сложили свои головы за дело народа. Но враг был силен. Отобрали у вас землю, отобрали волю и загнали вас в ущелья бесплодных гор!

Толпа плотной стеной обступила курган, стремясь встать поближе к человеку, которого многие уже знали. Керим ходил в толпе и сообщал всем его имя и напоминал ингушам, что это он спас их обоз, а теперь хочет дать им землю.

— Эрджикинез! Он правду говорит! Он заступился за нас в городе!

— Ваш трудовой народ задыхается от безземелья, — продолжал Серго, все повышая голос. — Вон там виднеются станицы, — Серго показал на юг. — Царь отобрал у вас землю и отдал ее казачьим атаманам. Возьмите эту землю, возьмите ее оружием, с бою. Я, чрезвычайный комиссар Юга России, приказываю вам это. Отсюда, с этого кургана, двиньте ваши силы. Обложите мятежные станицы. Казачьи полковники и атаманы сейчас душат рабочих в городе, беспощадно их расстреливают. Помогите нам одолеть врага, ибо это и ваш враг!..

— Не мешайте говорить Эрджикинезу! — кричал Ибрагим, хотя в толпе царил тишина. — Дайте нам слушать правду!

— Никакая Турецкая империя, — гремел голос Серго, — никакой ислам не дадут освобождения вам, трудовому народу. Только большевики, русский рабочий и такой же обездоленный, безземельный, как и вы, русский мужик вместе с вами завоюют свободу, раскрепостят вас, помогут отвоевать вашу землю!..

Горцев, понимавших по-русски, в толпе было мало, и, когда Серго умолк, лишь кое-где прозвучали крики «ура». Их голоса тут же заглушил рев, вырвавшийся из сотен глоток:

— Перевод, перевод сделать!..

Пробиваясь сквозь толпу, Керим поднимался на курган. Его подталкивали, поднимали на руки там, где особенно плотно стояли люди, и передавали от одного к другому через головы,

Керим перевел речь Серго на ингушский язык, вкладывая в нее всю силу души, наболевшую обиду горца. Многие Керим добавил от себя, и, когда он кончил переводить, по кургану разнеслось тысячеголосое:

— Вурро!..

Ингуши высоко в воздух подбрасывали шапки и кричали:

— Вурро, Эрджикинез!

— Вернем дедовские земли!..

Небывалый случай произошел в этот день: люди перестали слушать стариков, да еще к тому же членов Национального совета! Впрочем, в среде самих седобородых не оказалось согласия. В то время как одни стояли против помощи большевикам, другие яростно требовали немедленно идти спасать город от белоказаров. Весь красный от гнева, Ибрагим сцепился с одним толстым стариком, тоже багровым от негодования, и, казалось, вот-вот они схватятся за свои кинжалы. Их разнял Керим-Султан.

— Достопочтенные отцы! — начал он головой, раздвигая могучими руками стариков в разные стороны. — Такие уважаемые люди, а ругаются, как торговки на базаре!

— Ты не вмешивайся не в свое дело, молокосос! — накинулся на него Ибрагим.

Второй старик тоже налетел на Керима:

— Уходи прочь! Ты как смеешь нам указывать!..

— Ну и попадает мне сегодня! — смеялся Керим. — От Джабагиева попало, а теперь и от вас!..

Но в этот день произошло нечто еще более удивительное. К Серго подъехал Бутырин и сообщил, что Джабагиев и другие старики высказались только что за оказание помощи в изгнании белых из города. В связи с чрезвычайным положением Национальный совет избрал тройку для дальнейшего руководства гражданскими и военными делами Ингушетии. Джабагиев будет заниматься гражданскими делами, полковник Саутиев — военными, а Чочанов Исаак-мулла — шариятскими.

— Ты подумай, как схитрили, а? — возбужденно говорил Бутырин. — В одну минуту перестроились!..

— Великая вещь «ориентация», — рассмеялся Серго. — Не будем сейчас спорить с ними. Они боятся потерять свое влияние на массы, ну и пусть волей-неволей помогают нам. С паршивой овцы, говорят, и шерсти клоки!..

Теперь уже ничто больше не смущало горцев. Старик-ки дали согласие! Вурро! Старики тоже за Эрджикинеза! В бой!.. На кургане поднялась такая суматоха, что тут не услышали бы и звуков трубы. Под вопли, свист, хохот и брань начали разбиваться по отрядам.

Брали тех, кто с оружием. Отбирали больше часа. Оставишь кого-нибудь — обижается, не согласен оставаться.

К таким подъезжал Серго, уговаривал, убеждал до хрипоты:

— Нельзя же вас без оружия пускать! Чем белых будете бить? Вот раздобудем оружие, тогда все пойдете!

Но никакие доводы не доходили до горцев — всем хотелось в бой. Едва отсчитают сотню и отведут в сторону, как в ней уже не сотня, а бог весть сколько, — не то двести, не то триста человек. Тут даже Шакро ничем помочь не мог!

А из окрестных аулов все прибывали и прибывали горцы, кто с винтовкой, кто со старинной пищалью, кто с мечом.

Кое-как все же удалось разделить толпу на два полка, более или менее вооруженных и равных по численности. Один полк тут же двинулся осаждать станицы, а другой помчался скопом, без всякого порядка, в сторону Владикавказа.

Наметом летели всадники, брэнча, катились арбы, груженные ящиками с патронами, прогрохотало несколько пушек.

По дороге к Владикавказу проехал и Серго. С ним был и Дьяков. Казак стал как бы телохранителем Серго и не отставал от него ни на шаг. Серго хмурился, временами пускал коня в бешеный галоп. Испытывая особое чувство лихости, которое всегда охватывало его во время быстрой езды, он думал о том, что, в сущности, ведь и в его крови течет кровь горца...

И еще он думал о Зине — хорошо, что она сейчас далеко. Добралась ли она до его родины — чудесного по красоте селения Гореша? Там тоже горы...

У старого, покосившегося забора испуганно жалась кучка горожан. На заборе висел только что наклеенный большой желтый плакат. Прежнее большевистское пра-

вительство объявлялось низложенным. Новое правительство, с каким-то эсером Семеновым во главе, призывало население сохранять спокойствие и содействовать установлению порядка и мира на Тереке.

— Которая же это будет «новая» власть? — переговаривались между собой горожане у плаката. — С начала революции власти все меняются и меняются.

Вспоминали, какие правительства перебивали на Тереке. Кто только не пытался командовать краем! Был Караулов — казачий атаман, были грозненские нефтяные воротилы — Чермоев, Гоцев и еще какие-то господа. Теперь к власти дорвался Бичерахов. Этот Семенов — только ширма для «косоротой лисы». Ох, бестия, добился-таки своего!

Мимо забора прошли два подвыпивших казака.

— А вы тут чего толпитесь? — накинулись они на горожан. — А ну, расходись!

Один подошел к плакату и в ярости сорвал его. Не понравилось ему, что новая власть названа в плакате «Временный исполком Терской республики».

— Это что за исполком? — заорал он, хватаясь за шашку. — Кто написал?

Бледные горожане запричитали:

— Не знаем, мы сами удивлены!..

Такие сценки можно было наблюдать в этот день на многих улицах Владикавказа. Бои на Курской и Молоканской слободках, расположенных в противоположных концах города, продолжались с нарастающей силой, ружейная пальба там не затихала, а здесь, на центральных городских улицах, уже безраздельно хозяйничали мятежники, и новая власть делала вид, будто исход сражения уже решен и население может продолжать заниматься как ни в чем не бывало своими делами. От владельцев магазинов и столовых требовали, чтобы они немедленно открыли свои заведения, чтобы работали парикмахерские, чтобы кинотеатры опять открыли свои двери для зрителей. Некоторые поддались призыву нового «исполкома», но тут же пожалели об этом: пьяные ватаги офицеров и казаков так бесчинствовали в магазинах, парикмахерских и кинотеатрах, что сами их владельцы чуть не поплатились головой. Нормальная жизнь в городе так и не наладилась, несмотря на все призывы и заклинания новой власти.

В одном из самых красивых домов Владикавказа,

бывшем дворце какого-то богача, собралась городская дума. Заседание было торжественное — на нем присутствовал сам Бичерахов. Сидел в ложе и загадочно улыбался своей кривой улыбкой. Рядом сидели Беликов и Соколов. А на сцене густым шмелиным роём гудели всякого рода «нолители», ораторствовали, потрясали кулаками, призывали к свободе слова и совести, требовали каких-то реформ и обязательного созыва Учредительного собрания для создания законной общероссийской власти, которая положила бы конец большевистской «анархии».

Собрание вел Фальчиков. Глядя на него издали, Беликов морщил свои холеные щеки и говорил Бичерахову: — Этот Фальчиков позорит казачество, я бы его повесил, если бы не обстоятельства нынешнего момента.

— Ни черта вы не понимаете в политике, господин Беликов, — отмахивался от полковника Бичерахов. — Сидите и молчите!

Но было просто невозможно сидеть и слушать льющийся со сцены пустопорожний поток речей, и Беликов покинул зал. За ним поднялся и ушел из ложи Соколов, которому тоже не нравилась эта игра в демократию. Уж лучше идти против большевиков с открытым забралом, чем маскироваться под «друзей» народа. Не стоит, право, тратить на это силы. Народ всегда был и останется быдлом, и чем круче с ним обращаются, тем он послушнее. Если бы Николай II был потверже характером, он бы не слетел с трона. Так говорили между собой Беликов и Соколов, выходя из здания думы и садясь в машину.

— Скажите, Беликов, а не объявить ли нам Бичерахова царем?

Беликов посмотрел на Соколова сначала с ужасом, потом громко расхохотался и обнял полковника:

— Вы чудак, дорогой монархист! Он ведь тоже социалист, а социалист на троне — это зрелище для богов, ха-ха!..

Свой штаб Беликов и Соколов устроили в большом каменном здании мельницы на берегу Терека. Здесь их ждали неприятные новости. На помощь красным пришли ингуши. Их тьма-тьмушая. Отовсюду поступают донесения о появлении горских отрядов — они атакуют город с севера и юга. Но хуже всего то, что нарушена связь с рядом станиц, которые осаждены теми же ингушами.

— Осаждены? — вырвалось у Соколова. — Какие станицы?

— Суиженская, Тарская, Воронцово-Дашково...

— Проклятье!

Беликов и тут не удержался, чтобы не съязвить.

— А вы царя хотели! — сказал он Соколову и стал его успокаивать: — Новости неприятные, но пока положение не настолько изменилось, чтобы терять голову.

— Послушайте, а не поднять ли нам против ингушей осетин? — воскликнул Соколов. Он весь загорелся этой мгновенно вспыхнувшей в его голове идеей и, сверкая своими большими выпученными глазами, стал доказывать, что если бы сейчас вспыхнула национальная война между осетинами и ингушами, то с большевиками было бы в два счета покончено. Осетины в большинстве христиане, ингуши — магометане, вот и почва для стычек, которые и в прошлом не раз уже бывали.

— Вы тешите себя иллюзиями, друг мой! — качал головой Беликов. — Вы сможете втянуть сотню, другую осетин в наши войска, но горцев в целом на свою сторону вам не перетянуть. Ни осетины, ни черти, ни дьяволы за вами не пойдут. В их взаимоотношениях что-то изменилось за последнее время. Они стали умнее, полковник! Да, да, просто умнее и не хотят бросаться друг на друга с кинжалами. Я не политик, но не могу не отдать должное большевикам: они тут приложили руку.

Соколова попросили к телефону. Он схватил трубку:

— Да, да, слушаю...

Звонил Фальчиков из думы. Только что собрание решило отпустить полмиллиона рублей на нужды новой власти и полмиллиона — на вооружение и содержание войск казачье-крестьянского правительства. Бичерахов доволен, чрезвычайно благодарил собрание. Но всех участников собрания беспокоили какие-то слухи о нападении горцев на город и некоторые казачьи станицы. Не могут ли господа Соколов или Беликов сказать что-либо по поводу этого слуха?

Когда Фальчиков умолк, Соколов тяжело вздохнул и процедил в трубку:

— Пошел к черту, дурак!..

Через полчаса в штаб прибыл Бичерахов. Он был мрачен и зол, как собака. Накричал на штабных, на Соколова и Беликова, заставил их выехать в районы боев — одного на Курскую, другого — на Молоканскую слободку, и сам занялся допросом пленных.

Весь окровавленный, избитый, еле держась на ногах, стоял перед «коссоротой лисой» Колка Кесаев. Его ранили в бою и захватили в плен. Как командир отряда керменистов, он не мог рассчитывать на пощаду, да мятежники никого и не щадили. Уже были расстреляны Камалов, Серобабов, теперь, видно, пришла его очередь. Камалов и Серобабов умерли достойно, не склонив головы перед бандитами. Ну что ж, раз так суждено, и он, Кесаев, достойно кончит жизнь.

Бичерахов долго вглядывался в опухшее от побоев лицо Кесаева.

- Сколько керменистов в Осетии?
- Сто тысяч!
- Врешь! Их и тысячи не насчитаешь.
- Плохо считаете.
- Молчать, большевистская собака!
- От собаки слышу!

Бичерахов побагровел, потянулся рукой к пистолету, но тут же постарался взять себя в руки.

— А знаешь, что тебя ждет, глупый человек? — сказал он примирительным тоном. — Ты молод, и твоя жизнь могла бы еще быть впереди. Хочешь жить? На́ перо, бумагу, садись и пиши своему отряду, что ты призываешь его прекратить борьбу и сдаться в плен.

Кесаев усмехнулся, так усмехнулся, что стоявшие у дверей в охране казаки нервно вздрогнули.

— Я не мышка, господин Бичерахов, и не играйте со мной зря! Когда придет ваш смертный час, а это уже не за горами, возьмите пример с меня, с Камалова, с Серобабова, если сумеете! Вот и все!

— Негодяй! Подонок! — разъярился Бичерахов. — Это ты мне, мне такие слова говоришь? Прочь!

Кесаева долго вели по разбитым улицам. На небольшой площади у церковной ограды остановили, повернули лицом к стене. Он не согласился так умирать, стал лицом к палачам, уже поднявшим винтовки, закурил, и тонкий дымок от его папиросы смешался с пороховым дымом винтовочного залпа...

5

С того дня, когда казаки узнали, что их станицы осаждены, натиск бичераховцев в городе ослаб. Мятежники бросали свои позиции и разбегались по домам спа-

сать семьи и добро. Но Беликов и Соколов упорно цеплялись за каждую улицу, и бои продолжались...

В штабе защитников города на Курекой слободке то и дело появлялся Серго. Командовал здесь обороной Гегечкори, но все считали главным Серго, требовали от него оружия, подкреплений, указаний; он хмурился, отсылал людей в штаб, старался убедить командиров, что армия есть армия и в ней должен быть порядок.

С приходом ингушей силы защитников Владикавказа увеличились, но вскоре же выяснилось, что эти храбрые, отчаянные в бою горцы очень мало приспособлены к городской войне. Ринувшись на казаков, они в первый же день понесли большие потери. Организовать их было трудно. Штаба они не признавали, сами выбирали позицию; иногда под самым жестоким огнем бросались в атаку с кинжалами в руках...

Керим-Султана ранили в первой же атаке. Санитар, перевязывая ему голову, спросил:

— Твоя фамилия Гулиев? Тебя вызывают в штаб. Сможешь добраться до штаба?

— Кто вызывает?

— Гегечкори.

Керим кивнул головой.

— Пойду! — проговорил он, стискивая зубы от боли.

Ночь прошла в непрерывных боях. Улицы по несколько раз переходили из рук в руки. Всю ночь в небольшой кузнице на Курской слободке чинили отбитый у казаков броневик. При первых лучах солнца он появился на улицах с красным флажком на башенке.

Около десяти часов утра Керим-Султан выстроил перед зданием штаба свой отряд. Из штаба вместе с Гегечкори вышел Серго. Они поздоровались с горцами, прошли мимо шеренги.

— Это кто? — спросил Серго у Керима, указывая на горца, стоявшего на правом фланге.

— Гулик Гулиев, племянник.

— А это кто?

— Это дядя. Темор-Султан.

— А этот?

— Это Магомет-Мурза, брат.

— А этот?

— Муса, тоже брат, младший.

— Керим, — рассмеялся Серго, — ты всю свою фамилию привел?

— У меня еще дома дети остались,— ответил тот с улыбкой.

Гегечкори отчитал горцев за их безрассудное поведение в бою и прочел им целую лекцию о правилах уличного боя. Керим и его родственники сокрушенно вздыхали, переминались с ноги на ногу. Да, как это верно! Ай, как хорошо говорит этот красивый начальник! Кончил Гегечкори тем, что приказал Кериму остаться со своим отрядом в охране при штабе.

— Нет! — решительно заявил Керим. — Охрана — это не мое дело! Нет!

Серго покачал головой и обратился к горцу:

— Ты помог нам, и мы тебе очень благодарны. Ты герой, Керим, но если хочешь, чтобы твое имя попало в историю, то должен вести себя, как солдат великой армии, а не как абрек. Запомни, ты отныне командир Красной Армии и в отряде твоим состоят не родственники, а бойцы.

Керим растерянно чесал затылок. Так не хотелось остаться при штабе, но пришлось подчиниться.

Впрочем, в этот день Керим все же отвел душу. Ему поручили передать приказ бойцам отряда Гегечкори, державшим оборону на берегу Терека. Тут шел жаркий бой, и Керим не стерпел: забрался в окоп и стал посылать пулю за пулей туда, где засели бичераховцы. Затем он вскочил и под градом пуль побежал к реке. С криком «ура» поднялись за ним в атаку и бойцы отряда Гегечкори.

Тут горец опомнился — встали перед глазами гневное лицо Гегечкори, добродушная улыбка Серго. И Керим повернул назад. Но не дошел до берега: словно оступившись, стал клониться к пенистой воде...

Атака удалась. Но тут бойцы увидели, что Керим грузно оседает в воду... Папаха с головы сбита, и теперь видна только одна окровавленная голова со слипшимися волосами. Ему удалось, очевидно, сесть на подводный камень. «Ну и живучий, черт!» — думали бойцы, помогая горцу выбраться на берег. Шесть ран нашли у Керима, но в штаб он вернулся без чьей-либо помощи.

6

В то утро, когда Серго призывал горцев силой отвоевать свои земли, Ибрагим решил, что в городе могут обойтись и без него, и пошел со многими другими приступом на враждебные станицы,

Казаки оборонялись. Они окружили околицы станиц проволочными заграждениями, вырыли волчьи ямы.

По совету Серго, осажденным станицам был послан ультиматум — сдать оружие и во исполнение воли съезда дать слово выселиться и предоставить горцам ранее принадлежавшие им земли.

Казачий полковник Рошупкин отклонил это предложение.

Осада продолжалась. В лесу возле станицы Воронцово-Дашково расположился целый табор. Меж высоких буков, серебристых осин бродили табуны нерасседланных коней. По утрам небо затягивалось молочно-белой пеленой, на которой кое-где проглядывали синие заплатки. К полудню начинало моросить, и нудный, назойливый дождь не прекращался до позднего вечера. Дороги размыло, ноги вязли в жирной, липкой грязи. Люди кутались в бурки и глубже нахлобучивали барашковые шапки.

От скуки старый Ибрагим начинал рассказ:

— Да... Еду я прошлым годом за дровами... Хорошо...

Рассказ давно известен: Ибрагим был пойман с дровами без специального билета на право проезда по казачьей земле, и какой-то терец до вечера издевался над ним, заставляя то сбрасывать с арбы дрова, то вновь нагружать.

Серго часто приезжал в окопы, беседовал с горцами. Одетые в черкески, с винтовками за плечами, седобородые старики и безусые юноши окружали его тесным кольцом, старались перехватить каждую новую весточку из города.

Ибрагим с сосредоточенным видом качал головой и в сотый раз задавал Серго волнующий всех вопрос:

— Эрджикинез, сегодня станиц наш, земля наш... Но завтра пришел казак, сказал: «Давай станиц!» Тогда что?

— Волков бояться — в лес не ходить, отец! — отвечал Серго. — Конечно, казачьи атаманы попытаются еще не раз посягнуть на наши завоевания. Но когда трудовые народы объединятся в одну общую семью, тогда им не будут страшны никакие атаманы, полковники и генералы. Нас много. Нам нужно объединиться. Осетин трудовой, казак трудовой, ингуш, чеченец, кабардинец — все братья, у всех трудящихся одинаковые интересы!.

Старики одобрительно трясли бородами. Ибрагим с чувством пожимал руку Серго.

Шли дни... Пылал город. Дымились развалины хат в осажденных станицах. Они сдавались одна за другой. Уже были взяты Воронцово-Дашково, Сунженская. Пришла очередь и хутора Тарского.

Станичники сдавали оружие. Казачки за рога вытягивали с базов буйволиц, на улицах стоял гам, плакали дети, тревожно блеяли овцы.

К крыльцу правления подкатила запыленная машина. Из автомобиля вышли Серго, Пашковский и Ильин.

В правлении уже сидели делегаты от Сунженской и Тарской станиц. Старейший из них с непокрытой головой обратился к комиссарам:

— Сила на вашей стороне. Мы просим у вас пощады. Серго перебил его:

— Незачем просить. Мы не звери...

С «господами старыми казаками» Серго и его спутники договорились об условии сдачи станицы: в две недели казаки обязаны очистить ингушские земли и переселиться в Моздокский уезд, где им уже была нарезана земля.

На площади перед правлением толпились казаки и горцы. Стояли еще не распряженные лошади. Старые и молодые казаки поочередно подходили к правлению, неся на плечах новенькие винтовки, обрезы и длиннодулые шамилевские ружья.

Куча оружия все росла и росла. Некоторые казаки, сдавая винтовки, плакали. Какой-то бородач с тоской произнес:

— Все пропало, о господи!

Всхлипывания усиливались. Плакали седобородые старики.

Серго вышел на крыльцо и хотел им что-то сказать, но в это время толпу растолкал коротконогий краснощекий старик казак. Он влез на пустую арбу и, сняв с головы шапку, громко спросил:

— Чего плачете, господа старые казаки?

Он откашлялся и продолжал:

— Братья, не волнуйте себя слезой! Верное слово, господа старые казаки, нас обезоружили, но скажите, разве обидели нас чем? Мы выгоняли ингушей, как собак, даже не позволяли женщинам вытащить из золы чу-

рек, не позволяли спеленать детей. Теперь у нас обратно забирают то, что мы отняли у ингушей. Но комиссары дают нам срок, не отнимают наше майно. Нет, господа старые казаки, по справедливости, нечего нам плакать.

Старик умолк и, нахмурившись, глубоко нахлобучил шапку. Серго подошел к нему и, протянув руку, твердо сказал:

— Ты настоящий казак!

Несколько дней спустя больше пятисот горцев оставили свои убогие жилища в глубоких, темных ущельях у верховьев реки Ассы и двинулись на свою родную землю, с которой некогда были изгнаны царем их деды и отцы.

Ибрагим переселил сыновей, а сам остался в родном ауле. На всякий случай он решил не сжигать за собой мосты: многое повидал он на своем долгом веку и знал, что за победой может прийти опять поражение — борьба-то ведь в самом разгаре!

7

В этот день Серго известили, что Бичерахов выехал из города. Узнали об этом из донесения от Огурцова. «Красный генерал» — такую кличку дал ему Серго — великолепно организовал оборону кадетских корпусов, но, когда съезд перебрался в Ингушетию, Огурцов через два дня появился на Курской слободке, и как-то утром Серго опять застал его около штаба в роли «главнокомандующего». Одних он посылал на склады за патронами, других инструктировал, как надо вести уличный бой, третьим давал справки, как проходит линия фронта. Военный задор бил из этого парня фонтаном, и Серго посоветовал Гегечкори и штабистам не отказываться от его помощи.

Бичерахов, по существу, сбежал, прикрывшись тем, что якобы дела требуют его присутствия в Моздоке. Провал его расчетов был очевиден, но на улицах города продолжала литься кровь.

Серго опасался, что белые могут ударить из Прохладной, и каждый день звонил Бутырину:

— Как у вас, Яков? Спокойно?

— Ну, не сказать чтобы спокойно, — отвечал Бутырин, — но не тревожься: к городу мы их не пропустим. Может, нужна помощь?

— Нет, Яков, ни одного солдата не отпускай от себя. А мы уж как-нибудь сами.

— Ты, кажется, был прав...

— Это ты о чем?

— Помнишь, в первый день там, в корпусе, мы немного поспорили...

— А-а! Ну, что теперь разбираться!.. Мы оба погорячились... Будь здоров!

Натиск бичераховцев заметно ослабевал. Их силы таяли. Одно только давало себя чувствовать все сильнее в захваченных ими частях города: расстрелы, убийства.

Зато выросли силы защитников города. Привел из Кабарды большой отряд Бетал; примчались две сотни осетин во главе с Цаголовым и Гибизовым; пришел из Грозного рабочий батальон во главе с опытным командиром Левандовским — бывшим офицером царского генерального штаба. Серго сразу привлек его к делу, и тот быстро навел порядок на позициях и в штабе.

Ночью Владикавказ весь сотряслся от тяжких оружейных выстрелов — два бронепоезда били по улицам, где еще держались мятежники. Одним из бронепоездов командовал Огурцов. Он горячил артиллеристов, стыдил их, ругал и все ставил им в пример второй бронепоезд, хваля его командира Автономова.

— Вот духу дает, слышите? А мы? Пищим, как детишки!

— У Автономова-то небось настоящий бронепоезд! — огрызнулся Жаров. — А наш что? Он такой же бронепоезд, как вроде я — архимандрит!

Под утро Огурцову вдруг передали из штаба приказ прекратить огонь.

Он бросился к телефону и через минуту прибежал обратно к бойцам с криком:

— Победа! Беляки испустили дух! Капут им!..

Необычная тишина стояла на заре в городе. Белые отступили. В воздухе пахло гарью, дотлевали развалины сожженных домов, на перекрестках громоздились баррикады. Пугливо обходили люди сваленные в кучу телеграфные столбы, деревья, простреленные мешки и ящики, словно за ними еще таилась смерть.

Бойцы Сани Гегечкори, красноармейцы китайцы из отряда Пау Ти-сяна, дружинники из отрядов рабочих гасили пожары, расчищали завалы на улицах, вылавливали из темных углов попрятавшихся мятежников. Помогал этому и Дьяков. На одном доме он увидел вывеску «Терский казак» и забежал в подъезд.

— Это что тут такое? — грозно спросил он, очутившись в большом зале, где около наборных касс слонялись без дела печатники.

— Типография, — ответили казаку.

— Газету можете выпустить?

— Можем...

— А чего вам не хватает?

Рабочие пожалли плечами:

— Денег... Хлеба... Ну, и материала для набора.

Энергичный казак, не теряя времени, тотчас же отправился в Народный совет и, к великой своей радости, застал там уже приступивших к работе терских комиссаров. Первый, к кому Дьяков обратился с просьбой помочь наладить выпуск казачьей газеты, был комиссар финансов Филипп Махарадзе. Тот имел внушительную внешность, носил солидные длинные усы, бороду и слыл человеком строгим. Скудные средства Терской республики он умел расходовать экономно, с пользой. То, что он состоял членом Кавказского крайкома партии, придавало ему еще больше внушительности.

— Понимаете, — объяснял Дьяков, чувствуя себя не очень уверенно под насупленным, пристальным взглядом Махарадзе, — хорошо бы эту газету сделать нашей. Я сразу смекнул... Понимаете, это очень важно. С ее помощью мы много могли бы сделать, чтоб раскрыть казакам глаза. Мы с товарищем Серго об этом говорили. Дайте денег!..

Махарадзе вдруг откинулся на спинку стула и весело вахохотал:

— Ай да Дьяков! Как не дать денег на такое дело?..

Через час казак вернулся в типографию с изрядной суммой денег в кармане и стал распоряжаться. Послал рабочих за сотрудниками редакции, за корректорами. Те явились и с охотой согласились взяться за выпуск газеты.

— Но кто же будет ее редактором?

— Я буду, — решительно ответил Дьяков и, показав на свой наган, добавил: — И имейте в виду: если пропустите хоть одну неправильную заметку, я с вас голову сниму!..

На другой день свеженький номер «Трудового казака» (так стала называться газета) продавался во всех уцелевших киосках города. Его брали нарасхват...

В этот день в здании кадетских корпусов возобновил работу Народный съезд. Делегаты пришли целой колон-

ной из Базоркина с красными знаменами, и весь город ликовал — жива, значит, власть! Гремели марши... И впереди колонны шел Шакро, строгий и важный, отпечатывая шаг с полным сознанием собственного достоинства. Он переправил съезд через Терек, он ведет съезд в целостности и сохранности обратно в город!..

Съезд заседал недолго. По всей области метался пожар войны. Бои шли в Грозном, осажденном восставшими казачьими станицами, под Архонкой, где окопались выбитые из Владикавказа белые. По-прежнему держался фронт под Прохладной. Со стороны Кизляра грозил новой бедой Тереку брат Бичерахова — белый офицер, служивший верой и правдой английским генералам, хозяйничавшим на Каспии.

Из состава казачьей фракции Народного совета остались верны Терской республике только Дьяков и еще один казак — Нартов. Остальные бежали вместе с их главарем Фальчиковым.

— Ну, и скатертью им дорожка! — говорил Серго на съезде Дьякову. — Зато в низах, среди простых казаков, сочувствующих нам станет больше. Это неизбежный процесс. Последние события многим откроют глаза!..

И затем Серго со вспыхнувшими в глазах веселыми искорками продолжал:

— Кстати, сегодня мне показывали твою газету. Ай, хорошо! Я с удовольствием прочел, что ты редактор!

— Ну, какой я редактор! — смеялся Дьяков. — Это я из-за чрезвычайного положения взял на себя... А вообще я тут калиф на час...

— Зачем на час? — широко развел руками Серго. — У тебя талант, зачем ему пропадать!..

В радостные минуты на Серго нападало шутливое настроение. Весело подмигивая казаку, он спрашивал:

— А все-таки, объясни мне, как ты редактируешь? Как разбираешь, что правильно, а что неправильно?

— Как? А очень просто, — отвечал Дьяков. — Беру материал, читаю. Раз статья у меня сомнений не вызывает, значит, она наша, одним словом — большевистская. Вот и все.

Серго закатился смехом на добрые две — три минуты.

— Ох, как хорошо сказал! — восклицал он, обнимая казака. — Правильно ты, Дьяков, рассуждаешь. Раз статья по нутру, значит — наша. Молодец!..

Вместе с Дьяковым Серго наметил несколько фами-

лий казаков, которых следовало бы предложить съезду в качестве членов нового Народного совета, которые потом составят казачью фракцию. Дьякову Серго предложил стать ее председателем. Тот отказывался, ссылаясь на то, что он беспартийный.

— Черт возьми, какой ты беспартийный, когда ты вылитый большевик! — серьезно возражал Серго. — Пожалуйста, больше не говори и не спорь!..

Вечером, когда на съезде выбирали новый Народный совет, в президиуме появился Бутырин. Он только что прибыл из-под Прохладной. Усевшись около Серго, он посмотрел в зал и ахнул: делегатов было значительно меньше, чем при начале съезда...

— Ничего, — успокоил Серго Бутырина, — лучше меньше, да лучше. Тебе спасибо.

— За что?

— За то, что не дал врагу навалиться на город всеми силами. Если бы бичераховцы оттянули себе на помощь войска из-под Прохладной, мы бы погибли.

Яков Петрович крепко пожал руку Серго. Нелегко и ему пришлось в эти дни. Мятежники лезли из кожи вон, чтобы прорваться из-под Прохладной к городу, прийти на выручку Соколову и Беликову. Но советские войска встали стеной на их пути.

— Да, Серго, ты был прав, — тихо говорил Бутырин, — но мы все равно на волоске. Плохие вести дошли до меня через пленников с Кубани. Белые теснят нашу армию сюда, на Юг. Из Тихорецкой штаб уже перебравлся в Пятигорск... Командармом назначен Сорокин.

— Кто? — вскинулся Серго. — Не может быть! Сорокин?

— Ты знаешь его?

— Ох, какой это неосторожный шаг! — качал головой Серго. Он расстроился и потащил Бутырина за кулисы. — Ты спрашиваешь, знаю ли я Сорокина? Знаю о нем одно: это один из тех командиров, которые желают, чтобы война длилась возможно дольше, ибо это несет им почести и славу. Это сильный человек, но по натуре авантюрист. Зря, зря поспешили с назначением Сорокина. Вместо власти Советов он скорее будет устанавливать власть штыка, как уже пытался делать в Екатеринодаре. У меня с ним на этой почве не раз были стычки...

Чем больше рассказывал Серго о Сорокине, тем больше расстраивался Бутырин. Выходец из кубанских каза-

ков, человек хитрый, решительный и несомненно даровитый, Сорокин примкнул к революции и быстро стал одним из видных командиров Северо-Кавказской армии. У него были заслуги — он разбил офицерские полки Корнилова, но он же почему-то дал уйти остаткам белых в Сальские степи. И вот теперь, снова набравшись сил, армия белых во главе с Деникиным вместо Корнилова все больше распространяется по Северному Кавказу.

А Сорокин, взяв Екатеринодар, повел себя так нагло по отношению к партийным и советским органам, что в местной газете появилась статья: «Вместо власти Советов — власть узурпаторов». Сорокин ответил на это разгромом типографии. Обвинить его в измене не было оснований, но у этого человека, поднятого революционной волной на гребень событий, явно чувствовались бонапартистские замашки. Людей с такими замашками, стремящихся прославить больше всего свою личность, Серго не терпел и считал таких самыми опасными фигурами для революции.

— Знаешь, Яков Петрович, — сказал Серго под конец, — по-моему, нам надо сейчас начать двигаться на север. Во что бы то ни стало соединиться с Северо-Кавказской армией. Этому мы должны подчинить все!..

В зале бурно аплодировали. Ильин оглашал с трибуны приветствие Центральному Комитету партии и советскому правительству. Опять звучали слова: «сыны гор и ущелий», «широкие просторы тучных полей», «идем к радостной, светлой жизни».

Когда стали оглашать состав нового Народного совета, Серго и Бутырин вернулись в президиум, сели на свои места. В совете и среди вновь избранных комиссаров в терском правительстве было теперь значительно больше коммунистов, чем прежде.

Успешный исход выборов немного развеял дурное настроение Серго. Закрывая съезд, он произнес небольшую речь. А Бутырин, поглядывая на него искоса, думал:

«К счастью, не такие, как Сорокин, а такие, как Серго, верховодят в революции. Вот что значит идея для человека! У Сорокина ее просто нет»,

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Город постепенно снова оживал. Разрушенное с улиц убрали, бичераховские афиши с заборов сорвали, подлецов, помогавших врагу, выловили, осудили. Отовсюду слали на помощь городу и фронту отряды. Все больше становилось приверженцев Народного совета в Кабарде, Осетии, Чечне. Ингушетия почти вся шла теперь за большевиками. Менялось настроение и в казачьих станицах.

В один из последних дней августа Серго провожал Нину Бодрову в далекий путь. Переодетая в одежду монашки, она ушла из города пешком в сторону Кизляра, чтобы оттуда добираться дальше, до Астрахани, а там, уже поездом, до Москвы. Унесла с собою Нина большое шифрованное письмо в ЦК партии.

Серго сообщал в письме о положении на Тереке и просил помощи. И когда писал, то думал, укоряя самого себя: «Ну вот, и я заразился местничеством...»

Ночью он сидел с Захаром на ступеньках вагона и отдыхал от сумасшедшей гонки последних дней. Выходила луна. В ущельях Столовой горы зажигались и гасли какие-то огоньки. Что там? Бандиты бродят по лесам или заблудившиеся пастухи?

Серго ни о чем не хотелось думать, а Захар, как парочко, приставал к нему с вопросами на международные и политические темы, интересовался положением на фронтах, высказывал свои соображения о том, как пойдут дальше события.

— Вы подумайте, кто только против нас не идет? — возмущался Захар. — Говорят, англичане вошли в Баку

и помогают местным мусаватистам и прочей еволочи против революционного народа. Это правда чи брешут?

— К сожалению, правда,— нехотя отвечал Серго, глядя на яркие, крупные звезды над хребтом и наслаждаясь так редко выпадающей ему минутой покоя.— Но точных сведений у меня нет: мы же отрезаны от всего мира!

Захар знал, что отсутствие связи с Москвой, с Лениным, с ЦК партии — большое место у Серго, что источники информации, которыми сейчас мог располагать чрезвычайный комиссар, очень скудны и ограничены, и тем не менее продолжал свои расспросы:

— А скажите, товарищ Серго, верно ли, что те же англичане орудуют сейчас в Средней Азии и они же, такие-сякие, захватили Мурманск и Архангельск? Есть такой слух...

Серго с тяжелым вздохом оторвал взгляд от звезд и повернул голову к Захару, пшеничные усы которого заметно белели в темноте.

— Я прочел об этом в той же газете, какую и ты читал, зачем же спрашиваешь? Я знаю не больше, чем ты, а может, и меньше.

— Ну, это вы хвятили! — улыбнулся Захар.— Знаю, вы намекаете на то, что я прочитываю все газеты, какие вам доставляют, еще до того, как они попадут в ваши руки. Но поверите ли, товарищ Серго, столько в этих газетах разнобоя, такая в них мешанина новостей, что у меня всякий раз голова пухнет и я ни черта уже не в состоянии сообразить. Тут немцы, там японцы, где-то еще англичане, заодно с ними какие-то белочехи, а всяких генералов, атаманов и главарей разных банд — чертова дюжина! И все против нас!

— Да, Захар, в этом-то и вся беда. Не дают нам устраивать жизнь по-своему...

— А я так скажу, если позволите,— продолжал Захар.— На мой взгляд, все эти заграничные господа добиваются одной цели: дать нашей контре собраться с силами да задушить нас!

— Очень правильно,— одобрительно кивнул головой Серго.— Это и происходит на наших глазах. Когда историки со временем будут писать историю нашей гражданской войны, то они не смогут пройти мимо того, что прежде всего именно германский империализм, заставивший нас заключить тягчайший Брестский мир и оккупировавший Дон и Украину, дал этим возможность внутренней

контрреволюции оправиться от первых поражений и набраться сил для борьбы против нас. А сейчас от организации заговоров и мятежей к прямой интервенции переходят англо-франко-американские акулы. Бичерахов и даже Деникин с его армией ничего не стоили бы, если бы не эта мощная поддержка извне!..

Вдруг Серго спохватился.

— Ну вот, ты все-таки втянул меня в политический разговор, черт этакий! — рассмеялся он и хлопнул Захара по спине. — Но больше от меня не услышишь ни одного слова. Я буду нем как рыба, а ты тоже сиди и молчи!..

Минут пять Захар сидел тихо, потом проговорил:

— Я думаю, империалисты просто взбесились...

Серго не откликнулся на это ни единым звуком. Опять Захар посидел молча несколько минут и снова, не утерпев, сказал:

— Ничего, они получают по шеем!..

Видя, что Серго уже больше не втянуть в разговор на эти темы, Захар после некоторого молчания заговорил о другом. Стал недоумевать, почему от Зинаиды Гавриловны так долго нет весточки.

— На вашем месте я бы смотался в эту Грузию, — говорил он. — Только, конечно, переодетый. А что? Кампания закончена, город отстояли, врага разбили!..

Горькая усмешка скользнула по лицу Серго. «Город отстояли, врага разбили!» А край в огне, как был. Пожалуй, огонь разгорелся сейчас даже еще сильнее.

Гулко шумел в ночи Терек. Вот беспокойная река! Сколько трупов уплыло по ней, пока шли бои...

Обуздать бы ее. Построить на ней плотины, возвести бы на берегах заводы, фабрики. Эта мысль все чаще приходила Серго в голову, становилась прямо-таки навязчивой, хотя и казалась совершенно фантастической. Когда-нибудь, в будущем. А сейчас...

Сейчас надо думать о Бичерахове, Сорокине, Деникине, Джабагиеве. Брат Бичерахова, наймит английских интервентов, стал орудовать под Кизляром — это совсем недалеко отсюда. Везде фронты, контрреволюционные мятежи и восстания, все больше распоясывается международная реакция, высаживая отряд за отрядом на советской земле. Сведения у Захара точные. Англичане захватили Мурманск, Архангельск и хозяйничают в Баку. В Средней Азии — Хиве и Бухаре — они помогают сохранить власть хивинскому хану и бухарскому эмиру. В За-

байкалье появились японские дивизии. Все силы мрака двинуты против революции. И нет иного исхода, кроме как бороться до конца, до победы!

Нет, в Грузию сейчас не поедешь. Да ему и нельзя появляться там — его вмиг арестуют. Пусть уж Зина за него побродит там по родным местам. Она смелая, с ней ничего не случится. А тут, на Тереке, лишь начинается главное. Людей за нас пошло больше, но и враг не дремлет. И решающие бои еще впереди!

Объединить силы — вот в чем сейчас главное. Делегаты разъехались по всему Тереку, и в каждом ауле, каждой станице идут разговоры, споры, народ решает, как ему быть дальше, и от исхода борьбы зависит все. Там все решается — в селениях, аулах и станицах.

После съезда город будто опустел. В Народном совете, в комиссариатах, в горкоме партии хоть шаром покати: все разъехались по области агитировать, митинговать, разъяснять, поднимать и объединять людей. Нелегко было добиться этого — понадобился самый строгий разговор на городском партийном активе, чтобы коммунисты прониклись сознанием всей серьезности момента.

Серго тоже редко можно было застать в городе: колесил с утра до ночи по станицам, аулам, по фронту...

Снова он особое внимание уделял Осетии. Бичераховцам удалось увлечь за собой часть осетин. В селениях оплакивали погибших. Появляться там было опасно, но Серго это не останавливало. Многолюдные съезды горцев в Осетии, Кабарде и Ингушетии один за другим заявляли о своей поддержке терской народной власти и о своей верности трудовой демократии России. Повсюду шло формирование отрядов для защиты республики. На всех этих съездах Серго был, выступал. Диву давались, как он успевает: то скачет верхом, почти без охраны, в большое осетинское селение Заманкул, чтобы выступить там перед бойцами нового отряда, то мчит на стареньком автомобиле в ингушское селение Назрань, где чуть не погиб от руки бандитов из бывшей «Дикой дивизии», то носится на бронепоезде по линии фронта.

Отдужался за всех в городе Бутырин. Шла реорганизация войск. По принципу постоянной регулярной армии создавали роты, батальоны, полки. Самооборона была пущена, и охрану города стали нести красноармейские части. Гегечкори был назначен комиссаром революционного порядка. После съезда и происшедших затем собы-

тий яснее стало, кто — за, кто — против, кто — друг, кто — враг.

Последние три дня Серго никуда не ездил, но за это время устал еще больше, чем за недели непрерывных кочевий по области.

Уже с утра на станции начиналось необычное оживление, хотя поезда не ходили. Непрерывным потоком валил народ к вагону Серго. Приходили командиры, комиссары, рабочие, горцы, казаки. Не застав в учреждениях нужных людей, шли к Серго, и каждый начинал разговор с извинений: так и так, дескать, уж ты, пожалуйста, прими и выслушай!

Серго принимал всех, кто ни приходил, мог иногда потратить часы на разбирательство какой-нибудь тяжбы. Тому не заплачено жалованье, этому несправедливо предъявлено требование выселиться из дому, третьему отказано в хлебном пайке.

Но чаще всего можно было услышать в вагоне разговоры об организации отрядов, рот, батарей, конных сотен, о разделе земли, об организации в аулах школ.

Здоровье у Серго было крепкое, но человек ведь не из железа создан. Серго так устал за эти дни, что впервые стал чувствовать головокружение. Он похудел... Захар не зря уговаривал его съездить в Закавказье.

Нет, это сейчас невозможно!..

— Наутро вызови машину, Захар, — сказал Серго, отвлекаясь от своих дум. — На рассвете я выеду в Грозный.

У Захара вытянулось лицо:

— Ведь только вернулись! Куда теперь? Надо ж отдохнуть. Не говоря уже про вас, скажу про машину — она ж не выдержит такой гонки... Пользуетесь тем, что Зинаиды Гавриловны нету. Но я ей все расскажу...

Серго улыбнулся:

— Друг, к чему эти разговоры? Ведь сам знаешь, что впускаю.

Серго поднялся в вагон и оттуда позвонил Бутырину в военный комиссариат.

— Чем обрадуешь, Яков Петрович? Как идет мобилизация?

— Откровенно сказать, туго, — ответил Бутырин. — В Чечне и Кабарде совсем туго, в Осетии лучше. Ингуши после бичераховского набега тоже немножко остыли. Их портит этот Джабагиев,

— Говорят, он бежал в Тифлис.

— Да... Но все же люди идут к нам,— продолжал Бутырин.— Сам понимаешь, как нелегко из такого материала строить регулярную армию.

— А надо, Яков...

— Да, надо. Отрадно то, что начали идти к нам и казаки. Но большинство колеблется, чешет затылки. Особенно на Сунже.

Серго притих. Молчал долго, потом спросил:

— Что сейчас делает Дьяков?

— Ведет свою газету. Работает в казачьей фракции.

Последовал ряд новых вопросов — о Гикало, Шерипове, Кериме, Цаголове, Бетале. Каждого из них Серго старался ежедневно держать на виду и не упускал случая, чтобы с кем-нибудь из них не встретиться или не навести о них хотя бы справки — где они, что делают? Он следил за каждым их шагом.

— Ты извини, Яков, я тебя донимаю своими расспросами,— говорил Серго Бутырину,— Только вот хотел бы еще знать, какие вести с севера?

— Ни слуху ни духу.

— Погано,— вздохнул Серго и, пожелав Бутырину успехов, повесил трубку.

Вошел Захар и положил перед Серго пачку газет. Тут были, кроме местных, и закавказские газеты самого различного направления и толка, все не первой свежести, с новостями многодневной давности. Серго жадно вылавливал их — пусть старое, но хоть что-нибудь узнать о Советской России, о деникинском фронте, о Северо-Кавказской армии. Каждый день приносит потрясающие вести с запада, со всех концов России, но вести эти не доходят до Владикавказа, отрезанного от всего мира. Даже радиостанция сейчас не работала. Во время налета ее повредили бичераховцы.

Тревога за Северо-Кавказскую армию не покидала Серго, но попытки связаться со штабом армии не давали успеха. Несколько дней назад при попытке прорваться через линию фронта в Пятигорск попали в лапы врага активные работники Терека, среди которых были Папковский, Долобо, Хейфец, Тюленев и одна из самых молодых делегатов съезда — Блюменталь. Тайком, темной ночью, они пробирались через станицу Змейскую, но здесь были схвачены бандой полковника Кибирова и расстреляны.

Всю ночь ворочался Серго с боку на бок, перебирая в уме события последних дней.

«Надо пробиться как можно скорее. Но пока Бутырин не сколотит достаточный кулак на фронте, вряд ли это удастся».

2

Утром, за полчаса до выезда Серго в Грозный, в вагон позвонил Бутырин. Он сообщил дурную весть: бичераховцам удалось окружить Грозный и ехать туда сейчас нельзя. Какие-то мощные силы поддерживали все время мятежников, давали им кадры руководителей вроде Бичерахова, Соколова и Беликова, оружие, деньги.

— Какие силы? На что ты намекаешь?

— Лучше пока отложить поездку, — ответил Бутырин. — Я пришлю к тебе сейчас одного осетина, и из разговора с ним ты узнаешь важные вещи. Кстати, и насчет сил, о которых я сейчас упоминал.

Как ни досадовал Серго, поездку в Грозный пришлось отложить.

— Тогда вызови Дьякова в комиссариат к двенадцати часам, — попросил Серго. — Я к этому времени постараюсь приехать.

— А зачем он тебе?

— Он занят у нас не совсем тем, чем нужно было бы.

— Казачья газета не нужна?

— Очень нужна, но Дьякова надо иначе использовать. Вот приеду — поговорим.

— Хорошо, вызову его к двенадцати...

В десятом часу утра Захар доложил Серго:

— Тут вас спрашивает один осетин. Габо Карсанов из Заманкула. Говорит, что у него важное сообщение. Он от Бутырина.

— Зови!

Карсанова Серго уже немного знал по прежним встречам. Этот высокий, статный, еще молодой горец имел интересную биографию. Подобно погибшему Кесаеву, он исколесил чуть ли не полсвета в поисках счастья. Вернулся Габо в Россию из Канады в первые же месяцы революции. По-русски он говорил и писал посредственно, зато английский успел хорошо изучить за годы своих странствий за рубежом. Теперь это ему пригодилось.

Вчера он гулял в городском парке и слышал, как пер-

говаривались две osoby из английской миссии. Вероятно, не ожидая, что сидящий рядом горец понимает их язык, они делились мнениями о событиях в стране и на Тереке. Упоминали имена Деникина, Джабагиева, Бичерахова.

— А ну скажи несколько слов по-английски,— попросил Серго, выслушав рассказ Карсанова.

Тот с удивлением пожал плечами и произнес по-английски:

— I am saying you the truth¹.

— Молодец, Габо! — улыбнулся Серго. — Теперь я верю, что вы язык знаете, но все же ваше сообщение подлежит проверке. Не возьмете ли вы на себя часть этой задачи?

— А что я должен сделать?

— Следить за миссией. Втереться в доверие к ее работникам.

— Я сыщиком никогда не был.

— А я тоже никогда прежде чрезвычайным комиссаром не был,— рассмеялся Серго. — Друг мой, мы все учимся в ходе революции новым специальностям.

— Я лучше отряд организую в Заманкуле,— сказал Карсанов. — Если дадите денег на лошадей и оружие.

— Отряд организуем само собой, Габо, только давай сначала займемся этой миссией.

Карсанов долго думал, морщил лоб и щеки. Усы у него были лихо закручены кверху и казались острыми, как пики.

— Революция не забудет ваших услуг, Габо! — сказал Серго торжественным тоном. — Вы навсегда будете занесены в списки тех, кто двигал вперед историю.

— Хорошо! — уступил Карсанов, тронутый такими словами. — Я стану сыщиком, хотя нет на свете специальности, которую я больше презирал бы, чем эта!..

С Дьяковым, явившимся к двенадцати дня в военный комиссариат, Серго разговаривал долго. Усадив его в кресло напротив себя, подробно расспрашивал о настроениях в казачьих станицах, расположенных в тылу у Бичерахова. Дьяков отвечал, что эти станицы он хорошо знает. Многие казаки там просто не понимают, что творится на Тереке. Если открыть им глаза...

¹ Я говорю вам правду.

— Вот именно — открыть глаза! — подхватил Серго. — Это мы постарались сделать на прошлом съезде. Но многие станицы, к сожалению, не были представлены на съезде по той простой причине, что их делегаты не смогли пробраться через фронт. Вот, например, есть сведения, что на Сунже многие за нас. А как их поднять? Как им открыть глаза?

Бутырин стоял у окна и с улыбкой прислушивался к разговору Серго с казаком.

Вчера Бутырину рассказали интересную новость. В станице Николаевской казаки выступили против белогвардейского полковника Кибирова — сотоварища Беликова и Соколова. Кибиров обрушил жестокие репрессии на станицу, стал преследовать казаков за «измену».

Тогда девятнадцать казачьих семейств в одну ночь со всем скарбом переселились в осетинское селение Христиановское. Их вожаком оказался простой казак Легейда — здоровый, рослый бородач с голубыми глазами. Жители Христиановского дружелюбно приютили у себя беженцев, дали им кров, работу. Когда Цаголов предложил казакам вступить в керменистский конный отряд, те охотно согласились и поклялись на клинках, что будут служить советской власти так же ревностно, как их деды и отцы служили царю-батюшке.

Перед приходом Дьякова Бутырин собирался было рассказать об этом Серго, но не успел.

— Насколько я знаю, Сунженская линия состоит из десяти станиц, — говорил Серго. — Если бы мы повели за собой хотя бы часть казаков, какая бы это была победа для нас!

Чувствуя, что Серго ведет с ним важный разговор, Дьяков старался не пропустить ни одного слова.

— Сунжа — это ахиллесова пята у мятежников, — продолжал Серго. — Они сейчас осадили Грозный, а если поднять Сунжу, то у них затрещит тыл. И тут возникает такая мысль: наши люди должны были бы пробраться в тыловые станицы и открыть глаза обманутым казакам, отколоть трудовое казачество от Бичерахова. Это теперь наша важнейшая задача. Согласен?

— Дело хорошее! — одобрил казак.

Серго в упор посмотрел на него:

— Говоришь, дело хорошее?

— Да... Я бы сказал, давно пора, — повторил Дьяков. Он уже чувствовал, к чему клонится разговор, и, в свою

очередь, в упор посмотрел в глаза Серго.— Хотите послать меня на Сунжу?

Смутное лицо казака стало бледнеть. Он ждал ответа, готовый ко всему, но, видно, нелегко давалось ему сейчас самообладание.

Серго молчал. Он знал, как много обид перенес Дьяков от своих же собратьев — казаков. Поездка на Сунжу, в тыл бичераховцам, грозила смельчаку смертью; если он попадется в их руки, — пощады не будет.

— Подумай, Александр Зиновьевич, — проговорил Серго, вставая с кресла и принимаясь ходить по комнате. — Силой не заставим, но очень просили бы тебя согласиться...

Бутырин почувствовал, что наступил момент, когда он должен вмешаться. Он отошел от окна и с размаху бухнулся в кресло, в котором только что сидел Серго. И, поглядывая то на казака, то на Серго, рассказал о Легейде и его товарищах.

— Это замечательно! — восхитился Серго. — Сегодня же еду в Христиановское.

Он долго не мог успокоиться.

— Переселились, говоришь, со всем скарбом? Ах, какие молодцы! Надо, чтоб они были всем обеспечены и не чувствовали нужды. Непременно съезжу к ним. Этих казаков следует на руках носить! Сейчас позвоню Ильину, чтобы он о них написал в газете...

И, не откладывая дела, Серго тут же позвонил в редакцию «Народной власти». Ильин пообещал написать, но выразил желание сначала тоже съездить в Христиановское.

— Кстати, надо и об осетинах написать, о христиановцах. Ведь славный народ, ты подумай! Приняли, дали кров, накормили. Вот тебе пример дружбы, то, чего нам больше всего нужно добиваться на Тереке. Я нарадоваться не могу...

Положив трубку, Серго потер руки в знак особенного удовольствия.

Дьяков вдруг встал, выпрямился по-военному. Серго и Бутырин вопросительно посмотрели на казака.

— Еду на Сунжу, — коротко сказал он, держа руки по швам.

Серго порывисто обнял и расцеловал Дьякова.

Через два дня Дьяков уже был в пути.

Ему дали в помощь девять надежных казаков, дали

николаевских денег тысячу рублей ассигнациями, пачку листовок, и это было все, с чем он начал свой поход на Сунжу. Никаких других денег, кроме николаевских, в станицах не признавали. Как и в старое время, до революции, в ходу были «красненькие» — десятирублевки, «синенькие» — пятирублевки, «зелененькие» — трехрублевки.

— Имей в виду, — шутливо говорил Серго казаку на прощанье, — если не дашь о себе знать через пять — семь дней, будем считать тебя погибшим!

Пробраться на Сунжу можно было только через Ингушетию; казачьи станицы глубоко врезались в нее узким клином, растянувшись цепью вдоль горной реки Сунжи. Первые казачьи поселения возникли здесь около ста лет назад. С возникновением этих поселений большие массивы плодородной земли оказались отрезанными от горцев. С тех пор тут воцарились вражда и ненависть.

Паровоз доставил Дьякова и его маленький отряд до границ казачьей земли. Проводником ему дали Керим-Султана. Хотели дать Шакро, но тот заболел, и вместо него поехал Керим-Султан. Ингуш сначала было отказывался — не хотелось иметь дело с казаком-гяуром, то есть со своим стародавним врагом, но, поскольку такое поручение ему дали большевики, он сдался и взялся охранять отряд Дьякова по пути его следования через Ингушетию. И ни один волос не упал с головы казаков — до Сунжи они добрались благополучно, а там вступили на территорию казачьих станиц, где им грозила еще большая опасность, чем на ингушской земле... Это был вражеский тыл...

И там их след пропал. Назначенный срок прошел, а от Дьякова не приходило во Владикавказ ни одной весточки.

3

Небольшой каменный особняк на Лорис-Меликовской улице был огражден глухим забором и походил на своеобразный замок. У парадной двери день и ночь стояла вооруженная охрана.

Здесь помещалась английская миссия.

Ее приезд во Владикавказ прошел как-то незаметно. Прибыли сюда англичане в начале лета из Тифлиса с разрешения Терского народного совета, Распространив-

шиеся по Закавказью германские оккупационные войска заставили миссию бежать на Терек. Связь с Москвой тогда еще не была прервана, и, посоветовавшись с Москвой, Терский совет разрешил миссии временно осесть во Владикавказе, тем более что англичане изъявили готовность снабжать красноармейцев кое-какими продуктами, при условии, однако, если им будет разрешено делать такие же подарки и белым войскам.

В Народном совете решили: ладно, пусть так. Давайте сигареты и белякам.

Когда вспыхнул бичераховский мятеж, на Тереке с табаком стало совсем худо, и на фронте обе стороны с одинаковым нетерпением ожидали благотворительных ящичков из миссии. Ящички были одинаковые, и обе стороны ревниво следили за тем, чтобы белые не получили больше, чем красные, и наоборот.

Проверяли на выбор содержимое ящичков в Особом отделе, но ничего предосудительного не нашли.

Миссия состояла из двенадцати человек. Их довольно часто можно было видеть в городе — в парке, в театре, на главном проспекте. Трое ходили в штатском, остальные носили английскую военную форму. Первое время на них обращали внимание, а потом перестали даже замечать.

Охраняли здание миссии два ингуша. После разговора Карсанова с Серго в доме миссии появился еще один горец: проводник-телохранитель, приставленный к начальнику миссии — толстому низенькому полковнику Пайку с добродушной холеной физиономией. В роли проводника-телохранителя оказался сам Габо Карсанов.

Восемь лет провел Габо в Америке, исколесил ее всю и вернулся в родной Заманкул лишь с единственным приобретением: это был сравнительно неплохо усвоенный английский язык. Внешность Габо, его поведение, весь облик этого типичного в глазах англичан «азиата» никак не заставляли предполагать, что он понимает все, о чем толкуют между собой члены миссии.

Габо ходил за полковником, как тень, молчаливый и неотступный, и никому даже в голову не приходило, что безграмотный, забытый, хотя и воинственный с виду горец знает английский. А он нарочно вел себя как можно более «по-азиатски»: садился не в кресло, а на пол, по-турецки поджав под себя ноги, делал свирепые гримасы,

ходил как-то странно, нелепо выворачивая ноги, ел мясо руками.

Ингуши были для англичан «свои»; их взяли по рекомендации самого Джабагиева, с которым у полковника Пайка оказалось давнее знакомство, очевидно, по прежним поездкам Джабагиева в Тифлис. Габо приняли в миссию сначала без охоты, полковник даже ходил в Народный совет протестовать, но ему там заявили, что после недавних боев в городе еще прячется много бандитов и возможны всякие провокации. Лучше ходить по улицам с охраной — долго ли случиться несчастью!..

Габо подвергли в миссии проверке, убедились, что это азиат а нечего опасаться, и успокоились.

Он стал тоже «своим» в доме. Поскольку азиату по-зволяется быть невоспитанным, он разрешал себе без стука заходить в кабинеты, при англичанах бесцеремонно оглядывал их столы. И когда ему говорили, что, входя в чей-нибудь кабинет, надо предварительно постучать и что нельзя оглядывать без разрешения чужие столы, Габо воспринимал эти замечания с таким непонимающим видом, будто слышал их впервые в жизни, и продолжал делать по-своему.

Ничто не ускользало от взора Габо. Каждый день у него накапливалась уйма всяких сведений, которые он спешил передать Серго, — никого другого он не признавал и очень обижался, не заставая его в вагоне на станции. Как так — он принес важные сведения, а Серго не сидит у себя и не ждет его! Захар только разводил руками:

— Ой, и чудак же ты, Габо! Во-первых, конспирации не соблюдаешь. А во-вторых, неужели ты думаешь, что Серго из-за тебя все дела бросит? Смешно!

— А где он сейчас?

— Ездит.

— Э! — неодобрительно качал головой Габо. — На твоём месте я бы все знал.

— Ну, ты же великий Шерлок Холмс. Конечно...

Охрану вагона Серго несли посменно бойцы керженистского отряда. Один из них оказался родственником Габо. Вот с помощью этого родича Габо как-то узнал, что Серго в городе, и тотчас явился к нему с докладом.

Разговор длился больше часа. Габо выкладывал все, что видел и слышал в миссии: как там едят, спят, чем занимаются утром, днем, вечером, о чем ведут разговоры.

Ничего особенно важного в докладе Серго не уловил, но поблагодарил Габо и посоветовал ему продолжать наблюдения.

— Где вы бываете? — поинтересовался Габо. — Я часто имею важные сведения, а вас нет.

Серго рассмеялся. Он выглядел теперь лучше — загорел в поездках, лицо его обветрилось, голос стал грубее.

— Где бываю? Рано состаришься, Габо, если все будешь знать. Но готов с тобой условиться так: если у тебя действительно будут каждый день важные сведения, я могу безвыездно торчать в городе.

— А разве то, что я рассказал, — не важно?

— Почему же? По-своему важно. Но те, за кем ты следишь, люди хитрые и опытные. При тебе они не станут начинять бомбы динамитом и передавать их диверсантам. Ты обращай внимание на главное — с кем у них есть связи, кто им помогает. По-моему, Джабагиев определенно имел с ними какую-то связь...

Габо вытаращил глаза:

— Ты откуда знаешь?

— А что?

— Джабагиев дал им своих людей для охраны.

— Вот как! — воскликнул Серго. — Что же ты о главном-то не рассказал!

Габо смутился, пожал плечами:

— Наверно, не попаду в историю...

Разговор, уже почти исчерпанный, возобновился. Серго заставил Карсанова рассказать все, что он знал об ингушах, охраняющих здание миссии. Оказалось, наняты они миссией из числа бывших участников «Дикой дивизии». Серго вспомнил, как подло повел себя Джабагиев в дни недавнего налета бичераховцев на город. Для охраны миссии он охотно дал людей, а для защиты города не соглашался дать ни одного человека.

«Мы маленький народ, нам не следует вмешиваться...» — говорил тогда этот предатель. Теперь он продает в Тифлисе свою Ингушетию. Кому? Турции? Немцам? Как видно, он и с англичанами вел какие-то дела.

— Говорят, он захватил с собой полмиллиона общественных денег и бежал, — рассказывал Габо. — В миссии о нем часто говорят...

Серго задумался.

Подтверждалось то, что не раз уже являлось как догадка. Если Краснову, Деникину и всем остальным гла-

варям контрреволюции помогают агенты Антанты и Тройственного союза, то нет сомнения, что и здесь, на Тереке, тоже должна сказываться их разрушительная работа. «Какие-то могучие силы помогают врагу», — сказал по телефону Бутырин. Да, это становилось все более очевидным. Миссия поддерживает связи, вероятно, не с одним Джабагиевым...

Габо ушел от Серго не очень довольный собой — оказывается, не так легко попасть в историю.

А Серго в тот же день навестил комиссара внутренних дел Фигатнера и договорился с ним, что делами миссии активно займется отряд особых поручений, существовавший при комиссариате. Затем Серго надолго исчез из города.

Люди, искавшие его на станции, получали ответ:

— Уехал в Чечню на митинг...

— В Ардоне, на съезде...

— Ездит где-то по фронту...

Больше недели Габо не появлялся на станции. И вдруг он опять очутился перед Захаром. И, получив ответ, что Серго, как видно, уже забыл обратную дорогу во Владикавказ, Габо ушел очень расстроенный: на этот раз у него были действительно важные сведения. Он сам видел, как сотрудники миссии вкладывали в сигареты какие-то записки. А кроме того, как он точно установил, в миссию прибыл с каким-то особым поручением от Деникина некий штабс-капитан Угривенко...

4

Радиостанция на Шалдоне наконец снова вошла в строй, и, как только Серго об этом сообщили, он примчался в город и, посидев часок в Народном совете, тотчас отправился на Шалдон.

Прежде всего Серго связался с Москвой. По слухам, какие дошли до него, советское правительство признало независимость Грузии. Правительство там сейчас меньшевистское, оно топит народные восстания в крови, дружит с интервентами, но, может быть, из каких-либо важных международных и политических соображений Москва пошла на признание независимости Грузии, пускай хоть и с меньшевистским правительством? «Правда ли это?» — спрашивал Серго в запросе, адресованном Ленину, наркому иностранных дел Чичерину и наркому

по делам национальностей Сталину. Серго сообщал им об отчаянном положении в Баку, куда на смену англичанам пришли турки. Дела в Закавказье Серго знал хорошо — с подпольными большевистскими организациями Грузии, Армении и Азербайджана он поддерживал тесную связь: через хребет надежные люди доставляли туда письма, листовки, оружие, приносили оттуда важные сведения.

Затем Серго связался со штабом армии и Северо-Кавказским крайкомом партии в Пятигорске. И тут на него обрушился короб новостей.

Назначение Сорокина главкомом Северо-Кавказской армии подтвердилось. Первые шаги нового главкома оказались удачными — быстрым ударом он разбил на Кубани большую группировку войск противника и захватил инициативу в свои руки. Но скоро последовало похмелье. Победу красных свел на нет прорыв фронта кавалерией Деникина. Екатеринбург оказался в руках врага, и армия Сорокина стала катиться к Тереку. От разгрома ее спас приход войск Матвеева с Тамани, и положение Сорокина в Северо-Кавказской армии опять упрочилось.

Сводки военных операций пестрели бравурными фразами: «Наступая правым флангом, наши части...», «Осуществляя дальнейшее продвижение, наши части...». На первый взгляд, сводки не давали повода для тревоги. Неудачи на Кубани еще не означали поражения. А у Серго не проходило беспокойство, причину которого в ту пору не всякий мог бы понять.

Сорокин так утвердился в армии, положение на фронте было настолько напряженным, а недостаток способных, знающих командиров так остро давал себя чувствовать, что в такой обстановке никто в Главной ставке не стал бы даже прислушиваться к опасениям Серго. Мало ли что иногда кажется, тем более человеку, сидящему во Владикавказе и уже три месяца оторванному от дел Северо-Кавказской армии. Да, эта оторванность день и ночь грызла душу Серго. О, как хотелось броситься в самую гущу событий, разыгрывавшихся сейчас на Кубани и в преддверии Терека! Но оставить Владикавказ он сейчас не мог, никто бы ему здесь этого не простил.

Нет, дела там, севернее Пятигорска, шли как будто неплохо. Отошли чуть назад, но армия сохранилась и силы ее еще велики. Больше того: пришло зашифрован-

ное сообщение о том, что штабом Сорокина готовится большое наступление, которое должно внести резкое изменение в обстановку и покончить с оторванностью Владикавказа от армии. Намечался такой план: держа оборону по основной линии соприкосновения с белыми на Кубани и двигаясь на Ставрополь, одновременно нанести удар по направлению Прохладная — Моздок, чтобы освободить Терек от бичераховцев.

План этот даже понравился Серго, и он после поездки на радиостанцию до глубокой ночи обсуждал его с Бутыриным и другими командирами в военном комиссариате.

— Не пойму, чем ты недоволен, Серго,— недоумевал Бутырин.— Сорокин, конечно, далеко не такой, каким бы мы хотели видеть командующего революционной армией, но что же делать, у нас все в процессе рождения — и армия и командиры.

Серго сосредоточенно барабанил пальцами по столу, хмурил брови.

— Нет, Яков, ты просто не представляешь себе обстановки, какая там сложилась. Всю весну, пока почти весь Северный Кавказ еще был в наших руках, мы старались усилить линию партийного руководства и политического влияния в армии, а назначение Сорокина идет вразрез с этой линией и при диктаторских замашках нового главкома чревато большими неприятностями.

— Ну что ж, сообщи в Москву о своем мнении.

— Свой долг я знаю, Яков.

Бутырин, чтобы не раздражать больше Серго разговором о Сорокине, переменял тему.

— А Дьяков-то жив! — сказал он, с улыбкой следя за тем, как светлеет лицо Серго.— Представь, объявился...

— Жив? О, наконец-то! — воскликнул Серго.— Ну, и как у него дела?

— Ты не поверишь!..

— А что?

Бутырин вынул из ящика письменного стола и протянул Серго письмо, в котором оказалось донесение Дьякова.

Вот что писал Дьяков:

«В течение десяти дней нам удалось добиться серьезного успеха. Станицы Карабулакская, Троицкая, Нестеровская, Асиновская и частично Михайловская благодаря

нашей агитации присоединились без боя к советской власти. В этих станицах действительно оказалось много казаков, которым теперь стало окончательно ясно, кто такой Бичерахов, и которые не хотят идти за контрреволюционерами. В первые же дни по прибытии на Сунжу мы создали отряд, в котором сначала было сто двадцать сабель, потом стало триста сабель, а теперь на Сунже за нами идет до семи тысяч сабель — целая армия, уже начавшая боевые действия против белых».

— Какой молодец! Подумать только! — не мог прийти в себя Серго. — Семь тысяч!

Он вскочил и в порыве буйной радости затопал ногами, закружился на месте, прихлопывая руками и повторяя: «Ай, хорошо! Ай, хорошо!» Бутырин впервые видел его таким. А Серго, в последний раз крикнув «Ай, хорошо!», повалился обратно в кресло и посмотрел на Бутырина такими влажными глазами, что у того дрогнуло сердце.

— А помнишь, Яков, — сказал Серго, ища в карманах носовой платок, — помнишь наши разговоры в бакинской тюрьме? То был, кажется, тысяча девятьсот седьмой год. Да, да... девятьсот седьмой. Камера, решетка, краюха черного хлеба, арестантский костюм... А мы с тобой не унывали. Никто из нас, конечно, не мог предвидеть, что революция произойдет именно в 1917 году, но что она произойдет — в это мы твердо верили. И старались представить себе, какой огромный взрыв народной энергии она вызовет. И видишь, Яков, действительность опередила все наши предположения. Удивительные вещи происходят! Просто удивительные! Возьми этого чудесного казака Дьякова! Возьми Шерипова, Бетала, Керим-Султана, Гикало, погибшего Кесаева, возьми Цаголова, Легейду с его товарищами — это же богатыри! Черт возьми, становится просто легче на душе от одной мысли, что эти люди существуют на свете! На одного Сорокина таких тысячи!..

Серго осекся. На лбу его снова собрались морщины, глаза потускнели, губы дрогнули, и он со вздохом закончил:

— Вот почему мне так обидно, что судьбу наших замечательных ребят порой вверяют тем, кто превращает их в игрушку для своих эгоистических утех, в трамплин, с которого они хотят вознестись к мировой славе!

Бутырин то протирает очки, то вновь надевал, и, ка-

залось, ему видится в Серго нечто новое, и это «нечто» хотелось лучше рассмотреть.

«Серго вырос за последние годы, он мыслит шире меня», — думал Яков Петрович и сам поражался тому, что у него нет в душе и капли зависти к Серго, хотя к славе других начинавших вместе с ним революционную борьбу иногда ревновал.

5

В августовские дни, во время налета белых на Владикавказ, из станицы Михайловской бежали от преследований и нашли приют в городе несколько казаков, не согласных воевать против советской власти. Все в прошлом фронтовики, они насмотрелись смертей и не боялись ни бога, ни черта, но помереть от руки своих же казаков не хотели и поэтому подались в город. Дьяков нашел их здесь, уговорил поехать с ним на Сунжу, и вот они-то — небольшая горстка смельчаков — и составили ядро той армии, которая выросла, как по мановению волшебного жезла, на Сунже.

Гремели, как водилось тогда в станицах, набатные колокола, сзывали станичников на круг. Бурлили страсти, как три месяца назад, произносились речи: «С кем вы, братцы станичники?», но теперь, после круга, уже не били таких, как Дьяков или Легейда, и не мчались к Бичерахову...

На зов Дьякова и его товарищей первой поднялась станица Карабулакская. Казачья беднота и бывшие фронтовики словно ждали прибытия посланцев Владикавказа, тут же собрались в отряд, послали гонцов в другие станицы с призывом: «Присоединяйтесь, братцы казаки!», и потянулись в Карабулакскую верховые: «Где тут в отряд записывают? Хотим и мы...»

Првезжали не с голыми руками — с пулеметами, пушками, бомбометами. Понадобились для отрядов телефонные аппараты — нашлось и это. Любой вид оружия и снаряжения можно было найти в станицах.

Бичераховцы, узнав о мятеже в станицах, заметались, но уже было поздно: за Карабулакской поднялись казаки Асиновской, Нестеровской и Троицкой станиц. Раскололись на два лагеря и казаки станицы Михайловской и повели борьбу между собой по всем правилам: с окопами, вылазками, атаками, фланговыми обходами.

На помощь одним, сторонникам белых, пришли ермоловцы и самашкинцы, на помощь другим, стоявшим за красных, выступили асиновцы с двумя пушками, и на Сунже возник новый фронт...

Внезапное появление казачьей партизанской армии на Сунже заколебало бичераховский фронт под Грозным.

Горела нефть... Горький дым стлался над городом, превращая день в ночь. Рушились от артиллерийского огня вышки.

Черная липкая жижа текла по улицам, застаивалась лужами во дворах, проникала грязными пятнами в дома. Следы нефти были всюду — на стенах зданий, на стволах деревьев, на одежде и теле людей. Она затекала в окопы, и бойцы обеих неприятельских лагерей — и осаждающие и осаждаемые — имели вид чумазных...

Окопы тянулись вдоль Граничной улицы, отделяющей город Грозный от станицы того же названия. Как-то под вечер в помещающемся на этой улице командном пункте красных — это был подвал разбитого дома — Гикало допрашивал пленного казака. Будь здесь в ту минуту Дьяков, он сразу узнал бы в пленном одного из тех сторожей, от которых он убежал по пути в бичераховский штаб, — старого говоруна, любителя баек Кошика. Тусклый огонек свечи озарял бочки, стоявшие у стен подвала. От них пахло прокисшим вином. Кошик все время оглядывался на бочки, шмыгал носом и, как бы давая внауть красному командиру, что ему очень хочется пить, водил языком вокруг рта, заросшего бородой и усами.

— Нету там вина, — хмуро сказал Гикало пленному, — воду могу дать.

Кошику принесли жбан воды. Он долго и жадно пил, отдыхая после каждого глотка.

— Ну, теперь рассказывай...

— А чего?.. Я уж вам все выложил как есть. Недоволен народ, да что сделаешь? Заставляют. И воюешь.

За дверью раздался громкий характерный голос, который Гикало мог различить среди тысячи других без труда, — голос Серго. Гикало уже знал о прибытии Серго в Грозный, но не ожидал, что он так скоро появится на позиции.

По своей обычной привычке, Серго не вошел, а вле-

тел в подвал, схватил Гикало за обе руки, потянул к себе, обнял.

— Жив, здоров! Ну, вот видишь!

Вслед за Серго показался на пороге и высокий худощавый мужчина в кожаном френче. Это был Левандовский. Он командовал обороной Грозного вместе с Гикало.

— Ну что такое! — сказал Левандовский, еле заметпо улыбаясь уголками рта. — Вместо рапорта, стояния навытяжку и прочих элементов субординации я вижу простое объятие.

Все трое рассмеялись, и даже пленный казак хмыкнул, лупя глаза на вошедших. Кто они, он не знал, но на всякий случай вскочил и отдал им честь.

— Вот это другое дело! — сказал Левандовский.

И снова Серго и Гикало закатились хохотом. Растерянный, сбитый с толку казак продолжал стоять со вскинутой к виску рукой, пока не услышал от Левандовского: «Вольно!..»

— Да, сказывается еще в тебе старая закваска, — сказал Гикало и дружески хлопнул Левандовского по спине. — Ну, чем же нам приветить гостя? Вина нет...

— Прошу продолжать допрос, — решительно потребовал Серго. — Хочу послушать.

Казак стоял, держа руки по швам. Серго, Гикало и Левандовский уселись, и допрос возобновился. Сначала вопросы задавал один Гикало, потом включились в это дело Левандовский и Серго. Все выспросили: откуда Кошик родом, сколько имеет земли, где воевал. Кошик охотно отвечал и больше всего напирал на то, что, дескать, казаки не воевали бы, если бы их не заставляли.

— Кто же вас заставляет?

— Начальство...

— А скажите, пленный, — обратился Серго к Кошику, — казаки знают о том, что происходит сейчас в их тылу, на Сунже?

— Слышали...

— Ведь дьяковцы — это те же казаки.

— Кто?

— Дьяковцы.

— А-а... знаю. И самого Дьякова знаю.

— Как так?

— А так. Я его в арест водил.

И Кошик подробно рассказал историю побега Дьякова из-под ареста.

— Ну, вот видишь,— сказал Серго,— видишь, как ведут себя настоящие казаки. Подлинные герои. А вы почему против нас идете?

— Я же говорю — заставляют.

С военной точки зрения допрос не представлял интереса для Левандовского, но он сидел и внимательно слушал, слушал и старался понять, что может извлечь из такого допроса опытный политический деятель вроде Серго. А для Гикало все было заранее ясно — он понимал, для чего Серго ведет такой пристрастный допрос старого казака. Вопрос о казачестве — это вопрос о судьбах народных, о судьбах не только тех, кто живет на Тереке,— это вопрос, пожалуй, о судьбах революции на юге страны. Гикало любил называть себя простым рубакой и всегда с особым удовольствием подчеркивал, что он — солдатский сын и ничего больше, но на самом деле отлично разбирался в политике, и это умение помогло ему в обороне Грозного не меньше, чем солдатская выучка. Сражаются не просто две армии с таким-то количеством людей, сабель, винтовок и пушек на каждой стороне,— идет сражение, решающее народные судьбы. Да, это чувствовалось и в том, как вел Серго допрос Кошика.

Но вот, задав последний вопрос, Серго встал. Кошика увели.

— Знаете, друзья,— произнес Серго, зачесывая назад свои давно не стриженные, бурно разросшиеся вихры,— знаете, о чем я думал, едуци сюда? Не к вам, в Грозный, а вообще на Терек. Некоторые высказывали взгляд, будто внутренних сил для победы революции на Тереке недостаточно, потому что здесь не хватает крепкого пролетарского костяка, а в то же время есть богатая почва для местной контрреволюции. Подразумевают прежде всего казачество. И на этом основании требуют поддержки внешних сил — со стороны России.

— И правильно требуют,— заметил Гикало с явными нотками полемического задора в голосе.— А как же?

— Ну вот, нашелся еще один сторонник этого течения! — с шутливо-горестным вздохом продолжал Серго.— Видите, как их тут немало! А я считаю, что никакая революция не может победить, если будет опираться только на внешние силы.

— А мы сами разве ничего не делаем?

— Делаете, делаете... Только не зазнавайтесь, — отпарировал Серго. — Дьяков больше вас сделал. Своей работой на Сунже он разбил в пух и прах сторонников вашей теории и доказал, что революция на Тереке может опираться на широкую базу, включая и казачество. И разговор с этим пленным это тоже подтвердил. Вот как обстоит дело, дорогие мои друзья. А что касается внешних сил, то скоро мы с вами и с их стороны получим поддержку. Есть надежда...

Он замолчал, но Гикало и Левандовский уловили намек на возможное наступление на Моздок с севера и многозначительно переглянулись.

— Пойдемте посмотрим позиции, поговорим с бойцами, — предложил Серго. — Чего тут сидеть?

По дороге Гикало расспрашивал Серго, как же он сумел добраться до Грозного. Серго отшучивался — по воздуху, как птица, прилетел... На самом же деле ему нелегко далась поездка: чтобы очутиться здесь, он проехал Ингушетию и порядком покружил по крутым горным тропинкам Чечни.

— А что Асланбек? — спрашивал Серго. — Хотел бы повидаться с ним.

— Он у нас молодчина! — отозвался Левандовский. — Привел отряд и сильно помог нам. Но горяч, вот что плохо. Вчера сам ринулся в атаку — и прямо на вражеские пулеметы. Невозможный человек!

— Славный парень, что говорить, — подхватил Гикало. — Я бы его назначил командующим чеченскими отрядами. Он сможет.

Больше часу провел Серго в окопах. Осматривал укрепления, разговаривал с бойцами. Это были в большинстве рабочие. Особенно стойко держались бойцы пролетарского батальона Михайлика — талантливого командира грозненца. В часы затишья — а сейчас и был такой момент — к некоторым из них приползали жены, дети, приносили еду. К величайшему удивлению Гикало и Левандовского, Серго, как бы противореча тому, что он сам говорил в подвале, стал заверять бойцов, что им на помощь идут мощные силы из России и скоро придут сюда. У бойцов загорались радостью глаза:

— Идут уже?

— Идут. Идут...

— Добре...

Из окопов Серго возвратился, когда уже стемнело.

Сказывалась осень — стало рано вечереть. Серго устал. Его вели по темным, безлюдным улицам, где почти на каждом шагу встречались патрули. Небо отсвечивало багрянцем — горели промыслы, горела нефть, и Серго с грустью думал о том, как обидно, что тут напрасно гибнет горючее, а там, в Москве и Питере, на заводах и фабриках сейчас, накануне зимы, остра нужда в нефти.

В штабе Серго уже дожидался Асланбек. Встреча их походила на встречу отца с сыном.

— Да тебя узнать нельзя! — восторгался Серго, с удивлением разглядывая залитое черными пятнами лицо горца. — Ты стал на мавра похож!

— А вы на кого стали похожи! — весело отозвался Шерилов. — Посмотрите!..

Кто-то поднес к лицу Серго зеркало, и он ахнул, увидев и на своем лице черные пятна нефти.

6

Шерилову стоило дать основательную нахлобучку за его мальчишескую удачу, но Серго не стал делать это в первый же день их встречи. Молодой горец с таким увлечением рассказывал о своей атаке, с такой гордостью говорил об участии чеченцев в защите Грозного и так ясно понимал все значение того, что в защите этого города бок о бок сражались рабочие, казаки и горцы, что у Серго не хватило сил его отчитывать. Шерилов рос как политический работник не по дням, а по часам, и имя его становилось все популярней не только в Чечне, а и на всем Тереке.

Благодаря ему в Чечне выросло несколько больших отрядов бойцов за народную власть, и Грозный почувствовал их поддержку в первые же дни осады. Сегодня утром Левандовский показал Серго записку Шерилова, которая в трудную минуту принесла немало радости и бодрости осажденному гарнизону. В записке говорилось: «Товарищи, держитесь! Крепче бейте кадетов, чеченские бедняки идут на подмогу!»

И теперь, слушая рассказ горца о положении в Чечне, об идущей там борьбе между трудовым народом и кулацкой верхушкой, возглавляемой шейхами и муллами, об исламистском фанатизме, еще сильно распространенном среди чеченцев, Серго думал: как уберечь Асланбека, как спасти даровитого юношу для его же народа?

— Послушай, Асланбек,— сказал Серго горцу под конец беседы,— как называется аул, где ты родился?

— Шатой.

— Это далеко отсюда?

— Нет, не очень.

— Поедем к тебе.

— Что вы! — воскликнул Асланбек.— А как я все брошу?

— Странные слова,— усмехнулся Серго.— Неужели все держится на одном тебе? У тебя разве нет заместителя?

— Есть. Абдуррашид Исаев.

— Надежный человек?

— Да, вполне.

— Ну, вот видишь. Значит, едем.

На другой день они выехали верхом в Шатой, но в пути Серго вдруг изменил маршрут и предложил горцу съездить вместе к «дьяковцам» на Сунжу.

Асланбек, не задумываясь, согласился:

— Там ведь тоже наш отряд есть.

— Ну, тем более тебе туда надо ехать,— улыбнулся Серго.— Ты должен инспектировать свою армию как ее командующий.

— Свою? Командующий? Что вы!

— Не справишься?

Горец стал смущенно доказывать, что он еще слишком молод для такой роли. Да и опыта нет. Он ведь по специальности не военный, хотя и учился в детстве в кадетском училище.

— Вот как! — придержал коня Серго.— А я и не знал. А ну-ка, расскажи мне подробнее свою биографию.

Тон у Серго был строгим, а глаза светились лучистой улыбкой. И эта улыбка не сходила с его лица в продолжение всего рассказа Асланбека о своем прошлом.

Да, он пробыл два года в кадетском училище. Попал туда, когда ему было двенадцать лет. Какому ребенку по душе военная муштра? Ею она не увлекла. Зато он много читал, изучал языки. И это — страсть к чтению и знанию — осталось. Потом отец перевел его в реальное училище. И стал он жить с тех пор в Грозном. Опять много читал, увлекался историей, литературой и без конца заносил в тетради выдержки из любимых поэтов и писателей. И однажды сам даже написал сочинение из истории кавказской войны. Ну, и это, кажется, все, что

он может о себе рассказать. Революция его захватила с первых дней, и с тех пор он считает себя ее «мюридом». В феврале нынешнего года, во время происходившего тогда съезда народов Терека, он впервые выступил с большой трибуны. Страшно было. А потом привык.

— К чему?

— К тому что я уже не мальчик...

— Не мальчик...— задумчиво повторил за ним Серго.— Я вот тоже не заметил перехода. Учился на фельдшера, а стал подпольщиком.

И он стал рассказывать о годах борьбы и скитаний, о встречах с Лениным в Париже, о якутской ссылке. Шерипов был единственным, кому Серго рассказал о себе.— нашла такая минута.

В одном из аулов на пути к Сунже Серго подали срочное письмо из Владикавказа. Бутырин сообщал, что вернулась из далекой поездки Нина Бодрова. Была в Москве, отдала кому следует письмо. На пути туда и обратно ей пришлось пересечь чертову дюжину фронтов. Просто герой-девка! Ленин после злодейского покушения на него выздоравливает, от одного этого становится легче и радостней на душе. На востоке тоже намечается улучшение — у белых отбиты Казань и Симбирск. Есть приказ Реввоенсовета об образовании четырех фронтов обороны: Северного, Восточного, Южного и Западного. Северо-Кавказская армия будет именоваться впредь XI армией — значит, десять уже созданы. Из всего видно, заключал Бутырин, что Восточному фронту пока уделяется главное внимание. Есть слухи, что Киров приезжал в июле с экспедицией в Царицын, а оттуда пустился к Астрахани, очевидно надеясь как-нибудь добраться до Терека, но попал, что называется, с корабля на бал — в Астрахани вспыхнул белогвардейский мятеж как раз в дни его приезда. Какова дальнейшая судьба Сергея Мироновича, неизвестно. Никак не поймешь и того, что творится в Закавказье, но вызывает тревогу возня со стороны Джабагиева и других деятелей вроде него, добивающихся отделения Северного Кавказа от Советской России. Какие-то «представители» горских народов ведут сейчас об этом переговоры с немцами и требуют ввода германских полков в Терскую область. Тем временем на Военно-Грузинской дороге уже замечается сосредоточение немецких войск, так что с юга возникает новая угроза...

Письмо Бутырина расстроило Серго, и долго он не мог успокоиться. Черт подери этого Джабагиева и всю его мерзкую компанию! Продают кайзеру Терек со всем его населением! Торгуют целыми народами! Ах, подлецы! Надо срочно дать им отпор. Пусть Шеринов скачет во Владикавказ и как председатель чечено-ингушской фракции Народного совета организует протест горцев против тех, кто их продает иностранным империалистам. А он, Серго, один уж поедет на Сунжу — ненадолго, ведь вот какие дела!..

Сунжа держалась крепко, и день ото дня Дьяков все ближе придвигал свои полки к Грозному. Серго выступил на митинге перед казаками и помчался во Владикавказ. В тот же день из Владикавказа ушла в Москву очередная радиограмма Серго.

«Станицы Карабулакская, Асинская, Троицкая и Нестеровская в наших руках; в казачьих станицах жители мобилизованы от двадцати до сорока пяти лет; настроение казаков боевое; командующий казачье-крестьянской Красной армией Сунженской линии Дьяков; большинство пленных заявляет, что они не хотели воевать против советской власти, но их гнали в бой насильно...»

Поздно вечером Серго сидел в кабинете у Бутырина и читал сводки с фронта, донесения разведки. Глаза у Серго слипались от усталости, тело ныло от долгой верховой езды. Он отложил бумаги и предложил Якову Петровичу:

— Поедем ночевать ко мне. Скучно мне одному в вагоне... Зины нет...

— Боюсь, эту ночь совсем не придется спать, — покачал головой Бутырин. — Нам с тобой еще надо захватить в Особый отдел. С решением одного важного дела тянули до твоего приезда, но теперь его уже нельзя откладывать. Арестован один деникинский лазутчик, и знаешь, что у него нашли? Письма от организатора покушения на Ленина известного тебе проходимца Локкарта¹ и не менее известного черпосотенца Шульгина...²

¹ Локкарт — английский генеральный консул в Москве; в 1918 году был одним из организаторов белогвардейских заговоров и восстаний против советской власти.

² Шульгин — один из лидеров черпосотенцев; после Октябрьской революции — участник различных организаций монархической контрреволюции.

В эту ночь Серго и Бутырину действительно не пришлось даже сомкнуть глаз. Они просидели до рассвета в Особом отделе. Из донесений Карсанова и сведений, добытых отрядом особых поручений, раскрылась картина подлейших преступлений, творившихся под прикрытием благотворительной деятельности сотрудниками английской миссии. Сюда тайно приезжали агенты Локкарта и Деникина. Один из них, генерал Эрдели, оказывается, недавно приезжал во Владикавказ. В посылках, предназначенных для бичераховцев, были обнаружены шпионские материалы, в которых сообщалось о расположении и составе войск во Владикавказе и о состоянии вооружения. Миссия была связана и с горскими контрреволюционерами. С Джабагиевым и осетинским князем Тугановым полковник Пайк вел переговоры о преимуществах Антанты перед германо-турецким союзом и об отторжении Кавказа от Советской России.

Невозможно было больше допускать пребывания во Владикавказе такого шпионского гнезда, и на совещании в Особом отделе было решено покончить с ним.

Когда рассвело, у крыльца особняка английской миссии появился отряд пехоты. Полковника Пайка вызвали на улицу и предъявили ордер на арест всего состава миссии. Пайк пожал плечами и сказал, что подумает. Едва только за ним закрылась дверь, из окон особняка в пехотинцев полетели пули. Завязался бой.

— О господи, что опять случилось? — спрашивали друг у друга встревоженные горожане.

Пайку надо было выиграть время, чтобы уничтожить кое-какие бумаги, поэтому он и затеял перестрелку, и, как только эти бумаги сгорели в камине, бой кончился. Сотрудники отряда особых поручений вошли в особняк, объявили всю миссию под домашним арестом и начали обыск.

С немим ужасом смотрел Пайк на то, как Габо помогал «особистам» в обыске.

— Гуд мornинг, сэр, — приветствовал он по-английски полковника, окончательно огорошив его. — Не находите ли вы, что у нас с вами есть некоторые шансы попасть в историю?

— Будь проклят! — взревел Пайк. — А я дурак — принимал простого агента за азиата!

— А я и есть азиат, — не без гордости отозвался Габо. — Клянусь, я азиат, сэр.

— Откуда же ты знаешь английский?

— Если это вас очень интересует, то как-нибудь на досуге расскажу,— пообещал горец.— Сейчас же я, к сожалению, занят...

После полудня Серго отправился на радиостанцию, чтобы сообщить в Москву об аресте миссии, и взял с собой Карсанова. Тот весь сиял, молодецкато подкручивал усы, с важностью смотрел из машины по сторонам,— дескать, смотрите, это Габо едет, Габо Карсанов из Заманкула. Серго тоже имел довольный вид, улыбался, шутил.

День был солнечный. По улицам деловито сновали владикавказцы, успевшие уже немного отдохнуть и прийти в себя от пережитых недавно боев в городе. На бульваре, осторожно обходя ямы, вырытые снарядами, прохаживались женщины с детьми.

— Далеко еще? — спросил горец у Серго. — А что там делать будем?

— Радиограмму отправим — и назад.

— И ты думаешь, она дойдет до Москвы?

— Дойдет обязательно.

— До самого Ленина?

— Она Ленину и адресована.

— Обо мне ты там тоже напишешь?

Серго рассмеялся:

— Габо! В историю ты попал, этого у тебя уже никто не отнимет, но история еще пока не пишется, а делается.

— Гм!.. — хмыкнул Габо и замолчал.

Подъехали к радиостанции. Серго подал радисту небольшой лист, который был весь исчерчен какими-то значками и цифрами. Радиограмма была шифрованная. Костя присел к аппарату, взялся за ключ... Когда радиограмма была передана, Серго и Карсанов тронулись в обратный путь.

Весь день Серго возил с собою Карсанова. Тот предложил:

— Хочешь, я стану твоим телохранителем?

Но Серго только смеялся:

— Нет, не нужно...

— Зачем же ты держишь меня сегодня при себе? — лукаво спросил Габо. — Чтобы я мог увидеть, как делается история?

— Нет, Габо, у меня нет таких честолюбивых намерений, — отозвался, смеясь, Серго. — Мне просто приятно побыть с тобой.

Вечером в Народном совете появился Дьяков, только что прибывший с Сунжи. По вызову Бутырина Серго тотчас примчался сюда, обнял казака, усадил на диван и просидел с ним больше часа, расспрашивал обо всем, что случилось на Сунже.

— Большое дело ты сделал, ах, какое большое! — восхищался Серго и, обращаясь к сидевшим тут комиссарам Махарадзе и Бутырину, сказал: — Видели, что вытворяет этот смазливый молодой казак? В буквальном смысле горы перевернул!

Дьяков смущался от похвал, растерянно перебирал ремешки своего кавказского пояса. Он был сейчас очень хорош в новенькой черной черкеске с костяными газырями на груди. Серго любовно хлопал казака по плечу:

— Ну, что же дальше делать будем?

— Это уж вы решайте, — отвечал Дьяков. — Я свое дело сделал.

— То есть как это — сделал? — сразу посерьезнел и нахмурился Серго. — Ты думаешь, что с организацией армии на Сунже уже революция кончилась?

— Я так не думаю, но должен же кто-нибудь стать теперь во главе этой армии...

— Конечно, — подхватил Серго. — Ты ее организовал, ты и командуй!

Дьяков в сильном волнении вскочил с кресла:

— Я? Да что вы, товарищ Серго! Я же без образования! И к тому беспартийный!..

Серго замахал руками:

— Не говори таких слов, не буду слушать! Сумел армию организовать — сумеешь и командовать. Даже не спорь!..

Из Народного совета Серго и Дьяков поехали в военный комиссариат и там тоже провели около часа. Из военного комиссариата Дьяков вышел уже не простым казаком, а командующим Сунженской казачьей армией, и в кармане его лежал приказ, в котором ему предлагалось ликвидировать контрреволюционный фронт под Грозным.

Габо в это время уже был далеко — мчался на коне в Заманкул, где ему предстояло создать боевой отряд в помощь республике.

Он ехал и думал:

«Надо, чтобы история делалась скорее».

7

В день, когда Зинаида Гавриловна возвращалась из Грузии на Терек, германские солдаты стояли очень близко от Владикавказа: она видела в Дарьяльском ущелье их остроконечные кайзеровские каски, серые мундиры и плоские, как ножи, штыки. Из писем Серго и из газет она знала обо всем, что произошло во Владикавказе, но вид чужеземных войск почти у границ Терека, еще свежие следы разрушений в городе, рассказы о бичераховских зверствах, которых она наслушалась на обратном пути,— все это лишь теперь раскрыло перед ней весь ужас положения, в каком очутилась Терская республика.

Уже недалеко от Владикавказа, за станцией Ларс, машину, в которой ехала Зина, обстреляли. Преодолев многие опасности и находясь почти у дома, Зина чуть не погибла от пули бандита. Долго после обстрела она не могла прийти в себя и, только увидев крыши Владикавказа, с облегчением вздохнула.

Серго не оказалось в городе, и от Захара, радостно встретившего Зинаиду Гавриловну, она узнала, что Серго на фронте. Идет наступление на бичераховцев с двух сторон: с севера нападает на белых XI армия, а отсюда, из-под Прохладной, навстречу XI армии двинулись терские войска.

— Надо думать, на сей раз белым будет амба,— говорил Захар.— Есть такие виды.

Зина заставила его рассказать обо всем, что он знал. А так как Захар не был скуп на слова, то его рассказ хватило на добрых два дня. Зато Зина могла после этого с уверенностью сказать — она знает все, что произошло с Серго в те ужасные дни.

Нет, больше она не уедет от него, ни за что! Она привезла ему привет из Гореша, привезла живые впечатления, выполнила его поручения, навестила Горешу, ходила по родной ему земле, но больше не станет уезжать одна. С ним, что бы ни случилось, до конца!..

..Опять ревели орудия под Прохладной, с каждым днем все громче и настойчивее. И казалось порой, что уже

слышен гул орудий и с той стороны, откуда наступает XI армия. Две силы рвались друг другу навстречу и яростно грызли снарядами барьер, воздвигнутый Бичеровым на их пути.

Вблизи фронта, на полустанке, стоял под парами бронепоезд. Серго сидел на насыпи с Бутыриным, Ильиным и Беталом. Над ближними садами часто возникал противный вой, и тогда все трое пригибались, припадали к земле.

Разговор шел о том, что во Владикавказе скоро соберется новый съезд народов Терека. Ильин привез показать Серго наброски резолюций предстоящего съезда. Серго уже просмотрел эти наброски, и теперь их изучали Бутырин и Бетал. Резкий ветер рвал листки из рук, и Беталу вспомнилось, как несколько месяцев назад кружился в воздухе белой птицей нечаянно выпущенный из рук декрет о земле.

Напомнив об этом случае Бутырину, Бетал, смеясь, сказал, что резолюцию о земле, которую привез Ильин, теперь уже не вырвут из его рук никакие, самые сильные, ветры.

История с декретом заставила и Серго рассмеяться.

— А ведь этот декрет у меня,— сказал он.— Во время августовских боев старый Ибрагим передал его мне на сохранение, и я его берегу среди своих самых ценных бумаг.

— Вот как? — удивился Бутырин.— А ведь это я главный виновник. Это он не из рук Бетала, а из моих рук вылетел и закружился в воздухе. Значит, Ибрагим его нашел?

— Да, Ибрагим...

— Ах какой! — воскликнул Бетал.— Это ведь мой декрет!

— Земля, земля,— задумчиво проговорил Серго.— Сколько из-за нее крови пролилось тут, на Тереке! И все равно этот вопрос еще не решен. Отстали мы от Советской России. Там уже все перевернули, а тут мы еще коренного вопроса не решили до конца. Кое-где дали беднякам землю, но это еще только начало. Вот только сомкнемся с армией, сразу же начнем мирное строительство...

— Мирное строительство? — переспросил Бетал.

— Да. Издадим декрет о переходе всех предприятий Терека в руки народной власти, займемся выпуском плу-

гов и сеялок, создадим земельные товарищества, двинем сюда агрономическую науку.

— Кстати, наш комиссариат просвещения готовит открытие Политехнического института во Владикавказе,— перебил Ильин.— Маркус уже готовит кадры, помещение.

— Ну, вот видишь, как хорошо! — одобрил Серго. — О, можно горы перевернуть...

Снова завывало в небе. Снаряд грохнулся где-то близко. Бронепоезд стал отвечать.

— Не выдержала душа у Автономова,— улыбнулся Бутырин.— Ну, пусть...

Резолюции одобрили, Ильин стал собираться в город, Серго проводил его к машине. Шли вдоль насыпи. Оба были в шинелях, но ежились от холода — с севера дул резкий, очень холодный ветер. Раннее наступление стужи заботило Серго, и он говорил Ильину:

— Даже природа в этом году против нас. Не везет... Армия раздета, разута... Но мы сегодня так здорово помечтали, что не хочется портить настроение этими мрачными мыслями.

— А во Владикавказе такой подъем, такое воодушевление! — рассказывал Ильин.— В победу твердо верят.

— Это хорошо, когда верят. Теплее...

Ильин крепко пожал руку Серго:

— Ваша Зинаида Гавриловна вернулась, знаете?

— Знаю, знаю,— тряхнул головой Серго.— Мне уже передавали. И записку от нее получил.

— Как видите, жива, здорова.

— Да, да... хорошо, спасибо...

Появился Серго в городе лишь дня через три, в самый канун праздника первой Октябрьской годовщины. Настроение у него было на этот раз невеселое. Через фронт дошли слухи, что Сорокин продан белым. Тревожные мысли не оставляли Серго даже в минуты радостной встречи с Зиной.

С первых дней революции Зина всюду сопровождала Серго и пережила многие опасности, но свое путешествие через хребет она теперь считала самым опасным, и мужество, с каким она пережила это путешествие, казалось ей наиболее отважным ее поступком. Ах, какие там на пути пропасти! Какие пропасти, обрывы! А Серго слушал и думал: «Какой ужас! Этот Сорокин погубит армию!»

О Гореше, родине Серго, Зина рассказывала с востор-

гом. Какая там красота! А Серго в неуемном волнении ходил из угла в угол и боролся с желанием сейчас же броситься через фронт в Пятигорск.

Накануне праздника город еще с вечера украсился красными флагами. Огромные полотнища кричали с балконов: «Да здравствует мировой Октябрь!»

На площади против кадетского корпуса всю ночь не затихал стук молотков. Когда взошло солнце, среди зеленого поля, усеянного свежими стружками, выросли дощатые трибуны. На площади бродили бабы и торопливо подбирали щепки.

В одиннадцатом часу утра толпы празднично настроенных горожан загрохотали по площади, и начался парад. Серго верхом на красивой белой лошади объезжал ряды войск. Радостное «ура» несло ему навстречу. Войска — впрочем, это были скорее толпы вооруженных людей — имели весьма пестрый вид: попадались пиджаки, пальто, истрепанные горские бурки и черкески. Кое-где в колоннах мелькала солдатская шинель. Рядом с ней можно было видеть старенький овчинный тулуп, вывернутый мехом наружу. И все же это была армия, настоящая боевая армия, способная творить чудеса.

Серго так и сказал в своей речи с трибуны. Выступая на митингах, он всегда говорил горячо, с подъемом, но в этот раз он поразил даже тех, кто привык к его темпераментным речам. И дело было не только в страсти, в горячести, светлой вере в торжество дела партии и народа, за которое он боролся. Поражало еще и другое.

На Терек, давно оторванный от центра, зажатый в кольцо фронтов, очень скупо проникали сведения о положении в стране, о том, что делается в Москве и какие меры принимаются партией и правительством для спасения республики. Знали только, что англо-франко-японо-американские наемники опоясали всю Россию огненной цепью больших и малых фронтов, мятежей, восстаний, бандитских налетов из-за угла, предательских выстрелов в спину. Знали еще, что в Москве и Питере рабочим выдают только по осмумушке черного хлеба, что на Ленина было покушение, но он жив и опять работает, что на Восточном фронте белочешские корпуса разбиты и что 24 октября советское правительство обратилось с нотой к пре-

зиденту США Вильсону с предложением мира и прекращения интервенции.

Серго был рад и тому, что хоть эти сведения дошли до него,— дошли не из советских, а из чужих газет, окольными путями. Но для политического руководителя быть оторванным в такой острый момент от Москвы, от ЦК партии, от Ленина, от всей той бурной жизни, какой жила сейчас остальная страна,— это просто мұка! Ведь чтобы правильно определять партийную линию здесь, на Тереке, он должен все знать! Вот потому-то и удивились в этот погожий, праздничный день все, кто слышал речь Серго. Он говорил так, словно международные и внутренние события известны ему во всех подробностях, будто он их очевидец.

И вставала перед глазами людей страна в огненном кольце, и само это слово принимало зримые очертания: и как-то ближе, роднее становились терцам московские и питерские пролетарии, творящие революцию, несмотря на адские трудности и голод; радость по поводу выздоровления Ильича начинала kloкотать в груди с еще большей силой; и яснее становилось значение победы над белочехами на Востоке и того факта, что американскому президенту Советская Россия предложила прекратить это позорное вмешательство в дела и жизнь революционного народа.

О том, что творится в странах капиталистического мира, разбитых на два враждующих лагеря — Антанту и Тройственный союз,— Серго говорил так, будто только сейчас вернулся из этих стран. И еще очевиднее становилось: да, если победит русская революция, если победят народы Советской республики, то это зажжет огонь в сердцах всего человечества. И он уже пылает, этот огонь, и разгорается все ярче во всех частях света!..

После митинга долго еще шумел и гулял на площади народ. Радостно было в этот день людям. Молодежь плясала. Хором пели «Смело, товарищи, в ногу», горские и казачьи песни. В этот день, яркий, солнечный, не по-осеннему теплый и нарядный, в сердцах крепла уверенность, что измученная войной, объята огнем и терзаемая бесчисленными врагами страна все же выйдет живой из всех испытаний и расцветет, расцветет так, как никогда еще не цвела!..

Вечером на квартире у Бутырина собрались комиссары. В переполненной гостиной Саша Гегечкори буйно

играл на пианино. Гости шутили и смеялись. Своей адской музыкой Саша не давал им разговаривать, и все наперебой упрасивали его отложить демонстрацию своих музыкальных талантов на другой раз. Саша хохотал и бил по клавишам еще сильнее. Своей жизнерадостностью он заражал всех.

— Боже, что за шумное общество! — слышался вдруг на пороге знакомый гортанный голос.

Комиссары обернулись. В комнату вошла нарядно одетая ради праздника Зина, а за ней показался Серго. Он выглядел сегодня очень хорошо в своем черном костюме и рубашке с выпущенным поверх пиджака мягким белым воротником. Своей обычной милой спокойной улыбкой сияла Зина, ее голубые глаза весело щурились. Она тут же принялась помогать Полине по хозяйству.

Накрыли стол, подали вино, закуски. Перед Серго поставили вместо бокала маленькую кофейную чашку с глубоким блюдцем — посуды на всех не хватило.

— Ты пей из этого, — сказал Серго, снимая чашку с блюда и передавая ее Саше, — а я буду из блюда пить.

За столом весело шумели комиссары. Бутырин поднялся и как тамада провозгласил тост в честь Октябрьского празднества. Закончив, он окинул взором улыбающиеся возбужденные лица гостей и вдруг, заглушая звон посуды и говор, крикнул:

— Смотрите, товарищи, из чего пьет Серго!

Смеялись, шутили, провозглашали тосты.

Кто-то заиграл на пианино лезгинку. Саша вышел из-за стола и пустился в пляс, лихо притопывая каблуками. Все повернулись к нему, любуясь его легкими, порывистыми движениями, хлопая в ладоши в такт музыке. Саша был в ударе и танцевал отлично. После него пустились в пляс и другие. В комнате стало жарко, и Серго вышел в коридор, где было немного прохладней. Тут он вдруг столкнулся с Захаром.

— Что такое? — с удивлением спросил Серго. — Почему у тебя такое встревоженное лицо?

Захар тяжело дышал.

— Товарищ Серго... Есть известие... что... на станции говорят... что... Сорокин...

— Чтё, что Сорокин? — торопил его Серго.

— Что Сорокин изменил нам! — прокричал Захар. — Сейчас я видел людей, которые перебрались через фронт. Они такие ужасы рассказывают! Мороз по коже...

— Где ты этих людей видел?

— На станции... Сорокин расстрелял всю советскую власть в Пятигорске. Это что-то немыслимое! Вот гад!..

Ради праздника Захар, видно, хлебнул лишнего; сейчас трудно было добиться от него толковых объяснений, и Серго решил немедленно поехать на станцию, чтобы поговорить с людьми, о которых упоминал Захар.

— Машина здесь?

— Внизу, — ответил Захар, прикрывая рукой рот.

Серго как был без шапки, ничего не сказав Зине и не простившись с остальными, бросился вниз к подъезду и через минуту уже мчался в машине к станции.

Владикавказ еще не спал. По Курской слободке разносились песни. Ночь была теплая, звездная, ласковая.

Увы, все подтвердилось. Ужасные события произошли в Пятигорске. Поведение Сорокина день ото дня становилось все более вызывающим. Он пьянствовал, распутничал, никого над собой не признавал и ни с чем не считался. Местные власти и партийные организации третировал и относился к ним как к досадным помехам на своем пути к славе. Только ради того, чтобы устранить соперника, расстрелял командира Таманской армии Матвеева. Этот расстрел любимого многими командира потряс души людей и открыл им глаза. Сорокин зарвался, возмечтал о лаврах военного диктатора. Как мог такой авантюрист попасть в командармы? Теперь это казалось просто даже непонятным.

Находившиеся в Пятигорске Северо-Кавказский ЦИК и крайком партии решили сместить Сорокина, но уже было поздно. По несчастному стечению обстоятельств в руки Сорокина попала записка члена Реввоенсовета армии и председателя крайкома партии Крайнего, адресованная им одному из своих товарищей: «Или мы, или эта сволочь!» Темной октябрьской ночью Сорокин арестовал Крайнего и других руководителей крайкома партии и ЦИК и расстрелял их под горой Машук.

Дикий террор начался в Пятигорске. Коммунисты ушли в подполье. Пьяные ватаги сорокинцев рыскали по городу, врываются в дома, арестовывали кого хотели, грабили, убивали. На улицах были расклеены провокационные листовки Сорокина, в которых зверская расправа с руководящими северо-кавказскими работниками — честными, талантливыми, преданными народу людьми — объяснялась тем, что они якобы «изменники».

Но армия не поддавалась на эту провокацию. Экстренный съезд Советов и армии в Невинномысской объявил Сорокина вне закона, и все радостно вздохнули, когда один из командиров выстрелом из револьвера уложил Сорокина на месте.

— Этим предательством Сорокина воспользовались белые и взяли Армавир, а потом вышли нас из Невинки, — рассказывали Серго очевидцы трагических событий в Пятигорске, перебравшиеся через линию фронта. — Деникинцы окружили Ставрополь, пустили туда конницу Шкуро и Покровского, отрезали таманцев от Пятигорска. Десять суток дрались таманцы, и хоть вырвались из окружения, но потеряли в боях лучших командиров и бойцов и израсходовали последние остатки боеприпасов, а их и так почти не осталось в армии — ведь снабжения нет никакого!..

Серго был вне себя. Самая крепкая часть армии — таманцы — теряла свою боеспособность из-за подлого себялюбца, жалкого выскочки. Ах, мерзкая, низкая душа! Возмечтал о лаврах Бонапарта, тупой и ничтожный прохвост!

Всю эту ночь во Владикавказе не стихали песни. По улицам гуляла молодежь, у ворот домов сидели горожане и обсуждали события дня, вспоминали пережитое.

На рассвете Серго и Бутырин отбыли на фронт, под Прохладную. Сидя на открытой площадке бронепоезда, они зябко кутались от холода в свои шинели и утрумо молчали.

8

Район Прохладной оборонял от усиливающегося натиска красных с севера и юга генерал Мистулов — человек решительный и волевой. Бичерахова он презирал и считал, что служит не ему, а бело-красно-синему монархическому знамени Деникина — «спасителя России». Но пока тот не пришел на Терек, не оставалось ничего другого, как помогать «косоротой лисе».

До недавних пор дело казалось выигранным. Мятеж Бичерахова нанес сокрушительный удар силам красных на юге. Тыл их Северо-Кавказской армии оказался подорванным и смятым. Терская республика повисла на волоске. Никаких дорог для связи с большевистским центром нет ни у нее, ни у армии, и теперь оставалось только до-

бить их, и тогда весь Северный Кавказ оказался бы в руках тех, кто верен «единой и неделимой» России, ее трехцветному знамени.

Особенно возликовала душа у Мистулова, когда до него дошли вести о событиях в Пятигорске. Сорокин-то, оказывается, «свой»! Во всяком случае, то, что он сделал, заслуживало, с точки зрения Мистулова, всяческой похвалы. Оно подтверждало, что Сорокин, слава богу, вырвался из-под большевистского влияния и начал вести себя, как и подобает настоящему казачьему офицеру.

— С ними, с красными, одна босячня идет, — говорил генерал своим окружающим. — Не верю, чтобы наш брат казак принял совдепскую веру. Мне даже стыдно с такой шантрапой воевать!..

И вдруг с начала ноября картина стала изменяться. С севера, со стороны Пятигорска, по бичераховцам ударила сильная группировка красных войск. От разведчиков узнали — бои ведет какая-то Шариатская колонна под командованием Мироненко. Что за Мироненко? Кто такой?

Оказалось — простой кубанский казак. Постепенно выяснилось: в войсковую группировку красных, носящую странное название «Шариатская колонна», входят горцы, казаки, иногородние — вавилонская смесь наций и народностей. Да разве такое войско может воевать? Мистулов только диву давался. И как смогла армия красных, отрезанная от всяких баз снабжения, измотанная и обессиленная, выделить из себя такой кулак, этого Мистулов тоже не понимал.

Бичерахов и его два битых приятеля Беликов и Соколов не могли дать сколько-нибудь внятное объяснение такому факту, и, махнув на них рукой, Мистулов сосредоточил все свои усилия на том, чтобы не дать каким-то «шариатским босякам» разгромить его, царского генерала.

Но чем дальше развивалось наступление колонны, тем яснее становилось генералу, что ее командир — сильный и опасный противник.

Одна за другой перешли в руки войск Мироненко станции Зольская и Марьинская, которые Мистулов считал своими неприступными опорными пунктами. Из Нальчика в тыл красным ударил ротмистр Серебряков, но был так позорно разбит, что еле ноги унес.

— Нет, это не босяк командует, а наш брат, — рас-

строился Мистулов.— Наш брат, казак! Понимает дело, черт! Непостижимо! Невероятно!

Мироненко действительно оказался толковым и способным командиром. Это был еще молодой, рослый, худощавый кубанец с большим открытым лбом и спокойными глазами, неторопливый в движениях, но решительный и смелый в поступках.

Принял он колонну под свое командование в момент, когда в Пятигорске едва только начинали оправляться от предательского удара, нанесенного армии Сорокиным. Новый командарм и Реввоенсовет энергичными мерами наводили порядок на фронте и в тылу. Сорокина всюду проклинали. Ошибся этот авантюрист в расчетах: понадеялся на свою популярность, но сторонников у него оказалась ничтожная кучка. Ее убрали с дороги, чтобы не мешала.

Однако бед Сорокин натворил немало: белые теснили армию, и до зарезу требовалось поскорее пробиться на Терек, к Грозному и Кизляру, обеспечить себе прочный тыл, хоть какую-нибудь связь с центром через калмыцкие пески, лежащие за Кизляром, за ними — Астрахань, откуда армия могла бы получать патроны и шинели, снаряды и медикаменты. Тают запасы армии, а впереди бои и близко зима...

Всю эту невеселую картину и нарисовал перед Мироненко член Реввоенсовета армии Одарюк, объясняя ему смысл намечаемого удара по бичераховцам.

Казак ответил коротко:

— Постараюсь пробить путь на юг. Дело ясное.

— Действуй!..

Одним из фронтов против бичераховцев — под Георгиевском — командовал лихой терский казак Кочура. Это был тоже человек энергичный и решительный. Он ударил по белым одновременно с колонной Мироненко. В несколько дней они смяли фронт Мистулова и скоро уже осаждали Прохладную. Закипели ожесточенные бои.

Как-то утром к Мироненко привели пленного. Это оказался пожилой одноглазый казак, весь в шрамах, с бородой чуть не до пояса. Мироненко не кричал на него, не грозил ничем, только с укором говорил:

— И не надоело тебе воевать?

— Надоело, господин, ко...

— Я не господин.

— Извиняйте, пожалуйста. Я не разберу, как вас по чину.

— А у меня нет чина. Я такой же казак, как ты.

— А черкески казачьей на вас нет...

— Черкески? — с улыбкой оглядывал себя Мироненко. — Да, изорвал. Пришлось надеть вот эту гимнастерку.

Пленный молча косился на костюм Мироненко. Казак, командир, а носит простую гимнастерку. И пашки нет, вместо нее наган. Мироненко, будто поняв ход мыслей пленного, взял со стола серую кубанку, надел на себя, молодцевато подбоченился и с улыбкой спросил:

— Ну, теперь хоть немного похож на казака?

— Теперь похожи...

— То-то. Вот еще пашку добуду. У вашего Мистулова какая пашка? Серебряная? Нет? Тогда не годится, — усмеялся Мироненко. — Я хочу серебряную. Авось у самого Бичерахова добуду.

Пленный молчал, хмурился.

— Значит, так и есть, — вдруг проговорил он упавшим голосом. — Плохо дело. Худо...

— А что?

У пленного показались на глазах слезы:

— Свои против своих идут.

— Это как понимать? — недоумевал Мироненко.

— А так... Под Грозным — Дьяков. Под Георгиевском — Кочура. А тут — вы!

— А ты думал, среди красных нет казаков?

— Говорили, одни комиссары да шарпаты...

— Кто? Шарпаты? Это кто такие?..

Нахохотался Мироненко всласть. Под «шарпатами» подразумевались, как видно, все те, кто входил в его колонну.

Казалось, Мироненко ни о чем особенно важном на допросах пленных не расспрашивал. К нему приводили то одного, то другого, то третьего, и в ходе бесед с ними, за, казалось бы, малозначительным разговором, у него зрел план захвата Прохладной.

И наступил решительный день. Нацупав на правом фланге бичераховцев слабо защищенное место, Мироненко бросил в прорыв кавалерийский полк. Весь фронт под Прохладной загудел от артиллерийской канонады. Поток огня обрушился на вражеские позиции.

— Вот, черти, разошлись! — ворчая Мироненко на

своих командиров.— Поэкономней надо. Смотри, как сыпят!..

Он горько усмехался: одержать победу, думая об экономии снарядов и патронов,— нелегкая задача. И все же победа пришла. Бичераховцы дрогнули и покатались назад.

И в ту минуту, когда конная сотня красных ворвалась в Прохладную, когда навстречу кавалеристам выходили местные жители с просьбой помочь погасить пожары, в каменном здании станичного управления раздался выстрел. Это покончил с собой генерал Мистулов, не стерпев поражения.

В пасмурный день у обгорелого железнодорожного моста через Терек бойцы Шариатской колонны встретились с артиллеристами бронепоезда Терской республики, подошедшего к реке с юга. Незнакомые люди с радостью обнимались, целовали друг друга:

— Братцы! Наконец-то! Объединились!..

Бичерахов уже доживал в Моздоке последние дни, когда во Владикавказе открылся очередной съезд народов Терека.

Опять сидели рядом в одном зале осетины и чеченцы, ингуши и казаки, кабардинцы и представители других наций и племен, населяющих буйный Терек. С трибуны гремели речи. С гордостью озирает Серго сидящее на сцене в президиуме орлиное племя — Шеринова, Бетала, Гикало, Цаголова, Керима, Дьякова. Вот вошло новое имя в эту когорту: Мироненко. Победителя под Прохладной Мироненко и создателя армии на Сунже Дьякова встретили на съезде бурей оваций и цветами. Как растут люди! Сколько их выдвигается каждый день в ходе гигантской революционной битвы! Какое бесконечное богатство характеров и лиц! Сколько огненной силы в этих людях, какая вера в победу добра над злом!

Этот съезд был совсем не похож на предыдущий. Здесь уже чувствовалась поднятая к жизни разбуженная масса, многому успевшая научиться за последние месяцы.

Мир и дружба — вот что начинало все более властно овладевать умами горцев и казаков. Шеринов очень хорошо сказал об этом на съезде, а Ильин — в «Народной власти».

— Ну, Яков Петрович! — весело говорил Серго Бутырину в тот вечер, когда съезд заканчивал работу. — Положение улучшилось. Не пора ли тебе сменить свои очки?

Бутырин носил все те же простые старые очки в железной оправе, и все та же трещинка виднелась на левом стекле.

— Ничего,— мягко улыбался Яков Петрович,— я к ним привык...

Разговор этот происходил за сценой, в курительной комнате, перед заключительным заседанием съезда. Серго и Бутырина густым роем окружали делегаты. Стоял тут и новый председатель Народного совета Саид Габиев — статный и крепкий дагестанец с черной шевелюрой волос и мужественным, приветливым лицом.

— На ближайшем же заседании Народного совета,— шутливо сказал он,— придется поставить вопрос об очках члена Народного совета и Совнаркома. Мы его обяжем надеть новые!..

Как дошел этот шутливый разговор до Шакро, трудно сказать, но в тот же вечер, еще до конца заключительного заседания, он подошел к столу президиума и положил перед Бутыриным новенькие очки в мягком кожаном футляре.

Бутырин ахнул, показал подарок сидевшему рядом Серго. Тот хитро прищурился, попросил Якова Петровича примерить очки — подойдут ли они ему. Очки оказались хороши.

— Это, видно, не без твоего участия,— смеялся Бутырин, грозя пальцем Серго.— Я тебя знаю!

— Да уж, пора нам знать друг друга.

— А Шакро — просто удивительный человек...

— Шакро — бог,— улыбался Серго.— Если бы понадобилось, он добыл бы луну с неба.

9

Понемногу на Тереке налаживалась мирная жизнь. Был открыт Политехнический институт. На заводе «Алагир» приступили к ремонту плугов и сеялок к будущей весне.

Поражение Германии на Западном фронте отодвинуло угрозу немецкого нашествия на Терек со стороны Грузии. Горские народы твердо заявляли о своей верности народной власти и слали на фронт отряд за отрядом. Против белых, помогая армии, дрались казаки Дьякова, рабочие Владикавказа и Грозного, конники Калмыкова, Цаголова, Шерипова, Керим-Султана.

Радостно было делиться с Москвой успехами на Терек: освобожден выдержавший стодневную осаду Грозный, разгромлен последний оплот бичераховщины — Моздок. Бичерахов, оставшись без войск, как побитая собака, бежал в Петровск к своему брату — под крылышко английского генерала Денстервилля. Так бесславно закончилась карьера еще одного авантюриста, мечтавшего о бонапартистской славе.

В один из первых декабрьских дней Серго вручил на митинге Мироненко отличную пашку в красивых серебряных ножнах.

— Теперь никто не усомнится, что я казак, — смеялся довольный кубанец.

Он рассказал Серго о своем недавнем разговоре с одноплазым пленным под Прохладной.

— Ну, значит, мы попали в точку, подарив тебе пашку, — улыбался Серго. — Надо тебе еще черкеску добыть, чтобы никто и не посмел усомниться, что ты настоящий казак!

Казалось, пришел наконец час долгожданной победы. Вырвались из кольца, соединились силы. Но даже в эти радостные дни глубокая морщина не сходила со лба Серго.

Был конец ноября. По уже установленной связи с центром через Астрахань и по радио шли на Терек недобрые вести. В Одессе высадились войска Антанты. С востока начал двигаться к Москве Колчак. Иностранные интервенты усиливали натиск на Советскую страну. На смену одним разгромленным генералам и атаманам шли другие. Москва и Питер по-прежнему голодали, и чувствовалось, что гражданская война в стране только разгорается. Главные бои еще впереди.

Из штаба Кавказско-Каспийского фронта, находившегося в Астрахани, шли обнадеживающие обещания — скоро получите снаряды, патроны, обмундирование и медикаменты. Но Серго знал: до Астрахани отсюда — около четырехсот километров безводного пустынного пути. Да и сидят там в штабе не очень надежные люди.

...Бронепоезд увозил Серго на север, и, чем ближе подходил к Пятигорску, тем яснее становился весь ужас содеянного Сорокиным преступления. Серго выходил на каждой станции, разговаривал с бойцами и командирами и видел: армия раздета, разута и силы ее на пределе.

А впереди зима...

Случилось так, что машинистом бронепоезда оказался тот самый Иван Ильич, который возил Серго из Пятигорска во Владикавказ. После того как бичераховцы захватили Прохладную и перерезали дорогу, старику ничего не оставалось, как ждать того времени, когда снова откроется дорога на Пятигорск, где жила его семья.

С трудом он дотянул до этого дня и теперь был готов мчаться на север со скоростью курьерского поезда, а Серго, как на грех, требовал частых остановок и везде подолгу задерживался.

Иван Ильич не терпел и стал проскакивать через некоторые станции. Серго вспыхнул, вызвал машиниста к себе:

— Вы что это своевольничаете?

Произошел разговор, не очень приятный для того и другого. Иван Ильич начальников не боялся и, когда Серго на него накричал, ответил тем же. Погорячились, поругались. А потом Захар, сопровождавший Серго, рассказал, что Иван Ильич очень набедовался во Владикавказе, пока не было дороги на Пятигорск. Серго на ближайшей же станции пошел к машинисту, извинился, и с этой минуты они стали даже друзьями.

— Эх ты, строптивая душа! — сказал Серго Ивану Ильичу. — Я ведь не меньше твоего рвался в Пятигорск все эти месяцы. И сейчас минуты считаю... Ладно, теперь гони. Не буду больше митинговать.

— Вот это другой разговор! — отозвался машинист. — Давно бы так. Не люблю митингов!..

Но Ивану Ильичу, торопившемуся поскорее попасть домой, еще предстояли огорчения. Навстречу бронепоезду все чаще и чаще стали попадаться эшелоны с ранеными и тифозными бойцами. Они шли из Пятигорска. На каждой станции, а то вдруг и на перегоне приходилось подолгу простаивать в ожидании, пока очистится путь, занятый поездом, идущим не своей колеей. На платформах станций толпились беженцы из Кубани и Ставрополя. Бросались в глаза корзины, узлы, закопченные чайники. Слышались крики, ругань, детский плач... Все эти измученные, лишенные крова люди рвались к Владикавказу, подальше от фронта, от пуль и виселиц идущей на Терек белой армии.

Уже перед самым Пятигорском бронепоезд задержал на три часа: у шедшего впереди эшелона произошел обрыв. Два последних вагона покатались обратно и на

повороте разбились вдребезги. Иван Ильич расстроился. Сидя на краю насыпи у паровоза, он сердито говорил Серго:

— Ну, скажи, как теперь ездить? Надо к чертовой матери забросить паровозы и топтать пешим. Ей-богу же, скорее будешь. Это одно горе, а не езда!

— Ничего, доберемся,— отвечал Серго.— Теперь уже недалеко.

— А знаете,— высказал старик мучившую его мысль,— боюсь, как бы конфуз тут не получился с семьей-то. Я — в Пятигорск, а она — оттуда... Не нравится мне, что на дороге такое оживление. Народ бежит, и все в одну сторону, на юг.

— Ну, и что же? — возразил Серго.— Мирное население уходит подальше от фронта, тут никакой угрозы нет. Бичерахова разбили, разобьем и Деникина, хотя он противник куда более серьезный и сильный.

— О, вот я и говорю! — подхватил машинист.— Серьезный противник...

Они помолчали.

— А насчет Бичерахова слышали? — спросил Иван Ильич.— Говорят, полетел на аэроплане Деникина звать. Дедка за репку, бабка за дедку, и хотят нас с корнем вырвать. А ведь могут вырвать, а?

Серго улыбнулся. Холодный, пронзительный ветер неся из степи. Притоптывая озябшими ногами, Серго ответил:

— Наши корни — в народе. А разве может Деникин одолеть целый народ, который не хочет иметь над собою господ?

Было уже за полночь, когда бронепоезд пришел в Пятигорск. На станции Серго и машинист распрощались.

— Знаете что? — сказал Иван Ильич, не выпуская руки Серго.— Вы меня не осудите за то, что я уж очень домой рвался? — Он распахнул телогрейку и показал открытую волосатую грудь.— А на дворе, как-никак, почти зима.

— Что ж ты не сказал? — воскликнул Серго.— Мы б напили тебе какую-нибудь рубашу.

— Нет, вы уж одежку лучше для бойцов берегите. Я дома, а они — в окопе...

Из штаба за Серго прислали машину. Пятигорск затаился во мгле и лишь кое-где светился огоньками. По дороге в штаб, когда машина проезжала мимо городско-

го сада, Серго уловил какой-то странный запах и спросил у шофера:

— Чем это пахнет?

— Осенью,— ответил шофер.— Ноябрь ведь.

— Нет, еще чем-то.

— А-а,— догадался шофер.— Мы уж тут привыкли и не замечаем. Это дезинфекцией пахнет. В саду лазарет устроен для тифозных.

Серго потянул носом воздух и покачал головой. Теперь он вспомнил, что этот больничный запах чувствовался еще на станции. Казалось, что весь Пятигорск с его садами, бульварами пропитан йодоформом.

Кое-где на улицах стояли палатки, и Серго, проезжая мимо, видел, как при свете каганца семья беженцев укладывалась спать. Промелькнуло изможденное лицо молодой женщины, кормившей ребенка. Из дворов слышался неистовый лай голодных собак.

«Итак, из огня да в полымя,— думал Серго.— Разбили Бичерахова, а на смену идет куда более грозный враг».

Впереди блеснули огни штаба...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

«Москва, Кремль, В. И. Ленину.

XI армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станицы почти без сопротивления. Ночью вопрос стоял покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань».

Такими словами начиналась телеграмма, которая ушла из Владикавказа в морозное январское утро 1919 года. Отправил ее Серго.

Свиристые ветры рано завывали на Юге в ту зиму. Завывали, завихрили снежную пыль... Мерзли на фронте в худых, рваных шинелишках бойцы Северо-Кавказской армии. Ее переименовали в XI армию, но шинелей и патронов не дали — не могли дать, потому что не было тогда у Москвы ни этих шинелей, ни дорог, по которым можно было бы подвезти армии патроны. А белым Антанта слала все — от пушек до пышных эполет к мундиру генерала Деникина.

Уже с декабря стало очевидно, что близится катастрофа. Теснимая со всех сторон, истрепанная в непрерывных боях армия напрягала последние силы. Созданный в эти дни Совет обороны Северного Кавказа под председательством Серго бросил клич о мобилизации. Шел набор добровольцев в Красную Армию в Кабарде, Осетии, Чечне, Ингушетии.

В конце декабря ударили морозы, а бойцов не во что было одеть. Начался повальный тиф. Больных некуда было помещать, и их отправляли целыми эшелонами во Владикавказ. Астрахань, откуда ждали оружия и обмун-

дирования, молчала. Командиры на все лады ругали находившийся там штаб Каспийско-Кавказского фронта и с тревогой спрашивали у Серго, что же будет. Несмотря ни на что, армия отчаянно дралась и в начале января даже пошла в атаку на добровольческие части Деникина.

На обоих флангах сразу же обнаружился успех. На левом фланге, в районе Ессентуки — Кисловодск, была стремительным ударом сбита конница Шкуро, которая за двое суток отошла до Баталпашинска. Бой шел уже на окраинах Баталпашинска, когда Серго сообщили из штаба полка, что бойцы резервных частей пехоты отказываются идти на передовую линию. Автомобиль понес Серго к перелеску, где стояли резервные части.

Бойцы выстроились на небольшой поляне. Выйдя на середину поляны, командир части снова прочел бойцам приказ идти на линию огня. В ответ раздался оглушительный крик:

— Патроны! Патроны!..

В этот крик врывались частые раскаты артиллерийской канонады, гремевшей на улицах Баталпашинска.

— Патроны! — кричали бойцы и тут же выворачивали перед Серго пустые патронташи. — Патроны!

Серго приказал выдать бойцам сверх полученных ими пяти патронов на каждого еще по пять штук и помчался в Пятигорск. В штабе он связался по прямому проводу с Кизляром:

— Что слышать из Астрахани? Прибыли боеприпасы?

— Нет, — ответил Кизляр.

И вот ослабленная сыпняком и голодом, раздетая и разутая, лишенная боевых припасов армия стала стремительно откатываться на юг. Белые наступали веерообразным фронтом. Пал Пятигорск, за ним — Георгиевск...

В студеную метельную ночь на станции Прохладная собрались руководящие работники штаба армии и Терской республики. Сгрудившись в зале ожидания для пассажиров, курили, переговаривались. Пили кипяток из солдатских баклажек и обсуждали положение. Одни стояли за отход на Астрахань, другие — за то, чтобы оборонять Терек.

Недавно назначенный командармом Левандовский стоял у карты и рассказывал о положении войск. И по мере того как раскрывалось бедственное состояние фронта и армии, все больше становилось приверженцев отхода на Астрахань,

Тогда слово взял Серго. Никогда еще он не говорил с такой горячностью. На вопрос, куда отступать, он отвечал: никуда не отступать! Оставаться здесь, на Тереке. Собрать все остатки войск в кулак и сражаться, опираясь на горцев, пока не подойдет помощь из Советской России.

Спорили, даже ругались, но в конце концов так и решились — остаться на Тереке и как-нибудь продержаться до прихода помощи. И Серго помчался во Владикавказ, на радиостанцию.

В то утро Зина обнаружила на висках у мужа первые седины. Это в тридцать два года! Он выглядел совершенно больным. Под запавшими глазами темнели круги, а в глазах таилась глубокая грусть.

— В городе много тифознобольных, — рассказывала Зина. — Нужны медикаменты... Как бы ты еще не заболел!..

Зина со дня возвращения из Грузии работала во владикавказском армейском госпитале и насмотрелась там ужасов. Эпидемия тифа росла, и Зина серьезно опасалась за здоровье Серго — он все время в дороге, на людях.

— Черт меня не возьмет! — ворчал он в ответ.

С ним невозможно было разговаривать в это утро. Он был раздражителен, резок, угрюм.

— Надо о вас подумать, — сказал он, когда Зина уходила в госпиталь. — Вам-то тут нечего делать!

Стоя у окна вагона, он видел, как она шла по заснеженной платформе. Шубы у нее не было — жалкое худое пальтишко, платок, туфельки. Выручала Зину ее якутская закалка.

Из окна была видна вся станция, забитая эшелонами. На всех путях стояли поезда. Из дальних вагонов, стоявших далеко от станции, тянулись к вокзалу по протоптанной в снегу тропинке серые фигурки бойцов и беженцев с чайниками, котелками и ведрами.

Метель не утихала; казалось, скоро всю станцию занесет сугробами снега и навсегда похоронит всех этих измученных людей в лохмотьях, суесящихся по платформе, по холодным, нетопленным залам вокзала в поисках пищи и воды.

А со стороны Прохладной подходили все новые и новые эшелоны.

«Да, решение правильное, — думал Серго. — Отход на Астрахань недопустим, ибо тогда мы всю Терскую область бросили бы на произвол судьбы, даже не приняв боя с

противником, не показав горцам, что мы готовы всеми силами отстаивать Терек. Горцы сочли бы это предательством, и мы политически навсегда умрем для Северного Кавказа. Да и что мы выиграли бы, отступая на Астрахань? И бойцы и технические средства армии погибнут в астраханских песках от холода и голода».

Все утро Серго провел в здании, где разместился Совет обороны Северного Кавказа. Это здание помещалось на Александровском проспекте. Серго работал у карты, когда ему принесли пакет из Народного совета, от Цаголова. В конверте лежала маленькая записка. Цаголов сообщал, что в Осетии начался мятеж, который возглавляется бывшим полковником Угалыком Цаликовым — братом Ахмета Цаликова. Банда Угалыка уже вступила в бой с посланными из города частями.

Пакет принес керженист, молодой осетин, который сам был родом из тех мест, где сейчас начался мятеж. Вздвигнутый, он рассказывал Серго:

— Селение Ног-Кау горит... Ужас, что творится!.. Говорят, комиссар Мартынов приказал обстрелять Ног-Кау из орудий...

— Дурак этот Мартынов! — вскипел Серго. — Кто дал ему право стрелять в мирное население?..

2

Вскоре Серго уже сидел в Народном совете и совещался с Цаголовым. Беспорядки в Ног-Кау, оказывается, были связаны с какой-то давней запутанной историей ограбления грузинских овцеводов.

Осенью, когда в горах истощились пастбища, овцеводы гнали свои отары на Кизляр по Алагирскому ущелью, и здесь их ограбили. Банда Угалыка Цаликова захватила больше тысячи голов скота. Овцеводы подали жалобу в Терский народный совет — пусть им вернут убытки. Цаголов не раз выезжал по этому делу в Ног-Кау, и ему удалось убедить некоторых жителей, купивших у банды по дешевке овец, вернуть овцеводам часть стоимости скота. Но многие, подбиваемые Цаликовым, отказались платить и теперь, пользуясь трудным положением на фронте, подняли восстание.

Рассказав об этом, Цаголов спросил у Серго:

— Может власть взять на себя возмещение убытков овцеводам?

Серго пожал плечами:

— А зачем это делать?..

У молодого горца уже был наготове хитро разработанный план: поехать в Ног-Кау и объявить населению, что власть никаких денег взыскивать не будет. Это сразу под корень подкосит банду Угалыка, из нее уйдут две трети, если не больше, а для ведения переговоров взять с собой Ахмета Цаликова.

Как ни был расстроен Серго в этот день, он не удержался от улыбки.

— Молодец, Георгий! План хороший, но с одной поправкой,— сказал Серго.— Дело такое, что тут требуются выдержка и рассудительность, а ты можешь погорячиться по молодости лет. Поеду я.

...Около полудня по дороге к Ног-Кау с бешеной быстротой мчалась машина. В ней сидели Серго и Ахмет Цаликов. С большой неохотой согласился Цаликов сопровождать Серго в этой опасной поездке. Он ежился от холодного ветра, и по мерщанистому его лицу было видно, что он с большим удовольствием сидел бы дома за книгами или на каком-нибудь заседании в теплой, уютной комнате. Заседания он любил, речи произносить был мастер... А тут предстояла встреча с братом, которая никак не казалась ему приятной. Занимая в Народном совете должность председателя горской фракции, Ахмет чувствовал себя неловко с тех пор, как его брат начал с оружием в руках вмешиваться в политику.

Ахмет был сторонником мирной борьбы с крайностями коммунизма. Меншевик, он предпочитал с трибуны проповедовать идеи социалистического панисламизма и, хоть с оговорками, с оглядкой, сотрудничал в Народном совете с большевиками. Поскольку авторитет его среди некоторой части горцев служил республике, постольку Серго относился к нему терпимо, с предупредительной осторожностью, хотя не раз на заседаниях Народного совета выступал против него с резкой критикой.

Ахмет Цаликов высказался против действий брата. Но одно дело выразить свое отношение на словах, другое — окунуться с головой в гущу событий. Этого прожженный в политике Ахмет не любил.

Серго был доволен тем, что Цаликов хоть на словах, но высказался против действий брата. Об этом узнают горские массы, и люди, веками воспитывавшие в себе чувство племенной общности, увидят пример, доказывающий противоположное тому, что проповедовал Ахмет Ца-

ликов с его идеями единства нации и особых, бесклассовых путей развития горских народов Кавказа.

Город уже давно остался позади. Падал снег. Машина неслась по равнине, слева и справа окаймленной горами. Сквозь мутную пелену снега на горизонте вставали темные громады хребта.

Путь к Ног-Кау лежал через станицу Ардон. Тут стоял штаб комиссара Мартынова. Подъезжая к станице, Серго увидел разбросанные по полю палатки и возы, около которых бродили мужчины, женщины и дети. Они жались кучками у костров. Это были беженцы из Алагира. Серго сжал губы и нахмурился. Машина свернула в переулочек и через минуту остановилась у штаба.

В дверях небольшого домика Серго встретил комиссар Мартынов. Он стал рассказывать о положении в Ног-Кау, но Серго резко оборвал его:

— Снимай оружие!

Мартынов покраснел и стянул с себя маузер.

— Вон отсюда! — крикнул Серго и, не в силах сдержать ярость, выхватил маузер из дрожащих рук Мартынова. — Кто тебе приказывал селения жечь? Кто тебе дал право стрелять в мирное население?..

Взволнованно шагая взад и вперед по комнате, Серго долго еще ругал Мартынова и штабных. Те понуро молчали. Действительно, получилось плохо: обстреляли из пушек мирное селение и это только осложнило обстановку в Ног-Кау...

Под вечер Серго и Цаликов прибыли в Ног-Кау.

При въезде в селение машину остановил отряд вооруженных всадников. Они узнали Ахмета Цаликова и заговорили с ним по-осетински. Ахмет спросил:

— Где брат?

Один из всадников ответил, что полковник со своим отрядом стоит в лесу, верстах в двенадцати от Ног-Кау. А в самом селении почти никого не осталось. Жители бежали в горы, опасаясь вторичного обстрела. Кроме охраны, здесь живет только одна семья старого Кайтова. Он инвалид, жена его учительница, и они верят, что ни та, ни другая сторона их не тронет. Правда, одна пристройка в их доме разрушена пожаром.

Выслушав это, Ахмет сообщил всадникам, что представитель власти Орджоникидзе желает встретиться с полковником Цаликовым. Недоумевая, всадники ответили:

— Хорошо, мы передадим ему вашу просьбу...

Всадники отъехали в сторону, стали совещаться. Тем временем машина двинулась вперед и скоро подъехала к жилищу Кайтова. Седой высокий горец вышел навстречу гостям и повел их к себе в дом. Проходя по двору, он показал им обгоревшие развалины. Здесь прежде был домик, где жили члены его семьи. Теперь они остались без крова.

— Почему я так пострадал? — спрашивал Кайтов. — Я не грабил никого, я мирный человек.

Из уцелевшего флигеля вышла жена Кайтова, маленькая старушка в черном платке. За ней показался ее сын Георгий, молодой парень в черкеске, туго перехваченной холщовым патронташем.

Вошли в дом. Гостям приготовили ужин. Старики где-то раздобыли хорошее пиво, и вечер прошел в оживленных разговорах. Георгий стоял во дворе с винтовкой, оберегая покой гостей.

— Не уеду отсюда, пока не придет Цаликов. Поговорю с ним, а потом соберу народ! — настаивал Серго.

— Каждому своя родина дорога! — говорила старуха Кайтова, обращаясь к Ахмету, которого она хорошо знала. — Ты здесь родился — почему ты не дал знать о бандитах? Почему ты допустил такое горе?

Ахмет пожимал плечами. Он был крайне утомлен, и ему хотелось спать.

К дому Кайтова подходили какие-то люди, заговаривали с Георгием, расспрашивали его о гостях и уходили. Всадники, встретившие машину Серго, разнесли слух о приезде представителя власти и некоторые жители, прятаясь неподалеку от селения, начали возвращаться в свои дома.

Потихоньку из разных углов стали показываться люди. По улицам побежали гонцы созывать народ на сход.

— Власть приехала!

— Кто?

— Орджоникидзе.

Вскоре у дома Кайтова собралась толпа. Старикам давали почетное место — у самого крыльца. Поодаль разместилась молодежь. А за ними толпились всадники — местные жители, охранявшие селение.

Серго вышел на крыльцо и обратился к собравшимся с короткой речью. Слушали его внимательно. Он говорил о земле, о том, что происходит в республике, окруженной врагами извне и имеющей неисчислимых врагов и внутри себя, врагов, озверевших в своей ненависти. Они идут на

все, чтобы сломить трудовую власть. Там, где нельзя взять силой, они идут на хитрость и провоцируют честное трудовое население.

— Так они поступили и с вами,— сказал Серго.— Они подбили ваших людей на грабежи, на воровство. И у кого! У трудовых крестьян-овцеводов, таких же, как и вы, бедняков!

— Нам сказали — это овцы грузинских князей,— слышались голоса из толпы.

— Кто сказал?

Люди зашумели. Старики стали на сторону Серго.

— Он говорит правду,— утверждали они.— Это офицеры пустили слух, что овцы княжеские. Позор!..

Из толпы выступил пожилой осетин и подошел к приежжам. В руках он держал какой-то сверток.

— Вот! — сказал он, разворачивая сверток перед Серго.— Здесь деньги. Это мы собрали всем селением, чтоб заплатить овцеводам за убытки. Забери!..

С этими словами он положил на перила крыльца груд пухлых конвертов. На каждом из них была начертана фамилия того, чьи деньги лежали в конверте.

— Постой! — сказал Серго осетину, собиравшемуся уже было отойти в сторону. Подняв руку, Серго обратился к толпе.— Я вижу, многие поняли, в чьих руках они были и какую роль играли в этом позорном ограблении. Эти деньги,— Серго нагнулся и поднял пакеты,— знак того, что люди, участвовавшие в грабеже, сознают свою вину. И вот за это власть возвращает вам эти деньги. Используйте их на культурные нужды вашего селения. И я надеюсь, что с сегодняшнего дня никто из вас не будет участвовать в контрреволюционных и других выступлениях, которые организуются осетинским офицерством и другими вражескими элементами против советской власти. Дайте мне такое обещание!

И Серго под одобрительный гул всей толпы отдал казначею деньги. Все были ошеломлены. Толпясь у крыльца, осетины оживленно переговаривались и стремились стать поближе к комиссару, так быстро завоевавшему их уважение. Вдруг из переулка выскочил конный отряд, и в толпе раздались крики:

— Это Угалык! Сам Угалык!

Всадники подъехали к крыльцу, спешились. Их было человек десять.

— Зайдем в дом, Угалык! — предложил брату Ахмет,

когда тот очутился у крыльца. — Мы там поговорим...

Угалык забренчал оружием, обнимая брата.

— О, дорогой! Здравствуй!

Ахмету хотелось уйти от глаз толпы, но Серго не дал ему это сделать. Он шагнул к Угалыку и бросил ему в лицо:

— Зачем ты народ мутишь? Вот кругом люди стоят — скажи, за что они страдают?

Цаликов нахмурил брови, оглянулся. За оградой храпели кони. Спешившись, люди из его отряда стояли позади него и с недоумением смотрели на Орджоникидзе. Ахмет съежился, отступил в сторону. Из дому вышли хозяева и их сын Георгий, они стали подле Серго.

— Не злоупотребляйте положением гостя! — процедил полковник.

— Какой я тебе гость! — воскликнул Серго. — Я с тобой как представитель власти разговариваю!..

В толпе послышались возбужденные голоса. Человек, стоявший позади Цаликова, скинул с плеча винтовку и прицелился в Серго, но тут сын Кайтова бросился вперед и, потрясая в воздухе винтовкой, крикнул:

— Не забывайте наш обычай! Кто моего гостя тронет, на том я все эти патроны пересчитаю! Слышите?

Поднялся шум. Люди поспешили отгеснить Цаликова от Серго. Серго уговорили уйти в дом и немного спустя туда привели полковника. Успокоившись, Серго вступил с ним в беседу. Надо было заставить полковника сложить оружие. Жители, собравшиеся за домом, с нетерпением ждали исхода переговоров. Ждать пришлось долго. В окне было видно морщинистое злое лицо полковника, который сидел, угрюмо опустив голову.

— Мир? — спросили соседи старика Кайтова, вышедшего на крыльцо.

— Кажется, будет мир! — ответил старик.

...Когда Серго уезжал, по селениям неслась радостная весть, что полковник Цаликов распустил свой отряд.

Во Владикавказ Серго возвращался довольный: подавлен мятеж, который грозил взорвать изнутри весь план обороны Терека, дезорганизовать тыл армии.

— Это прямо удивительно! — говорил Ахмет Цаликов, глубокомысленно поглаживая свои седые усы. — Всех поражает, как вы отважились броситься в самое логово зверя, где он мог растерзать вас в клочки... Это безумная храбрость!..

Сидя рядом с Серго в автомобиле, он старался не встречаться с ним взглядом и каждый раз, когда Серго обращался к нему, отворачивал голову и смотрел на встающие вдали крыши города...

Во Владикавказе Серго ждала страшная весть: армия оставляет Прохладную; измученные части не выдержали натиска противника и сами начали отходить к астраханским степям. С ними ушел и штаб армии. Лишь небольшая часть войск во главе с Бутыриным отступает к Владикавказу.

Из Народного совета Серго по прямому проводу позвонил в штаб армии:

— Прохладная!.. Штаб... Прохладная!..

Не добившись связи с Прохладной, он выехал туда на маленьком паровозе, но неподалеку от города встретил отступающие отряды Бутырина.

3

Сумерки. Из окон вагона виден часовой. Закутавшись в шубу, он сжимает в руках винтовку. Мокрый ветер хлещет ему в лицо, вокзальные постройки утопают в серо-голубой мгле.

В вагоне идет совещание Совета обороны. На диванах и за столом сидят командиры и комиссары. Резкие морщины пролегли на лбу у Гикало — с сегодняшнего дня он командующий войсками Терской республики. Дьяков, его заместитель, тоже имеет измученный вид. Угрюмо светятся глаза у Шерипова и Цаголова, примостившихся на диване. Бутырин и Бетал уселись вдвоем в одно кресло и мрачно смотрят перед собой в одну точку. Народу в вагоне много — на совет пришли члены Кавказского крайкома партии, штабисты. В тусклом свете керосиновой лампы все кажется неузнаваемо исхудавшими, желтыми. Один Огурцов, тоже сидящий здесь (он теперь командует полком), выглядит хорошо и будто даже поправился.

Все слушают Серго. Он стоит у карты и говорит хрипло, с раздражением:

— Тут некоторые ругают армию не только за ее отход на Астрахань, а вообще за все... Это неверно, товарищи. Армия сделала свое дело. Следует помнить, что в самый критический период для Советской России, когда на нее наседали немцы, белочехи, Колчак, Краснов, Деникин и другие враги, самая сильная контрреволюционная армия,

наполовину состоящая из офицеров, была прикована Северо-Кавказской армией, и Деникин не смел идти на помощь своему брату Краснову. И если в конце концов лишенная артиллерийского, вещевого и санитарного снабжения Северо-Кавказская армия отступает, то все же своей борьбой она сослужила революции колоссальную службу. Это надо помнить. Вот почему я призываю вас идти на все жертвы, чтобы удержать Владикавказ и Грозный!..

По осунувшемуся лицу Серго видно, что он смертельно устал. Уже пошли третьи сутки, как недалеко от города, в селениях Христиановском, Долаково и Кантышево, начались бои, и с этого времени Серго не смыкал глаз. Но, преодолевая сон и усталость, он с напряженным вниманием вслушивается в донесения командиров о положении на участках фронта.

Неутешительные вести.

В двадцати одном километре от Владикавказа, на станции Беслан, час назад произошла перестрелка с авангардными частями Добровольческой армии. Нет патронов. Закупленные в аулах Ингушетии и Чечни патроны розданы бойцам по несколько штук на каждого. Ряды бойцов тают. А в тылу грабежи, пожары. Население окрестных станиц и аулов бежит в город. Теснота, скученность, голод, тиф. Все мало-мальски пригодные здания приспособлены под больницы. Но и они не могут вместить в себя больных красноармейцев и горожан. Большинство из них валяется в коридорах, на галереях с разбитыми стеклами, в которые задувает стужа. Каждый день на повозках увозят за город окоченевшие трупы...

Спасти город в таких условиях может только чудо. И все же он будет защищаться — так решено было на совещании в вагоне Серго. К моменту, когда оно уже заканчивалось, прискакал вестовой и сообщил, что на окраинных улицах, выходящих в сторону Осетии, появились деникинские дозоры.

— Ну, по коням, — сказал Серго, поднимаясь, и, отдавая карту Гикало, пожал ему руку. — Действуй. Ты теперь наш верховный главком. — Он поправил свалившиеся на лоб черные вихры и неожиданно для всех улыбнулся. Те, которые это заметили, притихли. — В истории Греции был же такой случай, когда небольшая горстка воинов задержала врага и тем спасла Афины, — сказал Серго. — И на скале, около которой они погибли, в их

честь высекли надпись: «Здесь погибли все триста, но не пропустили врага». — Он оглядел уставившихся на него людей и добавил: — Впрочем, погибать не обязательно. Важно только удержать врага!..

И тут заулыбались многие. Огурцов подал голос:

— Это кому какая будет fortuna.

— А, наш красный «генерал»?

— Я, я, товарищ Серго...

Огурцов, пробираясь поближе к Серго, запутался в полах своей длинной офицерской шинели и чуть не упал. Его подхватили.

— А я верю в свою fortuna, — сказал он, останавливаясь около Серго. — Вот верю, и все тут. А когда веришь, никакой чох не возьмет.

Серго согласился:

— Конечно... Конечно, надо верить. Мне тоже все время ворожит наш большевистский бог...

Послышался смех. Как-то незаметно разрядилось напряжение, царившее прежде в вагоне. Расслабли морщины у Гикало, светлее стал взгляд у Шерипова, Бетала, Цаголова. Негромко переговариваясь, командиры выходили из вагона. Серго вышел за ними на воздух.

С Курской слободки была по врагу артиллерия, и ее поддерживал своим огнем стоявший под городом бронепоезд Автономова.

Платформа и здание станции были забиты бойцами. В темноте шла переброска отрядов по намеченным участкам обороны. Около теплушки Серго услышал громкий говор и подошел ближе. Тут стояли у костра, разложенного между рельсами, бойцы рабочих дружин и красноармейцы, одетые как попало: на ком штатское пальтишко, подпоясанное ремнем, на ком ватник или рваная шинель.

В толпе стоял белобрысый парнишка в потертом пиджаке и рваных башмаках. Поеживаясь от холода, он притопывал ногами и балагурил:

— Эх, ребята, где бы тут застрелить медведя? Мне шубу треба, ей-богу!

— А на што тебе шуба? — смеялись бойцы. — Без шубы в случае чего — удирать легче... Но как ты, скажи, пожалуйста, свою одежду потерял? Продад, а?

— Продать? А у меня и нечего было продавать.

— И шинели не было?

— Не.

— Брешь, браток! Продам!..
— Вот истинный крест! Я, может, через это и с вами сроднился, что одежды не имею. Ей-богу. Я ж и не думал воевать!..

— И мы, браток, не думали. А приходится...
— Вот и мне пришлось. И все через шубу, будь она проклята!

— Стало быть, была у тебя шуба?
— Да не. Дело так было. На позапрошлой неделе иду я по улице да около скверика встречаю младшего урядника станицы нашей, Алексея Яковлевича. Поздоровались, стали говорить о Деникине. Вижу — осторожно он мне отвечает, будто и не огорчен, что народ на фронте страдает. «Холода, — говорю, — Алексей Яковлевич!» А он мне говорит: «Холода не отменишь приказом. По мне, так хоть бы сейчас мороз!..» Вот гад! «А знаете, — говорю, — Алексей Яковлевич, на фронте люди раздеты». — «Знаю». — «А знаете, — говорю, — одежда в Ессентуках припрятана. Коли пошукать хорошо, так найдется одежда!» — «Где?» — Я говорю: «Мы знаем где. Найдем да возьмем». Как он вскинется на меня! «У кого, — кричит, — одежда припрятана?» — «У кого ее много, — говорю, — мы знаем». Ну, братцы, — белобрысый соорудил изумленное лицо и хлопнул себя по сизой от холода щеке, — как он глянет на меня: «Так ты большевик, сукин сын, а?» А я ему: «Может, и большевик» — и стражаю: «К пятнадцатому мы подготовили страшный взрыв: пудов до двадцати напихали в яму динамиту, и кто теплой одежды не сдаст по сей день, взлетит к чертовой матери на воздух...»

Рассказ белобрысого паренька развеселил бойцов. Они от души посмеялись над его выдумкой о взрыве.

— «Совершенно, — кричит, — ты большевик!..» — продолжал белобрысый. — И тут он набрасывается на меня, расстегает шубу и грозит: «Я тебя застрелю!» Я не оробел, тоже расстегнул пиджак, — тут белобрысый, забыв о холоде распахнул свой пиджачишко, обнажив ситцевую заплатанную рубаху, — вот так. Под пиджаком у меня был кинжал, а у него ничего, и я от него ушел...

— Товарищи! Товарищи! — предупреждающе крикнул кто-то сзади, заметив Серго.

Красноармейцы притихли, подтянулись. Белобрысый отступил назад и взял под козырек, выпитив открытую грудь. Серго с недоумением посмотрел на него:

— Ты почему без шинели? Куда направляешься?

— Вместе с ротой, товарищ комиссар, на фронт!
— На фронт?
— На Деникина, товарищ комиссар.
— Почему же ты без шинели?
— Не смог достать, товарищ комиссар.
— Ты никуда не поедешь! — строго сказал Серго, оглядывая тщедушную фигуру белобрысого. — Остаешься при штабе.

У белобрысого вытянулось лицо. Он переступил с ноги на ногу и дрогнувшим голосом проговорил:

— Нет, я поеду...
— А я говорю, нельзя тебе ехать!
— Нет уж, товарищ комиссар, дозвоьте поехать. Не останусь я без своей роты!

Наступило молчание. Серго с минуту думал, не спуская пристального взгляда с белобрысого. Вдруг снял с себя шинель и накинул ему на плечи.

— Това... товарищ комиссар! Ни за что не возьму!
— Бери, бери! У меня есть еще бурка...

Вернувшись в вагон, Серго долго стоял у окна, смотрел на редкие огни станции и с горькой усмешкой думал:

«Нет, этак, голыми, еще, кажется, не воевал никто... даже древние греки...»

В вагоне, где теперь никого не было, кроме Захара, занятого уборкой, стоял адский холод. Серго продрог, стал искать свою бурку. В час ночи в городе должны были собраться коммунисты, и Серго предстояло там выступить.

— Где Зина? — спросил он у Захара.
— В госпитале... Протопить, а?

Серго не разрешал топить в вагоне — в городе не хватало топлива. Дрова и уголь выдавались только по ордерам для больниц и госпиталей. Видя, как Серго даже в бурке ежится от холода, Захар снова робко попросил:

— Дозвольте протопить... Уголька насыплю чуть-чуть.
— Где взял уголь?
— На привокзальном складе... Там есть...
— Воруешь? Немедленно отдай!..

Захар обиделся и, когда Серго уехал в город, даже не спросил, придет ли он ночевать. Но ждал его долго, до глубокой ночи. Серго так и не приехал в эту ночь на станцию, ночевал в городе. Наутро, выйдя из вагона, Захар увидел идущих со стороны Прохладной по железнодорожному полотну бойцов. Их заиндевшие фигуры казались издали привидениями.

«Э, хватит и мне тут сидеть!» — решил Захар.

Он быстро собрался, запер вагон и, сказав себе «амба», двинулся в город, в штаб, проситься на фронт.

4

Овладев Пятигорском, деникинское командование повело наступление на Владикавказ двумя колоннами. Правым крылом через Осетию двигались отборные части генерала Шкуро. Левое крыло противника устремилось к Ингушетии, намереваясь ударить по городу с тыла. Но на пути эта колонна наткнулась на сопротивление ингушей аула Долаково, которые встретили белых ружейным и пулеметным огнем.

Правое крыло белых тоже наткнулось на отчаянное сопротивление осетин под Христиановским. Все селение, от мала до велика, поднялось на врага, и вместе с горцами сражались против белых казак Легейда и его товарищи.

Терская армия, включая отряды рабочих, горцев и остатки XI армии, насчитывала к тому времени всего около двух тысяч пштыков и сабель. Это было все, что оставалось в распоряжении Совета обороны Терека.

Две тысячи... А враг вдесятеро сильнее!

Длинной изломанной лентой протянулся фронт красных под Владикавказом. Подступы к городу со стороны Осетии защищали части грозненского полка и рабочие батальоны.

Главные силы белых были сосредоточены на линии железной дороги. Наиболее угрожающее положение создавалось на участке селений Долаково и Кантышево, где белые собрали мощный кулак из отборных казачьих частей под командованием генералов Геймана, Улагая и Покровского. Белые стремились захватить эти два селения, чтобы ударить в тыл защитникам Владикавказа, но все их попытки опрокинуть фронт на этом участке заканчивались неудачей. Горцы и красноармейцы дрались с отчаянным упорством, но патронов с каждым днем становилось все меньше и меньше.

Этот трудный участок Серго взял на себя и разъезжал дни и ночи по фронту. Сюда переехал и штаб обороны Владикавказа. Вместе с Гикало Серго руководил боями.

По совету Гикало, на этот фланг были брошены курсанты командирской школы и сводный отряд, составленный из рабочих самооборонческих дружин. Перемешав-

шись в окопах с горцами, бойцы этих частей показывали в бою удивительную самоотверженность. Отважно сражались и горцы. На глазах у Серго, находившегося в этот день на передовой, горцы из отряда Керим-Султана пошли в кинжальную атаку против белых.

Это была страшная атака. Немногие уцелели после боя. Керим потерял половину своих родственников.

После боя он явился в штаб к Серго и стал кричать:

— Это моя собственная война, что такое? Я не один веду войну! Почему я должен нести такие потери? Даже патронов нет, и Керим потратил на них все свои деньги!

В штабе, кроме Серго, сидели Шакро и Гикало. Шакро привез обоз с женщинами и детьми из города и теперь рассказывал о том, что там сейчас творится. Керим появился в штабе как раз в тот момент, когда Шакро, закончив свое сообщение, стал доказывать, что надо смотреть правде в глаза: если белым удастся взять город, они отрежут все пути к отступлению. Останется только один путь — в горы Ингушетии. Конечно, можно уйти еще и на юг, в Грузию, но этот путь длинен — около двухсот километров по скалистым ущельям. Но страшнее всего штыки меньшевистских заградительных отрядов у Казбека. Поэтому надо заранее установить, кто куда будет отступать. Он, Шакро, готов предложить свой план.

Серго попросил Шакро повременить с его планом — не к спеху.

— Очень к спеху, — настаивал Шакро. — Деникин сильнее нас.

— Это верно... Но мы еще не разбиты.

— Во что же вы верите?

— В то, что наше дело правое.

Шакро развел руками — кто против этого спорит! Но Серго уже занялся Керимом, и Шакро пришлось ступать.

Керим, выкричавшись, сидел теперь смиренно и горестно вздыхал. Он слышал разговор начальников, но от горя и боли за погибших родственников перестал что-либо сообщать. Все же до него дошло постепенно, что разговор идет об эвакуации города на случай, если... На какой случай? Если придут белые?.. Но они не должны прийти. Это невозможно! Погибнут все. Вот у него есть доказательство. Керим полез в карман черкески и вытащил небольшой смятый листок. Брезгливо раскрыл его.

— Сволочь Шкуро... Бандит!..

— Что это? — заинтересовался Серго. — Покажи.

Серго подошел с листком к окну. Это было воззвание Шкуро, которое белые распространяли в станицах.

«Терские казаки и осетины! — говорилось в листовке. — Ингушский народ пошел с большевиками против нас. Поэтому мы объявили им беспощадную войну и уничтожим все их аулы. Настало время отомстить ингушам, сторицей расплатиться за все их злодеяния. Подымитесь же все, как один человек, против злодеев-ингушей, присоединитесь к нам и исполните ваш долг перед предками и потомками. Уничтожьте дружным ударом этот разбойный народ, всегда бывший темным пятном Кавказа. Раз навсегда покончим с ними, чтобы в спокойной, мирной обстановке приступить к строительству новой, великой, единой неделимой России.

Генерал-майор Шкуро».

— Где ты это достал? — спросил Серго у Керим-Султана.

— У пленного казака.

У Серго затряслись руки от гнева.

— Ах, какая мразь, какая мразь! — воскликнул он, бледнея от мгновенного приступа ярости. — Подумать только — какой-то мерзкий подонок позволяет себе грозить уничтожением целому народу! Ах, черносотенная морда!..

Гикало тоже вывела из себя провокационная листовка.

— Типичная для монархиста логика, — проворчал он. — Уничтожать неугодные народы. Какое человеконенавистничество!..

Гикало хотел было порвать листовку, но Серго успел выхватить ее из его рук.

— Стой!

Он подошел к Кериму и тихо сказал:

— Вот что, друг. Возьми-ка это подлое воззвание и поезжай в аулы. Сзови людей и прочти им это...

— Нет! — отшатнулся Керим в ужасе.

— Ты поедешь в аулы.

— Не поеду! Как я буду им это читать?

— Не спорь, Керим, время дорого, — настаивал Серго. — Надо иметь голову на плечах и соображать... Прочти это воззвание народу — пусть все знают, что несет нам враг!..

— Это правильный ход, — одобрил Шакро. — Езжай, Керим.

Керим постоял, подумал, потом схватил из рук Серго листовку и бросился к двери. Вскоре донесся топот лошадиных копыт. Серго подошел к окну. Керим-Султан галопом скакал вдоль улицы, нещадно погоняя коня.

Пробило одиннадцать, а казалось — на улице сумерки.

5

Не успел удалиться Керим, как из города позвонил Бутырин. Он сообщил, что сегодня около десяти утра в центре города была сильная паника. По проспекту бежали люди, мчались подводы, верховые, машины. Все перемешалось. Поток беглецов устремился к мосту на Молоканскую слободку. Командующий обороной города Агниева приказал Огурцову закрыть пулеметами мост и никого не пускать дальше моста и Молоканской слободки. Огурцов понесся к мосту. Оказалось, панику подняли гражданские учреждения города, начавшие самовольную эвакуацию.

Так как почти все учреждения все равно уже очутились на Молоканской слободке, было решено их оставить здесь и сюда же к полудню подтянуть все хвосты этих учреждений, все ценное имущество, деньги и продовольствие.

Среди войск и населения есть настроение — в случае сдачи города уходить в сторону Грузии. Ингушей боятся, несмотря на все их симпатии к советской власти. Затем Бутырин сообщил, что генерал Гейман прислал требование о сдаче города.

— Вот как? — усмехнулся Серго. — Но мы уже раз с тобой подобный ультиматум слышали.

— Да, но в этот раз...

Голос Бутырина вдруг пропал. Гикало вызвал командира связистов и приказал ему сейчас же организовать проверку линии. Шакро высказал догадку, не перерезана ли базоркинская дорога. Тогда все кончено — город в мышеловке.

— С ума сошел! — сердито проворчал Серго. — Ты даже не говори таких вещей, не буду слушать.

К вечеру связь с городом возобновилась. Действительно, враг уже было перерезал базоркинскую дорогу, но был отброшен. Снова звонил Бутырин — город держится, но белые напирают все сильнее. Бои идут уже в черте самого Владикавказа.

— Не можешь ли приехать, Серго? — спрашивал Бу-

тырин.— Тут некоторые товарищи настаивают на отходе в Грузию...

— Ни в коем случае! — крикнул Серго.— Не давай этим чертовым товарищам воли, слышишь, Яков!

— Слышу, слышу, но...

Тут связь опять прервалась. Серго не стал ждать, пока связисты наладят ее, и выехал в город.

Этой ночью отряды Шкуро вплотную подошли к городским садам.

Было трудно понять, где фронт. Разорванные, разобщенные между собою отряды красноармейцев, горцев и казаков дрались всюду, где наседали части противника. Бой шел у кладбища, за Курской слободкой, в окопах за Шалдоном, у Молоканской слободки, на берегу Терека.

Рассвет был серый, мутный. Потеплело. Дома, сады, поля заволокло туманом. Ветер дышал пронизывающей сыростью, и от этого стужа становилась еще острее.

Трижды выступал в этот день Серго: в Народном совете, перед партийным активом города и перед бойцами полка Огурцова. И всюду он твердил одно: нельзя оставить горцев в беде, они сочтут это предательством.

— Надо понимать, — говорил Серго, — что речь идет о чести нашей партии и нашей власти!..

Слушая эти слова, люди хмурились. Честь партии и новой власти. Да, конечно... Но и о своей голове надо подумать. Белые никому не дадут пощады. Они расстреливают, вешают — нельзя этого тоже забывать.

В полдень Серго возвращался в штаб обороны.

Город имел вид лагеря. Везде костры и палатки, раскинутые посреди улиц, обозы, орудия, санитарные повозки. Встречались самые разнообразные воинские части, полураздетые, голодные беженцы. Куда-то везли на грузовике сваленные в кучу трупы тифозных...

Вечером в штаб прибыл Бутырин. Он ездил на правый фланг фронта — в Осетию. Серго сидел за столом у карты и пил чай из оловянной кружки. Сняв папаху, Бутырин бросил ее на стол, но тут Серго воскликнул:

— Ты что делаешь?

Усталый, измученный, Бутырин и сам не соображал, что делает. Серго снял со стола папаху и повесил ее на спинку кресла. Бутырин с огорчением посмотрел на то место, где лежала его папаха. По большой военной карте,

разостланной на столе, растекались струйки оттаявшего снега. Растерянно бормоча извинения, Бутырин хотел было вытереть карту носовым платком, но Серго опять остановил его:

— Не трогай лучше... Что нового в Осетии?

— Христиановское горит...

Серго горестно покачал головой. Ясно вспомнилась поездка летом этого года, разговоры с Цаголовым и его приятелями, рассказ Георгия о девушке, подгоняющей корову веткой сирени...

Кто-то резко постучал в дверь, и на пороге появился Ахмет Цаликов.

— Так что ж, господа? — начал он повышенным тоном прямо с порога. — Втянули нас, втавили в войну с казачеством, а теперь в кусты?

— Что за разговоры? — отозвался Бутырин, косясь на Серго, как бы тот не взорвался. — Как можно говорить нам такое? Нам, сделавшим все, чтобы защитить Терек от врага!..

— Христиановское истекает кровью! — истерически крикнул Ахмет. — Вы это знаете?

Серго поднялся, шагнул навстречу Ахмету. Бутырин поспешил встать между ними.

— Вы сказали — Христиановское истекает кровью, — бледнея, проговорил Серго. — Почему же вас там нет?..

Цаликов чуть не задохнулся от ярости:

— Я слишком стар, чтобы стрелять!..

Он вдруг повалился на стул и зарыдал.

Плачущих людей Бутырин не переносил. Он оставил Серго объясняться с Цаликовым и спустился во двор здания, где помещался штаб. Во дворе Якова Петровича встретила толпа мобилизованных горожан. Они топтались на холоде и ждали обещанной кем-то обуви. Через час им предстояло отправиться в окопы. Многие были в изодранных ватниках, в стоптанных сапогах и валенках.

— Что же это такое? — пабросились они на Бутырина. — Как же в бой идти в таком виде?

— Спокойно, товарищи, — сказал им Бутырин. — Если только что-нибудь есть на складе, вам выдадут. Сейчас я распоряжусь...

В штабе царил суматоха. Начальник гарнизона диктовал машинистке приказ об отобрании у раненых оружия. К штабу подходили все новые и новые группы людей — требовали оружия, лопат, обмундирования.

— Яков Петрович! — окликнул Бутырина молодой женский голос, когда военком поднимался вверх по лестнице.

Навстречу ему шла Резакова, одетая в летнее пальто и бархатную шляпку. Возле двери стояло несколько женщин. Показывая на них, Тамара сказала:

— Вот они... и я... мы решили тоже поехать на фронт...

— Хорошо, — произнес Бутырин. — Сейчас напишу записку, чтобы вас зачислили.

Резакова была другом жены Бутырина, часто бывала в их доме. И она ожидала, что Бутырин спросит о своей семье, о детях, которых он не видел давно. Но Бутырин, торопливо написав записку, молча отдал ее Тамаре.

— Ну вот, — улыбнулась она, пряча волнение. — Как это быстро делается. И мы уже военные?..

В коридоре, рядом с лестницей, послышался голос Серго. Он провожал Цаликова, поддерживая его под руку.

Бутырин сделал нетерпеливое движение, и Тамара поняла, что пора уходить. Она подала руку военкому:

— До свидания! — и кивнула своим подругам. — Пошли.

Бутырин присел на ступеньку лестницы. Не хотелось двигаться, думать. Внизу показался Серго. Он проводил Цаликова и теперь возвращался обратно. Поравнявшись с Яковым Петровичем, он присел рядом:

— Что, Яков, тоже приуныл?

— Нет... Устал я, это верно...:

— Как тебе Цаликов понравился сегодня?

— Жалок и смешон.

— Да... Вот что значит воспринимать революцию как беду. А он ее воспринимает именно так...

С минуту они сидели молча. С верхнего этажа на них с удивлением смотрели служащие штаба.

— Пойдем, Яков, — подал ему руку Серго. — Чего только мы с тобой не пережили. Переживем и это. Вставай!

— Иди, я сейчас приду...

Он спустился во двор к мобилизованным горожанам, дал им записку к начальнику склада и вернулся в штаб. Поднимаясь вверх по лестнице, он обдумывал, как бы помягче и поосторожнее напомнить Серго о том, что надо принять меры к эвакуации жен и детей комиссаров. Если случится катастрофа и враг прорвется с город, на них он

прежде всего обрушит жестокие кары. Но, подходя к двери кабинета, Бутырин подумал, что разговор об этом Серго может истолковать как малодушие, и решил ничего ему не говорить.

Но Серго будто чудом уловил мысли Якова Петровича. И когда Бутырин вошел в кабинет, то услышал, как Серго говорил по телефону Шакро, чтобы тот занялся срочной эвакуацией женщин и детей из города.

6

С утра Тамара стала готовиться к поездке на фронт. Вчера по записке Бутырина ей выдали красноармейское обмундирование: теплую мужскую одежду, серую шапку с наушниками и шинель, которая показалась страшно тяжелой. От нее ныли плечи.

Надев санитарную сумку, Тамара взяла свои узелки и вышла на улицу. На первом же перекрестке она увидела расклеенные листовки, извещавшие население, что город объявляется на осадном положении. Листовки призывали население не поддаваться провокационным слухам и хранить спокойствие. Тамара заметила, что одна листовка наклеена на старый плакат, уже пожелтевший от времени. Дожди и ветры смыли с него краску, и остались только едва разборчивые слова: «Всякая собственность... землю... отменяется... чересполосицы... переселяются станицы...»

Конец плаката был надорван. Резакова с горечью подумала: «Вот здесь была подпись Буачидзе...»

Перебирая в памяти все, что произошло за последние месяцы, Тамара поражалась лихорадочной смене событий, нахлынувших на Терек, и не находила дня, который прошел бы спокойно, без какого-нибудь случая. Поистине буйный Терек!

— Сюда! Сюда!

Тамара вздрогнула, очнувшись от своих мыслей. Она увидела неподалеку от себя человека в одном нижнем белье, который кричал из дверей магазина:

— Сестрица, идите к нам, помогите!..

В магазине, занятом под лазарет, лежали тифозные. Удушливый смрад несся от коек, тесно прижатых друг к другу. Между ними не было прохода. На стойке тоже лежали больные.

Появление Тамары вызвало среди больных какое-то первое оживление: все зашевелились, заговорили, заго-

лосили. Все, что у Тамары было в сумке, она оставила в магазине и, когда вышла на воздух, почувствовала, что у нее кружится голова. Таких ужасов она еще в жизни не видела.

«А как же на фронте? — подумала она и горько усмехнулась. — Ведь там еще страшнее! Я должна взять себя в руки... Я должна ко всему этому привыкнуть, иначе я буду тряпкой, а не бойцом!..»

Долго искала Тамара свой эшелон на станции. Все пути были забиты поездами. Тамара расспрашивала встречаемых, но в общей суматохе трудно было добиться толку. Наконец удалось узнать, что эшелон грузится на шестом пути. Началось путешествие через площадки вагонов; кое-где приходилось пробираться и под вагонами. Вскоре Тамара увидела свой эшелон. Какой-то парень, весь в соломе, объяснил ей, что эшелон еще не готов к отправлению и уйдет не ранее вечера.

— Можете еще погулять! — сказал он, сгребая лопатой остатки валявшегося на дебаркадере сена.

Начальника эшелона Тамара не нашла и решила вернуться в город.

Был второй час дня, когда она подошла к воротам штаба. Ее пропустили, не спросив пропуска. Это ее взволновало; она почувствовала, что в штабе что-то случилось. Тамара быстро взбежала по лестнице на второй этаж и поняла все... Комнаты были пусты; на полу валялись в спешке разбросанные консервные банки, клочки каких-то бумаг; размотанная фиолетовая лента от пишущей машинки лежала в углу коридора.

Тамара выбежала на улицу. Там ее остановил сторож.

— Чего ходишь? — сердито проговорил он, высовывая голову из овчинной шубы. — Шляется по пустым квартирам! Нету там ничего!..

— А я ищу... — начала Резакова.

Но сторож перебил:

— Ну, чего, чего ищешь? Вчерашнего дня?

Туман застилал ей глаза. Она не заметила, как очутилась возле дома Бутырина. У подъезда стоял автомобиль. На сиденье лежали узлы с вещами. В дверях Тамара столкнулась с Полиной. За ней показался и сам Бутырин.

Он заговорил спокойно:

— Тамара, положение наше сейчас критическое. Вы, кажется, готовились уехать сегодня с эшелоном на фронт?

Никакого эшелона мы посылать не будем, уже не имеет смысла. Города мы еще не эвакуируем, но семьям комиссаров грозит опасность со стороны темных элементов, которых тут немало и которые уже поднимают голову. И поэтому Серго отдал приказ вывезти женщин и детей из города...

Бутырин говорил сдержанным, спокойным тоном, но, видно, это стоило ему больших усилий. Слушая его, Тамара склонила голову, чтобы не смотреть ему в глаза.

— Я ухожу сейчас и оставляю эту машину. В ней вы вместе с Полей и детьми поедете в Назрань. — Бутырин помолчал с минуту и добавил: — Приближаются тяжелые для нас дни, и, если дети мои будут здесь, меня это свяжет. Вы поняли, Тамара?

Та молча кивнула головой...

Были сумерки, когда нагруженные людьми и уздами машины проезжали мимо Базоркина. На улицах аула стояли патрули. Машину часто останавливали, спрашивали пропуск.

В темноте пылали костры. Багровый отсвет лежал на плоских крышах саклей, на снегу.

В Назрань машина пришла поздно ночью. Здесь было тихо. Орудийный гул не доносился сюда, а на улицах не было видно ни патрулей, ни костров. Псы залаяли во дворах. Из небольшой сакли на стук шофера вышел хозяин — седобородый горец. Узнав, кто такие приезжие, он с приветливой улыбкой повел их в свою саклю.

7

Свирепый ветер чуть не валил с ног. С трудом добрался Керим-Султан до небольшого аула Кантышево — пришлось преодолеть глубокие снега. Аул лежал всего в полутора километрах от фронта. Это был пятый или шестой аул, где Кериму предстояло огласить мерзкую листовку Шкуро. Во всех аулах, где горец уже выступал, она оказывала удивительное действие: люди от мала до велика брались за оружие и шли воевать против белых.

Был уже конец дня. На пологом холме при въезде в аул чернели только что отрытые окопы. Но в них находились только одни караульные.

Где же люди?

Керим пустился в аул и уже издали заметил на площади большую толпу.

— Керим! — с криком бросились ему навстречу горцы. — Город уже пал. Что делать? Белые требуют, чтобы и мы сдались.

Владикавказ пал? Не может этого быть! Кто принес такую весть? Керима трясло от негодования. Он увидел в центре толпы всадника. Это оказался белый офицер, приехавший в аул для переговоров с горцами. На плечах парламентаря желтели погоны, а на груди была приколотая трехцветная ленточка. В руке он держал сплетенную из ремней нагайку и белый флажок.

— Мы должны быть друзьями и вместе отрезать дорогу красным чертям, — убеждал офицер горцев. — Мы должны поймать Орджоникидзе и весь его штаб. Генерал Гейман требует пропустить наши части через ваш аул.

— Этого не будет! — крикнул кто-то из толпы.

— Почему не будет?

— Не будет. Мы не пропустим.

— Пропустите, — говорил офицер. — Мы сегодня должны пройти через ваше селение.

Керим-Султан спешил, подошел к офицеру. Губы его были плотно сжаты, черная шея вздулась и стала еще чернее. Офицер продолжал препираться с каким-то стариком.

— Нельзя допустить, чтобы через наше селение прошли белые, — говорил старик. — Мы бы не были против, но красные были у нас, они наш чурек кушали, как наши гости, понимаешь? Шарият запрещает нам обижать гостей. Разве у вас другой дороги нет? Идите другой дорогой.

— Мы должны идти через Кантышево. Здесь ближе.

— Сегодня не пройдете.

— Зачем кровь проливать? — настаивал офицер. — Мы все равно пройдем. Если не хотите по-хорошему, ваше селение будет уничтожено. Ждем вечером вашего ответа.

В толпе поднялся тревожный говор, и Керим понял, что ему надо действовать осторожно.

— Вам здесь нечего делать пока, — сказал он, офицеру. — Вы поезжайте, а мы тут обсудим ваше предложение. Как народ скажет, так и будет!..

Офицер пожал плечами, взмахнул плеткой и поехал по заваленной снегом узенькой улице аула. Когда он скрылся за поворотом дороги, Керима окружили старики:

— Что делать, Керим? Ты молодой, но можешь хороший совет дать: Может быть, лучше не воевать и повесить белый флаг?

— Кто из вас читает по-русски, — спросил Керим, — пусть выйдет вперед.

Он вынул из кармана листовку Шкуро и подал ее вышедшему из толпы молодому горцу в темных очках — единственному грамотею в ауле.

— Читай, чтобы все слышали! — сказал ему Керим.

Толпа притихла. Листовка, которая призывала громить горцев, произвела ошеломляющее впечатление. А Керим, зорко приглядываясь к выражению лиц стариков, мнение которых было решающим при обсуждении мирных и военных дел, радовался в душе. Серго был прав. Вот голова! Горцы яростно гудели вокруг Керима, проклинали белых. Подлецы, хотели обманом взять аул, а потом расправиться со всем его населением! Не будет этого, здесь им не пройти!

— Братья! — крикнул Керим. — Слушайте меня. Я не обману вас, ибо, хотя я житель другого аула, мне дорог и ваш аул. Один путь у нас всех — идти до конца с Серго. А с белыми нам не по пути. Я надеюсь на вас, братья. Помните, что за нами стоит вся страна. Большой народ большой земли... — Керим вытер запекшиеся губы и добавил: — Так сказал Серго! Я говорю от его имени.

Из толпы вырвался пожилой горец с черной густой бородой. Он обнял Керима и сказал:

— Ты научился говорить огненные речи, сын мой. Мы рады твоим успехам. Но Серго в такой трудный момент оставил нас. Почему он уехал в город?

— Иналхо прав! — закричали из толпы. — Шкуро грозит нам уничтожением потому, что мы пошли за Серго. Так пусть он будет с нами в этот трудный час!..

Керим старался объяснить толпе, что Серго не может оставаться все время в Ингушетии, его помощь и совет нужны всюду, где настигает враг. Но горцы твердили:

— Привези Серго. Пусть он нас не оставляет.

Керим вскочил на коня:

— Хорошо... Я передам ему ваши слова!..

Напрасно дал Керим такое обещание. Он не смог пробраться в город ни в этот день, ни на следующий. После одиннадцатидневной отчаянной защиты город пал...

8

Да, Владикавказ пал.

Это произошло в лютый февральский вечер. Поредевшие ряды защитников города уже не в силах были отра-

жать атаки противника. В пять часов вечера начались взрывы: чуть не плача, взрывали бойцы свой последний бронепоезд, радиостанцию, здание штаба и бывший атаманский дворец, где были склады пороха.

Серго был еще в городе, когда части начали отход по Военно-Грузинской дороге. Другого пути не было, кроме как в Грузию. Серго тоже отступил бы туда с остатками войск, но это значило бы оставить Терек, а Серго по многим соображениям считал, что на некоторое время он еще должен здесь оставаться. И в то время, когда город уже был почти без защиты, Серго и Бутырин промчались в машине по главной улице к горкому партии. Тут они застали Ильина и Маркуса, занятых разборкой бумаг. Нужное прятали в мешки, остальное жгли в печке. Замерзшие, с белым инеем на усах, Серго и Бутырин принялись греться у печки.

— Ну, вот и все,— сказал Маркус, вставая с колен и выпрямляя спину.— Подумать только, сколько бумаг успели наплодить за один год советской власти!..

Все утрумо усмехнулись.

— Бумаги — это неистребимая вещь,— заметил Ильин.— Ну что же, товарищи, следующий номер «Народной власти» вы прочтете уже в Тифлисе.

— Ой, нет! — покачал головой Бутырин.— Мы с Серго остаемся здесь.

— Где — здесь? — вытаращил глаза Ильин.

— Здесь — это значит на Тереке...

Серго отошел от печки, осмотрел комнату, в которой все было перевернуто вверх дном, и низко опустил голову. Так он простоял минуты две не двигаясь.

Тихо было в комнате, странная тишина стояла за окнами — на засыпанной снегом пустынной улице.

— Так вот, друзья,— произнес Серго, рывком поднимая голову,— вам надо уходить,— обратился он к Ильину и Маркусу.— Вы ступайте в Грузию с остатками наших войск и сделайте все, что можно, для облегчения их участи. Спешите, друзья. До свидания. Надеюсь, увидимся!..

Через несколько минут все четверо вышли на улицу. Опускался туман. Ни одного прохожего не видно было нигде. Ставни на окнах были наглухо заперты.

Серго и Бутырин сели в машину и помахали шапками двум путникам, уходившим с рюкзаками за спиной в сторону Военно-Грузинской дороги. Ильин и Маркус шли не

спеша, часто оглядываясь на черный автомобиль, с которого им всё махали и махали шапками два родных человека. И ощущение было такое, будто они, Ильин и Маркус, уходят от опасности, спасаются, а вот те, кто на машине, наоборот, понеслись навстречу смерти...

— Не отставать! — крикивал Огурцов на усталых, измученных бойцов. — При Суворове наши Альпы брали, так неужели спасуем перед этими!.. — И он показывал на приближающиеся склоны хребта.

Бойцы ускоряли шаг. Сесть бы на что-нибудь, да повозок мало, а те, что двигались с войсками, были до отказа заполнены ранеными, больными, женщинами, детьми.

Ильин и Маркус шагали в толпе. Огурцов раза два прикрикнул и на них, чтобы не оглядывались, не глазели по сторонам.

— Прибавить шаг!

На одной из машин уехал вперед член Кавказского крайкома партии Кавтарадзе, с которым Серго долго беседовал сегодня утром в Народном совете. Ильин и Маркус знали, что Кавтарадзе поручена сложная миссия: договориться по телефону с грузинским правительством о пропуске отступающих красных войск через перевал.

Можно было ожидать всякой подлости со стороны этого правительства. Как поступят они с отступающими?

Ночью арьергардный отряд Огурцова, к которому прикнули Ильин и Маркус, остановился на отдых в Балте. Спали на голой земле при жгучем морозе и ветре, от которого не спасали ни шинелька, ни трескучее пламя костра. Ильин, обычно всегда живой, разговорчивый, был молчалив, его глаза болезненно запали. Есть у приятелей было нечего, и Маркус приписывал такое состояние Ильина его волчьему аппетиту.

— У февраля поповское брюхо, — пытался острить Ильин. — Ненасытное...

Маркус пытливо смотрел ему в глаза.

Утром Ильин пожаловался на сильную головную боль. С замирающим от смертного страха сердцем Маркус потрогал потный лоб товарища, присмотрелся к странным беловатым пятнышкам на его шее.

«Не тиф ли?.. Какое несчастье!..»

Но вслух он ничего не сказал. И чтобы успокоить Ильина, чтобы показать ему, что о тифе не может быть и речи, выпил с ним кишатку из одной кружки.

Прошел томительный день, и только к вечеру от Кав-

тарадзе пришло сообщение: грузинское правительство согласно пропустить через свою границу отступающих, но при условии, если они сдадут оружие. Причем, чтобы не обострять отношения с деникинцами, грузинский премьер Ной Жордания потребовал разыграть такую церемонию перехода через границу. Застава отступающих должна была ночью открыть стрельбу по Дарьяльскому мосту, инсценируя нападение на пограничные грузинские войска, а комендант Казбека полковник Церетели в ответ на мнимую «атаку» красных переходит в «контратаку» и берет в плен всех отступающих из Владикавказа.

Так это и было разыграно.

Ночью горы огласились стрельбой — обе стороны палили в воздух минут десять, затем рота меньшевистских солдат прошла через мост и взяла в плен тысячный отряд вооруженных бойцов.

9

Всю ночь со станции Назрань шла отправка войск. Эшелон за эшелонем уходили на Грозный. Бетал и Дьяков носились по станции, помогая наводить порядок.

А из города все подходили и подходили отступающие отряды. В холодной мгле строго поблескивали штыки.

К утру станция опустела. Но затолюдно стало в прилегающем к станции поселке. Там, на холме, у старой крепости собирались по тревожному зову горцы. Со всех аулов примчались сюда всадники. Здесь можно было видеть старейших и самых уважаемых людей. В толпе виднелось немало длинных, седых и совершенно белых бород.

Предстояло решить, как быть дальше: вступать в переговоры с врагом или продолжать сопротивление. Большинство красных войск ушло по Военно-Грузинской дороге, теперь горцы оказались лицом к лицу с врагом, который не простит им того, что они так охотно поддерживали советскую власть.

В десятом часу утра в Назрань прискакали Керим и Серго. У крепостной стены они спешились. Керим, привязав коня, присел на землю отдыхать. Он жадно глотал холодный сырой воздух... Керим совершил в эту ночь самый большой подвиг в своей жизни — он прошел в буквальном смысле через огонь и воду, выдержал десять стычек с врагами, несколько раз видел перед глазами смерть, но нашел Серго,

Весть о приезде Серго в Назрань быстро облетела собравшихся у крепости горцев. Старики вышли ему навстречу, молодежь стала палить из винтовок в воздух.

— Вурро! — кричали они. — Серго с нами!..

На вершине холма, у старой липы, Серго слез с коня и поднял руку. Толпа притихла. Ожидали длинной речи, но Серго сказал лишь несколько слов. Он признал, что город сдан, что Деникин завладел Тереком и почти всем Югом России.

— Но больше чем когда-либо я верю в силы революции, — закончил Серго. — И я призываю вас стойко отстаивать свою свободу. Помните: недалеко время, когда вам на помощь придет великая армия революционной России.

Из круга поднялся старый горец, и Серго с удивлением увидел на его шее знакомый черный шнурок от часов. Горец еле передвигался, и ему помогли подойти ближе к Серго.

— Узнаешь меня, Эрджикинез? Я Саид.

— Узнаю, — ответил Серго, почтительно склоняя голову перед старцем.

— Я слышал твою речь, сын мой, — торжественным голосом сказал Саид. — Да, я знаю, положение наше очень серьезное. На нас наступают сильный враг, он хочет снова отнять у нас землю и свободу, но слушай, что я скажу. Говорю сегодня от народа я, говорю потому, что все знают, как знаешь и ты, — раньше я был недоволен вашей властью, не верил ей. Тем дороже, вернее мое слово сегодня, когда надвигается на нас плохое время...

Глубокая тишина стояла над толпой. Все сгрудились тесно вокруг липы, ветер раскачивал ее голые ветви.

Саид продолжал:

— Много прошло перед нами разных людей, все они говорили, что желают нам добра. Но правды в их словах и делах не было. Пришла советская власть, пришел ты, Эрджикинез, пришел от Ленина со своей правдой. Правда твоя — как строгая мать, ты ничего не сулишь, ничем не балуешь. Ты говоришь: «Берите с боем, берите в борьбе». Не всякому эта правда может быть матерью. Она сурова, правда твоя, но только она несет народу обновление. Ты орел с могучими крыльями. Сейчас они связаны, но придет время, ты расправишь их. Мы пойдем за тобой, Эрджикинез. И когда ты расправишь свои крылья, не забудь

маленький ингушский народ, полюбивший тебя, нашедший в тебе вождя и отца!..

В этот момент к толпе подскочил всадник на взмыленной лошади и сообщил, что недалеко показалась деникинская конница. Вся площадь задвигалась, загудела. Сверкнули над головами горцев обнаженные клинки. Серго пытался было снова обратиться с речью к горцам, но слова его потонули в яростном многоголосом шуме. Тогда он отвязал от дерева своего коня, вскочил в седло и, указывая на развалины крепости, крикнул:

— Горцы! Эта крепость носит имя Шамиля. Отсюда он грозил царю, борясь за свободу. Так будьте же достойны своего предка! За мной, горцы! За свободу и землю!

Толпа ринулась за Серго с криками «Вурро!..»

Шерипов в это время подъезжал к Назрани. У него были важные вести для Серго. Узнав, что на окраине селения появились белые и что Серго сам повел горцев в атаку, Асланбек понесся галопом в ту сторону, где гремели выстрелы. На краю селения он столкнулся с Беталом, который, стоя у плетня над обрывом, смотрел в бинокль на расстилавшееся за обрывом поле. Никогда еще Шерипов не видел Бетала таким взволнованным. Он не отрывал глаз от кургана — там по низкому склону мчалась конница. Отчетливо видны были сверкающие на солнце клинки. Вместе с другими всадниками скакал и Серго. В черной бурке, с маузером в руке, он несся вперед как вихрь...

Было видно, как над одним из всадников разорвался прапнелый снаряд. Лошадь упала, придавив всадника. Не помня себя Асланбек вскочил на коня и помчался к кургану. Из окопов с громким «ура» бежали туда пешные горцы и красноармейцы.

Низко пригнувшись к луке, Шерипов несся вперед. Вдруг лошадь под ним пошатнулась... Он натянул поводья. Конь захрапел, взвился на дыбы и повалился на землю. Асланбек до крови порезал руки об острые стебли неубранной кукурузы. Поднявшись на ноги, он оглянулся. Сзади к нему приближался, прихрамывая, Ибрагим. За ним на поводу плелся конь.

— Ты ранен, — сказал ему Шерипов. — Дай мне твоего коня.

Ибрагим был вне себя. Второй раз он ранен в ногу.

— Нет, — сердито ответил он, — я домой поеду, посади меня!

Асланбек помог старому горцу взобраться на коня, а

сам вынул кинжал, разрезал подпругу у своего коня, освободил седло, привязал его к седлу Ибрагима и пошел за ним обратно к крепости. Оставшись без коня, Шеришов не считал себя больше бойцом, годным вести сражение. Ему хотелось только одного — повидать скорее Серго, если он остался жив, и передать ему печальное известие: Грозный тоже пал и войска во главе с Гикало уходят в Чечню. И еще хотелось молодому горцу сказать Серго: «Ты учил меня не поддаваться безрассудной храбрости. А сам?»

Но когда он встретился с Серго — это произошло вечером после атаки, — то долго не мог собраться с духом, чтобы произнести слова укора. И лишь ночью, когда они вместе ехали в машине в Базоркино, Асланбек произнес эти слова.

Серго долго молчал. Потом проговорил серьезно:

— Ты думаешь, я всегда прав? Человек есть человек.

Прошло еще два дня тяжелых боев с врагом. За это время много больных, раненых, женщин и детей было отправлено в горы. На третий день, поздно вечером, в окопы к Беталу явился Серго.

— Как, вы еще не ушли? — удивился Бетал, усаживая гостя на ящик из-под патронов. — Но фронт уже снят.

— Да, снят...

— Если белые захватят вас, Серго...

— ...то повесят, это ясно, — горько усмехнулся Серго. — Но это же грозит и тебе, Бетал, а ты здесь.

Серго сообщил Беталу, что расположенный в глубине гор аул Мужичий назначен пунктом сбора для отступивших командиров и комиссаров.

— Ты тоже должен явиться туда...

Бетал проводил Серго до полотна железной дороги, где под укрытием стоял черный автомобиль. Мрачно темнели вдали горы. Туда уже выехали все руководящие работники, успевшие вырваться из города: там, где-то в этих горах, опять начнут собираться разрозненные силы.

Серго успел уже дать все распоряжения, какие может дать начальник, покидая на время свои войска. И сейчас он был просто Серго, человеком, который переживает происходящие события, как все люди: сокрушается, восхищается, печалится или радуется. Он за эти дни столько пережил, что сам себе казался седым, древним стариком.

Как это получилось, что Деникину удалось прорваться

на Юг? Для Серго это было сейчас непостижимо, и ему казалось, что разобраться во всей сложности происшедшего можно будет только потом, через много лет.

Не может быть, чтобы Ленин и Главная ставка не думали об XI армии, о Тереке... Наверно, что-то делалось, да ведь не все происходит так, как хочется одной стороне.

Случилось противоестественное. Тьма на какое-то время одолела свет. Контрреволюция заставила революцию отступить на таком-то клочке земли. Ну и что же, история не раз делала шаг назад, чтобы потом с новой силой устремиться вперед семимильными шагами.

Скрипит под ногами снег. Тяжело ухают орудия стоящего за станцией бронепоезда, но к орудийной канонаде Серго и Бетал так привыкли, что среди пушечных раскатов слышат морозный скрип снега под сапогами.

Бетал кутается в башлык, он весь увешан оружием. Серго смотрит искоса на Бетала и вдруг ощущает толчок какой-то теплой волны в груди. Вот чего никакая контрреволюция не истребит — это выросшего в революции народного борца. То, что Бетал и многие другие вроде него приобрели за это время, не выжечь уже ничем.

Среди всего ужаса последних дней Серго ни на минуту не упускал из виду судьбу людей, которыми особенно интересовался со времени приезда на Терек.

Шерипов и Дьяков прикрывали Грозный. Серго не видел их последние дни, но до вчерашнего дня все, что с ними происходило, ему было известно. А сейчас он не знал, что с ними, и душу грызло беспокойство. Не знал он, где Цаголов, Нина Бодрова, Резакова, Маркус, Ильин, не представлял себе, где Огурцов...

Бетал, у которого Серго пытался узнать что-нибудь о них, только пожимал плечами. Ему хотелось, чтобы Серго скорее уехал, а тот почему-то тянул.

Уже сидя в машине, стал говорить, что отступление — вещь очень обидная. И вдруг на глазах у Серго блеснула влага. Ему стало так тяжело, что он не смог говорить. Тут Бетал не вытерпел и яростно крикнул шоферу:

— Ты чего ждешь? Езжай!

— Так я же жду, чтобы мне сказали...

— Дурак! — обругал его Бетал. — Человек взрослый, а ни черта не понимаешь!..

Серго потянулся из машины и хотел обнять Бетала, но рассерженный шофер уже дал газ, и машина рванулась в темноту ночи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

У гор белые остановились. Но выстрелы не затихали. Три дня шел бой у селения Христиановского. Жители селения сражались со шкуровцами с отчаянным упорством. Когда иссякли патроны, бойцы вместе со своими семьями и отряд Легейды ушли в горы. Цаголов заболел тифом, и друзья укрыли его от расправы в тайном месте.

Разрозненные отряды Терской республики еще продолжали сражаться в Кабарде, Ингушетии, Чечне, но изменить положение это уже не могло. Силы республики были разгромлены, и теперь требовалось время, чтобы снова собрать их в кулак...

Но и белые выдохлись. Дорого стоило им продвижение на Юг. Полегли лучшие офицерские части, поределли добровольческие полки.

Спалив несколько аулов, расположенных близ города, обрушив на население города и этих аулов жестокие кары, белые, однако, пока не решались углубляться далеко в горы.

«Никто не посмеет обвинить нас, что мы оставили горские народы на произвол судьбы», — думал Серго, глядя на бегущую навстречу кругую темную дорогу.

Ущербный месяц изредка показывался из туч, освещая белые сакли с черепичными крышами, высокие пирамидальные тополя и бесконечно длинные плетни.

Автомобиль промчался через селение и выехал на гребень большого оврага. На дне его журчала речка Назрань, извивающаяся меж низкорослых зарослей лозы. Вдоль

речки прилепились ветхие мельницы, а вдалеке лежало селение Барсуки, где Серго ожидали товарищи.

Шофер гнал машину на последней скорости, чуть затормаживая на крутых поворотах. Он давно уже собирался что-то сказать и наконец со вздохом спросил:

— Вам не боязно, товарищ комиссар?

— Чего?

— Вообще...

Минут пять ехали молча. Желтые фары автомобиля освещали вынырывающие из темноты кустарники и оголенные стволы тополей.

— А вдруг нас окружают? — спросил шофер.

Серго, недовольный тем, что Николай перебивает его мысли, ответил:

— Если окружают, будем отстреливаться, что еще делать?

Наконец доехали до Барсуков. Собаки кубарем выкатились из подворотен. Большие, как волки, они долго мчались за машиной, неистово лая, оскалив клыки.

В большой, богато убранной сакле на краю аула Серго застал Бутырина и еще нескольких терских комиссаров. Была тут и Зина. Она сидела, молчаливая и грустная, на деревянных нарах и укачивала девочку дремавшей рядом худощавой молодой женщины с собранными на затылке тяжелыми черными волосами. Это была Арусyak, сестра известного революционера Камо. Девочке, которую укачивала Зина, шел всего третий месяц.

— Тихо, тихо, Вика! — шептала Зина, будто та могла ее понять. — Приучайся смалу не мешать взрослым.

Мужчины лежали на земляном полу посреди комнаты. Спали в одежде, подложив под голову походные сумки, святые с седел кожаные подушки.

Серго молча присел рядом с Бутыриным.

— За твою голову белые назначили крупную сумму, — шепотом, чтобы Зина не слышала, сообщил Бутырин. — Надо скорее убираться отсюда.

— Куда?

— Повыше в горы.

Серго устало вздохнул:

— А где твоя семья, Яков?

— Где-то тут близко... в каком-то ауле. С ней Резакова. Найду, не беспокойся...

Ночь прошла в беспокойном сне. Плакала Вика. Часто слышались горестные восклицания Арусyak:

— О господи!..

Зина дремала, привалившись спиной к стене, и поминутно просыпалась от малейшего шума.

Близился рассвет. Во дворе сонно замычала буйволица. Прокричал петух. В комнату вошел хозяин дома, узкоплечий старик с реденькой клинообразной бородкой, и разбудил всех тревожным сообщением:

— Давай, давай, ехать надо. Деникин идет!..

Серго и Бутырин вышли на улицу. Зина последовала за ними. Возле сакли стояли два поблескивающих автомобиля, а чуть дальше монотонно жевала жвачку черная буйволица.

Рассвет только еще начинался, и восток был окрашен в бледно-розовые тона. На этом фоне виднелись развалины крепости Назрань.

С минуту прислушивались. Зина, стоя за спиной мужа, зябко потирала руки.

Вдалеке слышалась пулеметная дробь.

— Ехать надо, ехать надо, — хриплым голосом повторял хозяин.

— А тебе-то что?

— Как — что? Вы мои гости, мне будет стыдно, если вас у меня повесят.

Комиссары наскоро собрали свой незатейливый багаж и разместились в машинах. Зина села рядом с Арусяк, чтобы в пути быть готовой оказать помощь измученной женщине в уходе за ее крошкой.

Автомобили ехали медленно, дорога была трудной, с неожиданными поворотами и ямами. Вокруг поднимались леса с оголенными ветками, и Зине порою казалось, что вот-вот из-за какого-нибудь куста выскочит бандит и крикнет: «Руки вверх!»

Стало совсем светло, когда машины приехали в аул Сурхохи. Здесь пришлось бросить автомобили — дорога пошла трудная, с высокими подъемами и крутыми спусками. На полчаса сделали привал, согрелись горячим чаем в доме какого-то ингуша. Опять случилась неприятность — у Серго пропал маузер. Долго искали, наконец догадались поднять перину, и револьвер был найден. Затем вышла задержка из-за лошадей. Наконец все было улажено. Зина и Арусяк разместились в арбе, Серго и его спутники сели в седла.

— Ну, прощай, Николай! — Серго подал руку шоферу. — Спасибо тебе за все. Может, еще встретимся..

Долго еще после того, как всадники скрылись за поворотом улицы, шофер стоял с непокрытой головой и повторял:

— Счастливо, товарищи, счастливо...

Дорога пошла густыми галашкинскими лесами. Она бежала с горы на гору, и лошади шли вперед неторопливым шагом, монотонно покачивая мордами. Несколько раз переезжали по бревенчатым мосткам через горные речушки. Кое-как положенные бревна прыгали под копытами лошадей.

У одного из мостиков путники догнали небольшой отряд красноармейцев. Худые, небритые и плохо одетые, брели они в горы. Один из них, молодой парень в потрепанной кепке, шел спотыкаясь. Его поддерживали товарищи.

— Что с ним? — обратился Серго к красноармейцам.

— Недужный.

Серго вместе с красноармейцами помог больному взобраться на лошадь к Бутырину.

Вдалеке показались пенные воды Ассы. Эта шумливая горная речка пересекает всю Ингушетию.

Ассинское ущелье, по которому протекает Асса, — одно из самых красивых мест Кавказа. Река пробила себе путь в двухверстной толще Столовой горы и широким потоком разлилась на плоскости. На склонах гор раскинулись прекрасные буквые и грабовые леса.

Путники остановились у Ассы и долго смотрели на ее пенящиеся, клокочущие воды, на огромные деревья, сваленные стремительным напором, на черные валуны, покрытые плесенью.

Сквозь шум реки послышался приближающийся конский топот.

— Это еще кто? — тихо спросил Бутырин и оглянулся.

На тропинке показался всадник в черной бурке. Серго повернул своего коня в сторону всадника и спокойно поджидал его. Всадник приближался. Уже ясно видно было его молодое лицо и белые газыри. Он размахивал над головой свертком и что-то кричал. За цоканьем копыт нельзя было разобрать его слова.

Конь на рысках прошел вперед и завернул обратно, обдавая азиатские сапоги всадника белой густой пеной.

— Здравствуй, товарищ комиссар! — радостно улыбался ингуш. — А я вас еле догнал.

— Ты с поручением? — спросил Серго.

— Да, от Керим-Султана. Он просил передать вам сахар и чай. Возьмите.

Серго принял подарок и стал расспрашивать о Кериме, где он сейчас, что делает? Оказалось, Керим организует партизанский отряд и сейчас вербует новых родственников в свой отряд.

— Передай ему наш привет и благодарность,— сказал Серго, прощаясь с горцем.

А когда тот умчался, Серго развернул сверток, переданный ему горцем, и радостно вскрикнул:

— Ого!

Вместе с пачкой сахара и четвертушкой чая в свертке лежала банка какао.

— На этот товар у нас потребительница найдется,— с улыбкой сказал Серго. Наклонившись с седла, он нежно посмотрел на Вику: — Смотри, раскраснелась, как на прогулке.— Стынущими на морозе пальцами он подал Арусяк фиолетовую банку.— Настоящее какао. Возьми. Тебе Вику кормить надо.

— Спасибо, Серго,— смутилась Арусяк.— Но мне, право, неудобно.

— Ну, ну,— шутливо нахмурился Серго и тронул повод.

Лошадь взмахнула мордой и валкой рысью пошла вперед. Промерзшая земля звенела под копытами.

Серго подъехал к Бутырину. Вместе с ним, обхватив комиссара за пояс, ехал больной красноармеец. Кони Серго и Бутырина пошли рядом. Дорога была настолько узка, что стремена всадников задевали одно за другое.

Бутырин хмурился.

«Где сейчас Поля? — думал он.— Что делает она одна с ребятишками?»

Проехали несколько селений. Всюду попадались ранее отступившие красноармейцы и ингушские партизаны. Они присоединялись к комиссарам, и отряд все увеличивался.

К полудню добрались до большого аула Галашки. Он был похож на обычное плоскостное селение — те же белые мазанки, плетни и рыжие злые собаки.

Мальчишки выбегали навстречу комиссарам и, нахлобучив на глаза высокие барашковые шапки, кричали:

— Гасхи, гасхи!¹

¹ Г а с х и — русские.

Дети были одеты плохо: драные черкески спадали с плеч, обувь была старая и порванная.

Один из мальчиков, грязный, в ветхой отцовской черкеске, крикнул комиссарам:

— Гасхи, давай сюда! Ваша марушка здесь.

Серго подъехал к мальчику:

— Ты говоришь — марушка? Какая именно?

Мальчик весело ответил:

— Есть большая марушка. Три маленьких есть.

— Это Полина! — воскликнул Серго. — Бутырин, слышишь?

Бутырин прыгнул с коня, помог больному пересестя на лошадь Серго и в сопровождении мальчика быстро пошел к ближайшей сакле.

Мальчик принял у Бутырина коня и, указывая на дверь, сказал:

— Прямо иди, там твой марушка сидит.

Бутырин вошел в саклю.

— Яша! — радостно воскликнула Полина и подбежала к нему.

— Да, — тихо сказал Бутырин, обнимая жену, — отступаем...

— Владикавказ занят?

Бутырин опустил голову.

— Что же будет с нами?

— Надо идти в горы, а там — в Тифлис, в Россию.

Он оглядел комнату. Это была большая, просторная горница. Вдоль стен тянулись низкие нары, покрытые валяными ингушскими ковриками — фертэ. На полу лежали циновки. Пахло какой-то лечебной травой, которая была подвешена под потолком.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Бутырин. — Нелегкое дело быть матерью троих детей...

Поля грустно улыбнулась:

— Это не страшит меня. Но вот со мной происходит что-то неладное. Вдруг заболею, что тогда?

— Нет, нет! — воскликнул Бутырин. — Только не это! Помолчал. Невеселые были мысли.

— Как дети?

— Пока все хорошо. Только Витя немного кашляет.

— Немного? — переспросил Бутырин. — А где они все?

— На улице. Я их сейчас позову.

Поля вышла, накинув пуховый платок, и вскоре вернулась с детьми. Те бросились к отцу:

— Папа, папа! Ты теперь будешь с нами?

— Почему ты не разденешься? — спросила Поля.

Бутырин виновато улыбнулся:

— Не могу. Ждут товарищи. Нужно узнать дорогу.

— Ты уезжаешь?

Дети захныкали. Мальчик обнял отца за колени:

— Папочка, не уезжай!..

Бутырин кусал губы.

— Я ненадолго, — сказал он. — Нет, нет, я скоро вернусь. Очень скоро... А что я вам привезу! Знаешь, Витя? Настоящее ружье, шамилевское! Дуло длинное-предлинное, курки смазаны жиром.

Мальчик еще плотнее прижался к отцу:

— Папочка, не уезжай!

Бутырин поднял его на руках:

— Какой же ты красноармеец? Нюни распустил.

Мальчик падул губы:

— Нет, я красноармеец!

— А как красноармейцы должны смотреть?

— Браво.

— Ну, то-то же!.. — засмеялся Бутырин и обратился к жене: — Дорога сейчас ужасная. С ребятами проехать нельзя.

Поля спросила тихо:

— Когда же?..

— Позже, к весне, — ответил Бутырин. — Сейчас мы проберемся через Хевсурский перевал, а к весне устроим и вам переправу. Может быть, удастся пройти по Военно-Грузинской дороге. Мы подыщем проводников.

Стали прощаться. Бутырин спросил:

— Как хозяин? Хорошо вас принял?

Поля живо ответила:

— У нас хозяина нет — хозяйка. Но зато приехал ее брат. Он партизан. Такой смешной, толстый. Говорит, что ты его лучший друг...

— А как зовут его?

— Ибрагим.

— Так зови же его скорее!

Поля пошла за Ибрагимом, и вскоре толстый янгуш радостно бросился к Якову Петровичу. Он прицеливался языком, до самых глаз нахлобучивал свою огромную лохматую папаху и повторял:

— Живой, здоровый! А Серго тоже? Очень хорошо. Ибрагим сильно радый...

— Ну, здравствуй же.— Бутырин улыбнулся и протянул ему руку.

Но Ибрагим не взял ее, а, обняв военкома за худые, узкие плечи, смачно и громко поцеловал в губы.

— Очень хорошо, я сильно радый...

— Я тоже рад,— проговорил Яков Петрович.— Спасибо тебе за хороший прием. Мы не забудем этого.

— Зачем спасибо? — ответил польщенный ингуш.— Ты наш гость. Все будет хорошо.

— Спасибо тебе за это,— еще раз повторил Бутырин.— Я бы тебя отблагодарил не так, но сейчас у меня ничего нет.

Ибрагим еще раз обнял Бутырина:

— За марушку не беспокойся, все хорошо будет. Твои дети — мои дети.

Бутырин поцеловал Полю, детей.

— До свиданья, родные. Я скоро вернусь...

Поля с трудом улыбнулась.

2

Во время отступления, когда в Назрань бежали и пешие и верховые, среди сотен таратаек и арб, нагруженных домашним скарбом, двигался закрытый фазтон.

В фазтоне, морща бледное лицо от невыносимой боли, лежал раненный в бою Саша Гегечкори. Возле него склонились две женщины — жена, Вера, и сестра милосердия Нина Бодрова с белой повязкой на голове.

Многое пережила Нина за последние месяцы, но по-прежнему с удивлением смотрела на мир, и все казалось ей потрясающе интересным. Страха эта девушка, казалось, совершенно не знала, а несчастье будто проходило мимо нее.

Дорога была неровной, в темноте лошадь то и дело выбивалась из колен, и фазтон начинал подпрыгивать.

Мучительно ощущал Гегечкори каждый толчок, каждый малейший камешек, попадавший под колеса. После ранения ему несколько раз неудачно оперировали ногу, и теперь из брюк торчала маленькая кутышка, толстая от бесконечных бинтов.

Испуганные люди, отступавшие из Владикавказа, переговаривались между собой. Какая-то толстая старуха, закутанная в большую оренбургскую шаль, с причитаниями говорила:

— И надо мне, дуре, давно бы уехать, а я нет, послушалась их уговоров. «Без паники»! — передразнила она кого-то. — А сами-то небось давно улизнули!

— А то нет? — вмешался мужской голос. — Еще неделю назад на ероплане вылетели.

Гегечкори со страшным усилием поднялся на локтях и, высовываясь из фэтона, крикнул:

— Продали вас комиссары? А?

Люди замолчали. Чей-то удивленный голос протянул:

— Ты глянй — Гегечкори...

А он гневно смотрел на людей и продолжал:

— Мне отрезали ногу, но и то я не выехал раньше вас.

— Беденький! — протянула старуха в оренбургской шали и заплакала. — И куда ж ты теперь пойдешь?

Кучер, почмокивая губами, быстрее погнал лошадей. Нужно было до света быть в ауле Насыр-Корт, где находилась больница.

Ночь была беззвездная и холодная. Пофыркивая на морозе, лошади шли вперед, не разбирая дороги, и Гегечкори громко стонал.

— Поезжайте тише, — умоляла Нина кучера, прислушиваясь к недалекой стрельбе и гулким разрывам снарядов.

Иногда она выглядывала из фэтона и широко раскрытыми, удивленными глазами смотрела в ночь. Густая темнота была в глаза, и только в стороне Беслана, где стояли части Добровольческой армии, виднелись огни.

Подъехали к селению. Вдоль улицы тянулись бесконечные плетни, кое-где в темноте можно было различить белую стену мазанки, закрытый ставень.

— Стучитесь куда-нибудь, — тихо попросил Гегечкори.

Он лежал с открытыми глазами и чувствовал тошноту от режущей боли в ноге.

Стучались долго. Наконец на улицу вышел заспанный горец с фонарем в руках.

— Кого прислал мне аллах? — спросил он, освещая лица путников.

— Где здесь больница? — спросила Вера. — Мы возем раненого.

Горец удивился:

— Какой больница? У нас нет больница.

Женщины переглянулись. Нина удивленно спросила:

— Но это же Насыр-Корт?

— Зачем Насыр-Корт? Это Экажево,

Вера растерянно пробормотала:

— Что же нам делать?

Нина без тени робости попросила:

— Нельзя ли у вас переночевать?

— Зачем нельзя? Гость будешь. Идем.

Гегечкори внесли на руках. Он тихо стонал и вскоре забылся. Хозяин оказался знакомым — он был родственником Керим-Султана.

Утром он сказал Вере:

— Насыр-Корт ехать нельзя — белые.

Молодая женщина нервно прошлась по узкой кунацкой¹ комнате и, глядя на симметрично развешанные фотографии, громко спросила:

— Так куда же нам деваться?

— Это мое дело, — ответил хозяин, — вы гости.

Он вышел на улицу. День был ветреный; солнце не показывалось, и в белом сумрачном небе с криком летало воронье. Улица была оживлена: старые и молодые торопливо бежали в сторону кладбища с лопатами на плечах. Растрепанные женщины стучались в окна саклей:

— Идите рыть окопы!

— Белые идут, белые!..

Ингуш, приютивший Гегечкори, дошел до дома своего родственника Хадыся Алобогачиева и, отодвинув плетеную калитку, вошел во двор. К забору были привязаны кони, весь двор был запружен людьми.

— Кто они такие? — спросил ингуш у Хадыся, поздоровавшись с ним.

Хадысь, молодой человек в щегольских красных штанах и с лезгинским серебряным кинжалом на животе, пояснил:

— Кабардинцы из отряда Калмыкова. Их ночью привел брат, Юсуп.

— Куда ж они идут?

— В горы.

— У меня тоже беженцы остановились. Слыхал, может, — Гегечкори с женой?

— Который? Саша? — живо спросил Хадысь. Его молодое безусое лицо расплылось в улыбку. — Да я ж у него служил! Ну, как он?

— Плохо, а тут еще белые подходят. Поэтому я и пришел к тебе — окажи братство.

¹ Кунацкая — комната для гостей.

— Что такое?

— Увези его, ради бога.

Хадысь задумался. Во дворе кабардинцы седлали коней.

— Хорошо, — ответил Хадысь. — Передай Саше, что я поеду с ним...

В полдень выехали. По дороге на Сурхохи тянулись вереницы отступающих. Женщины и дети, тифозные и раненые, пешие и конные — устремились они от Деникина в горы, в неизвестность. Дорога шла низиной. Над головами людей поднимались холмы, покрытые заснеженными кустами орешника и низкорослыми порослями дубняка.

К ночи добрались до аула Сурхохи и переночевали в семье фамильного брата Хадыся. Утром поехали дальше. Теперь дорога пошла густыми лесами, раскинувшимися на холмах, и фэзтон то поднимался в гору, то спускался вниз.

Оголенные ветви деревьев били Хадыся по лицу, но он не обращал на это внимания, прислушиваясь к приглушенным стонам своего командира.

Ночевали в Галашках. Гегечкори кричал от боли, и Нина два раза делала ему перевязки...

Наступило утро, а Хадысь не показывался. Он ушел еще с вечера — узнать, где находится Орджоникидзе, и пропал.

Вера с тоской думала:

«Что же мы будем одни делать?»

Она похрустывала пальцами и мерила комнату торопливыми, нервными шагами.

В дверь постучали. Вера вздрогнула и тихо спросила:

— Кто?

— Я, Хадысь.

Она бросилась отодвигать старинный ингушский запор. Это было сложное приспособление — головоломка аульского кузнеца.

Хадысь вошел веселый, раскрасневшийся на морозе. Он сбросил с плеч тяжелый мешок и с удовольствием проговорил:

— Сегодня снежку немного подсыпало.

— А это что? — спросила Вера, показывая на мешок.

— Пшеничная мука. В горах, кроме кукурузы, ничего не достанем.

Гегечкори спросил:

— Где Серго? Ты ничего не узнал про него?

— Вчера его видели в Мужичьем, но сегодня он, наверно, тронулся дальше.

— Мы поедем за ним, я не могу быть один.

Хадысь ответил:

— Хорошо, только раньше я съезжу в Алкун. Там живет мой родственник — Сардул. У него тебе будет безопасно остановиться.

И опять Вера и Нина остались одни со стонущим Сашей. В полдень он забылся и в бреду о чем-то просил Серго, ругал белых и повторял: «Нет, живым не сдамся!»

В комнате было полутемно от густых занавесок, и женщины тихо сидели возле стола, боясь пошевелиться.

— Все будет хорошо, — уверяла Нина, — вот увидите. Потом вы сами же будете вспоминать это время и думать: как все было интересно!..

Наступил вечер, за ним и ночь. В трубе стонал ветер — начиналась метель.

Вернулся Хадысь лишь на другой день. Он сообщил, что в Алкуне все устроено для Саши. Полежит, поправится, а там видно будет, что делать дальше. Серго, по слухам, забрался далеко в горы, и это правильно, потому что иначе белые могут прорваться и схватить его.

— Ну видите, — говорила Нина, — все хорошо устроилось. Знаете что? Вы, пожалуй, поезжайте одни в Алкун, а я вернусь в город и буду работать в подполье.

— Что ты! — воскликнула Вера.

— Думаете, не сумею? Я такое прошла за последний год, что... уже все испытала. Нет, я уже вам больше не нужна, и нечего мне здесь оставаться...

Вера протестовала, убеждала Нину не возвращаться в город, но уговоры не помогли: и в день, когда Хадысь увез Сашу и его жену в Алкун, Нина уехала в город...

3

Лошади осторожно ступали по обледенелой дороге. Шипы подков с хрустом врезались в лед. Люди покачивались в седлах, опустив головы. Колючий ветер хлестал в лица, обжигая щеки.

Дорога шла лесом, обледеневшие ветки стучали под ветром. Слева неумоимо шумела и билась в камнях Асса.

Серго часто останавливал лошадь, пропуская вперед всадников и ожидая арбу, в которой сидели женщины.

Они тесно прижались друг к другу и дремали. Серго несколько минут ехал рядом с арбой, наклонялся к ней, прислушиваясь. Ребенок спал.

В Сурхохи к отступающим комиссарам присоединился Керим-Султан.

Отряд сколачивался туго, и он очень сердился на родственников, которые предпочитали хотя бы на время отсиживаться в горах.

Горец рассказал о том, как был разграблен денежный запас, эвакуированный из Грозного. Деньги были погружены на подводы и отправлены в горы. По дороге контрреволюционные банды чеченского шейха Узуа-Гаджи нападали на обоз, грабили, убивали красноармейцев. Подводы скользили и скатывались с обрыва. Голодные, обмороженные красноармейцы, доведенные до отчаяния, иногда сами набивали деньгами карманы и отставали. В горах, словно волки, рыскали наемники белых и старались окончательно деморализовать отступающих — грабили отстававших, сбрасывали их в пропасти, а подводы угоняли в свои аулы. Весь обоз был разграблен. Керим слышал еще, будто Гикало с остатками своего отряда, с которого грабители сняли все, вплоть до нижнего белья, едва добрался в чеченский аул Гехи. О Дьякове и Шерипове Керим ничего не знал, кроме того, что они где-то еще продолжают отчаянно отбиваться от белых.

Серго опустил повод на луку седла и сбросил с усов нависшие на них сосульки. Тоскливо скрипели по льду колеса арбы.

Впереди слышался ободряющий голос Керима:

— Сейчас приедем. Тепло будет. Спать будем...

Лес кончился, дорога пошла вниз, и лошади скользили, приседая на задние ноги. Асса шумела совсем близко. На темном небе вырисовывались прямые стрелы тополей.

Лошади пошли уверенней, копыта застучали по деревянному мосту. Из-за первого плетня под ноги лошадям выкатились два огромных черных шара и с громким лаем скакали с двух сторон, пытаясь схватить зубами ногу всадника.

Комиссары завернули за угол и остановились у невысокого плетня. На лай собак вышел из сакли старый ингуш с фонарем в руке.

— Салям алейкум, — сказал Керим и слез с лошади.

Из сакли вышли еще двое. Старик отодвинул в сторону

плетенные ворота и успокоил собак. Его сыновья помогали промерзшим всадникам спешиться и уводили лошадей под навес.

Серго взял ребенка и понес его в саклю. За ним пошли женщины и остальные. Небольшая кунацкая комната наполнилась людьми. Серго снял с плеча карабин, висевший на нем по-зелимхановски, дулом вниз, на правом боку, снял шапку и улыбнулся:

— Ну вот, приехали в Мужичий.

Вдоль задней стены комнаты тянулись широкие деревянные нары, застеленные коврами. В левом углу, аккуратно сложенные, громоздились одно на другое цветные стеганные одеяла. Пирамидой вытянулись до потолка, одна другой меньше, белые подушки.

Комиссары спинали шапки, складывали оружие. Женщины уселись на нарах.

В комнату вошли несколько горцев и остановились у двери. Молодой, лет двадцати двух, сын хозяина принес три стула.

— Садитесь, пожалуйста,— сказал он по-русски.

— Ага, ага¹,— заговорили старики, показывая Серго на стулья.

Серго стоял посреди комнаты.

— Мы отступаем,— говорил он,— нам нельзя терять ни минуты. Где пайти людей, которые помогут нам в этой местности?

Керим переводил слова Серго. То ли перевод был неточен, то ли волнение Серго было неправильно воспринято, но ингуши поняли его слова как беспокойство за свою судьбу. Высокий старик подошел к Серго.

— Я самый бедный из всех, кто находится в этой комнате,— сказал он.— У меня есть пятьсот рублей — вот они. Я отдаю их вам. У меня есть баранта — я отдам вам баранту. Так сделает каждый настоящий ингуш. Не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь о том, что мы будем голодны,— ответил Серго, когда Керим перевел ему слова старика.— Не в этом дело. Я ищу надежных людей, которые помогут нам в нашей работе.

Горцы поспешили заверить Серго, что надежных людей в горах много: пожалуйста, они готовы предложить свои услуги. Пусть только скажет, в чем у него нужда.

¹ Ага — садись.

— Все будет хорошо, ей-бох,— божился хозяин дома.— Отдыхай нада. Нончем спайт нада...

Но спать комиссарам в эту ночь почти не пришлось.

Поздно вечером в аул примчался Бетал. Он едва не попал в плен со своим отрядом, с трудом вырвался. Новости, привезенные Беталом, были очень грустны. По всему Тереку свирепствует белый террор — ни за что вешают и расстреливают сотни людей. Во Владикавказе из щелей вылезла всякая сволочь. Белых встречали с колокольным звоном, буржуи целовались на улицах со шкуровцами.

— Долаково и Кантышево,— рассказывал Бетал,— превращены в руины. Оставшиеся дома подожжены белогвардейцами. Не лучше и в Базоркине. Оно совершенно разорено. Белые вывозят из ингушских селений все ценное, взыскивают контрибуцию, реквизируют скот, хлеб, сельскохозяйственные машины...

Не успел Бетал выложить свои новости, как в сакле появился новый гость — Дьяков.

Рассказ казака о том, что ему пришлось испытать в эти дни, затянулся далеко за полночь.

После падения Владикавказа Дьяков со своими казаками еще держался на Сунже двое суток, но на третий день в неравном бою под Асиновской был разбит. Многие попали в плен, и им пришлось пережить нечеловеческие муки. Не во всех аулах Чечни и Ингушетии советские бойцы были гостеприимно приняты. Контрреволюционная верхушка чеченцев и ингушей, засевшая в национальных советах, сумела спровоцировать часть горцев против красных. Отступающих обстреливали из засад, грабили, убивали. Из-за этого некоторые казаки-фронтовики вернулись в Сунжу, в свои станицы, и сдались на «милость победителей», которые очень мало кого миловали...

Рассказ Дьякова расстроил всех, и долго комиссары молчали.

Потом часов до трех совещались, как быть дальше. Серго сидел у стола бледный, взъерошенный, со сросшимися в одну резкую линию бровями.

— Деникин получил здесь за последние месяцы изрядную трепку,— говорил он.— Не свежими и бодрыми вышли из этой борьбы «добровольцы». Борьба не кончена, вот из чего мы должны исходить...

Решено было образовать три группы. Одна направится в Чечню для организации подполья и партизанской борьбы в районе Грозного. Другая останется здесь, в го-

рах, и будет действовать против белых в районе Владикавказа. Третья через хребет переберется в Тифлис. Туда отступила часть войск и гражданского населения, нельзя бросать их на произвол судьбы. В эту группу Серго включил Дьякова, Бетала и Бутырина.

— А сами куда? — спросили у него.

Зина, слышавшая из угла сакли этот разговор, насторожилась и приподнялась на нарах.

— А я хочу до Москвы добраться, — ответил Серго.

— До Москвы? Каким путем?

— Попробую поискать этот путь. Но я доберусь туда. И верьте — вернусь обязательно!..

Все с удивлением смотрели на Серго. То, о чем он говорил, казалось совершенно неосуществимым делом, особенно сейчас, в эти трудные, горестные дни.

Лишь к рассвету притихли разговоры. Все прилегли.

В окна хлестала снежной крупой метель. Тревожно, по-волчьи завывал ветер в верхушках деревьев.

Где-то далеко раздался приглушенный крик:

— Э-э-э-э!..

— Что это? — спросил Серго.

Подожел Бутырин:

— Ветер шумит...

Крик на улице повторился:

— Э-эй-эй!

— Это не ветер, — тревожно сказал Серго, накидывая на плечи тулуп. — Пойдем узнаем, Бутырин.

Они вышли во двор. Снег залеплял глаза. С трудом Серго различил фигуру Керима — он ходил по двору с винтовкой в руках.

— Ты слышал крик? — спросил Серго.

— А конечно!..

Совсем близко раздался топот лошадиных копыт. Заснеженный всадник влетел во двор. Не спешиваясь, он крикнул:

— Тревога, тревога! Сюда идут белые! Они ищут комиссаров!

Комиссары одевались быстро. Зина помогала Арусяк заворачивать ребенка. Керим торопил женщин:

— Скорей, скорей. Вы поедете верхом...

— Верхом? — ужаснулись обе. — А мы не умеем.

— Ничего, на ходу научитесь, — сказал Серго. — Но ребенка Арусяк, конечно, не сможет держать, сидя верхом. Ладно, я возьму его...

Один за другим выезжали со двора комиссары, пропадая в пурге. Дьяков и Керим взялись смотреть за женщинами и тронулись в путь вместе с ними.

Серго и Бетал вышли из сакли последними. Сели на лошадей. Серго подали ребенка, закутанного в шкурку барашка и одеяло. Серго завернул девочку поверх одеяла своим башлыком, и они выехали со двора.

Метель скрыла их. Ледяной цокот копыт растаял в завываниях ветра...

4

Пурга рвала, метала и колючими иглами снежинок била в лицо.

Впереди шел проводник, подняв горящий сук и освещающая узкую тропку.

За широкой спиной проводника с трудом различались смутные очертания скал и редких оголенных деревьев, а дальше ничего не было видно за белесой пеленой пурги.

Подъем был крут. Лошади осторожно переступали по обледеневшей тропинке. Ветер засыпал путников мелким колючим снегом.

Орджоникидзе ехал рядом с Бутыриным и Калмыковым. Он бережно держал в застывающих на морозе руках маленькую Вику. Девочка мирно спала и во сне перебирала пухленькими губами. Когда руки уставали, Серго клал девочку в большую сумку, перекинутую через плечо.

Буря не прекращалась. Со стороны Долакова виднелось кровавое зарево — деникинцы подожгли опустевшие аулы.

Медленно двигались вперед. Проехали какое-то селение и, перебравшись на правую сторону Ассы, снова пустились вверх по крутой, узкой тропке, которая вилась вдоль самого берега реки. Обрыв был крутой, метров на двести. В глубине Асса стремительно налетала на большие черные камни, вздымалась мириадами брызг, пенилась, бурлила и гулко ворочала валуны.

Иногда Серго останавливал своего коня и смотрел вниз. Тропинка была не более полуметра, а за ней шел прямой гранитный спуск к реке.

— Высоко мы забрались, — говорил Бутырин, поглядывая по сторонам и держась обеими руками за луку седла.

Молча двинулись дальше. Узкая тропка то высоко поднималась над рекой, то резко спускалась вниз. На скалах росли карликовые сосны, каким-то чудом зацепившиеся за каменистую почву.

Девять раз переходили путники по шатким мостам через Ассу. Зина слезла с седла и взяла лошадь под уздцы. От непривычного путешествия по горным тропкам у нее кружилась голова, и она боялась упасть.

Путники молчали. Только иногда во сне всхлипывала маленькая Вика да на морозе трещали деревья.

Лошади шли тихо, осторожно поднимали уши и часто скользили по обледеневшей тропинке.

— Плохо себя чувствую, — тихо сказал Бутырин, наклоняясь к Серго. — Не заболеть бы...

Метель затихала. Показалась луна.

Под Беталом вдруг поскользнулась лошадь. Она захрипела, рванулась назад и упала, цепляясь за обледеневшие камни передними ногами. Женщины вскрикнули. Серго бросился на помощь товарищу. Он успел схватить уздечку и вместе с Керимом помог лошади Бетада взобраться на тропку.

Вскоре путники очутились в небольшом котловане, окаймленном высокими горами. Здесь находился маленький хутор. В бледных сумерках утра рычали большие псы. Проводник постучал в окно низенькой сакли. С фонарем в руке вышел хозяин и, узнав проводника, пригласил гостей пройти в комнаты.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Все выше и выше в горы уходил отряд Серго.

Вилась над пропастью узкая тропка. Внизу река неистово бурлила в тесном каменном ложе. Бесчисленные водопады, не замерзавшие, несмотря на сильный мороз, оглушали путников своим грохотом.

Бутырин зябко кутался в башлык — его знобило, тошнота подступала к горлу.

«Неужели заболел? — со страхом думал он. — Вот не время...»

Путники приближались к сердцу Ингушетии — огромной долине, расположенной за Столовой горой, у подножия главного Кавказского хребта. Эта центральная часть Ингушетии тянется на протяжении сорока пяти километров — от Чеченского перевала до Дарьяльского ущелья, где в Терек впадают мелкие горные речушки.

Вдали показалась старинная крепость с высокими остроугольными башнями.

— Сколько им лет? — спросил Серго у Бутырина, но, не дождавшись от него ответа, подъехал к Керим-Султану.

Их кони пошли рядом, устало взмахивая отяжелевшими мордами.

Керим-Султан дремал в седле. На рыжих усах висели прозрачные льдинки. Серго дернул его за рукав. Керим с трудом открыл глаза, непонимающе осмотрелся.

— Ты что, Серго? — спросил он наконец.

Серго молча вытянул вперед руку.

— Ты хочешь узнать, что это за башни? — спросил Ке-

рим.— Это аул Пуй. За ним идет Хевсуретия, Грузия, Тифлис.

— Давно ли выстроили этот аул? — спросил Серго.

— Не знаю. Это родной аул Ибрагима.

Серго долго не мог оторвать от аула восторженного взгляда.

— Черт возьми, до чего же он красив! Зина! — закричал он. — Смотри, Зина!

Аул Пуй состоял из трех высоких башен. Вокруг него поднимались высокие стены с узкими бойницами.

— Это же рыцарский замок! — продолжал Серго. — Настоящее средневековье...

— Из Пуя можно пробраться в Тифлис, но сейчас дорога закрыта, — сказал Керим. — Осеннее половодье сорвало мосты, а по ледяной Ассе не очень-то пойдешь вброд.

— Каким же путем мы поедем?

— Есть два пути, — ответил Керим, — один — по Военно-Грузинской дороге, другой — через Хевсуретию.

— По Всенно-Грузинской ехать опасно, — сказал Серго, — поэтому поедем сейчас влево, по берегу Тоба-Чоч. Она приведет нас к самой Чечне, а там и до Хевсуретии недалеко.

Не заезжая в Пуй, путники тронулись вдоль Тоба-Чоч — главного притока Ассы. Лошади шли осторожно, одна за другой, по ледяным тропинкам.

Серго с тревогой сказал Бутырину:

— Вид у тебя плохой... Духом пал, что ли?

— Нет, — покачал головой Яков Петрович, — просто нездоровится.

— Дай-ка пульс... Ведь я фельдшер.

— Знаю, что ты фельдшер, — усмехнулся Бутырин. — Еще, чего доброго, уложишь меня в постельку, начнешь пичкать лекарствами?..

— Вот переберемся через горы — и уложу...

Серго старался рассеять мрачные мысли Бутырина, но про себя подумал: «А что, если Бутырин в самом деле расхворается? Как тогда быть? Можно ли уйти в Грузию сейчас? В горах глубокий снег, холод, метели... И как быть с женщинами, с больными?»

Проехали высокогорный живописный аул. Серго долго любовался его дикой красотой: две башни у входа в небольшое ущелье, внизу ручей, впадающий в Тоба-Чоч. Ручей казался на снегу черной лентой. Башни аула вы-

строены на самом гребне скалы, они как бы являются продолжением крутого утеса. Горный обвал уничтожил узкую тропку, ведущую вверх.

— Скоро перевал,— объявил Керим-Султан.

На перевал поднимались более трех часов. К ночи достигли высокой башни. Она была выстроена в виде четырехугольника, постепенно суживающегося кверху. В узких бойницах виден был свет. Здесь и заночевали.

После завтрака, сидя у порога сакли, Серго советовался с Беталом и Дьяковым, как быть дальше. В аулах, оказывается, много красноармейцев, большей частью больных. Немало здесь и терских работников, тоже попавших в бедственное положение. Надо чем-то помочь им — достать лекарства, организовать переправу людей через перевал в Грузию. Здесь они погибнут без поддержки. Но для этого прежде всего надо наладить связь с подпольным Тифлисским комитетом большевистской партии. Через него можно было бы и переправу организовать, и оружие достать для горских партизан.

— Давайте я пойду,— предложил Бетал.— Я доберусь.

— Лучше мне идти,— возразил Дьяков.— Кто знает, как тебя встретят хевсуры. Ты все-таки горец...

— А ты почему думаешь, что тебя они встретят с музыкой?

Серго улыбнулся:

— С музыкой — не в этом дело, Бетал. Все-таки Дьяков прав, пусть он идет. Ты человек горячий и, если сценишься с ними, испортишь все дело. А Дьяков наш дипломатичнее тебя. Он на Сунже такое сумел повернуть, чего не сделали бы никакие дипломаты в мире!..

Порешили на том, что Дьяков пока пойдет только в разведку — проверить, есть ли путь через перевал, каково настроение хевсуров, какими дорогами можно пробраться в Грузию, и тогда яснее станет, кого посылать для связи с Тифлисом и как действовать дальше.

2

Рано утром Серго и Бетал провожали Дьякова в опасный путь. До Хевсурского перевала его взялись проводить два местных жителя.

— Будь осторожен,— наказывал Серго Дьякову,— не горячись. В горах горячность — плохой советчик. Я это и

себе часто говорю,— добавил Серго и рассмеялся.— Ты не обижайся.

— Что вы! На вас?

— Да, однажды ведь обиделся на меня Шакро. Эх, если бы он был с нами! Золотой человек!..

— А где он сейчас? — спросил Бетал.

— Наверно, в Грузии. Он хотел с нами уйти в горы. В последний день перед сдачей города я его видел. Насилу удалось убедить его, что гораздо нужнее он будет там, в Грузии. Нельзя же было оставлять отступающих без помощи...

Проводив Дьякова, Бетал и Серго возвращались в аул. Бетал ничего не знал о судьбе своих родных, попавших, наверно, в плен к белым, и просил отпустить его в Кабарду.

— Ни за что! — отрезал Серго.— И не думай. Погибнешь в пути ни за грош. Я тебя знаю. Надо подождать.

Бетал хмурился, но молчал.

— А знаешь что? — предложил Серго.— Не согласился ли бы ты съездить с Керимом на Военно-Грузинскую дорогу и разузнать, какова судьба наших отступивших? Все время думаю о них. Поезжай, а?

Бетала не пришлось долго просить. Керим тоже не стал долго думать. В один час они собрались, взяли на дорогу сухарей, сели в седла и покинули аул.

Этот день был полон хлопот...

Арусяк боялась за ребенка — как бы он не заразился тифом. Серго понял тревогу матери и предложил Зине переехать вместе с Арусяк в соседний аул. Зина нехотя согласилась.

— Я бы хотела не расставаться с тобой.

— Я бы этого тоже хотел, Зина. Но что делать? Подумай сама.

После полудня Серго отвез женщин в соседний аул. Вернувшись, он застал у постели Бутырина старого Ибрагима. Тот приехал с сообщением, что от Гикало прибыл гонец с бумагами.

— Где же он?

— Галашки сидит.

— Зачем же ты его там оставил?

— А зачем тебе гонец? Бумаги есть, пожалуйста.

Старик вытащил из-за пазухи конверт и отдал Серго. Гикало сообщал, что он и Шеришов начали организацию

партизанских отрядов. Горцы понемпогу приходят в себя после поражения. В Грозном — разгул белого террора. Ожидают приезда самого Деникина.

Серго поблагодарил Ибрагима.

— А как Полина живет?

— Все хорошо...

— Белые у вас не появлялись?

— Нет, наш отряд война кончил.

— Как кончил?

— Деникин внизу есть, здесь в гора нету. Зачем без дела сидеть? Я ушел. Давай работу.

Серго только руками разводил.

— Война только начинается, а вы по домам разошлись. Ну что это такое!

— Гора свой закон есть.

— Ты землю свою хочешь отвоевать? Белые тебя опять загнали в горы, а ты руки сложил.

— Не сложил. Дай работу.

— Хорошо, подумаю...

Бутырин слышал этот разговор и стонал от бессилия: он ничего не мог сделать. А сколько дел!..

Первыми вернулись из разведки Бетал и Керим. Трагическую историю пленения ротой грузинских солдат тысячного отряда отступивших из Владикавказа Серго выслушал с выражением глубокой печали в глазах.

— Могли бы мы отправить Якова по Военно-Грузинской дороге, как думаете?

— Нет, нет! — воскликнули в один голос Бетал и Керим. — Там всюду полицейские посты. Его сразу узнают...

Позже появился Дьяков.

Его новости тоже были неутешительны. Меншевистское правительство Грузии направляет хевсуров на всех, кто пытается пройти в Грузию через их селения. По слухам, от рук темных горцев погибло уже немало людей, пытавшихся пробраться в Тифлис через Хевсуретию.

— Проклятье! — мрачно хмурился Серго. — Одни неудачи кругом!..

Серго долго ходил по сакле, снова и снова обдумывая положение. Не пойти ли ему самому на разведку к хевсурам? Неужели с ними нельзя договориться?

Вечером Бутырин опять бредил. Серго вызвал к себе Ибрагима:

— Послушай, надо помочь человеку. Керим устал, он

только что вернулся из дальней поездки. Не можешь ли ты помочь нам?

— Могу, — с готовностью ответил Ибрагим. — Давай, что делать?

— Через Хевсурский перевал пойдешь со мной?

— Хевсур? — Ибрагим смущенно поморгал глазами. — Но дороги нет, Серго. Сейчас зима, на хребте метели.

— Нет, нет... — раздраженно ответил Серго. — Сам знаю, что нет. Но найти нужно. Во что бы то ни стало.

— Где же ее искать?

— Через Хевсуретию.

— Но как мы пойдем к хевсурам? Хевсуры с нами в кровной вражде.

— Почему?

— Никто не знает этого. Один старик мне рассказывал, что давным-давно хевсуры напали на аул Пуй, забрали скот и одному жителю отрезали ухо. С тех пор наши стали мстить хевсурам, они — нам.

— Ну хорошо, пошлем русского.

— Это не выход, Серго. Хевсуры не пропустят никого; кто придет к ним с нашей стороны. Они живут высоко в горах, там, где вечные снега.

Серго порывисто встал, подошел к Бутырину и остановился возле него.

— Видишь? — повторил он, показывая глазами на больного. Восковая рука Бутырина бессильно лежала поверх черной бурки. — Надо человека спасать.

— Хорошо, идем, — сказал горец. — Я дорога знаю. Пойдем на Чечен-перевал, там аул есть. Мелхесты называется. Мало-мало дальше — хевсур живет.

3

Серго, готовый в поход, стоял во дворе. Он был одет в горский тулуп, на голове — барашковая шапка. Ибрагим взял с собой еще троих горцев. Все были одеты по-дорожному, у каждого за спиной висела винтовка, а на боку — сумка из полосатой материи.

Он щелкнул затвором, проверил, есть ли патроны в сумке, и вместе со всеми вышел из аула. Мальчишки бежали за ухажившими.

На краю аула, где дорога спускалась к реке, десятилетний мальчик подошел к Серго и схватил его за рукав.

— Комиссар, возьми меня. Я тоже горский человек, я

тоже горы знаю...— он говорил захлебываясь, быстро.— Я скот в горы водил...

Серго остановился и ласково посмотрел на мальчика: — Нельзя тебе. Ты еще маленький. Подрости надо. Отряд перешел речку по качавшемуся бревну.

Мальчик еще долго с завистью смотрел им вслед, пока люди не стали казаться издали черными точками на снегу.

Дорога была трудная. Ноги проваливались в глубоком снегу.

Серго в башлыке и теплых рукавицах шел впереди с большой необструганной палкой в руках. Ветер, еще с утра начавший дуть со стороны Чечни, бил прямо в лицо, и мягкие усы Серго быстро обледенели.

Коротконогий Ибрагим с трудом поспевал за широким шагом комиссара. Наконец не выдержал.

— Нельзя так быстро шагать! — закричал он. — Мы гора идем, что такой?..

Серго обернулся.

— Подожди, — закричал Ибрагим, — я первый пошел!

— Нет. Когда идет стадо баранов, впереди бывает козел.

Ибрагим басисто захохотал:

— Осто-перла!¹ Ты мудр, Серго!

Тропинка петляла у самого карниза скалы. Склоны гор были пустынные, на угрюмых коричневых скалах нависли шапки снега.

Вдоль узкой дорожки росли колючие кусты барбариса, на которых лежали хлопья снега. Местами дорога обрывалась, и Серго, воткнув впереди себя в обледеневшую землю палку, прыгал и подавал руку Ибрагиму. Тот по-прежнему быстро семенил за Серго, хотя в душе уже поругивал себя за то, что пошел в такой рискованный путь.

Ветер усилился. Он залеплял глаза снегом и валил с ног.

Наконец поднялись на хребет перевала.

Дорога шла по самому гребню перевала. Налево лежала Чечня, направо — Ингушетия. Впереди, за огромной черной скалой, — Хевсуретия и Грузия.

Ветер крепчал. Приходилось делать огромные усилия, чтобы продвигаться вперед. На одном из поворотов Ибрагим поскользнулся и еле удержал равновесие.

¹ Осто-перла — возглас удивления.

— Осто-перла! — в испуге воскликнул он.

Чем выше поднимались, тем сильнее становился ветер. Он леденил щеки, нос, подбородок. Тусклое зимнее солнце опускалось все ниже. Скоро оно совсем спряталось за горами. По небу ползли тяжелые снеговые тучи. Ветер поднимал поземку и словно густым дымом застилал впереди дорогу.

Низко нависшие тучи быстро бежали над головами путников. Казалось, что до них можно достать палкой, которая была в руках Серго. А до вершины горы было еще далеко.

Один из горцев остановился и посмотрел на небо:

— Будет буран.

Серго, не останавливаясь, коротко ответил:

— Все равно надо идти.

— Я не могу, — раздался тихий голос Ибрагима.

Серго оглянулся. Лицо Ибрагима было растерянное, заплаканные жиром глазки смотрели умоляюще.

— Надо идти! — строго повторил Серго.

Ибрагим молча стал опускаться на снег.

— Вставай! Нельзя садиться.

Толстяк жалобно посмотрел на комиссара и громко застонал:

— Иди, Серго. Я здесь ждать буду. Мне хорошо, тепло.

— Вставай, говорю! — закричал Серго, беря Ибрагима за воротник тулупа. — Замерзнешь!

Ибрагим встретился глазами со взглядом Серго. Всегда ласковые, с веселыми искорками глаза комиссара сейчас смотрели сердито. Ибрагим вобрал голову в плечи и сжался.

— Не надо, не сердись, Серго. Я не могу больше. Иди себе, иди... — тихо сказал он, махнув рукой.

— Поднимите его, товарищи! — крикнул Серго.

Горцы схватили Ибрагима под руки.

— Не трогай, — снова застонал толстяк. — Я отдыхать буду.

Серго снял с него шапку и принялся растирать лицо толстяка снегом.

— Ай, ай, ай! — закричал Ибрагим. — Зачем больно делаешь?

— А еще говоришь — я горский человек! — усмехнулся Серго, продолжая растирать ему лицо. — Ну, иди вперед!

Ибрагим пошел, покачиваясь. Путники медленно тронулись за ним.

Снег стал синим. Тяжелые клочковатые тучи спустились еще ниже. От резкого ветра глаза болели и слезились.

Серго шел, опустив голову, стараясь спрятать лицо от ветра. На лбу легли глубокие морщины. Он повел людей в опасный путь. Что, если они не выдержат, погибнут в горах?

Снежная тьма застилала все вокруг. В двух шагах ничего не было видно. Серго остановился и подождал товарищей. Усы у него стали седыми, брови нависли снежными бугорками. Ветер завывал вокруг.

— Я думаю так, товарищи,— сказал Серго,— надо вернуться и переждать метель.

— Очень правильно! — оживился Ибрагим. — Очень!..

Все облегченно вздохнули. Обратно пошли по своим следам. Серго шел сзади. Он устал. Рука, державшая палку, ныла. Но он скрывал свою усталость.

Небо совсем потемнело. Скоро следы пропали — их засыпало снегом; шли наугад, спускаясь все время вниз. Ибрагим вначале тихо стонал, потом замолк.

Скоро вдаль показалась темная полоска реки.

— Ау! — радостно крикнул кто-то, и все рванулись вперед, забыв об усталости.

Серго подошел к Ибрагиму и встряхнул его несколько раз за воротник.

— Эх ты, горский человек! Бодрее! Дом близко!

Уже можно было разглядеть огонек крайней сакли. Желтый квадратик отчетливо выделялся на ровном снежном поле.

Вдруг впереди раздался испуганный крик:

— Стойте!

— Что случилось? — спросил Серго, проходя вперед.

Он увидел глубокую пропасть и оглянулся. Сзади был снег, впереди аул, но дальнейший путь был отрезан обрывом. Серго посмотрел по сторонам: и вправо и влево чернел провал.

— Мы погибли! — слышался чей-то сдавленный шепот.

Серго резко проговорил:

— Надо посмотреть, глубока ли пропасть.

Он сделал шаг вперед, но снег стал сползать под ногами.

— Не двигайся, — приказал Серго, отдавая Ибрагиму свой карабин. Он протянул ему руку: — Держи меня! — и стал осторожно подходить к обрыву.

Нога проваливалась, но под снегом находила твердую опору.

— Держи крепче! — сказал Серго.

Он вытянулся и почти повис над пропастью. Глубоко вниз уходил снежный обрыв. Серго обратился к товарищам:

— Веревка есть?

Никто не ответил.

— Нет? Давайте рубахи, сплетем из рубах веревку. — Серго первым стал расстегивать крючки своего тулупа.

В это время Ибрагим удивленно спросил:

— Зачем рубахи снимать? В горы идти — нужно веревку брать. Я горский человек, я знаю, что нужно.

Он вытянул из-под полы связку крепкого тонкого каната и передал его Серго.

— Молодец, Ибрагим! — радостно воскликнул Серго. — Ты действительно горский человек.

Серго взял веревку, разматал ее и, привязав к одному концу тяжелую сумку, опустил вниз. Веревка быстро поползла, натягиваясь под тяжестью сумки, потом дернулась в сторону и ослабла. Значит, сумка упала на твердое дно. Веревки хватало. Теперь надо было закрепить другой конец ее наверху за какой-нибудь выступ. Но кругом был только снег.

— Ищите! — сказал Серго.

Стали разрывать сугробы. Всюду под снегом были только мелкие камни.

— Есть! — радостно закричал кто-то.

Все побежали на крик. Из разрытого сугроба жалко торчали обломанные ветки карликовой сосны. Но корень сидел крепко. Веревку обвязали вокруг сосны, потянули — корень выдержал.

Серго поправил маузер, перекинул через шею карабин и взялся за веревку. Он медленно стал сползать вниз и наконец совсем пропал из виду. Все с тревогой следили за веревкой. Она двигалась по снегу, постепенно натягиваясь и поскрипывая у корня. Прошло несколько секунд, никто не произнес ни слова. Вдруг веревка резко рванулась в сторону и сразу легла спокойно. В ту же минуту снизу донесся протяжный крик Серго:

— Э-эй! Давай следующий!

Последним, охая и кряхтя, спустился Ибрагим. Он долго болтал ногами у самого дна, пока его не схватили и не поставили на землю. Он оглянулся вокруг, поправил сползшую на затылок шапку и сказал:

— Вот видишь, совсем не страшно. Горский человек ничего не боится!..

В аул пришли под утро. Собаки рычанием и лаем встретили путников.

В сакле жарко горела маленькая железная печка. Жена хозяина наскоро постелила на нарах ингушские ковры.

Серго уложил Ибрагима в постель и пошел к нарам, где лежал Яков Петрович. Вдруг громкий крик заставил его быстро обернуться.

Ибрагим сидел на кровати и одной волосатой ногой почесывал другую.

— Что с тобой? — спросил Серго.

Ибрагим зашлепал босыми ногами к дверям, снял со стены козью шкуру и, расстилая ее на глиняном полу, сокрушенно ответил:

— Первый раз в жизни забыл богу молиться. Алла!..

4

Тамара и Полина с ее тремя маленькими детьми продолжали жить в Галашках.

Тамара заболела; температура не опускалась ниже тридцати девяти градусов, и ее очень угнетало сознание, что она может заразить детей.

— Ини, свези меня в Назрань, — просила она ингуша. — Нужно узнать, чем я больна.

Ини нужно было так или иначе ехать в Назрань: там его ждал брат, который еще в августе прошлого года переселился с гор в сунженскую станицу Тарскую. Теперь Деникин приказал выселить ингушей из казачьих станиц и вновь загнать в горы.

Сотни арб тянулись с равнины в тесные ущелья. Это печальное зрелище видели Тамара и Ини, когда на заре тронулись в сторону Назрани.

Тамара была одета в теплый тулуп, голову она покрыла шалью и в этом наряде была похожа на настоящую ингушскую «марушку». Черные волосы и смуглый цвет лица еще более усиливали сходство. Чувствовала она себя все хуже, временами от сильного жара теряла сознание.

— Здесь опасный дорог, — говорил ей Ини, шагая по снегу рядом с арбой. — Кругом шпики ходят.

Тамара не отвечала. Ей было все равно: пусть шпики, пусть смерть, но только бы не пострадали из-за нее маленькие дети, которых она могла заразить.

Путники уже проехали аул Сурхохи и приближались к Экажеву. Издалека виднелся высокий минарет мечети. Показался большой обоз. Арбы были нагружены домашним скарбом, на подушках сидели женщины и ребятишки. Мальчик в барашковой шапке гнал отару овец.

— Куда они едут? — спросила Тамара у Ини.

Она все время зябла, хотя была в меховом тулупе: се-но, на котором она полулежала в арбе, казалось ей слишком жестким и даже добродушный Ини — злым и неразговорчивым.

— Они гора едут, — задумчиво ответил Ини. — Такое время. Серго им земля дал. Теперь Деникин отнял.

— Но ингуши будут драться, не правда ли, Ини?

Ини сжал челюсти:

— О, они будут драться!..

В Назрань приехали в сумерки. Проезжали мимо столетних лиц, у которых часто проводил митинги Серго, миновали развалины старинной шамилевской крепости.

— Сейчас к брату заедем, — объявил Ини. — Брат баран резать будет, гостя угощать будет.

Арба остановилась у невысокой мазаной сакли. Плетенные ворота были распахнуты настежь.

Путники въехали во двор. Там толпились казаки.

«Я погибла», — молнией пронеслось в голове Тамары.

Брат Ини поспешил навстречу приезжим, взволнованно заговорил по-ингушски. Тамара посмотрела на него широко раскрытыми глазами и ничего не могла понять.

Ини шепнул ей:

— Ты мой марушка, жена мой. Молчи. По-русски не знай.

Он помог Тамаре вылезть из арбы и провел ее в саклю. Казаки не обратили внимания на них. Они выводили из хлева упирающуюся корову.

Резакова с трудом дошла до нар: подкашивались ноги, мутилось сознание.

— Что тут происходит? — чуть слышно спросила она у Ини.

— Коптрибуция берут. Ты не бойся, марушка.

В сакле было тесно. Чумазные ребятишки испуганно

жались в углу; посередине комнаты в куче валялись жалкие пожитки. Древняя старуха склонилась у очага. Она что-то варила в котле. Тамара видела, как возле нее суетились люди, выносили на улицу вещи. Потом сознание опять оставило больную, она словно провалилась куда-то во тьму.

Когда она очнулась, то увидела, что лежит в арбе. Рядом сидели старуха и детишки, которых она видела в доме брата Ини. А сам Ини и его брат шагали рядом с арбой, тащившейся куда-то вверх по горной дороге.

— Куда мы едем? — силилась понять Тамара.

Ини подошел к ней и стал объяснять:

— Едем совсем обратно. Все едем... Лучше в горах помереть, чем жить под властью Деникина. Все хорошо будет!..

«Он прав, — думала Тамара. — Я должна взять себя в руки...»

Болезнь душила, влекла куда-то вниз, в бездонную пропасть, и, борясь с нею, Тамара судорожно хваталась за деревянные края арбы.

Недалеко от Галашек путники поднялись выше облаков. Воздух был сильно разрежен. Дышать стало трудно. Лесистые горы утопали в тумане, и только кое-где виднелись верхушки высоких деревьев.

Через час Тамара лежала в сакле Ини подле печки. Рядом стояла Поля. Тамара с трудом приподняла голову.

— Какой ужас там внизу, Поля! Грабежи, казни... Детей ко мне не подпускай, слышишь? Я сама переборю болезнь, без больниц!..

5

Утром Серго беспокойно ходил взад и вперед по тесной дымной сакле.

Бетал и Дьяков сидели на корточках у печки, чистили свое оружие. Остальные отдыхали, растянувшись на полу. Нары уступили Бутырину, который чувствовал себя все хуже и хуже.

— Надо во что бы то ни стало связаться с Тифлисом, — говорил Серго, рассказывая по сакле, словно по тесной клетке. — Нельзя же просто отступать. Надо действовать!..

С ним все согласились — да, надо действовать, но что делать, если хребат завален снегом? Не всякий рискнет

пуститься через хевсурский перевал даже летом, а тем более сейчас.

— Есть еще одна дорога,— вмешался в разговор Керим, сидевший до сих пор молча около Бутырина,— горами до Казбека, а там по шоссе.

— По Военно-Грузинской?

— Да.

— Но там же нас сразу схватят!

— Схватят,— согласился Керим.

Серго рассмеялся и вдруг хлопнул себя по лбу:

— А что, если отправить этой дорогой наших женщин? Им легче законспирироваться.

— Кого же вы имеете в виду?

— Свою Зину...

Бетал и Дьяков только тяжело вздохнули. Они знали, что спорить бесполезно.

Серго подошел к Бутырину, наклонился, поправил компресс на голове больного.

— Давайте подумаем, как женщин переправить. Ведь они без документов...

— Это очень просто,— отозвался Керим.— Национальный совет больше не существует. Джабагиев удрал в Тифлис и ведет переговоры с иностранцами — торгует Ингушетией. Национальный совет можно считать распущенным. Ведь так?

— Ну, а дальше?

— Дальше — печать. Она хранится у одного старого муллы. Если она будет в наших руках, любой документ можно сделать.

— Замечательно! — воскликнул Серго.— А ты, Керим, когда сможешь за ней съездить?

— Хоть сейчас.

— Керим,— тихо сказал Бутырин.— Подойди, пожалуйста, ко мне.

Керим сел у ног Бутырина.

— Я тебя попрошу...— Бутырин облизнул пересохшие губы.— Свези письмо для Поли. Она в Галашках...

— Хорошо.

— Только не говори, что я болен.

Бутырин попробовал приподняться, но силы оставили его, он упал на подушки.

— Это пройдет,— сказал он, виновато улыбаясь.

Серго помог Бутырину сесть, бережно поддержал его за плечи. Бутырин стал писать жене письмо...

Нелегко было Поле управляться с маленькими детьми. От Серго и Бутырина она не получала никаких известий. Одни уверяли ее, что комиссары уже давно в Тифлисе, другие, наоборот, доказывали, что все они остались в Ингушетии и ждут весны, когда откроются дороги.

Доходили слухи, что генерал Шкуро дико бесчинствует во Владикавказе. Зверствам его не было конца; некоторых пленных живыми закапывали в землю. Поля не раз слышала страшную цифру — семнадцать тысяч жертв.

В равнинной Ингушетии положение было трудное. Деникинское командование не удовлетворилось тем, что сожгло аулы Базоркино, Долаково и Кантышево. На жителей была наложена большая контрибуция. Поговаривали о мобилизации ингушского населения. Это было самое страшное. Неужели придется сражаться против братьев — большевиков?

Деникинские отряды по-прежнему не решались заходить в горы. Они остановились в пятнадцати верстах от Галашек, в крепости Назрань.

Резакова все время хворала. Теперь было ясно, что у нее брюшной тиф. Она ничего не могла есть и только пила горячую воду.

— Тетя Тамара, — говорил ей сынишка Бутырина Витя, — у тебя теперь никогда температура не упадет.

— Почему?

— От воды. Она же горячая...

Она не подпускала детей близко к себе. Дети были послушными и тихими.

Старшая, Марья, постоянно спрашивала:

— Тетя Тамара, а где сейчас папа?

— Он здесь, недалеко, — отвечала ей Тамара. — Он ищет дорогу в Грузию, чтобы отправить нас. Наверно, на днях возвратится.

Однажды под вечер Тамара разговорилась со своим хозяином Ини. Он рассказал:

— Деникин хочет гора идти, хочет комиссаров ловить. Большие деньги за голову Серго платить.

— А ингуши? — со страхом спросила Тамара. — Неужели они пустят белых?

— Ингуши не хотят пустить, а мулла говорит: «Нельзя воевать, аллах не велит».

— И как же вы? — Она исхудалой рукой откинула со лба черные волосы.

— Старики говорят: «Надо мулла слушать». Как будет, сам не знаю.

В это время кто-то постучал по стеклу. Стук был коротким, тревожным. Поля рванулась к окну. Ини снял со стены винтовку.

— Ничего, марушка, все хорошо будет, — тихо сказал он, проверяя затвор.

Сквозь замерзшее стекло в комнату заглянул рыжеусый горец.

— Это Керим-Султан! — воскликнула Поля. — Впусти его скорее, Ини.

Керим долго не входил в саклю. Слышно было, как он переговаривался по-ингушски с Ини, как несколько раз называл имя Бутырина.

Наконец он вошел, и сразу в комнате стало тесно: таким большим, широкоплечим показался он Резаковой. Она приподнялась:

— Что слышно о Серго? Как Яков?

Керим неторопливо снял огромный горский тулуп, отстегнул от пояса и положил на стол наган, пригрозил Вите, чтобы он не трогал его, и наконец тяжело сел возле Тамары.

— Устал, — кратко сказал он и закрыл глаза.

Поля вспомнила, что по ингушским обычаям нельзя сразу спрашивать о деле. Прежде всего нужно узнать, как чувствует себя гость, как он доехал, не случилось ли чего в пути, жива ли жена, дети, родители.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она, горя от нетерпения скорее узнать, что с мужем.

— Все хорошо, — ответил Керим.

— Как вы доехали?

— О, превосходно!

При тусклом свете керосиновой лампы Поля не сразу заметила, что руки горца испачканы кровью.

— Что это? — воскликнула она.

Керим посмотрел на свои большие ладони. С детства его руки привыкли к труду, огрубели, покрылись твердыми мозолями.

— Упал, — ответил он. — Лошадь недоглядел.

— Ваша лошадь погибла?

— Свалилась в пропасть...

Час назад Керим ехал узкой, обледенелой тропкой.

Вдруг лошадь оступилась. Керим почувствовал, как задрожала на ее ребрах кожа. Чтобы не потерять равновесия, лошадь ринулась вперед и боком упала на тропинку. Керим едва успел выпрыгнуть из седла и плашмя упал на скользкий лед. Он начал медленно скатываться к пропасти. Руки его судорожно искали опору, царапали лед. Керим видел, как его лошадь, дико вытаращив глаза, сползала по наклонной плоскости и наконец рухнула в пропасть. Далеко внизу послышался глухой шум. Руки Керима нашли острый выступ. Он вцепился в него и с трудом, задыхаясь, поднялся на тропинку.

Только теперь, в сакле, он заметил, что ладонь поранена.

— Это ничего, — сказал горец. — У русских есть поговорка: заживет до свадьбы.

— Откуда же вы ехали? — спросила Поля.

— Из Экажева. Ездил по поручению Серго, — уклончиво ответил Керим.

...Он ехал к старому мулле: нужно было достать печать Национального совета. Сакля муллы находилась подле мечети. Мулла спал, когда Керим постучал в дверь. Не зажигая света, он вышел встретить гостя.

— Салям алейкум, Керим! Что заставило тебя ехать в столь поздний час? — В голосе муллы слышалось недовольство.

— Прости меня, — ответил Керим, — но у меня неотложное дело.

Вошли в саклю. Мулла зажег тусклую керосиновую лампочку.

— Что же привело тебя ко мне? Ты связался с неверными, перестал совершать намаз...

— У тебя хранится печать, — ответил Керим. — Не качай головой, я это знаю верно. Эта печать тебе больше не нужна — Национальный совет не существует.

Мулла покраснел от гнева:

— Кто сказал тебе это? Члены совета, слава аллаху, еще живы. Сам Джабагиев сейчас в Тифлисе...

— Договаривается с иностранцами о продаже Ингушетии... — закончил Керим-Султан.

Мулла топнул ногой:

— Ты пришел в мой дом, чтобы оскорблять меня? Говори, что тебе нужно?

— Мне нужна печать, — спокойно сказал Керим.

— Печати не будет! — выкрикнул мулла.

Керим спросил:

— А зачем она тебе, когда вся власть передана Деникину? Скажи, зачем?

— Я выбран народом,— торжественно объявил мулла,— и только народу могу сдать печать.

— Как хочешь,— безразлично вздохнул Керим.— Но только тебе же будет хуже.

— Почему?

— Деникин хочет забрать эту печать. Ты ее не сдашь. За это он посчитает тебя бунтовщиком.

Мулла недоверчиво посмотрел на Керима:

— Так, может, мне лучше сдать печать ему?

Керим прищурился:

— А как же народ? Ведь ты только народу хочешь ее передать?

Мулла замялся:

— Да... но... Видишь ли, я сам чувствую, что из-за этой печати могут выйти неприятности. Ее нужно сдать.

— Сдать народу,— сказал Керим.

Мулла рассердился:

— Народу! Народу! А где он, народ?

— Народ в горах. Он сохранит печать.

— А кто перед Деникиным будет ответ держать? Я?

— Ты скажешь...— Керим наклонился к мулле и зашептал ему на ухо: — Ты скажешь Деникину, что я силой отобрал у тебя печать.

Мулла вышел из комнаты и вскоре вернулся с печатью и стопкой белых бланков. На бланках стоял штамп Национального совета.

— Возьми,— сказал он, подавая Кериму печать и бланки.— Мне они не нужны, спокойней буду спать.

— Спасибо,— ответил Керим, пряча печать в карман.— Если у тебя потребуют печать, ты сообщи мне. Я приеду и скажу, что силой оружия заставил тебя отдать печать.

— Да будет так,— закончил мулла.

Керим попрощался и выехал в сторону Галашек...

— Вам надо промыть рану,— говорила Поля, разглядывая руку горца.

Дочка Бутырина принесла теплой воды и неумелыми детскими руками сделала перевязку. Керим ласково гладил ее по голове.

— Как папа? — спросила у него девочка.— Он в Тифлисе? Почему не едет за нами?

Горец опустил глаза:

— Все хорошо. Папа живет в горах...

Поля с трудом сдержала радость:

— Так он не в Тифлисе?

— Нет.

— И здоров?

— Здоров. Вот записку прислал.

Поля развернула вчетверо сложенный обрывок бумаги. Бутырин писал, что жив и здоров. Спрашивал о детях. В постскрипту было написано: «Думаем через несколько дней быть у наших».

— Почему почерк у него стал такой неровный? — спросила Поля.

— Торопился, — тихо ответил Керим. Он вздохнул и поднялся с нар: — Простите, я немного устал. Хотелось бы уснуть...

Он ушел в соседнюю комнату. Поля долго ворочалась на нарах. Ее тревожила мысль: «Почему Керим рассказывал о Якове, не поднимая глаз?..»

7

Печать и бланки бывшего Национального совета, добытые Керимом, дали возможность снабдить Зину и Арусяк документами, из которых явствовало, что Арусяк будто бы ехала в горы на свадьбу к родственникам, да из-за метелей застряла там. А Зина — ее няня. Серго строго-настрого запретил Зине брать с собой в опасную дорогу какие-либо документы, но она не послушалась и спрятала у себя маленький револьвер и кое-какие важные бумаги из личного архива Серго. Наступил день отъезда.

Вместе с Ибрагимом, который вызвался сопровождать путниц до Военно-Грузинской дороги, Серго помогал женщинам укладывать вещи, осматривал лошадей, седла. Ибрагим то подходил к отъезжающим, оглядывал их с ног до головы, то бежал в саклю и выносил то башлык, то моток веревки.

— Возьми. Нада будет.

Все было готово. Женщины сидели в седлах. Во двор вышла все население аула. Стоя у столбов, поддерживающих крышу сакли, жена Ибрагима тихо плакала. Ибрагим гневно поглядывал на нее, но она не уходила.

Зина нагнулась с лошади и поцеловала Серго. На щеках ее были слезы.

— Что ты, Зина — сказал он. — Я скоро приеду.

Тронулись в путь. Серго ехал рядом с Зиной.

— Главное — наладить связь с Тифлисом. Без этого работа в Ингушетии немыслима, — говорил он. — Нам нужны средства для организации отрядов, для переправы больных и раненых. Без средств — так и передай! — оставить в деникинском тылу партизанскую занозу будет крайне трудно.

— Поняла, — кивала головой Зина.

— Второе — это оружие. Расскажи товарищам, что винтовок здесь мало, а если и есть, то старого, чуть ли не шамилевского образца. Пулеметов нет ни одного. Патроны дороги. Передай также, что мы ждем опытных проводников. Нам нужно как можно скорее отправить в Тифлис больных, семью Якова, Сашу Гегечкори. Ты слышала, он ведь здесь, в горах...

Переехали Ассу и по узкой тропе вереницей направились в сторону Кистинского перевала. За ним начиналась Военно-Грузинская дорога.

День был сырой, туманный. Тучи висели на выступах скал. Ибрагим хлестнул свою лошадь и подъехал к Серго.

— Тебе нельзя далеко поезжать, — сказал он, — тут дорог опасный. Белый туда-сюда ходит.

— Ничего!

Ибрагим надул толстые щеки:

— Говорю — нельзя. Белый придет, спросит: «Куда едешь?» Я скажу: «Свадьба едешь». — «А это кто?» — «Это мои марушки». — «А это?» Что я ему скажу? «Мало-мало знакомый комиссар, Владикавказ сидел»? Нет, Серго, белый сразу тебя узнал, убивать стал. Нам жалко будет, стыдно будет...

— Ну что ж, — проговорил Серго с улыбкой, — надо прощаться!

Путники остановились на перевале. Отсюда открывался вид на длинную цепь Главного хребта, на Казбек и Столовую гору. Далеко внизу шумела Асса. В сторону Военно-Грузинской дороги бежала другая речка — Армхи. Она впадала в Терек.

— До свиданья, Зина, — тихо сказал Серго.

Не сходя с коней, снова обнялись.

— Давай поехали, — сердито кашлянув, сказал Ибрагим.

Вернувшись в аул, Серго вылез на стену старой башни

и долго смотрел вслед отъезжающим. Зинаида Гавриловна часто оборачивалась, махала рукой.

Было тихо в ауле. Только внизу, как всегда, ревели и билась о камни Асса...

8

Яков Петрович умер под утро, в глухой, темный час...

Серго в эту ночь не спал. Он лежал на своих нарах и думал о людях, промелькнувших перед ним за последний год. Сколько разнообразных лиц, характеров, судеб! Да, революцию делают не какие-то бесцветные личности, а живые люди, каждый со своими особенностями и слабостями. Они есть у Бетала, у Керима, у Дьякова, у Шерипова, у Карсанова. Есть они и у Бутырина. «Есть и у меня», — подумал Серго и улыбнулся в ночи. Люди есть люди, черт возьми! Но какие только дела они не способны совершить!

Бутырин захрипел, но тут же затих. Не хочет ли он пить!

— Яша! Яша! Спишь?

Нет ответа.

Серго привстал на локте, прислушался. И обмер — Бутырин не дышал...

Могилу вырыли в километре от аула, у подножия горы, за большим валуном.

Весь день два горца рыли могилу. Их вызвал к себе утром Серго и спросил:

— Где можно найти людей, которые согласились бы за плату вырыть могилу?

— Мы платы не берем. Как вы хотите его хоронить?

— Копайте могилу так, как для своих копаете.

Могильщики взяли с собой лом, кирку и лопату. Мерзлая земля со звоном откалывалась под тяжелым ломом. Ингуши сняли шубы.

— Если бы он остался жить, важный человек был бы...

Три раза приходил Серго к могиле. Черный, осунувшийся, он шел по нетронутomu снегу, молча смотрел несколько минут на работу людей и уходил, держа руки в карманах. Маузер беспомощно покачивался на правом боку. Тяжелые полы сибирской шубы мешали идти по снегу.

Старики горцы вынесли на бурке тело Бутырина. Их лица были суровы. Тело Бутырина положили в сани. Возница ударил палкой застоявшихся быков, и траурная

процессия потянулась на север от аула, где в балке возле незамерзающего ручья была вырыта могила.

Серго первый шел за саями. Вслед за Серго шли почетные старики. Они шли полукругом, взявшись за руки, и выкрикивали непонятные, полные скорби слова:

— Халля-алы-ли!

Дети бежали за стариками. Они тоже взялись за руки и что-то кричали.

Остановились у могилы. Она была вырыта по ингушскому обычаю: узкая, как колодец, она расширялась только на дне.

— Как хоронить? — спросили Серго у могилы.

— Положите его на той постели, на которой он лежал, — ответил Серго.

За края серого некрашеного фэрта люди подняли отяжелевшее тело, под голову подложили подушку. Кто-то поправил одеяло, открывшее желтый лоб. Серго взялся за край ковра вместе с другими.

Два человека спустились в могилу, положили тело лицом на восток, скатом поставили несколько досок, чтобы земля не давила умершего. Тревожно скрипя, отъезжали сани. Закружились снежинки, и стал падать мягкий тихий снег. Земля застучала по доскам. Мальчишки испуганно смотрели, как засыпают человека, как вырастает бугор над могилой. Над черным квадратом поставили высокий тонкий шест — памятник погибшим в бою.

Серго спросил у горцев:

— Что, по вашим обычаям, делают после похорон?

— У нас режут барана.

— Пусть зарежут барана, пусть сделают все, что нужно.

Ночью у хозяина сакли собралось много людей. Ели баранину, макая ее в острый чесночный соус.

Серго, одетый, с карабином на плече, стоял в дверях:

— Спасибо вам. Я уезжаю. Спасибо...

Небо было голубое, как днем. Серго спустился к реке и повернул вправо, по берегу Таба-Чоч, бегущей к Ассе. У поворота Серго снял шапку. Холодная луна обливала зеленым светом волнистую снежную пустыню.

Вдруг откуда-то сверху раздался веселый крик:

— Эй!..

Вниз спускался с горы какой-то человек. И, взглядевшись в него, Серго направил к нему лошадь.

Это был Шакро.

...В Пасанаури за хребтом за три дня до прихода Шакро погибли Маркус и Ильин. Из-за болезни Ильина оба застряли в Пасанаури. Маркус не покинул больного друга в тяжелые дни отступления и делал все, что можно было, чтобы спасти его, довести до Тифлиса. Ночью на них напали бандиты, ограбили их и убили.

Весть об этом принес Шакро.

В горах Хевсуретии погибли командиры керменистских отрядов Дебола Гибизов и Андрей Гостилов. Они тоже пали жертвой разнузданной шайки убийц, спешивших расправиться с борцами Терской республики.

В Христиановском погиб Георгий Цаголов. Белые окружили дом, где он прятался, будучи тяжело больным, и изрешетили пулями молодого революционера. Погиб в бою и Легейда. Сколько чудесных людей сложили голову!..

Это была самая ужасная ночь в жизни Серго... Когда Шакро рассказывал о том, как отступали остатки войск через хребет, Серго прослезился...

В Тифлисе уже работал подпольный комитет партии — он и прислал неутомимого Шакро для установления связи с Серго и другими работниками Терской республики, отступившими с ним в горы. Удивительный человек этот Шакро! Он нисколько не изменился — выглядел таким же розовощеким толстяком, каким был прежде.

Он прошел там, где никто не мог пройти, — через Хевсурский перевал, — и ничто его не остановило.

От краевого комитета Шакро принес Серго сообщение о том, что его ждут в Тифлисе.

— Нет, Шакро, пока не переправим отсюда больных, женщин и детей, пока не наладим здесь партизанское движение, я не уйду!

Шакро, услышав такой ответ от Серго, развел руками:

— Пожалуйста, не волнуйся. Кого надо переправим, кого хочешь организуем. Все сделаем! Да, чуть не забыл. Вот вам письмо от вашей Зинаиды Гавриловны. Жива, здорова, шлет привет.

И Шакро с восхищением добавил:

— Она у вас герой! О!.. Герой женщина!..

Серго заставил Шакро прилечь, а сам с жадностью накинудся на газеты, которые тот привез из Тифлиса.

Проснулся Шакро на рассвете. Серго все еще сидел над газетами.

— Зачем ты утомляешь глаза? — воскликнул Шакро. — Это же старье, а не газеты.

Серго задумчиво потирал заросшее бородой лицо.

— Старые? Нет, друг мой, я из них многое узнал.

— А что, например? — недоумевал Шакро. — Это мне очень интересно.

Серго не ответил.

Газеты в самом деле сказали ему многое. Сквозь пеструю мешанину заметок и телеграмм отчетливо вставляли перед ним картины борьбы внутри России и за ее рубежами. Рушился старый мир и рождался новый — в муках, в огне, в крови. Горестная улыбка чуть светилась на лице Серго. Эх, Шакро, Шакро! Если ответить тебе непременно так — «рушится старый мир и рождается новый», ты, наверно, просто усмехнешься и пожмешь плечами: какая же это новость? Нет, дружище, это главное, ради чего стоит жить, что дает возможность все вытерпеть: и падение Терской республики, и смерть товарищей, и тяготы скитания в глубине гор, и многомесячную оторванность от центра, от Москвы, от ЦК партии. А пока худо.

Кольцо фронтов отрезало революционную Россию от основных источников продовольствия, сырья и топлива. Враг топчет землю Урала, Сибири, Украины, Донбасса, Северного Кавказа, Закавказья, Туркестана. В этих условиях, естественно, идет мобилизация всех сил и средств. Хорошо, что в Москве создан Совет обороны во главе с Лениным. Что делать? Приходится прибегать к мерам военного коммунизма; как иначе побить интервентов и белых, одолеть разруху, голод, тиф?

Восточный фронт, видимо, сейчас привлекает главное внимание партии. Этот бывший царский адмирал Колчак, черт его дери, довольно быстро продвигается к Волге. Грозит Симбирску, Самаре, рвется к Вятке и Вологде.

— «Все на фронт!» Это правильно, — одобрил Серго.

Незаметно для самого себя он вслух разговаривал с газетами, лежавшими перед ним на щербатом столе.

Шакро с удивлением прислушивался — что там Серго бормочет? Он слез с нар, подошел к столу и тихо сказал:

— Серго, ты меня пугаешь: с газетами беседуешь, как будто они живые! Пожалуйста, не пугай меня!..

— Я еще с ума не сошел, не волнуйся, — отозвался Серго, усмехаясь. — Это я просто так, вслух думаю.

— Ты уже теперь не чрезвычайный комиссар и можешь немного отдохнуть от политики.

— Но я же не перестал быть большевиком!

— Это правильно,— согласился тот и опять прилег, оставив Серго разговаривать с газетами.

Был среди них и старый номер «Правды» — почти месячной давности. Далекий путь прошел этот номер газеты, прежде чем попал сюда, в горы. Из Москвы его везли в теплушке до Астрахани. Отсюда на рыбацкой лайбе газету доставили по Каспию тайком в Баку. Значит, есть у центра связи со всеми районами страны, со всеми ее уголками, даже с теми, где сейчас хозяйничает враг! Вот в лице этой газеты ниточка связи протянулась сюда, в горы. При мысли об этом в груди у Серго шевельнулось что-то теплое, и он почувствовал, что сердце его начинает оттаивать после пережитых за последнее время горестей и бед. Волнующее ощущение кровной связи со страной, с людьми, с партией, с Лениным, со всем народом, который борется против интервентов, Колчака, голода и тифа, поднимало дух Серго, вливало в него новые силы. Он вскочил с табуретки, и Шакро увидел, что на его лбу нет прежней глубокой морщины.

— Шакро! — воскликнул он. — Ты спрашивал, какие новости я вычитал в газетах? Могу ответить. Самая большая новость — это вот что: земля все-таки вертится и будет вертеться, несмотря ни на что!..

В эти дни погиб еще один человек, погиб славной смертью, но ни Серго, ни даже Шакро не знали об этом.

...Поздно вечером во Владикавказе, в одном из застенок деникинской контрразведки, шел допрос стройной девушки с большими ясными глазами и пышными волосами. Это была Нина Бодрова. Нашелся подлец, который выдал Нину контрразведке.

Нина никого не выдала, ничего не рассказала, как ни добивались этого от нее палачи.

Следователь, допрашивавший Нину, в ярости приказал увести ее. Сам захотел присутствовать при казни: поведет ли она себя так же гордо, как на допросе, или попросит пощады?

Перед рассветом ее повезли к месту казни — на кладбище, за Шалдоном. Она была доставлена сюда следователем в его фаэтоне. Когда фаэтон приблизился к виселице, Нина неожиданно ударила контрразведчика по лицу, выскочила из фаэтона и прислонилась без сил к лошади. Разъяренный следователь не стал ждать приготовлений к вешанию и выстрелил ей в спину...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Окна сакли были покрыты морозными узорами.

Девочки спали, и только Витя капризничал, ворочаясь на нарах и докрасна растирая глаза кулачками. Полина сидела на низком табурете, и огонь отбрасывал на нее яркие пятна. От этого лицо казалось еще более худым и измученным. Под глазами легли темные круги, резко обозначились землистые провалы на щеках.

«Где Яша? — размышляла она. — Обещал приехать...»

О Серго и Бутырине ничего не было слышно в ауле Галашки. Доходили известия, что где-то в горах скрывается Саша Гегечкори.

«Какой был красавец! Жизнерадостный, смелый...»

За окном выл ветер; он бросал в окна морозную крупу.

Всю ночь Поля не спала. Сквозь заиндевевшее окно она видела двор. Ветер намел большие сугробы. Низкие плетни были занесены снегом.

Утром она надела горский кожух и вышла на улицу. Мороз пощипывал щеки. Во дворе колот дрова молодой светловолосый красноармеец. Он уже несколько дней жил у сестры Ибрагима, помогая по хозяйству, и Полина знала, что его зовут Захаром и что он был комендантом вагона у Серго. Вероятно, родной отец не узнал бы сейчас Захара. Он отощал, пышные усы его поблекли, потемнели; одет он был в рваную шинелишку и лапти. После ухода на фронт он больше не видел Серго — все так завертелось, что Захар и сам не заметил, как очутился в горах вместе с другими отступившими сюда защитниками города. Теперь он жил одной мыслью: найти в горах Серго и с его помощью перебраться как-нибудь в Грузию, а оттуда податься в Россию, в родные места.

Увидев Полину, он опустил топор и присел на полено.
— Табачку случайно нет ли? — спросил он у Полины.
Поля слабо улыбнулась:

— Откуда у меня табак? Я не курю.

Захар вздохнул:

— И когда мы отсюда выберемся? Пропадай они пропадом, эти горы!..

Захару решительно не нравился Кавказ. Ну что за край — ровного местечка не сыщешь, все горы да горы! То ли дело на Балтике!

— Захар, — прервала его рассуждения Полина, — вы верите в предчувствия?

— Я? — озабоченно спросил Захар. — Как мужчина и личность нерелигиозная могу сказать, что больше верю в здравый смысл и предписания науки.

Полина горько усмехнулась:

— Я тоже далека от религии, Захар, но вот уже несколько дней меня гнетет чувство какого-то сильного беспокойства. Места себе не нахожу. Боюсь, не случилось ли чего-нибудь с Бутыриным.

Захар пожал плечами.

— Это горы на вас давят. Они и мне на психику действуют.

— Он ведь знает у меня какой? — стала рассказывать Полина. — Совсем о себе не думает...

Захар почувствовал, что этой женщине станет легче, если он выслушает ее, ну и что ж, Бутырин — человек хороший, Захар это знал и был рад помочь сейчас хоть чем-нибудь его жене. Нелегко ей с тремя детьми в горах мыкаться, что говорить!

Полина рассказывала о прошлом Бутырина, и, хотя Захара насквозь пробирал холод — худая шинелишка совсем не грела, — он терпеливо продолжал сидеть на полене и слушать.

По словам Полины выходило, что более щепетильного человека, чем ее муж, на свете нет. Подумать только, что с ним однажды произошло!

Двадцатилетним юношей он уже участвовал в революционном движении. Как-то раз его арестовали, но после двухмесячного заключения выпустили до суда на свободу по ходатайству взявшего его на поруки присяжного поверенного. В это время в Баку происходят выборы на очередной съезд РСДРП, который должен был состояться в Лондоне. В числе других избрали делегатом и Бутырина.

Попасть на съезд ему хотелось страстно, и все же он снял свою кандидатуру, чтобы не подвести адвоката, взявшего его на поруки: до суда оставалось мало времени и его отсутствие могло бы навлечь репрессии на поручителя. Из этих соображений Яков Петрович и отказался от поездки в Лондон.

— Хороший он у вас человек, — сказал Захар, выслушав эту историю. — Но я бы на его месте поехал.

— Он потом очень жалел, что не поехал!.. Очень жалел!

— Еще бы! — отозвался Захар.

У него окоченели ноги, и, как ему ни жаль было Полину, готовую хоть до вечера рассказывать о любимом муже, он все же вынужден был взяться опять за колку дров, чтобы согреться: есть вещи, которые человек должен делать, не считаясь ни с чем. Вот Бутырин пощепетильничал и не попал на съезд. А мог поехать. Да... Бывает же такое в жизни!

Поздно вечером к дому подъехал вооруженный горец. Поля из окна видела, как он передал сестре Ибрагима свою разгоряченную лошадь и она долго водила ее по двору.

«Должно быть, партизан, — решила Поля. — Может быть, он что-нибудь знает о Якове».

Она оделась и пошла в соседнюю саклю, где жил хозяин. Горец сидел рядом с Захаром и что-то тихо шептал ему.

— Здравствуйте, — проговорила Поля, плотно затворя за собой дверь.

Вместе с ней в саклю ворвался клуб морозного воздуха. Горец поднялся со стула и с достоинством ответил на ее приветствие.

— Как съездили? — спросила его Поля.

Тот улыбнулся:

— Слава богу, все хорошо.

— Вы не встречали комиссаров?

— Зачем не встречал? Очень встречал, очень.

— Ну, а как они живут?

— Гора живут. Слава богу, все хорошо. Один заболел, тяжелый болезнь имеет.

Поля побледнела. Спросила тихо, чуть слышно:

— Кто?

— Комиссар.

— Вы не знаете его фамилию?

Приезжий немного помолчал. Затем со вздохом проговорил:

— Бутырин.

Поля тяжело села на постель.

— Нам надо немедленно ехать. Надо точно узнать.

— Как же вы поедете? — сказал Захар. — Смотрите, большая совсем.

Поля повторила:

— Надо ехать.

— Дорог плохой, — сказал ей горец. — Гора идти трудно.

— Нужно, — еще раз повторила Поля.

— Это много верст...

— Все равно.

Горец почесал бритый затылок:

— Вот упрямый марушка! Ну ладно, завтра поедем. Мне-аул Пуй ехать надо...

Утром сестра Ибрагима оседлала лошадей. Поля попросила ее следить за детьми.

— Завтра вернемся.

Полю нарядили в мужской костюм: на голову надели папаху, сверху покрытую башлыком, на плечи — лохматую черную бурку.

— Так лучше будет, — уверяли ее. — Опасно не будет.

Утром они двинулись в путь. Проехали много аулов, но нигде не останавливались. Было морозно. Лошади шли по узким тропам. Здесь еще совсем недавно проходил отряд Серго. Горец рассказывал Поле, что сейчас все комиссары разъехались в разные аулы готовить народ к борьбе с Деникиным.

— А Серго? — спросила Поля. — Где он?

— Он везде, — ответил ингуш. — По аулам ездит. Но живет в Пуе. Хозяин Пуя — Ибрагим. Родственник.

— Это наш Ибрагим?.. Такой маленький, да?

Вечерело, когда путники подъехали к аулу Пуй. Возле узких ворот крепости путников встретил Ибрагим. Еще издали он начал что-то радостно выкрикивать, размахивая над головой лохматой шапкой. Горец сошел с коня и обнялся с Ибрагимом.

— Что слышно нового в вашем благословенном доме?

— Все хорошо. Спасибо, — ответил Ибрагим.

— Как ваше драгоценное здоровье?

— Спасибо, хорошо.

— Как дети, жена?

Когда горец кончил свой опрос, Ибрагим стал спрашивать то же самое, причем строго соблюдал последовательность вопросов. Затем все трое направились в дом.

Поля, не выдержав, схватила Ибрагима за рукав:

— Вы слышали что-нибудь о Бутырине?

— Бутырин болен был, у него тиф был.

— И что же?

— После он умер. Его в Гули хоронили.

Поля закрыла глаза. Колени у нее подогнулись...

Когда Полина пришла в себя, Ибрагим усадил ее на лошадь и повез обратно в Галашки. Убитая горем женщина была ко всему безразличной, всю дорогу молчала. Слез не вытирала — их сушил ветер.

В полдень приехали в Галашки. Над горами ярко сияло солнце. Снег искрился и слепил глаза.

Навстречу Поле выбежали дети. Витя прыгал на одной ножке и радостно кричал:

— А у нас кто есть? Никогда не узнаешь!

Она сошла с коня и направилась в саклю.

В комнате за столом рядом с Захаром сидел Серго. Его овчинный тулуп был распахнут, в руках он держал барашковую шапку. Поля с плачем бросилась к нему:

— Что мне теперь делать одинокой?

Серго усадил ее рядом, взял за обе руки:

— Вы не одиноки, Полина. С вами все мы...

Уехал Серго поздно вечером, оставив Полину на попечение Захара. Встреча с Серго принесла Захару и радость и огорчения. Он уже было думал, что больше не расстанется с Серго, да так бы и случилось, если бы в его расчеты не вторглись некоторые щепетильные обстоятельства: нельзя было оставить Полину одну в таком состоянии, и Захар даже не посмел возразить, когда Серго попросил его оставаться при ней до того, как удастся куда-нибудь переправить ее и детей.

«Бывает же, черт подери,— горестно размышлял матрос после отъезда Серго из аула, стоя на пороге сакли.— Не через всякую щепетильность переступишь. Теперь я лучше начинаю понимать поступок Бутырина!..»

2

Кризис у Гегечкори прошел. Он начал поправляться.

Часто в Алкун забредали больные и раненые красноармейцы. Узнав, что здесь находится командир, они

приходили к Гегечкори, рассказывали о своих мытарствах и просили хлеба и денег. Саша кормил их, ссужал необходимым, и они шли дальше, пытаясь через Казбек попасть в Грузию.

Большинство красноармейцев шло из Чечни. Они рассказывали, что Гикало находится в ауле Гехи, организует там партизанские отряды и успешно борется с деникинцами. Но жизнь там трудная — партизаны по неделям не видят крова. Среди них много тифозных и раненых. Лекарств и врачей нет, и поэтому все больные отправляются в Ингушетию — здесь самое безопасное место.

Как-то, надев свою черную черкеску с белыми костяными газырями, Гегечкори сидел возле окна. Сквозь заиндевевшее стекло виднелся двор, заваленный снежными сугробами, и за ними чернела низкая кромка плетня.

К плетню подъехали два всадника. Одного Саша узнал сразу — это был известный здесь в горах смельчак партизан Хизыр Орцханов. Второй, в расстегнутой сибирской шубе, из-под которой высовывался край черкески из карачаевского сукна, был тоже как будто знаком, но Саша не мог припомнить, где он его видел.

— Бородака... — пробормотал он. — Вот черт. А знакомое лицо...

Когда гости вошли в тепло натопленную комнату, Гегечкори ахнул и, бросив в сторону костыль, протянул вперед руки — в бородастом горце он узнал Серго.

Они обнялись и несколько раз поцеловались. Серго колот Сашу своей подстриженной бородой и повторял:

— Жив? А? Ну и ладно! Ну и здорово!

Успокоившись, Саша со смехом сказал:

— А тебя, брат, не узнать. Слово даю.

Серго опустил голову:

— Я Бутырина похоронил...

Гегечкори побледнел. Бутырин был его близким другом, заботился о нем, часто навещал в больнице после ранения под Архонкой.

— Как это произошло? — спросил он наконец.

— Яков почувствовал себя плохо еще в Мужичьем, — начал Серго, — а когда мы добрались до Чеченского перевала, то он совсем слег. Я остался с ним, пробовал лечить домашними средствами. Делал что мог, но лекарств почти не было. Наступил кризис, температура резко упала. Организм был слишком истощен... — Крупная слеза покатилась по щеке Серго. — Да, — тихо сказал он, —

многих друзей уже нет. Нет Яши Бутырина, нет Ноя Буачидзе. Ты молодой, почти мальчик, и вот лишился ноги.

Саша забарабанил пальцами по столу:

— Тяжелые наступили дни... Я иногда начинаю отчаиваться, Серго.

— Нет, Саша, отчаиваться нельзя. Ты только подумай, в какие великие дни мы живем. Конечно, Деникин — опасная сила, пожалуй, не меньшая сила и Колчак, но скажи, разве они могут победить? Ведь правда-то у нас. Не они, а мы даем народу счастье, свободу, землю! — Серго откинул назад длинные волосы. — Но, конечно, надо действовать и действовать. Сейчас наша основная задача — облегчить победу Красной Армии, которая должна двинуться из Москвы. Нам нужно расшатать белогвардейцам тыл, организовать в Ингушетии, Чечне, Кабарде, Осетии и Дагестане партизанские отряды. Они в нужную минуту восстанут в тылу у белогвардейцев, отрежут им пути к отступлению.

Серго поднялся:

— Ну, пора спать. Завтра мне предстоит порядочный переход. Я в Чечню еду. Надо подробно узнать, как идут дела у Гикало.

Ночью Серго в сопровождении Хизыра Орцханова выехал в аул Нижний Датых, лежащий на границе с Чечней.

3

Лошадей остановили возле плетня и, не спешиваясь, стали ожидать, когда выйдет хозяин. Собаки громко лаяли. Дверь сакли отворилась, и рослый старик вышел навстречу приезжим, стараясь на ходу попасть в рукава черкески.

Орцханов поздоровался и сказал:

— Я привез тебе дорогого гостя, Заурбек.

Старик молча поклонился и взял лошадь Серго под уздцы.

— Он понимает по-русски? — спросил Серго.

— Очень мало, но я переведу, — ответил Орцханов.

— Так передай ему, что мы приехали в гости. Как он нас будет принимать?

Стояла холодная мартовская ночь. Луны не было вид-

но, и Серго с трудом различал белые пятна домов и черный массив леса, начинающегося тут же, на краю аула.

Орцханов перевел слова Серго, и старик с достоинством ответил:

— Скажи своему начальнику, что я, Заурбек Исламов, встречаю дорогих гостей, как близких родственников...

Из сакли выбежали ребятишки и помогли комиссару спешиться. Заурбек первым вошел в кунацкую, которая всегда была готова к приему гостей.

Лампа осветила лицо старика, и Серго теперь смог хорошо разглядеть широкоплечего Заурбека, его орлиный нос, седые длинные усы, остро подстриженную бородку и карие глаза.

«Так вот он, этот знаменитый абрек, сподвижник Зедим-хана, о котором народ сложил десятки легенд!» — подумал Серго.

Многое рассказывали горцы о подвигах этого смельчака. Не раз он убегал из царских тюрем. Он перебил на своем веку несколько десятков офицеров и генералов и совершал дерзкие налеты на обозы, на поместья и даже на владикавказский и грозненский банки. Сейчас Заурбек, добродушно поглядывая на гостей, отдавал приказания детям, чтобы они зарезали барана и собрали ужин.

Заурбеку было около шестидесяти лет. Он был бодр, ходил прямо, выпячивая вперед широкую грудь и осторожно переступая мускулистыми ногами, затянутыми в мягкую горскую обувь.

Усталых гостей накормили прекрасным ужином. Пожелав доброй ночи, хозяин вышел, прислав вместо себя сына с такими же тонкими чертами лица. Мальчик хотел помочь Серго снять сапоги, но тот отказался и спросил:

— Ты знаешь по-русский?

— Да.

— Тебя как зовут?

— Мусса.

— Расскажи что-нибудь про отца.

— Мне было восемь лет, — начал мальчик, — когда мой отец скрывался от полиции. Я и мой брат охраняли ворота — ждали отряд из Мужичьего. И вот однажды ночью отец приказал зарезать барана, кур. Мы с братом не пойдем, зачем режут, — ведь гостей-то нет. Вдруг видим — едет отряд полиции, человек пятнадцать. Мы — к отцу. Он взял винтовку и не спеша пошел навстречу. Я с перепугу забился в комнату, брат тоже. Тут слышим весе-

лые голоса, и входит в комнату отец, а с ним и весь отряд. Гляжу я на полицейских — у кого желтые погоны, у кого синие. «Отец, — кричу я, — почему не скрываешься?» А он как засмеется! Засмеялись и полицейские. «Это же, — говорит мне отец, — Зелим-хан». Наутро отец тоже переоделся полицейским и вместе с отрядом уехал в Чечню. В ту же ночь они убили богатого помещика из Ачхой-Мортана. Они всегда так делали: убивали богатых, а деньги отдавали бедным, — не без гордости закончил мальчик.

Приезжие уже успели раздеться и легли, накрывшись теплыми бурками.

— Ну, я пойду. Лампу погасить? — спросил Мусса.

— Погаси, — сказал Серго и, когда мальчик направился к двери, спросил: — А где ты так хорошо научился по-русски разговаривать?

— В ссылке, — ответил мальчик. — Вся наша семья за отца была выслана в Сибирь...

Утром Серго двинулся в дальнейший путь. Его сопровождали Заурбек и Мальсагов Габис — смуглый, статный чеченец, о котором Серго не раз слышал от Шеринова, как о надежном, верном человеке.

Когда спускались по крутой тропинке к речке Мартан, бьющейся в камнях далеко внизу, Заурбек сказал Серго, с трудом подбирая русские слова:

— Я с тобой поехал... ты мой гость... тебя убьют — мне стыдно будет: нельзя жить будет...

Переехали через речку. Кони шли резво, копыта звонко поцокивали по мокрым глыбам. За речкой начался подъем. Вокруг высились леса.

Заурбек, ехавший впереди, остановил свою гнедую лошадь и, показывая на гору ременной плеткой, сказал:

— Там есть башня, а дорога нет, яман-дорога. Моя там Зелим-хан спасался.

К утру второго дня доехали до чеченского аула Гехи. Здесь должна была состояться встреча Орджоникидзе с Гикало.

Аул Гехи лежит у подножия лесистых гор. Нужно было проехать по прямой, занесенной снегом улице, мимо почерневших стволов фруктовых деревьев, мимо белых саклей и аккуратных плетней до центра аула, где высоко поднимается в небо кирпичный минарет мечети.

Путники подъехали к деревянным воротам, и Заурбек три раза стукнул ременной плеткой.

— Эй, хозяин! — крикнул он властным голосом.

— Минутку! — ответили со двора, и вскоре навстречу гостям вышел чуть сутуловатый чеченец с седеющими волосами.

Он был одет в пиджачную пару, на ногах — городские ботинки в глубоких старомодных калошах.

Гости въехали во двор и слезли с коней.

— Ну, что новенького? — спросил Серго у хозяина, направляясь к домику, стоящему в глубине двора.

— Новости тревожные, — ответил чеченец. — Деникин вновь наступает. Сегодня только первый день, как мы не слышим канонады.

Гости вошли в небольшую кунацкую с длинными парами, застеленными оранжевыми паласами, с пестрыми дагестанскими коврами на стенах, где крест-накрест висели две серебряные пашки.

Пока женщины торопливо готовили для гостей завтрак, хозяин рассказывал о положении в аулах:

— Тринадцатого марта белые начали развернутое наступление. Они хотели единым ударом сломить наши силы, но отряд Асланбека Шеришова дал им энергичный отпор. Он нагнал на «добровольцев» такой страх, что вчера они были вынуждены отступить и вряд ли теперь решатся наступать на нас столь широким фронтом.

— А где Гикало?

— Здесь, в ауле.

— Пошлите за ним.

Минут через десять Серго и Гикало сидели рядом и беседовали. Гикало радостно жал руку Серго и говорил:

— Ну, не чаял вас видеть! Вот дела! Ну-ну!..

Серго обнял Гикало и по-братски расцеловал этого мужественного человека.

Пережил он страшные дни. До Серго доходили слухи о трагедии, разыгравшейся при отступлении отряда Гикало в Чечню, но он не представлял себе, что дело доходило до того, что Гикало едва не решился на самоубийство. Да, он чуть не застрелился от обиды и горечи...

— Мы двинулись на Асиновку, куда же еще? — рассказывал Гикало. — С нами обозы, раненые, больные, рабочее с семьями. Чтобы дать им возможность уйти в горы, мы в одной станице, лежавшей на нашем пути, собрали казачий сход и поставили перед стариками вопрос: «Дайте

пройти нашим отрядам и обозам. Если вы честные люди, храбрые люди, те старые казаки, о которых люди хорошо говорят, то вы по-честному мне ответите, согласные помочь нам или нет. А для этого сделать надо следующее: идите по домам и сидите там; если хотите, я часть стариков арестую, запру в церковь, поставлю охрану, сделаю вид, что насилие над вами совершаю, чтобы потом вас не громили. Моя просьба по тылам не стрелять, ведь у меня больные, женщины и дети, грозненские рабочие. Как хотите. Если вы хотите воевать, то вы ускорите развязку. Но имейте в виду: у меня выхода нет, я должен буду вас сжечь, черт с вами, все равно погибать. Но поймите, я говорю это не из злобных чувств, а просто потому, что выхода иного, если вы помочь мне не захотите, у меня нет».

Выступает один старик седой, с бородой.

«Эх,— говорит,— мужик ты хороший, храбрый мужик, правду говоришь».

Плакали прямо люди...

«Нам трудно, очень уж трудно. Ты нас сжечь хочешь и убить, а те сволочи тоже подойдут...»

Так прямо и сказал: «сволочи». «Наши,— говорит,— кровопийцы, атаманы. Но,— говорит,— так думаю: надо с тобой согласиться».

«Хотите — я отойду в сторону,— говорю я им.— Чего нам смущаться друг друга? Посовещуйтесь». Я на коне был.

Это происходит в церковной ограде. Старики советуются, потом говорят: давай сюда. Я подъехал. Вот такое дело — решили тебя не трогать, даже можем помочь...

И как крепко помогли! Залегли в окопы с нами. Десятка полтора стариков казаков я видел в окопах — стреляли в контру. Я одному пожал руку, говорю: «Черт тебя знает, старик, куда ты лезешь? Я же с тобой договор о перемирии заключал, а ты лезешь с винтовкой. Тебя убьют, найдут белые твой труп, и ты станицу всю опорочишь». — «Эх, двум смертям не бывать, одной не миновать», — ответил он мне. — Ты, сынок, не огорчайся:..»

Мы продержались до ночи. Белые наступали. Несколько их атак мы отбили, потом пошли в горы. И вот тут-то какой-то подлый провокатор затесался. Нас завели в лес, в тупик безвыходный. Тут обрыв, там река начинается, такая бурливая. Некуда двигаться. Пока я поехал вперед искать дорогу, какие-то мерзавцы начали бить денежные ящички. Прикладом как трахнут или шашкой — рубли се-

ребряные или пятерки золотые рассыпаются по снегу, и их хватают. Ко мне прискакали, кричат... Скандал! Поскакал я обратно. Вижу эту картину, ударил кого-то, в кого-то выстрелил. Тут на меня начали кидаться. Я уже сам не свой стал, но меня схватили ординарцы и отвели в сторону. Я сговорился кое с кем, и начали мы ящики с золотом и серебром в ущелье бросать...

Народ дошел до того, что вот казачье седло — он берет его, вытаскивает из подушки шерсть, набивает туда николаевские сторублевки, екатерининки, кладет это седло на лошадь и садится на него. Мало ему — в сапоги пихает, всюду. Только тогда я узнал, что такое золото...

Когда деньги рассыпали, я рукой махнул. Состояние у меня было ужасное, хотел стреляться, картина страшно меня взбудоражила...

Три дня мы плутали, потом вышли на хутор. Было это перед ночью, темнеть начало. Посылаю человека вперед. Он побывал на хуторе, говорит, что дело обстоит хорошо, видимо, чеченцы свои. Оказывается, нас надули. Там находился один из кулацких хуторов — бандитский.

Приехали мы на хутор. Завернули в какой-то двор. К нам старик выходит. Я по-чеченски немножко знаю, говорю ему, что отдаем себя под его покровительство. Он благодушно глядит, гладит бороду: «Пожалуйст». Но только мы подъехали к дому, как из-за плетня выскочили бандиты и начали тащить нас с лошадей. Вообще-то нас так просто не могли бы взять, но эта неожиданность помогла им...

И вот нас захватили, ввели в саклю, все, что было у нас — деньги, оружие, — отобрали. У меня был маленький револьвер, я его спрятал. Были у меня очки в позолоченной оправе — забрали, думали, что золотые. Но оставили все-таки в одежде и отсюда ночью куда-то повели за хутор. Раздели и бросили нас. Пять человек нас было. Куда подаваться — неизвестно. Ночь... И вот мы пустились бежать. Выюга, мерзнуть начали. Начинаем друг друга бить и растирать. Я немножко в медицине понимаю, организовал их. Растираемся, деремся, опять бежим...

Осталось нас двое; трое отстали, не захотели с нами идти. Долго мы бежали, вдруг я слышу лай собаки. Это оказался пастуший загон для овец. Собаки и те боятся нас. Выскочат, посмотрят, завизжат — и обратно. Потом вышел один чеченец. Увидел нас и тоже спрятался. Я по-чеченски прошу его помочь нам. Только тогда он вылез,

а мы уже замерзаем. Кое-как мы ему все объяснили, он позвал пастухов, те затащили нас в землянку, закутали в бараньи шкуры, горячее дали.

Пролежали мы у них день, я был в горячке. Еще до горячки я уговорил одного из пастухов поехать к Шерипову, записку к нему углем написал. Через день приехала таратайка, и меня увезли в аул Гехи. Я там жил некоторое время и оттуда решил двинуться в Шатой, к Шерипову. Я знал, что у него есть люди, деньги. Встретился с Асланбеком, договорился. Он замечательный мужик. В партию не хотел идти, говорил: отступят, разгромят, тогда и вступлю. И здесь я оформил его...

— О, значит, он вступил в партию? — радостно воскликнул Серго, перебивая рассказ Гикало. — Молодец! Сдержал слово. А где он сейчас?

— В Гойтах...

— Туда можно пробраться?

— Не советую, — помотал головой Гикало. — Белые рыщут всюду, и есть предатели, готовые им помочь.

— Понятно, — вздохнул Серго. Ему очень хотелось встретиться с молодым горцем. — Сколько же человек сейчас в твоём отряде?

— Да около сотни наберется.

— Всего?

— Да... Пока около сотни.

— Это ты правильно подчеркнул — пока, — улыбнулся Серго. — Верить в нашу победу?

Гикало серьезно, без улыбки смотрел на Серго. Так прошла минута, другая...

— Если бы это были не вы, то я бы на такой вопрос обиделся, — проговорил Гикало. — Вы, наверно, думаете: вот, все же он проявил слабость в минуту отчаяния, хотел покончить с собой. Но я это хотел сделать не от неверия в нашу победу, а от злости на человеческую подлость. Идет великая революция, а тут пизость, наглая алчность, грабеж во вред себе!..

Серго молча обнял Гикало:

— Ты прав, извини...

Шакро творил чудеса. По заснеженным горным тропкам, идущим параллельно Военно-Грузинской дороге, он переправлял людей в Тифлис, партию за партией, при-

чем сам шел во главе каждой. И только устранив все опасности, он возвращался к Серго за новыми поручениями...

Так были переправлены в Грузию Бетал, Дьяков, жена Бутырина с детьми, Тамара и Сашина жена Вера. С ними ушел и Захар, дождавшийся наконец своего часа.

Как-то поздно вечером Серго сидел в сакле у Заурбека и чинил свои сапоги.

В это время кто-то громко постучал в ставень.

— Зачем не открываешь? — слышался со двора голос с сильным грузинским акцентом. — Свои идут, открой! Заурбек посмотрел на Серго. Тот кивнул головой.

В саклю вошел Шакро.

— Здравствуйте, товарищи, — сказал он, снимая шапку. — Привет из Тифлиса! Как живете?

Вид у него был такой, будто он не через горный хребет перевалил, а только перешел улицу.

— Наконец-то! — Серго долго тряс руку смельчаку. — Как доехали? Все ли хорошо?

Шакро подпорол подкладку барашковой шапки и вынул из нее конверт.

— От кого это? — быстро спросил Серго.

— Читайте!..

Серго вскрыл конверт и воскликнул:

— От Зины!

Зина писала, что доехала благополучно, живет в Тифлисе. Пока ее присутствие меньшевиками не обнаружено. Зина волновалась за судьбу Серго и просила его скорее приехать.

— Ну, придется немного обождать... — сказал Серго.

Шакро возразил:

— Зачем? В Тифлисе вас все ждут, беспокоятся сильно.

— Работа. Нельзя...

— Может быть, гость хочет умыться с дороги? — вежливо спросил хозяин.

Не прошло и пяти минут, как одна из жен Заурбека внесла круглый маленький стол, уставленный национальными яствами. Когда прибывший поел, Серго принялся расспрашивать о жизни в Тифлисе, о работе подпольного комитета.

— Мне приказали обязательно вытащить вас из Ингушетии, — говорил Шакро. — Так и сказали: «Без него не возвращайся».

— Это ничего. Я им объясню, почему не могу ехать, —

сказал Серго. — Вы лучше скажите, как обстоит дело со средствами. Что-нибудь привезли?

— Немного имеется. У меня в пальто зашито.

— А как с оружием?

— Через Хевсурский отправлены двадцать пулеметов, тысяча винтовок и патроны.

— Отправлены?

— Да. В день моего отъезда.

Серго был готов расцеловать Шакро за весть.

— Вот это новости! — возбужденно говорил он. — Ну кто после этого будет оспаривать, что нам не ворожит большевистский бог?..

К Серго часто приезжали гонцы из разных аулов. Они рассказывали, что белые грабят население, угоняют скот, зверски расправляются с горцами.

Посланцы уверяли Серго, что народ не покорился, что боевой дух его не сломлен. Серго знал это и сам, но ему, кроме того, было хорошо известно, что рвущуюся в бой за советскую власть молодежь сдерживают шейхи и муллы. Они влияли на стариков, а старики пользовались у горцев неограниченной властью.

Когда пришло оружие, Серго вызвал к себе Керима и предложил ему созвать из аулов стариков для беседы по важным делам.

— Нужно оформить отряды, — говорил Серго. — Раньше мы ждали оружия, теперь оно у нас есть. Ближайшая наша задача — организационно оформить сотни. В первую очередь нужно назначить командиров.

— Кого же именно?

— Стариков. Ты не удивляйся: мы их упорство сломим и им же доверим руководство. Они самые авторитетные люди.

Керим-Султан от удивления свистнул и опустился на нары.

— Вот это придумал! — тихо сказал он.

— Какими стариками мы располагаем сейчас? — продолжал Серго. — Заурбек да Ибрагим — вот и обчелся. Нам надо человек пятьдесят или больше.

— В горах столько не наберешь, — задумчиво сказал Керим-Султан. — Надо, пожалуй, искать на равнине...

— То есть в Галашках и других плоскостных аулах?.. А скажи, Саид мог бы нам тут помочь?

— Очень! — воскликнул горец, удивляясь умению Серго вовремя вспомнить о нужных людях.

— А знаешь ты, где он сейчас?

— Знаю... Около Галашек.

— Мы сегодня поедem туда.

— Но...

— Никаких «но». Отдохнешь — и тронемся...

Вечером Серго и Керим достигли галашкинских лесов. Дороги еще не просохли. Кони Серго и Керима шли рядом. Из мягкого азиатского седла Керима выбивались куриные перья. Долгое время ехали молча. За лесистыми горами, где вдалеке находился Владикавказ, заходило солнце. Было уже темно, когда путники минули Галашки и приблизились к следующему селению. Это был аул, лежавший всего в двадцати верстах от Владикавказа.

Керим помог Серго закутать лицо теплым башлыком и посоветовал надвинуть шапку до глаз. Всадники неторопливо проехали по узкому переулочку. Луна освещала плетни и красные черепичные крыши.

— Здесь, — тихо сказал Керим и, спрыгнув с коня, отворил ворота.

Путники въехали в большой пустынный двор и остановились возле крыльца. Керим тихо поскреб стекло. Дверь отворилась.

На пороге стоял Саид. Узнав гостей, старик пригласил их в кунацкую.

— Как живете? — спросил у него Серго. — Как семья?

— Слава аллаху, — ответил Саид, — все наши здоровы. А как чувствуют себя гости? Не утомились ли они в пути?

Старик вышел из комнаты, и Керим слышал, как он отдавал приказание зарезать барана. Вскоре он вернулся, и Серго обратился к нему:

— Мы приехали к вам, чтобы выслушать ваш совет. Вас знают все горцы, вы старый, почетный человек. Сейчас в горах организуются партизанские сотни. Посоветуйте нам, кого можно назначить командирами.

Саид прожил долгую жизнь, и никто, кроме горцев, не спрашивал у него совета. Он почувствовал себя польщенным.

— Много нужно командиров? — спросил он.

— Человек пятьдесят. В партизанских сотнях должны быть все горцы.

— Хорошо, я передам ваши слова старикам,

— А сами вы будете командиром?

Старик покачал головой:

— Я уже стар. У меня есть правнуки.

— Тем более вас уважают и будут слушаться.

Глаза старика заблестели, но он сдержал улыбку и с достоинством ответил:

— Я не могу сказать сразу. Надо подумать.

Керим долго говорил со стариком. Серго прислушивался к их гортанным голосам и думал о том, что ему следует, пожалуй, на свободе изучить язык горцев. Тогда бы он смог по-настоящему развернуть работу.

Керим положил свою тяжелую руку на плечо Серго:

— Саид обещает созвать почетных. Митинг будет в лесу, между Сурхохи и Галашками.

Серго крепко пожал руку старику:

— Спасибо...

— Тебе спасибо! — засмеялся Саид, прижимая Серго к своей груди.

Керим сказал:

— До свиданья. Нам надо ехать.

Старик замахал руками:

— Нельзя ехать! Я барана зарезал! Сейчас ужин будет.

— Задерживаться опасно, — ответил Керим. — Белые повсюду ищут Эрджикинеза.

Старик гордо сказал:

— В моем доме не может быть опасно. У меня восемь сыновей, и только через их трупы белые смогут подойти к нашим гостям.

Пришлось остаться. Вскоре хозяйка на большом деревянном блюде внесла дымящуюся вареную баранину. Мясо было сильно приправлено луком.

Гости сели за стол. Старший сын хозяина прислуживал у стола. Он расстелил на коленях у гостей большое полотенце. Керим первым взял в руки кусок мяса. Серго последовал его примеру.

— Тут вилок не полагается, — усмехнулся Керим и вытащил из-под кияжала маленький ножик.

Помогая себе этим ножом, он принялся за еду.

Старик хозяин отошел к двери и застыл, скрестив на груди руки. На его белом бешмете четко выделялись черные ножны кияжала. Он решительно отказался сесть за стол вместе с гостями и принялся ужинать только после отъезда Серго.

Из различных аулов съезжались в галашкинский лес белобородые старцы.

К полудню в глубокой балке, затерявшейся между двумя высокими лесистыми горами, собралось около сотни почетных. Был здесь суровый Заурбек, был и Ибрагим.

Серго проверял списки: их привез гостеприимный Саид, который после ночной беседы с Серго немало помог ему в организации митинга. Вместе с ним Серго несколько ночей подряд обходил дома почетных и призывал их подняться против Деникина. Сейчас старик заготовил для Серго список командиров будущих партизанских отрядов. Серго внимательно расспрашивал его о каждой кандидатуре и говорил:

— Ну, если ты ручаешься за этого человека, то я верю ему, как себе...

Большинство стариков сидело поодаль, расположившись на поляне широким кругом. Под каждым была подстелена теплая бурка. Кони были привязаны тут же, к стволам осин и берез.

Ибрагим забрался в самую середину круга. Он поджал под себя ноги и кричал, стараясь придать своим добродушным глазам строгое выражение:

— А ну, давай не шуметь! Все слушайте меня! Я хочу говорить!

Для солидности он нахлобучил свою большую лохматую шапку до самых бровей и взмахнул кулаком:

— Мы — горцы. Мой друг Серго назвал нас орлами. Мы не похожи на мышей и лягушек, которые населяют плоскость!..

Старики из равнинных аулов обиделись на такое неслестное сравнение. Поднялся возмущенный говор.

В спор вмешался Заурбек.

— Зачем кричите? — сказал он. — Вы лучше скажите, почему покорились белым? Они у вас контрибуцию берут, а вы им в пояс кланяетесь?

— Что контрибуция! — выкрикнул старик с длинной волнистой бородой. — На нас свалилась новая беда: Деникин велел собрать из нашей молодежи два конных полка на своих лошадях.

— Не дадим! — крикнул сутулый старик.

— Но воевать тоже нельзя, — заметил другой, с чеканным кинжалом у пояса.

Заговорил Серго:

— Товарищи горцы! У вас не было и нет князей — это верно! Но за последние тридцать лет расплодился офицеры, барановоды, нефтяники, шейхи и муллы. Они вместе с царским правительством тянули из народа последние соки. Когда мы прогнали царя, шейхи пошли на соглашение с Деникиным. Они были против передачи вам земель, грабительно отнятых у вас. Скажите вы, почетные из почетных, от вашего ли имени выносит свои грабительские постановления назранский съезд? Вы уполномочили делегатов накладывать на вас новые поборы?

— Нет, нет! — закричал Заурбек.

— От вашего ли имени, — продолжал Серго, — действует бывший председатель Национального совета Джабагиев, когда соглашается переселить сунженских казаков на ваши земли?

Гнев и возмущение охватили всех;

— Джабагиев — предатель!

— Кто ему дал право?..

— Трусливый пес!

Серго поднял руку, и старики смолкли.

— Шейхи и муллы, — чеканил он слова, — значительно хуже князей, отсутствием которых вы так гордитесь. Шейхи и муллы сосут народные соки. Шейхи и муллы удерживают вас от борьбы с белогвардейцами. Кого вы будете слушать: их или голос собственной совести? Вспомните, где ваши земли? Их забрал Деникин. Где ваш скот? Его угнали деникинские солдаты. Где ваша честь и свобода, вольные орлы Кавказа? Неужели и их вы отдадите кровавым стервятникам — генералам?

— Не дадим! — что есть силы закричал Ибрагим и бросил шапку себе под ноги. — Не дадим!

В середину круга вышел Керим-Султан:

— Надо собирать людей в отряды. Пусть погибнут десятки, но свободным станет весь народ!

— Правильно! — поддержал Ибрагим. — Золотые слова говорит Керим!

— Нам давно надоело так жить, — сказал Заурбек. — Мы принимаем твою речь, Эрджикинез!

Маленький старичок сказал, прижимая руку к сердцу:

— Нас убивали казаки. Все относились плохо к бедному горцу. Но пришел большой человек — Эрджикинез. Он сказал: «Земля и реки, поля и леса будут принадлежать вам». За этого человека мы готовы отдать жизнь.

— Мы собрали вас не для пустых разговоров,— ответил Серго старику.— Каждый из вас с сегодняшнего дня делается командиром отряда. Мы верим вам. Вы лучшие, самые почетные люди. Счастье вашего народа отныне в ваших руках.

Командующим партизанскими отрядами старики избрали Хизыра Орцханова, знающего военное дело.

— Хизыр — верошный человек!..

— Тогда — к работе,— закончил Серго.— Красная Армия придет вам на помощь. Отбивайте у деникинцев хлеб и фураж, уничтожайте отдельные отряды. Скоро придет помощь из Москвы!

6

Шакро почему-то задержался в Тифлисе, и Серго решил переправиться туда без его помощи. Теперь он уже сам хотел поскорее перебраться через хребет. Его требовали в Москву.

На рассвете он лежал в сакле Ибрагима и думал об отъезде. Сашу надо было бы взять с собой, но не выдержит он такого пути — еле ходит. Придется за ним позднее прислать Шакро.

За окном кричали грачи. Все сильнее чувствовалось приближение весны.

Вот проснулся Ибрагим, с трудом приоткрыл маленькие глазки и, почесываясь под одеялом, крикнул:

— Юсуп!

Никто не отзывался.

— Юсуп! — еще раз повелительно закричал Ибрагим и принялся одеваться.

Он натянул штаны, со вздохом надел черный бешмет и спрятал на груди зашитую в черный треугольник ладанку с изречениями из корана.

Вошел заспанный Юсуп, сын Ибрагима, и, не решаясь подойти ближе, стал возле дверей.

— Давай кувшин и таз, надо богу молиться,— сказал Ибрагим и зевнул, закрывая рот рукой.

Серго не спал. Он лежал на нарах рядом с Ибрагимом и с любопытством наблюдал за ним.

Юсуп подал отцу таз и кувшин на высокой ножке с узким и длинным горлышком.

Ибрагим опять вздохнул и принялся умываться.

Он набрал воду в ладони и выплеснул ее на руки так,

что вода сбегала в таз только у самых локтей. Затем, правой рукой держа кувшин, а в левую налив воды, он плеснул ее в лицо, отдуваясь, промыл уши и чуть смочил бронзовую от загара лысину.

Вымыв руки, лицо и ноги, Ибрагим вытерся полотенцем и босиком стал на светлую шкуру дикой козы.

Потом, зевнув, он поднял руки вверх и снова опустил их по швам, еще раз зевнул, поклонился в пояс и, подтянув зеленые брюки, встал на колени и два раза поклонился до самой земли.

Так он проделал пять раз и, видимо утомившись, прислонился к углу нар, откуда свешивалась черная бурка.

— Замучался? — сдерживая улыбку, спросил Серго.

Ибрагим поднял брови и грустно поглядел на восток.

— Хорошо спал? — через некоторое время отрывисто спросил он, не поворачивая головы.

Серго принялся одеваться:

— Великолепно. А ты?

— Все хорошо. — Ибрагим сложил ладони книжечкой и что-то стал нашептывать.

Серго спросил:

— Что это ты сегодня так усердно молишься?

Ибрагим кончил молитву и натянул на ноги узкие мягкие, как чулки, ноговицы. Поверх них он надел чуваки с чуть задранными кверху носками и встал.

— Сегодня пятница. Сегодня мечеть идти, — кротко ответил он.

Серго посмотрел на Ибрагима, видимо что-то соображая:

— Послушай, в мечети народу много?

— А конечно. Все правоверный мечеть идут.

— Так у меня к тебе просьба: будьешь в мечети, скажи народу, что, если у кого живут больные или раненные красноармейцы, пусть немедленно сообщат. Мы их в Тифлис отправим.

Вскоре после завтрака Ибрагим стал собираться в мечеть. Она находилась верстах в восьми от Пуя, в ауле Эгикал.

— Я пойду с тобой, — сказал Серго.

Они вместе спустились к Ассе и пошли вдоль ее берегов. Влажный ветер дул прямо в лицо.

— За последние дни стало совсем мало красноармейцев. Нельзя поверить, что все они уже ушли в Грузию, — с беспокойством промолвил Серго.

- Зачем верить нельзя? Все ушли. Больше нет.
- Но ты все же спросишь в мечети?
- А конечно...

Серго повернул обратно к Пую. На пути, чуть выше тропинки, он заметил маленький домик с высокой каменной крышей. Цепляясь руками за выступы скалы, он поднялся к домику. Входное отверстие было завалено камнями. Через узкую щелку Серго заглянул внутрь.

«Что это — склеп?» — подумал Серго.

Он отвалил в сторону один из камней, и перед его глазами встала страшная картина: на лавках сидели высохшие трупы. Кожа у мертвых была сморщенная, коричневая. Какая-то женщина держала на руках скелет младенца. Рядом валялись деревянная чашка, копьё...

В лицо Серго пахнуло запахом тления. Он поспешил положить камень на прежнее место и, спустившись со скалы на тропку, быстро пошел к аулу.

«Сколько лет этим покойникам? — думал он. — Почему они так странно похоронены?»

Теперь он заметил, что в скалах есть много подобных могильников. Все они из такого же серого камня, что и родовые башни в аулах.

«Ясно, — решил Серго, — они строились одновременно».

Вдалеке показался всадник. Он быстро приближался, и вскоре Серго узнал широкие плечи Керим-Султана. Он пошел ему навстречу.

Керим ехал не один. Обхватив его руками, сзади сидел молодой, очень бледный человек. Серго знал его еще по Владикавказу. Его фамилия была Автономов.

— Автономов! — воскликнул Серго. — И ты здесь?

— Здесь. Тифом болел.

Они направились к Пую. По дороге Автономов рассказывал о своих мытарствах в горах.

— Думал, не выдержу, умру, — тихо говорил он.

— Ну, Серго, — сказал Керим, когда кони были уже расседланы и они сидели в сакле Ибрагима, — пора теперь и о себе подумать. Красноармейцев в горах почти не осталось, с партизанскими отрядами дело пошло на лад.

— Да, теперь поеду, — ответил Серго.

— Через Казбек?

— Ни в коем случае: там меньшевики,

— Тогда через Хевсуретию?

— Да.

Керим предложил:

— Давай поедем, узнаем дорогу.

Серго удивился:

— И не боишься?

— Нет.

— А в тот раз отказался?

— Я не хотел, чтоб ты ушел от нас, — ответил гор-
рец. — А бояться? Нет, Серго, в этом меня не упрекай!..

7

— Дорога в Хевсуретию трудная, — рассказывал Сер-
го Саше Гегечкори. — Пришлось раз пятнадцать переход-
ить вброд Ассу, пока добрались до первого селения.
Поднялись мы высоко. Вдали, на горных хребтах, лежал
снег. Тропинка свернула в лес. Ехали молча.

«Стой!» — раздался возглас на грузинском языке.

Мы остановились. Навстречу нам вышли два хевсура.
В руках у них были топоры, за плечами — винтовки.

«Откуда идете?» — спросил старший хевсур. Он до
самых глаз зарос черной кудрявой бородой. Длинная ру-
баха была расшита крестами из самодельных бус. На но-
гах были надеты плетеные кожаные лапти.

«Далеко до селения?» — спросил я.

Хевсуры переглянулись.

«Нет», — неуверенно ответил старший.

«Кто вождь?»

«Бицка».

Мы быстро поехали к аулу. Керим сказал мне:

«Ты заметил, как они смотрели на нас? Как бы не
вышло неприятности».

Вскоре показался аул Амги. Он расположился возле
скал. Башни из серого камня походили на ингушские,
только бойницы были сделаны в виде крестов.

Нас проводили к вождю племени. Было ему лет около
сорока. Волосы длинные, свалывшиеся. Бицка встретил
нас приветливо и пригласил в свою башню. Мы прошли
через скотный двор, который помещался тут же, в баш-
не, и поднялись на второй этаж. В комнате пахло лоша-
диным навозом и баранами. В беспорядке валялись
шкуры коз, оленей и даже медведя.

«Откуда идете?» — спросил Бицка.

Я понял, что нужно вести себя очень осторожно.

«Нас ограбили,— начал я.— Ночью напали и все забрали. Теперь мы должны пробраться в Грузию, а оттуда — в Москву».

Бицка пристально смотрел на Керима.

«У вас была война,— неторопливо ответил он,— это я знаю от людей, которые шли из Владикавказа. Много людей проходило через наш аул, и ни один волос не упал с их головы. Но среди этих людей не было ингушей...»

Бицка еще раз долгим взглядом посмотрел на Керима. Видно, его смущали рыжие усы моего товарища.

«Мы грузины»,— проговорил я и огляделся.

На стенах было развешано богатое оружие. Здесь были старинные мечи, пистолы, кремневое ружье. Я загляделся на рубаху, сплетенную из проволоки.

Бицка заметил, с каким вниманием разглядываю я его ценности. Это польстило его самолюбию. Сам знаешь, для горца ничто так не дорого, как оружие.

Я спросил:

«Это тебе досталось от предков?»

Бицка с гордостью ответил:

«Да. Это фамильное оружие».

«Разреши,— сказал я,— подарить тебе свой револьвер».

Надо сказать, что сделал я это не без умысла. Керим предупредил меня, что, если подарить хевсуру оружие, он считает тебя кровным братом.

Затем я стал просить Бицку помочь переправиться в Тифлис. Он с достоинством ответил:

«Я рад помочь дорогому гостю. Грузины всегда были братьями хевсуров. Пусть это родство укрепится еще более. Мы проводим тебя до снежного перевала. Оттуда через Душет ты легко доберешься до Тифлиса».

«Сейчас мы ехать не можем,— возразил я.— Впизу у нас остались товарищи. Мы должны их захватить с собой».

Бицка поднялся.

«Хорошо. Скоро наступит пасха. Тогда приходи».

Мы вышли за околицу аула. Бицка провожал нас.

Вдруг поблизости послышался крик. Мы увидели, как два хевсура, возвращавшиеся из леса с хворостом, бросили свои вязанки и побежали нам навстречу. Один из них скинул с плеча винтовку и закричал:

«Посторонись, Бицка! Это ингуши, я знаю!»

Я и Керим спрятались за выступ скалы,

Биджа пошел навстречу хевсурам и о чем-то долго толковал с ними. После он вернулся к нам и объявил, что мы можем спокойно ехать домой. Мы попрощались и сели на коней. Хевсуры дровосеки стояли неподалеку и исподлобья поглядывали на нас. Мне кажется, что не только Керима, но и меня они приняли за негрузина».

Серго закончил рассказ и посмотрел на Сашу:

— Завтра пасха. Значит, тронемся?

Саша отрицательно покачал головой:

— Я не могу, Серго. Дорога, ты сам говоришь, трудная. Мне нужно обождать, поправиться.

— А скоро ты сможешь выехать?

— Не знаю. Думаю, что через месяц, другой. Но ты не беспокойся обо мне. Здесь хорошо.

— Ладно.— Серго поднялся.— Только связь с Тифлисом держи.

Ибрагим вернулся из мечети ночью.

— Много народ собрался, а я говорил,— сообщил он.— Говорю: «Давай красноармейцев. У нас в Пуй начальник живет. Серго называется. Он всех в Грузию направляет».

— Ну, и нашел кого-нибудь?

— Нет...

Ранним утром Серго вместе с Автономовым уходил в Грузию. Лошади уже стояли оседланными; в тороках были привязаны свертки с провизией.

— До свидания, Саша,— тихо сказал Серго.

Они обнялись.

Жена Ибрагима громко заплакала. Ибрагим зло посмотрел на нее, но ничего не сказал.

Серго помог ослабевшему после тифа Автономову сесть в седло, а потом сам взобрался на коня.

— Прощайте, друзья! — он снял шапку.— Хлеб, который я ел у вас, я никогда не забуду. Вашу любовь, доверие и поддержку должен всегда помнить каждый настоящий мужчина!..

Путники стали спускаться к Ассе. Ибрагим и Керим побежали вслед за ними, размахивая папахами.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Мучителен был месяц, проведенный Зиной в Тифлисе.

Приходилось все время скрываться от полиции, но больше всего мучило то, что Серго надолго застрял в горах. При помощи Шакро сюда через горы были переправлены десятки людей. В Тифлисе уже находились Дьяков, Резакова, Полина с детьми, жена Гегечкори Вера и многие другие. А Серго все еще оставался за хребтом — кочевал из аула в аул, из селения в селение, поднимая дух горцев, внушая им веру в близкую победу.

Каждую ночь Зина должна была искать себе новое пристанище. Вот и сегодня она еще не решила, где переночевать. Пойти к Арусяк? Но там был обыск. Остановиться у знакомых? Совестно подвергать их такому риску. В конце концов Зина решила идти к одной приятельнице. Там встретили ее хорошо, накормили, дали постель. Зина уже собиралась лечь спать, когда услышала звонок. Она пошла к двери. Старый партийный товарищ Серго, Камо, поздоровался с ней и проговорил:

— Скорей собирайся! Арусяк тяжело заболела.

Зина хорошо знала привычку Камо шутить и недоверчиво спросила:

— Ты не смеешься? Это правда?

— Какой смех? — воскликнул Камо.

Но Зина уловила в его тоне веселые нотки.

— Скажи правду, приехал Серго? — Она схватила Камо за борт пиджака.

— Да нет же, нет...

Зина наскоро оделась и вместе с Камо спустилась по крутой лестнице.

Сердце ее билось учащенно. Женское чутье подсказывало, что она не ошибается, что Серго здесь. Под аркой ворот было темно, но Зина различила очертания знакомой фигуры. Подойдя ближе, они увидела человека в черном пальто.

Он сделал шаг вперед, и через секунду Зина обнимала Серго.

— Надо идти, — сказал Камо.

Вышли на улицу. При скудном освещении Зина разглядывала изменившееся лицо Серго. Он загорел, кожа обветрилась, борода делала его мужественное лицо еще более суровым.

— Где заночуем? — спросила Зина.

— У меня, — ответил Камо.

Всю ночь не спали в квартире Камо. Серго рассказывал о суровом переходе из Ингушетии в Хевсуретию, о встрече с вождем племени Бицкой. Автономов не выдержал трудностей перехода через горы и умер на руках у Серго...

Весна 1919 года в Тифлисе была жаркой, душливой.

Серго вместе с Зиной поселились у Камо, в старой, азиатской части Тифлиса, которая называется Авлабаром. Каждая улица, каждый дом были хорошо знакомы Серго: здесь протекала его юность, здесь учился он в фельдшерской школе, здесь в 1903 году вступил в партию...

Дни бежали быстро и незаметно. Серго рассказывал Зине о Грузии, показывал стоящий на берегу Куры Метехский замок, в котором томились грузинские коммунисты и интернированные терские большевики. Серго прекрасно знал, что, попадись он в руки меньшевиков, его, вне сомнения, ждет та же участь.

Тифлис — столица меньшевистского царства — был наводнен войсками англичан. Полиция следила за каждым, повсюду искали заговорщиков и бунтовщиков.

Несмотря на строжайший полицейский режим, Серго удалось несколько раз собрать членов Кавказского крайкома. На тайных собраниях Серго говорил, что грузинский народ через голову своих правителей видит свое спасение только в союзе с Советской Россией.

— Задача закавказских большевиков, — убеждал Серго, — возглавить восстание грузинского народа против своих поработителей.

В Тифлисе Серго пробыл месяц, не больше. Здесь он встретил Варо, жену трагически погибшего бакинского комиссара Алеши Джапаридзе. Серго хорошо знал Алешу. Он познакомился с ним двенадцать лет назад в Баку, где Серго, член подпольного Бакинского комитета работал в качестве фельдшера. Варо было опасно оставаться в Тифлисе. Серго предложил ей вместе выехать в Россию. Молодая женщина с радостью согласилась.

— Но как? Каким путем мы поедем? — спросила она.

Это был трудный, почти неразрешимый вопрос, потому что весь Юг России находился в руках Деникина.

Выручил Камо. Как и всегда, план его был рискованным и смелым.

— Поедем в Баку, — говорил он, волнуясь и жестикулируя. — Там товарищи есть, там Микоян. Найдем рыбачью лодку — и по морю в Астрахань...

Серго показалось, что план этот неосуществим. В море хозяйничают белогвардейцы, англичане.

— Нет, это невозможно! — сказал Серго.

— Зачем невозможно? Пожалуйста, не говори!

Камо с жаром принялся доказывать, что это единственно реальный путь.

— Видишь? — кричал он гортанным голосом, указывая рукой на карту. — Другого пути нет!

Серго наконец согласился.

Зина и Варо стали собирать вещи.

В Баку было еще больше англичан, чем в Тифлисе. Большевики скрывались в глубоком подполье. Руководил бакинской организацией Анастас Иванович Микоян.

В тесной и полутемной конспиративной квартире встретился Серго с Анастасом Ивановичем. Микоян был еще очень молод — не больше двадцати трех лет. Одевался просто. Русская белая рубаша, пиджачная пара. Носил усы и редкую черную бороду.

От Микояна Серго узнал, что Киров в Астрахани.

В январе 1919 года он выехал из Москвы во Владикавказ с транспортом оружия; пробовал пробраться через астраханские степи на Терек, но встретил на пути отступающих бойцов разбитой XI армии и вернулся в

Астрахань. Теперь он председатель Астраханского ревкома.

Микоян рассказал Серго, что недавно Киров прислал в Баку баркас с оружием и литературой. Сергей Минович писал Микояну, что Ленин просит «бензина на зажигалку»: отрезанная от донецкого угля и от кавказской нефти Россия крайне нуждалась в топливе. Баркас, привезший Микояну оружие и литературу, должен был вывезти хотя бы немного горючего. Получив от Серго согласие поехать на баркасе, Микоян стал готовить экспедицию в далекий путь.

Все уже было готово, как вдруг пришло сообщение об аресте одного из бакинских подпольщиков, который держал съестную лавку и должен был заготовить для путешественников провиант. Поэтому пришлось довольствоваться очень ограниченным запасом сухарей, риса и хлеба. Опять выручил Камо: он где-то раздобыл коробку превосходной черной икры, показывал ее товарищам и шутил:

— Зачем нос повесил? Пожалуйста, не надо! Все хорошо будет!

2

День был жаркий, душливый. Вовсю палило немилосердное солнце. Правда, дул ветер, но он вместо прохлады еще больше усиливал зной, подымая столбы пыли и своим горячим дыханием обжигая лица прохожих.

В этот день Серго и его спутники должны были тронуться в длинное и рискованное путешествие. На пристани, где о гранитную набережную ударяются волны, раскрашенные во все цвета радуги каплями нефти, стояла на рейде небольшая рыбацья шхуна с поднятыми парусами. В Баку такая шхуна называется «туркменка». В ней без труда может поместиться до тридцати человек. Туркменки не боятся непогоды и далеко заходят в море.

По предложению Камо, женщины нарядились в лучшие платья. Мужчины оделись как на прогулку. Серго был в белой рубашке с мягким отложным воротником и в удобных широких брюках навыпуск; он шел к пристани неторопливым и ровным шагом, взмахивая небольшой корзиной с провизией. В белом праздничном наряде, с непокрытой головой да и еще с корзинкой он был похож

на обычного бакинского горожанина, собравшегося по случаю воскресного дня отдохнуть на лоне природы.

Город прошли благополучно. На пути встречались офицеры, слышалось позвякивание шпор. Худощавый англичанин в военном френче вежливо посторонился, давая дорогу веселой и шумной компании.

— Ол райт! — не стерпев, крикнул ему Камо.

Англичанин осклабился, четырехугольный подбородок полез вперед, обнажились длинные прокуренные зубы.

— Ол райт, сэр! — с довольной улыбкой приподнял он форменную фуражку.

Вот и пристань. Отсюда хорошо виден весь город, расположившийся амфитеатром на берегу залива. У моря находится новая, европейская часть города. Здесь улицы правильны и строги, здесь много богатых магазинов, особняков, площадей с монументами, высоких и одноликих коммерческих домов. Выше, на голых, бесплодных скалах, — азиатская часть: кривые улицы-щелки, грязь, скученность, вонь. Как и в Тифлисе, в Баку ужились два города: европейский и азиатский. Но здесь контраст еще более разителен: здесь чаще встретишь и европейца в изящном костюме, сшитом у лучшего петербургского или одесского портного, и перса в остроугольной нелепой шляпе, с красной бородой и фиолетовыми ногтями...

Весело смеясь, путники шли вдоль набережной. Волны ударились о каменный мол, дробились, подымали брызги.

— Вон наша туркменка, — шепнул Камо.

Шхуна качалась на волнах. Она уже готова была к отплытию.

— Помогай бог! — сказал Камо и засмеялся.

Он глубже надвинул на глаза шляпу и направился к таможенному чиновнику.

— Как быть, уважаемый господин? Что делать? — начал Камо, остановившись возле таможенного и почтиительно заглядывая ему в глаза. — Хотели мы на Баиллов мыс съездить, вот и дамы с нами, а лодки нет. Помогите, ради бога!

Чиновник оглядел всю компанию, женщин, корзину в руках Серго. Сказал многозначительно, поглаживая бороду:

— Уж не знаю, как тут помочь. Попросите, — вдруг оживился он, — людей вон с того баркаса. Может, и подвезут. Они уходят в Энзели, по дороге и подбросят.

Камо только этого и ждал.

— Эй! — закричал он, приложив ко рту ладони, сложенные рупором. — Эй, на баркасе!..

Огромный детина в тельнике перегнулся через корму:

— Чего надо?

Все наперебой стали кричать, не согласится ли он подвести до Баилова. Матрос отрицательно качал головой. Тогда в разговор вмешался чиновник:

— Ну что тебе стоит, дурья голова!

— Ладно! — махнул рукой матрос. — Притопчуйте четвертной...

С шутками и смехом взопли на баркас. Чиновник приветливо взмахнул над головой фуражкой. Суденышко отвалило от берега и стало уходить в море.

Серго стиснул руку Зины:

— Чего только мы с тобой не испытали, а?

Она улыбнулась...

Вскоре поднялся шторм. Пришлось бросить якорь, хотя город был совсем рядом и сторожевое судно англичан легко могло обнаружить качавшуюся на волнах туркменку.

Волны захлестывали лодку. Мачта скрипела и трещала.

— Баркас ненадежен, — сказал Серго.

— Да, — согласился один из матросов. — Поэтому я предлагаю женщин высадить на берег.

Камо рассмеялся:

— Правильно! Есть такая примета: когда баба на борту, то...

— Я не об этом, — возразил матрос. — Представьте себе, что нас захватят белые. Ведь женщины станут мучить, издеваться над ними.

Зина решительно прервала матроса:

— Я не сойду на берег! Если что-нибудь случится, выбросьте меня в море.

Матрос замолчал.

К счастью, ветер скоро притих, и баркас снова устремился вперед, на север.

Обед готовили Зина и Камо — они были крепче других и их не мучила морская болезнь. Зина варила рис, Камо раздавал маленькими порциями икру. Большую часть времени путники проводили в трюме. Несколько раз на горизонте показывались трубы пароходов, но маленькая туркменка успевала быстро скрыться.

Когда море бывало спокойным, путники выходили на палубу. Серго запевал свою любимую песню. Камо с матросами начинали подпевать, и по притихшему Каспию неслись знакомые слова:

Налей, налей, товарищ, заздравную чару,
Бог знает, что с нами случится вперед...

Плыли утомительно долго. Продовольствие иссякло. Правда, в пути матросы купили у рыбаков пемного рыбы и банку икры, но этого запаса не могло хватить надолго.

Лишь на тринадцатый день путники наконец добрались до Астрахани. И там их встретил новый, совсем другой мир!..

3

Серго и Киров так много знали друг о друге, что когда они встретились, то оба испытали такое ощущение, будто знакомы уже много лет.

Было просто удивительно смотреть на них, когда они сидели и беседовали: не оторвешь их друг от друга, наговориться не могут. Снова и снова слышалось:

— А помнишь, Сергей?..

— Еще бы... А ты не забыл?..

А ведь встретились эти люди впервые.

Днем у Сергея Мироновича не было времени для разговоров с Серго: с утра до позднего вечера он работал в Ревкоме и Реввоенсовете — из остатков отступившей сюда XI армии вновь возрождались полки и бригады.

У Серго тоже днем находилось много дел. В незнакомой Астрахани ему встретилось так много знакомых по работе на Украине, на Дону, Кубани и Тереке, что он сразу почувствовал себя в родной среде. Командиры и политработники XI армии, партийные работники Северного Кавказа и Закавказья — кого только нельзя было встретить в те дни в шумной Астрахани! Как-то на улице Серго попалось в глаза знакомое лицо, это оказался тот самый скептик, который уговаривал Серго на пятигорском вокзале не ездить во Владикавказ, так как там «все очень сложно».

— Ну что, — спросил он у Серго, — я был прав, а? Говорят, вы чуть не погибли в горах?

— «Чуть» не считается, — отшутился Серго. — Извините, спешу...

Зато ночью, когда Киров приезжал в гостиницу, где остановились Серго и его спутники, оба они могли всласть предаваться воспоминаниям о Тереке, который оба любили. Ели соленую воблу, запивали пивом и разговаривали почти до петухов.

Сергей Миронович за девять лет жизни на Тереке крепко привязался к этому краю и очень сожалел, что непредвиденные обстоятельства помешали ему вернуться туда. Чего только он не делал, чтобы прорваться во Владикавказ. Дважды он с большим транспортом оружия приближался к Тереку, но каждый раз вынужден был заворачивать обратно, чтобы оружие не попало в руки белых, перегородивших дорогу на Юг. Пришлось остаться в Астрахани... Тяжело пережил Киров смерть многих близких и дорогих ему людей — Буачидзе, Ильина, Маркуса, Бутырина, Цаголова, Камалова и других. С живым интересом расспрашивал Сергей Миронович о Бетале, Гикало, Шерипове.

— Как выросли эти люди! — восхищался он. — Я ведь хорошо знал их.

— Они тебе своим ростом и обязаны, — говорил Серго, — ты их нашел, поднял...

— Ну уж, — отмахивался Сергей Миронович, — не сваливай с себя на других!..

В руках у Сергея Мироновича уже длительное время сходились нити, связывавшие Советскую Россию с партизанами Северного Кавказа и подпольным движением Закавказья. Из Астрахани туда посылались люди, оружие, листовки. Революционная Россия не оставляла Кавказ без помощи, и, слушая рассказ Сергея Мироновича о том, что предпринимается в стране для окончательного сокрушения врага, Серго заранее радовался близкому возвращению на Терек...

Рано утром Серго и его спутники уезжали в Москву. В кармане у Серго лежал подписанный Кировым мандат, удостоверявший, что чрезвычайный комиссар Юга России возвращается в Москву для доклада Совнаркому о политическом и военном положении Северного Кавказа.

Перед отходом поезда Киров приехал прощаться с Серго и его спутниками. Энергичный, жизнерадостный Сергей Миронович очень понравился Зине, и она была рада, что Серго приобрел еще одного хорошего друга.

— До скорой встречи во Владикавказе! — говорил Серго, обнимая Кирова. — У меня уже готова речь, которую я произнесу в день приезда на вокзале. Скажу: «Помните, в июльский день восемнадцатого года я говорил, что за нами — революционная Россия? Потом наступили тяжелые дни, когда, казалось, все кончено. Но...»

— Хватит, остальное уже ясно, — смеялся Киров. — А я мечтаю о другом. Под Владикавказом расположены рядом два селения — одно осетинское, другое ингушское. Они издавна враждуют между собой. Я бы по возвращении прежде всего отправился в эти селения и заставил бы их помириться по всем традициям старины.

— Одобрено! — похвалил Серго. — Сделаем. Голову даю наотрез, что так и будет!..

4

Листья на деревьях пожелтели. Рябина запестрела красными гроздьями; начались непрерывные дожди. Над Терekom нависли свинцовые тучи. Наступила осень, а за ней и зима 1919/20 года.

Во Владикавказе по-прежнему хозяйничал отдельный корпус генерала Шкуро. У Терека стояли свежестроенные виселицы.

Страшное время переживал город. Казалось, в нем почти не осталось жителей. Все куда-то разбежались, разъехались... Некогда цветущий, шумный Владикавказ выглядел безлюдным и брошенным.

В страхе и лишениях, нужде и голоде прошел 1919 год для жителей Терека.

В борьбе и смертельных опасностях прошел этот год для партизан и подпольщиков, которых становилось все больше и больше в городах и селениях Северного Кавказа.

Бунтовали рабочие, горцы, казаки, крестьяне.

Росли партизанские отряды в горах Дигории, в Чечне, где гремели «гикаловцы», в Кабарде, где снова появился во главе отряда Бетал.

К началу двадцатого года в горах уже действовал всеобщий штаб терских повстанческих войск. Гикало был его начальником.

По всей стране кипели бои с интервентами и белогвардейцами.

Деникина, рвавшегося к Москве, остановила и отбросила назад могучая волна невиданного героизма, самоотверженности и благородства простых людей, одетых в красноармейские шинели.

5

И снова вернулась на Терек XI армия, вернулась еще более крепкая, чем была.

Белые бежали из Владикавказа еще до того, как XI армия пришла в город. Власть взяли в свои руки партизаны.

К Владикавказу подходил поезд. Был ясный, солнечный мартовский день 1920 года.

На станции поезд встречали тысячи людей. Тут были пешие и конные, военные и штатские, старики и дети.

Паровоз подошел к перрону, выпуская клубы белого пара. В окне вагона мелькнуло знакомое лицо. Серго немного похудел, пушистые усы стали длиннее.

— Ур-ра! — радостно покатилося по станции.

Серго сошел на перрон. Сотни рук потянулись к нему. Ликующая толпа с криками окружила его.

Вдруг кто-то в толпе воскликнул:

— Киров!

В тамбуре виднелось широкое, добродушное лицо Сергея Мироновича. Рядом стояла Зина.

Киров соскочил со ступенек вагона и подошел к Серго. Окруженные армейскими командирами и партизанами, они шли вдоль перрона. И на каждом шагу им встречались знакомые лица. Вон Гикало, Бетал, Дьяков, Гегечкори, Керим-Султан, Огурцов, Ибрагим, Габо Карсанов, Тамара Резакова. С каждым из них Серго и Киров обнимались, как с самыми близкими людьми.

Не затихали крики ура... Серго сказал Кирову:

— выступи, пожалуйста, скажи речь.

— Э, нет, — возразил Киров, смеясь. — Ты ведь еще в Астрахани обещал речь сказать.

Серго поднял руку:

— Товарищи! Вот здесь, на этом вокзале, я говорил вам в июле восемнадцатого года о том, что нам предстоит тяжелая борьба, но что в этой борьбе мы не будем одиноки, потому что за нами стоит великая революционная Россия. Многие потом не раз напоминали мне в тяжелые минуты: где же обещанная помощь? Где сила, ко-

торая нас спасет? Сегодня мы с вами видим эту силу. Революционная Россия пришла нам на помощь и освободила Терек. Но если бы мы не боролись, не помогали ей, разве мы могли бы сейчас все вместе радоваться солнцу свободы?

Многоголосое «ура» перекатывалось над толпой.

Ибрагим, стоявший рядом с Беталом, махал над головой шапкой и кричал издали Серго:

— Эрджикинез, едем ко мне в гости!

Гикало протиснулся к Беталу.

— Сейчас мне передавали, что Киров и Серго интересуются судьбой Шерипова, — сообщил Гикало. — Придет, ся их огорчить.

— Да, — вздохнул Бетал. — Жаль омрачать такой праздничный день, а придется.

— А что случилось с Шериповым? — поинтересовался Ибрагим.

— Он погиб...

— Когда?

— Еще осенью прошлого года.

— В бою?

— Да...

Ибрагим горестно зашептал:

— О алла!..

— Придется рассказать, конечно, — согласился Бетал. — У меня тоже горе.

— А что? — вскинули разом голову Гикало и Ибрагим.

— Отца убили.

— За что?

Бетал только тяжело вздохнул в ответ и, словно не желая разговаривать больше о гибели людей, отошел в сторону...

У каждого из тех, кто стоял в толпе и слушал речь Серго, были свои горести, свои потери. Тамара Резакова вспомнила Ильина — какие яркие слова нашел бы он для статьи в газете о происходящем сейчас митинге! Керим думал о погибших родственниках и об их детях, бегающих сейчас по аулам буквально в рубище. Дьякову виделась родная станица, где он давно не был, вставало перед глазами заброшенное, разоренное хозяйство. Он почесал ладонь и с улыбкой подумал: стосковалась рука по топору, по плугу и бороне.

— Товарищи! — звучал над толпой голос Серго. —

Когда я был на докладе у товарища Ленина, он просил меня передать вам и всем тем, которые здесь ожидали прихода советской власти, что она в настоящее время крепка и сильна как никогда! То же самое передаю вам от имени Красной Армии, той самой армии, которая дает возможность товарищу Ленину заявлять вам это. Красная Армия сейчас одерживает победы на всех фронтах!..

Грохот рукоплесканий прервал речь Серго. Когда шум немного стих, он продолжал:

— В нашей победе немалая заслуга принадлежит трудовым горцам и казакам. Они на своей шее испытали разбойничью руку всевозможных белых правительств. Единственная власть, которая несет подлинную свободу трудовым угнетенным народам,— это советская власть. Она первая провозгласила добровольный и честный союз народов России, их равноправие. Теперь вопрос о земле, так долго вызывавший раздоры на Тереке, будет решен окончательно и быстро!..

— Осто-перла! — вырвалось у Ибрагима. — Он не забыл! А я хотел напомнить!

— Теперь, когда враг разбит и Терек вновь свободен,— продолжал Серго,— наступает пора новой, созидательной работы. Надо взяться за хозяйство, за мирный труд!..

«Вот-вот!» — мысленно одобрил Дьяков.

— Города и селения разорены. По дороге сюда я видел ребят, бегающих по улицам в жалких отрепьях. Могу сообщить вам, что советское правительство уже подумало о помощи вам и направило сюда разные материалы, в том числе два миллиона аршин мануфактуры, которую, по-моему, следовало бы распределить среди детей.

— Он просто читает наши мысли! — удивился Керим, услышав эти слова.

...Снова собирались на съезд делегаты терских городов, станиц и аулов.

Много раз собирались на Тереке съезды; много раз ездили во Владикавказ делегаты, и в их памяти еще не изгладились те дни, когда съезды собирались под грохот орудий, когда каждый делегат являлся на съезд как боец, при полном вооружении, и, выступая с трибуны, воевал с врагами, которые подчас сидели тут же, на съезде...

На этот съезд можно было явиться без оружия...

А незадолго до съезда два соседних селения, осетия-

ское и ингушское, находившиеся не один год в кровной вражде, торжественно заключили между собой мир.

Произошло это в солнечный день возле железнодорожного разъезда Долаково, там, где еще так недавно красные отряды дрались с наступающей армией Деникина. Ради праздника зарезали шесть быков, зажарили и на дощатых столах под открытым небом расставили угощение.

Около четырех часов дня со стороны аула Базоркино показалось торжественное шествие. Впереди, по обыкновению, шли старики — почетные представители ингушского народа. Среди них был и Серго. Рядом с ним двигались старый Саид со шнурком от часов на шее, Ибрагим, одетый в новую черкеску. Сзади ехали стройными колоннами отряды молодых всадников.

Навстречу ингушам из селения Ольгинского вышли осетины. Рядом со старейшинами шагал Киров. Обе колонны сошлись в небольшой балке и расположились полукругами друг против друга.

Осетинские и ингушские старейшины вышли на середину. Им подали большую миску с молоком. Старики поочередно бросили в нее по горсти серебряных монет. Толпа застыла в торжественном молчании. Поодаль, на железнодорожной насыпи, стояли ремонтные рабочие, прекратившие работу ради такого зрелища.

— Давай! — отрывисто сказал старый Саид.

Молодой осетин поднес ему миску. Саид отпил немного молока и молча передал ее осетинскому старейшине. Тот последовал примеру ингуша и смочил седые усы в молоке.

После этого миска пошла по кругу. Старые и молодые, взяв ее в руки, отпивали по небольшому глотку и передавали дальше.

По закону адата, ингуши и осетины отныне становились молочными братьями. И всякий, кто с этого дня не прекратит вражды, будет проклят своим народом как братоубийца.

Когда все молоко было выпито, в круг вкатили старую, забрызганную грязью тачанку и с этой трибуны открыли митинг.

Мимо мчались поезда. Гудки паровозов врывались в речи ораторов. Столпившись у окоп, пассажиры с изумлением смотрели на невиданное зрелище.

Буйный Терек становился мирным...

Цена 66 коп.